

Борис Пьянков

Двенадцать месяцев

Пермь
2007

ББК 84(2Рос=Рус) 6-49
П 968

Редактор
КОНЬКОВА Т. В.

Художник
АМИРХАНОВ А. А.

Автор благодарит за помощь в издании книги Пермскую общественную организацию пенсионеров «Нефтепереработчик», Пермский филиал некоммерческой организации «Благотворительный фонд «ЛУКОЙЛ» и лично генерального директора ООО «ЛУКОЙЛ-ПНОС» Жукова Владимира Юрьевича.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Двенадцать месяцев» — книга сказочная и сказовая по своей интонации. Написана она прекрасным русским языком, в ней просторно живут старинные народные приметы, пословицы и поговорки. Автору удалось прочувствовать дух каждого времени года, показав, как они отобразились в ярких крестьянских праздниках. Тонко подмечена в книге и суть происходящих в природе зимних, весенних, летних и осенних природных явлений, как характер каждого времени года выражается в поведении животных, птиц и растений. Читаешь книгу Бориса Пьян-кова — и словно медленно погружаешься в сказочное обаяние нескончаемых дел, включающих в себя отношение человека к лесу, работе на земле и отдыху.

Автор чутко, со знанием дела вводит нас в неповторимый мир природы. Сам прошедший немало лесных дорог, не по книжкам изучивший таинственную лесную жизнь, Борис Пьян-ков открывает ее удивительные и в то же время простые и доступные для каждого страницы. Заходит ли речь об отношении русского народа к зимнему солнцу, луне или звездам, влиянии этих светил на его жизнь, создает ли автор сказочный образ Деда Мороза, Снегурочки и новогодней елки — всему беспрекословно веришь, проникаешься сочувствием.

Читаешь — и хочется самому оказаться в сказочном зимнем лесу, где играют под луной беззаботные зайцы, с замиранием

сердца красться по следу за хищной красавицей рысью и даже почувствовать себя серым разбойником — волком, в тоскливом вое изливающим звездному небу свою неприкаянную судьбу... Все правдиво в этой книге, хотя некоторые вещи и кажутся вымышленными, но это только на первый взгляд, ибо обычная лесная жизнь всегда предполагает в себе немало неведомого и значительного.

Дух деревьев, жизнь зверей и птиц в зимнем уснувшем лесу, вся наша необъятная заснеженная Россия воспринимаются Борисом Пьянковым как одно замечательное целое. Листаешь страницы, и живым встает пред тобой волшебный русский лес, входя в который, обретаешь в душе Бога!

Незаметно и властно, словно зимняя выюга, убаюкивает тебя книга. В ней несомненно присутствует и околдовывающая тайна, и чудесная быль, и обаяние русской речи, включающей и валенки с рукавицами, и печь с полатами, и печеных жаворонков, и непрекращающаяся снежная поземка... Хорошо и покойно размышляется тогда об обыкновенной русской жизни с горячими воскресными пирогами на столе и диковинными замыслами в голове. Сам быт превращается в сказку без конца и без края, и нет предела рождающейся в душе затаенной радости, которая способна преодолеть любую приевшуюся действительность...

Радостно за того, кто откроет для себя книгу «Двенадцать месяцев». Несомненно, вы станете богаче, ибо удивительный, огромный и светлый народный мир, исстари существующий со всеми своими осенинами и Святками, афанасьевскими морозами и Ореховыми спасами, Пасхой и Купалами, колядованием, Радуницами, Рождеством, — войдет в ваш дом.

Мир этот всегда находился где-то рядом. Он словно спал заколдованным сном, а теперь благодаря прочитанной книге вам захочется жить им и взглянуть на белый свет и на себя самого в нем иначе — глубже и внимательнее. Доброго вам пути в этом увлекательном и важном для каждого человека постижении!

Феликс ШПАКОВСКИЙ

Времена года в народном календаре

Трудно, наверное, отыскать человека, которого бы не интересовал вопрос: какой будет зима, весна или осень? Хотя бы — что готовит нам погода через месяц или на будущей неделе? Ведь каждому интересно, выглянет ли завтра солнышко и прилетят ли вскоре птицы, как об этом пророчествует народный календарь.

Все перемены в народном календаре соотнесены с именами святых, память о которых хотели сохранить среди людей церковные служители. Но обыкновенный крестьянский люд был далек от почитания недоступных для него небожителей, его, скорее, интересовал хлеб насущный, и принял он предлагаемый календарь только потому, что это был удобный способ запоминания сроков работ на земле. Ведь гораздо проще запомнить, что какое-то важное для семьи событие, может быть, свадьба дочери, произошло после Покрова, а великое дело — последний посев озими — пришлось на Семена-летопроводца.

Святцы, или Месяцеслов, с полным означением на всяк день памяти святым, составляли лишь часть календаря, а сведения астрономические, по суточному и годовому обращению Земли и планет,— другую. И хоть говаривали в народе после случившегося неурожая: кто по календарю сеет, тот редко веет, и будто бы календарным теплом не угреешься, а все-таки не могли от него отречься и лишь вносили, успокоившись, новые заметки, которые в скором времени оказывались как нельзя к месту.

Роспись всех дней в году, с показанием каких-либо ценных примет, накапливаемых постепенно, рано или поздно оказывала крестьянину верную службу.

За каждым днем Месяцеслова веками закреплялись определенные обычаи, поверья и обряды, приметы, ритуалы и правила. Каждому дню сопутствовали свои песни и пословицы, приуроченные к нему гуляния и празднества с гаданиями, посиделки и заклинания. Каждый день Месяцеслова был осмыслен крестьянами, пережит ими в нелегких, но радостных заботах, проникнут на своем вековом протяжении постоянным духовным трудом. Месяцеслов полностью вобрал в себя взгляды народа на свою собственную жизнь и окружающую его природу.

Неграмотные крестьяне, не имея возможности вести записи, запоминали памятные для себя даты, увязывая их со святыми, которые теперь становились родными и близкими. Такие даты обрастали занятыми приметами и поговорками, календарь становился истинно народным, и его уже можно было причислить к исконно крестьянскому творчеству. Постепенно и самому народу пришлось по душе наблюдать за природой, в особенности когда завершались полевые работы, все замирало в природе в ожидании зимы, и крестьянин, заполнив добрым урожаем свои закрома, уже мог обратить внимание на то, что совсем недавно проходило мимо... «Примечай будни — праздники сами придут»,— стало обычным состоянием для человека, живущего на земле.

Отправляясь, скажем, в лес, чтобы проверить настороженные ловушки, человек взглядывал ненароком на небо, примечал, как ведут себя перед отлетом птицы или какую траву заготавливают перед лежкой звери, и призадумывался: со временем

из всего этого слагался верный прогноз. И великие святые тут были ни при чем — сам крестьянин смекал из своих сравнений и ведро, и непогодицу. Свят, как говорится, святой, да не искусен, а вот обыкновенный мужик хоть Богу и молится, но не покладая рук трудится, отчего и не упускает из окружающей его жизни ни единой мелочи.

Облака идут против ветра — к снегу. Дым из трубы столбом — к холодам. Красный огонь в печи и дрова горят с треском или вороны раскаркались всей стаей — жди морозов. Сорока летает близ жилья, лезет под стреху — подоспеет скорая выюга. Все имело место и смысл в гораздом до выдумок, проницательном русском народе, и народный календарь год от году становился все более глубоким, красивым и точным. Русские люди, может быть, тем и сильны, что более заслуженно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все времена года.

Так уж выходило, что удобнее всего можно было отмечать для себя знаки природы с поры, когда земля засыпала, то есть с зимы, которая подходит обычно издалека и незаметно. Сначала на Покров робкие снежинки белыми мухами в воздухе закружат и тотчас растают. Зима от их нежного прикосновения встрепетается и, ахнув, поудобнее переворачивается на другой бок. Она еще до конца не проснулась.

Разбудить ее суждено Сергию, который инеем траву бьет, зиму долгожданную зачинает. Затем Яков Студеный белую крупицу на землю посылает, дороги с тропами остужает, светлый день укорачивает. Холод в эту пору в себе почувствуешь — гляди в оба: не застудить бы ненароком сердце да звезде своей не дать угаснуть.

А зима уже на пороге: с белого гнезда снялась, вот-вот в гости зайвится. Дай-ка, думает, я России необъятные просторы навещу, душистых пирогов ее отведаю. Всю метелями укутаю-замету, звонким инеем дыхание заморожу, чтобы не было ей со мною никакого сладу!

За этими долгими приготовлениями многим зима ленивой казаться начинает. Вот и первый снег припорошит, что душа незнакомого: сплошные потемки. Верить ему никак нельзя, потому как пропадет,— только его и видели.

Человек к прихотям зимы привыкать уже станет, а она опять застит свет своими обещаниями. Замутит, завьюжит, вот-вот невесть куда унесет и... отпустит. Не один раз снег на землю падет, прежде чем санный путь установится.

Но по-настоящему зима встает на ноги только с Матрены. И вот уж тогда вся лень с нее долой слетает. Пробудив всю свою силушку, гонит она на русские поля седые метели, небеса с землей равняет, белым саваном деревни и леса укрывает. Велико ее царство, никому у нем не укрыться!

По народному поверью, зима первым делом пегую кобылу запрягает, чтобы вьюгам своим дороженьку указать через осеннюю непогодицу и себя в лучшем свете представить. Да только велика матушка Русь, не одолеть ее с наскоку. Велит тогда зима запрячь кобылку белую, более выносливую, спорую и красивую. А сама не ждет, целыми верстами свою поступь меряет.

Приходит зима, и кажется, навсегда прощается мир с теплом. И хоть все злей завывают метели и за сердце хватает мороз, у зимы есть своя сила, и она непорочна. Зима как бы вдыхает в человека нужные слова, мысли и знания для будущих

ясных дней, для новых счастливых откровений — душа должна переболеть всем тем, что зима с собой приносит.

Ведь не счесть радостных забот зимы, пока она, их переделывая, человеку надоеет: кружева белые навесит, расколготицу осеннюю уберет, ветра между собою помирят и чистоту долгожданную везде наведет. Нет, сурова русская зима, да на сказку похожа, а русский человек без сказки никак не может.

В самом своем начале зима на все горазда: и на холод, и на бездорожную метелицу... Надо в такую пору у русской печи подольше бывать, ее задушевные разговоры слушать и на непогодицу не сердчать. Безмолвно взглядывая при этом на грустную картину зимы в окне, так же безмолвно вспоминать свою жизнь и думать, думать, думать...

С какой бы силой ни застигла тебя зима, она — хранительница жизни, даже в самую студеную ее пору. Белыми снегами она поля, леса и реки прибирает, от мороза лютого избавляет, исстрадавшейся в праведных трудах земле роздых дает. Зверей и птиц мягкими сугробами укроет, муравьиные кучи защитит и долгого терпения всем пожелает. Никого без внимания не оставит, отнесется по-матерински сердечно и ласково. Не зря в народе о ее чистых помыслах издавна сказывают и в народном календаре уделяют внимания больше, чем какому-либо другому времени года.

Но уж если вовремя не поберегся, то после Федора Студеного зима сильно осерчать может. И тогда ветры ее голодными волками в рваном беге на все живое накинутся, а робкие оттепели уступят место отчаянным холодам. Вся свита зимы на волю будет выпущена из своей далекой ледяной страны, и в голове — гнедая, самая отчаянная и сильная кобыла!

ЗИМА

Декабрь Ворота в зиму открывает несговорчивый декабрь, что тешит себя и людей снежными сугробами, наваленными ворохами заячьих шкур да удалыми морозами, которые помогают не спеша разобраться в своей жизни. Декабрь же начинает Введение. Введение пришло, говорили на Руси, зиму привело, и хотя этот народный праздник служил лишь предисловием к долгой и суровой поре, охватывающей собою все живое, по нему уже примечали, что если до Введения снег выпадет, то обязательно растает, а ежели после Введения пойдет, то ляжет зима. На Введение, которое приходилось на четвертое декабря, раньше делались пробные выезды на санях и открывались Введенские ярмарки, где продавались всевозможные сани. Но введенские морозы зимы не ставят.

Каждое время года обладает своей мерой силы, и зима с декабрём в этом отношении — начало начал. Именно зимой человек способен обрести власть над собственными способностями, а декабрь как бы выносит тебя за границы себя самого, чтобы даровать свободу. Так хорошо укрепиться в его начале сердцем в ожидании непредсказуемости, которую он несет.

Закутавшись в медвежью шубу, декабрь наделяет неотъемлемой властью вьюги и метели, что просят у него забавы. Грозно стучат они по крышам и окнам, будят по ночам людей, за-

ставляют подтапливать печи. И люди, с настороженной озабоченностью предваряя отчаянные утехи декабря, просят от зимы у Бога чести да радости, чтобы все шло в лад да сладость.

Не зря после Введения подступал Прокоп. Пришел, замечали, Прокоп, разрыл сугроб, по снегу ступает, дорогу копает. В этот день всем миром выходили расставлять вешки вдоль дорог от деревни до деревни, чтоб путники не сбились с пути. Считалось, что с Прокопа устанавливается хороший санный путь.

Но неразумно ждать от зимы в декабре проку, потому как ничто еще наперед неизвестно, а на разъяснения она не больно охотлива. Быть ли вскоре ростепелям или лютым холодам, и принесет ли лихозимье мор и неизлечимые болезни, никому неведомо. Сурово бросает зима вызов деревьям, животным и человеку, околдовывая у всего живого душу.

Проведя всех через себя в зиму, декабрь редко закует землю морозами, а больше оглушит снегами. И тогда ублажит уставшие за год глаза его нетронутая белизна, растечется по телу животворящим ознобом. Белый цвет народится в душе грядущим праздником чистоты и света, ожидая который, человек давно успел отчаяться и позабыться.

Спокойно и просторно становится от присутствия снежной белизны. Некоторая невнятность, размытость окружающего сужает видение находящегося рядом, заостряет на нем внимание и выпестовывает самое родное. Оттого и рождается зимний уют, когда весь мир оказывается перед твоим домом, и нет в тебе ни смятений, ни тоски. Только к весне сердце загорюет в накопившейся безвестности происходящего, и захочется ему нескончаемых далей, простора и света. Снег же ублаживает человеческие думы, предвосхищая в них будущие поступки.

Белый цвет — это успокоение и зарождение в глуби зимы новой жизни, поначалу лишь зыбких и неуловимых ее оттенков. Но к лету они образуются в цвета и заиграют всеми красками радуги. Игру же цвета зимой поймать трудно, почти невозможно, ибо она — переменчивое мгновение. Слово оказывается бессильно в выражении его, а картина, хотя и немного отдаленная от подлинника, не так радуется. Лучше самому утопать в этой белизне, и тогда ее невидимые лучи, прошедшие через твое сердце, приобретут все оттенки света, разливаемого солнцем зимой, который помогает видеть, чувствовать и не устывать.

А тут уж на двор и Екатерина-сенница попевала, празднуемая в народе седьмого декабря,— самое время для зимнего пути на санях, которые готовили еще с лета. Каковы, говорили, сами, таковы и сани. Обычно в этот день собирались в отъезд от хозяев вольные слуги и устраивались повсюду Екатерининские гуляния, первые катания на санях. Еще вечер на Екатерину славился гаданиями, когда девушки обращались за помощью к деревенской ворожее, а перед сном клали под подушку кусок хлеба и загадывали: какой будет суженый?

Новый снег на Екатерину всегда приносит с собой живое тепло зимы, и это сразу ухватывают ребятишки. Они оживляются, радостно утопая в навалившихся заботах. Словно маленькими солнышками становятся под вечер их разгоряченные лица, излучающие восторг и свежесть.

Одна за другой вырастают по дворам ледяные горки, весело голубеют закованные в панцирь склоны холмов. Весь день слышится там залиvistый смех, то и дело вспугивающий любознательных сорок, и кажется, что ни в ком не осталось безделья

и скуки. Даже старики в эту пору оттаивают душой и, оставляя полати и печи, подсаживаются поближе к светлеющим окошкам. Хорошо и покойно становится у них на душе.

Детвора резвится, наслаждаясь снегом и привольем, которое он принес. Юркие снегурки разрисовали замороженные речки и пруды, повсюду незаметно поднялись неловко улыбающиеся снежные бабы... А как зазывно повизгивают старенькие салазки, целый год без внимания провисевшие в каком-нибудь темном чулане! В их голосе слышатся давно скрываема зависть и необузданное восхищение.

По всей земле русской идет долгожданная потеха, заповедующая между тем любовь к ней и святость. Возможность хранить отчую землю дает зима сызмальства каждому, и всякий несет ее в себе по-своему. Только, может быть, не сразу уразумее, но чувствует сердцем обязательно.

Вот уже появились первые снежные завалы, и потянулись сквозь них заботливо расчищенные дорожки. Неугомонная ребятня, утехи свои не прекращая, целый день в сугробах проваливается, снег повсюду раскидает, а под утро дорожки опять ухоженные. А то завидишь, бывало, на улице сани-дровки, неизвестно чему возрадуешься и долго потом глядишь им вслед. Сани катят не медленно и не быстро, и ты вдруг ощутишь, как слетела с души какая-то тяжесть, долгое время не позволяющая вдохнуть полной грудью.

Снеговая заметь порошит след от березовых полозьев, похрустывают отливающие серебром ледяные сколки... Глядя на неторопливый, но верный бег лошадки, почему-то тоже пожелаешь себе с пути не сбиваться. Утвердившись в этой вере, будто начнешь погонять несуществующих лошадей, зная, что ни-14

чего с тобой не может случиться. А потом в сердцах спохватишься: до чего чародейка-зима околдовать может — про все, уже случившееся с тобой, посреди дороги позабудешь!

А декабрь еще и не на то горазд!.. Нежданно-негаданно ярые морозы подпустит, словно подзадоривает: живи — не тужи, бей в ладоши да пляши! Ровно нет у мужика забот более никаких, как только радоваться приходу зимы.

Но сказано она ему подобно волку на добычу, который на Егория в заступники мужику молвою избран. На что волк со своей звериной лихостью решится, то и мужик одолеет, если зиму за обычай встретит. Правда, для этого ему надо много перетерпеть, с незавидною судьбою не смириться, а главное — в себе зимой не околеть.

Мудро и не спеша следует ему зиму начать жить. Хвост, подобно псу обездоленному, не поджимать и не озираться, а верить в лес, лунный свет и теплоту сугробов. Коли же навалится на душу иссушающая хвороба, надлежит на заре лицом к северному ветру встать, чтобы смел он с души все насады. Да еще у звезд холодных загадать верную примету и никому об этом не рассказывать. Животворная сила зимы тогда в тебя с морозцем трескучим войдет и уже до самой весны не оставит.

В старину на Руси не различали имен: Юрий, Егорий и Георгий — считались одним именем, только в разном именовании. Наши предки отмечали два Егория: один — холодный, девятого декабря, другой — голодный, приходящийся на шестое мая, и оттого меж людей велась поговорка: весной Георгий с летом, Никола — с кормом; в зиму Георгий с мостом, а Никола — с гвоздем. До Юрия, мол, бью дурня, а после Юрия — и разумного, который не запас кормов.

Кстати, до шестнадцатого века безземельным батракам разрешалось переходить от одного барина к другому только в Юрьев день, когда все полевые работы были завершены. Иван Грозный, как известно, отменил все эти переходы. Тогда и родилась поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Помимо того, что волки с Егория начинали выбираться за добычей, люди ходили слушать воду в колодцах: если тихо, вода не волнуется — зима будет теплая; слышатся звуки — жди сильных вьюг и морозов. Примечали также, что если на Егория мороз, то под кустом овес. Медведь в эту пору уже засыпал в берлоге, а что у волка было в зубах, то, говорили, Егорий дал. Ведь все звери у Егория под рукой.

В декабре обычно видятся странные сны... Все глушь, все снег, и будто едешь ты на сером волке верхом, ухватившись за его шею. Волк неспешно перескакивает сугробы, оставляя за собой глубокую борозду, и ты чувствуешь, как прохладна шерсть у него на загривке. Что-то неведомое дает ему силы.

Волк бежит по лунной дорожке не опасаясь, что его кто-то нагонит. Сразу видно, что он волшебного рода: с горящими аметистовыми глазами и о двух серебристых крылах. Тебе легко и свободно, и еще немного страшно оттого, что волк такой необычный.

Отдаваясь его спорому бегу, ты надеешься на самое лучшее. Даже не думаешь просить заступничества перед волчьей стаей, что, остерегаясь, идет по пятам. Чувствуется, что волк знаком с нею, но недостижим для обыкновенных зверей, возжелавших по-своему почесть чудесного пришельца. Он как предвестье или знак: следуйте за мной и откроете грядущее.

Но только зачем это знать волкам, которым силы в студе-16

ную пору дает теплый кусок добычи, а по душе — непрекращающийся бег. Все им едино в этом заснеженном мире, и ведают они о себе ровно столько, сколько необходимо для их неприкаянной жизни. Но именно волк повел тебя в декабрьском сне за собой, и это не мог сделать никто другой, потому как он живой символ самой зимы, утверждающей мудрость и страх...

А зима между тем по своим делам хлопочет, несет невидимый белый крест. Завалила всю околицу и огородки, за которые уходит желанный сердцу простор, да взялась насыпать на людей приворот, чтобы все нажитое до зимы человек забыл, освободился и только бы ее одну теперь желал.

Человек во все это верил и почитал. Верил, что ворожба сбывается, и коли прорубь на реке поутру прорубить — услышишь свою радость или печаль. И что, набрав в ведра воды, надобно ее прежде успокоить, чтобы с этой водой порчу в дом не занести. Для всякого спасения заговорное слово знали, которому Пресвятая Матерь Богородица учила.

Ты тоже поклонялся ей, но больше доверялся волку во снах, что приходил ночным дозором проверить: кто ты и чем жив? Он будто боялся не успеть разбудить в тебе главную силу жизни, торопился управиться до Рождества. Мятежно, но беззлобно волк рвался к порогу и, минуя красный угол, увлекал за собой... Не было сил сопротивляться его неудержимому порыву.

Так и декабрь: не заставлял себя долго ждать — день за днем справлял свои святые праздники. На Варвару, которую встречали семнадцатого декабря, ледяными иглами шубейку притачивал, на Савву, следующего сразу за ней, дорогу мостил да укатывал, а на Николу, к девятнадцатому декабря, хрустальны-17

ми гвоздями ковал. До Спиридона ему немало дел следовало устроить, и оттого декабрь сильно осерчать мог.

Уверенной поступью меж домов пройтись, крыши кое-где подлатать, снежком подоткнуть — это декабрю за радость. Не терпит он в своем царстве беспорядка, без устали укутывает снегом человеческое жилье и землю. Но больше всего первенец зимы на крыше избы посидеть любит, у трубы пение русской печи послушать.

Дух берестяной в себя вдыхая, он, должно быть, сладкие думы при том переживает. Хочется ему у человека в гостях побывать, за одним столом с ним посидеть да пирогов его душистых отведать. Чудный огонь в печи манит декабрь и в то же время страх у него вызывает. Оттого он себе покою найти не может: изнемогает в тоске вынужденного одиночества, воем, пуржит. Заблаговременно приготовившемуся к зиме человеку его завывания забавны, он отчаянные стенания зимы горячим борщом встречает, родных и друзей пирогами потчует.

Декабрь все это в замороженных окошках высматривает, и от этого ему еще обиднее становится. А человек про зиму не забывает и будущими праздниками ее живет, к ним готовится, чтобы вечера святыя достойно встретить, тайну рождественскую, сокровенную, через весь год в себе пронести.

Между тем, и по Варваре, и по Савве люди добрые приметы верные слагали: на день Саввы, к примеру, зима реки засалит, а Варвара ночи урвет и дни приточит. Еще смотрели, как ведет себя в эту пору дым: идет столбом — к морозу, волоком — к ненастью, когда же его без ветра бьет к земле — жди снега. На Савву даже нельзя было ругаться тому хозяину, у которого есть лошадь.

А вот Никола зимний олицетворял собой Николая Чудотворца, который был самым любимым крестьянским святым. Его в народе очень почитали и оттого повелась пословица, что благому чудотворцу Николаю два праздника в году: Никола зимний — девятнадцатого декабря и Никола весенний — двадцать второго мая, а Касьяну немилостивому — один в четыре года. Во многих местах на Руси по несколько дней кряду справлялась Никольщина — вскладчину, с пивом и брагой из зерна нового урожая. Молодежь в Никольщине не участвовала: это был праздник стариков и их старших сыновей. К ним съезжались ближайшие родственники, а тех, кто отказывался от складчины и уклонялся от празднования, изводили насмешками целый год. Недаром в Николин день во всяком доме водилось пиво, и если никольскую брагу пили, то за никольское похмелье били. На Никольщину, утверждали в народе, и друга зови, и недруга.

Еще с Николина дня начиналось сватовство, служили молебны те, кто задумывал жениться или женить детей. Хорошую невесту, замечали особо мудрые острословы, и на печи найдут, свату же — первая чарка и первая палка: мол, не заламывай рябинку невызревшу, не сватай девку не вызнавши, ведь доброю женою и муж честен.

Ну, а уж то, что по Николину дню загадывали погоду и урожай, так это было за обычай! Какой день на Николу зимнего, такой и на Николу летнего. Первые серьезные морозы — никольские. Иней на Николу сулил к урожаю, а никольский обоз для боярской казны считался дороже золота. Вот и зиму хвалили только после Николина дня.

Женщины русские с особым усердием предстоящие таинства зимы ожидали. Синими вечерами принимались за нето-19

ропливое рукоделие, обновки себе необыкновенные ладили, чтобы в них перед суженым покрасоваться. Сама зима им рисунки диковинные подсказывала, по серебряному полю иглою волшебною вода, на окнах узоры расписные оставляя.

За этими приятными для них занятиями надо было остерегаться сглаза и порчи, на которые горазды черные силы зимою. Светлый же декабрьский день мог обижаться и негодовать только по своему добродушию. Потому девки в эти вечера нить шелковую вокруг запястья обвивали, а старшие их от разных напастей оберегали, к осмотрительности приучали.

Без нее под конец декабря никак было не обойтись: на землю наползали самые темные и длинные ночи, слывшие в народе недобрыми: вся нечистая сила вместе с ведьмами да упырями над белым светом куражилась, с угасающим солнцем осатанело тягаясь. Люди по домам доброго света прибавляли и еще чаще к Господу обращались: просили солнце поскорее на землю сойти, разогнать нечистые силы.

И вот подступает долгожданное двадцать пятое декабря — Спиридон-солнцеворот, когда умершее солнце от дурного сна освобождается, темные пути с себя сбрасывает. Взойдя над землей во всей своей красе, людям улыбается и радость несет, словно призывает ласково: все выходите мои лучи светозарные встречать, и я повернусь для вас ликом на лето. В народе замечали: солнце на лето, зима на мороз, ночи на убыль, дни на подрост! После солнцеворота хоть на воробьиный скок да прибудет день.

В народе солнце воспринимали как бережную силу, готовились к его приходу, пекли круглый хлеб. Под воскресшее солнце загадывали о домашнем очаге, о сохранении доброго духа в доме и боготворили его, желая поскорее разгореться

и окрепнуть. Даже медведь в этот день поворачивался в берлоге на другой бок и засыпал еще более крепко и сладко уже до самой весны.

С утра в этот день выходили в сад и отряхивали яблони, так как куржавина могла обломать ветки деревьев, и приговаривали: «Спиридоньев день, подымайся вверх!» Старые люди в приговор верили крепче нашего, оттого и сопровождали им любую работу, которая без доброго поверья ничего не стоила. Ведь без сказки, говорили на Руси, и правда не стоит.

А наверху вихри снежные неистово наседали, стараясь из всех сил солнце красное замести, чтобы всю зиму оно в чертогах неведомых почивало, не заботясь о роде людском. Голодная стужа опять безжалостно на все живое наваливалась, вызывая за собой перекинувшихся в зловещих волков оборотней. Оборотни вместе с вьюгой по занесенным дорогам и деревьям остервенело мечутся, редких путников поджидают. Все им нипочем в это проклятое время, когда и птица на лету замерзает.

В народе издавна сказ идет, что в самую тьму ночную и непроглядную заметить выбирается такой ведун в лес, перекидывается через старый осиновый пень и превращается в волка. Всю ночь он неуязвимостью и нахальством своим потешается, безжалостно людям сердца выедаёт, а под утро оборачивается вновь в человека и ведет жизнь незаметную, праведную. Ни за что не распознать изворотливое обличье злыдня, коли только не решишься в полночь проследить за ним да воткнуть в тот осиновый пень нож булатный,— оборотень до скончания века своего останется зверем, рыскающим по лесу. Но только тогда не переходи ему дорогу, не искушай злую судьбу.

Это не тот волк, которого люди пророчили вместе с медведем, жидом и девкой с полными ведрами к доброй встрече. Не дай Бог помянешь его про себя, а он уже тут как тут. Вот когда придется быть тебе по-звериному за свой недогляд и простоту, как никто понимая поговорку — верь волчьим слезам... Оборотню же доверять можно только убитому.

Недаром между людьми опрокидывающиеся сани, телегу или какой кузов оборотнями звали. Своенравный декабрь вместе с народной молвой о зловещем ведуне-волке исподволь зиму поторапливали, скорого ее разрешения желали. Перед самым Новым годом за деревней костры жаркие разжигали да снежных баб в огонь бросали, чтобы отступала темь зимняя от человеческого жилья, а жизнь добрая на свет поворачивала.

Декабрь, говорили, старый год кончает, новому — дорожку новым счастьем стелет. Виделся он людям могучим деревом, на нем двенадцать гнезд, в каждом гнезде по четыре яйца, в каждом яйце по семи цыплят... От того, как зиму встречали да проживали, будущее благополучие зависело. Декабрь же всему живому головой был и потому слыл в году хозяином.

Январь Истинно зима начиналась с Новогодья. К этому времени она прочно утверждалась и заводила промеж людей много занятных обычаев. Так в новогоднюю ночь от каждого дома приносили на красное место за деревней по снопу хлебов, обвязывали праздничным льняным полотенцем и оставляли до утра. А потом сходились и глядели: чей сноп снегом больше укроется, у того и летом в достатке уродится.

Девушки старались в первый день Нового года одеться как можно наряднее и переодевались несколько раз, чтобы у них в

году было больше обнов. В Новый год первому покупателю отдавали товар за дешевую цену, ибо «дорог почин». Не следовало в Новый год и платить долгов — весь год будешь расплачиваться, а соседи, родственники и дети ходили из дома в дом под видом «сеятелей»: бросали горсть зерна в красный угол и поздравляли хозяев, желая здоровья да урожая. В благодарность хозяева должны были угостить засевальщиков.

Нечистая сила, изрядно напуганная приходом Спиридона-солнцеворота, в Новогодье из-под коряг лесных вылезала, чтобы свои последние потехи учинить. Во всякую оставленную на столе плошку могла она вселиться, и как только хлебнешь из нее водицы, начнет тебя гнестить немощь неизлечимая да хвороба. Никак нельзя было в эту пору оставлять на столе посуду неприкрытой. Если же по забывчивости закрутишься и не убережешься, следовало слова стародавние заговорные произнести, всякую нежить и мороки из дому без оглядки выпроводить.

Хуже того было ввечеру нож без присмотра оставить. Темная сила тотчас в него вселялась и начинала так бесноваться, что у малого дитяти живот болеть не унимался, пока нож не убирали, заговаривая его от порчи, рези и невольных стенаний. Сказочный страх перед этой силой занимал воображение всех, от мала до велика.

А она будто еще пуще выходила из себя. Так и норовила поближе к жилью человека пробраться, схорониться под крыльцом или в сенцах, а то и в печную трубу завалиться. Только на любой жизненный час имел народ против нее ответное слово, которое белый свет прибавляло да долгий век обещало.

Не было на Руси такой деревни, чтобы не жила в ней бабка-ворожея, к которой тайно шли погадать на скорую судьбу пар-23

ни и девки. В обыденные дни ее как будто не примечали, старались стороной обойти, в глаза не смотреть, но в Новгороде каждый стремился свое грядущее узнать. Тут уж про всякий страх забывали, с горем и болью в ее магическую ворожбу отдавались и не переставая кланялись. Велика была в эту темную пору ее тайная власть...

Но тем и чудесны оказывались новогодние вечера, что можно было без помощи ворожеи в будущее заглянуть. Для этого в неглубокую миску воду наливали да уговаривали ее не блажить, не шуметь, через края не литься и все как есть обсказать. Затем посудину несли на улицу, ставили под холодным небом у крыльца и рано утром глядели, как замерзнет в ней за ночь вода. Если лед застывал ровно — такой и жизнь обещала быть, поднимался буграми — горе вперемежку со счастьем пророчил, а замерзал воронкой — ущербом опалял. Лишь горка в плошке добрый год сулила.

Еще под Новый год был обычай опутывать ноги у стола, за которым в праздничный вечер все друзья и родные собирались. Чтобы их беда в будущем году не разлучила да по свету не разметала. Оттого и повелось на Руси между своих в этот праздник хлеб-соль делить и совет держать. Ясным золотом над ними зимняя ночь спину выгибала, черным сободем укутывала.

И рождался из нее необыкновенный первенец года — ян-варь-просинец. В прозрачную синь он реки и озера выстуживал, голубую стынью кружева на окнах навешивал. Синевой была подернута его заснеженная равнина...

Январь силу народившемуся году закалял, в морозах трескучих ее выпестовывал. Славен он был сызмальства в народе смелостью и отвагой, завещая братьям своим и далее не робеть,

а людям на миру правду не переставая искать. Бодрости и удалства молодецкого ему было не занимать: о нескольких ногах вокруг изб скачет, в окна то и дело стучит да красный огонь в печи что было сил раздувает. Хоть от задора такого умри, но с места не сходи.

Уголья, говорят, сами на загнетке разгораются, — до того бывает крепок мороз в январе. Дым из печной трубы идет столбом — ярый мороз за окном. В такую пору и хлеб у хозяйшки лучше подрумянивается, выходит слаще и ароматнее.

В обычаях старины повелось жить в особом ладу с январем да вести хозяйство слаженно. А это подразумевало великую ответственность перед своим родом и семьей, чтобы поддерживать между людьми любовь друг к другу, к лесу, к зиме... И еще к закованной на время, но не смиряющейся жизни.

Боль, зароненная в сердце ледяным январем, должна была стать общей. Залихватский восторг, вдруг пробудившийся в тебе от переполняющей природу силы, неминуемо бы охватывал своим ладом и близких. Поживи да потужи не за себя одного — не сочтешь потом отрады. Январь же только подзадоривает!

Дом все это чувствовал, слышал, жил зимними заботами своих хозяев. Вместе с ними радовался и кручинился, преодолевал неладное. Хозяева любили его и бережно относились к нему, охраняя от неведомой силы. Верили, что не заступит беда в дом, если вклинить в порог точеный топор, тем самым оберегая домочадцев и быт.

Морозы с метелями уже очереди своей не ждут, знай накручивают сугробы под самые крыши. А коли снег велик — будут колосистым колос, зернистым зерно. Крестьянину требовалось немалое терпение, чтобы все это пережить, встретив следуя-25

щую зиму с полными коробами и сусеками. На этом зиждилось его богатство, потому как хлебные запасы нужды не терпят.

От того, как хозяин доглядывал за ними гиблой порой, зависел достаток в доме. Надобно было вовремя зерно деревянной лопаткой в ларе пошевелить, чтобы оно жару не дало или, на худой конец, мыши не завелись. Без Божьего бережения тут было не обойтись, потому как нечистая сила могла утоптать хлеб, забрав в себя его всхожую силу.

Даже входя в дом и желая хозяевам удачи, говорили с порога: «Спорынья в квашню!» Те на доброе приветствие в свою очередь отвечали: «Сто рублей вам в мошну!» Спорынья была дороже богатства: в ней и бедный проживал, а отсутствие ее и богатого губило.

Но чтобы в достатке грядущий год провести, самое время было мать землю, родительницу всего живого, помянуть. За неторопливой домашней работой, когда за окнами зима всю разгуляется, славили ее по чести, душу живым теплом полня. Заповедь старику при этом не забывали: «Держись за мать сыру землю, от которой сам Господь повелел кормиться!»

Заморозил ее январь, застудил, куда как долго еще до плодородия! Но разрешиться от бремени суждено было на сей раз женщине — хранительнице очага. Для нее в дому вышивали узорчатое полотенце, раскрывающее белый свет новорожденному, так что ребенок выходил из бабьего чрева легко, и ничто не препятствовало его появлению. Сила добра, идущая от самой земли и сопутствующая продолжению человеческого рода, переходила роженицам: подступал праздник повивальных бабок и рожениц — Бабы каши.

Никто в деревнях лучше стариков не знал давние обычаи и

свое дело. Бабканье, радеющее за легкие родины, веками укоренялось меж людьми добрым словом и молитвами, а с наступлением святых вечеров сряжалось на бабьи каши, когда полагалось навестить бабу-повитуху с теми детьми, которых она в свое время приняла. Под этот праздник бабке требовалось особо угодить, потчует ее пирогами да водочкой, после чего та рассаживала всех по лавочкам и выставяла горшок с кашей. Сдобренная ее добрыми уговорами да руками каша эта семью любую как бы скрепляла, и от этого высылся незаметно и крепчал русский народ.

«Бог с милостью, а бабка с руками»,— говорили на деревне, тем самым отводя достойное место повитухе. Ее умение приносило легкие роды и помогало бесплодным. Попу что: окрестил — и с плеч долой, а вот сделать, чтобы дитячко выросло крепким и счастливым, могла только бабка. Праздника краше бабкины каши!

Только что появившееся дитя заботливо обтирали полотенцем в душистом пару, очищающие слова приговаривали: от худобы и сухоты, во имя спокойствия великого. А потом ему бабка колыбельную тихо напевала, злые чары разгоняла. Сладкими казались сказки под завывание январской вьюги, сладкими да безбрежными, младенцу на здоровьице и крепкий сон.

И к земле, и к дому, и к роженицам с детьми благоволила зима и, конечно, не могла не уберечь скотину. Для всякого живущего она предполагала доброту и здоровье. А кто как не животные предупреждали людей о погоде?.. Лишний раз подстелить корове, навести пойло коню, задать корму птице было человеку главной заботой, чтобы от них прознать о готовящейся доле: стуже ли быть на дворе, ветер ли сырой скоро залютует

или метель налетит... Оттого и полагалось им во все времена должное почтение.

В уходе за домашними животными и сам человек оживал. Ходить да убирать за ними значило лени одурманивающей не поддаваться, тенету сонную с души стряхнуть. За этими делами не по плечу было темным силам зимы околдовать человека своим притворным коварством.

В народе издавна подмечали, что коли станет хуже некуда, так и пойдет на лад. Для того и праздники всю зиму один за другим встречали да провожали,— они скучать не давали. Так незаметно подходили Святые вечера, которые обозначали человеку верный путь, открывая собой двухнедельные новогодние празднества — Святки. Первая неделя Святков, с Рождества до Васильева вечера, называлась Святые вечера, а вторая, от Василия Щедрого вечера до Крещения,— Страшные.

Что есть Святки? Это веселое колядование и ряжение, славильщики со звездой и вертепом, тысячи песен и игрищ... А еще посиделки с гаданиями, что предвещают богатство или бедность, свадьбу или вечное девичество, разлуку или свидание. И конечно, множество поверий и примет: темные Святки — молочные коровы, светлые Святки — ноские куры; будешь же делать клубок святочной пряжи туже — тугими будут капустные кочаны... Словом, Святки сводились к одному: к плодородию земли, скота и всего доброго люда.

Вечер и ночь накануне Рождества Христова — это Сочельник, в народе его еще называли Кутейником, так как полагалось на него готовить кутью. Но главным блюдом были сочни — пресные, тонкие лепешки с кашей, сметаной или творогом. Ужину в Рождественский сочельник придавалось большое

значение: избу тщательно убирали, стол застилали чистой скатертью, ели в торжественном и строгом молчании. При этом крестьяне заставляли ребятишек залезать под стол и «цыкать» там цыпленком, чтобы хорошо водились куры.

Первый блин в Сочельник доставался овцам, в эту ночь скот обычно кормили обильно. На снятых дверях жгли костры, полагая, что усопшие родители приходят обогреться и от этого огня пшеница народится ярая. Все деревья в садах обвязывали соломенным «перевяслом», чтобы они хорошо родили, а в душе с нетерпением ожидали Рождества...

В деревнях между домами тишина и холод, и только окна горят живым теплом. Там, за окнами, вдумчивая людская озабоченность и доброта. Пламя свечи изредка вздрагивает в мутноватом стекле, уютно потрескивают в печке дрова, а сердце ровно бьется в груди для дальнейшей жизни. И вот уже дивный сон наваливается и слипаются веки... И тогда всплывает посреди зимы ее самая волшебная сказка — Рождество...

...Выйдешь, бывало, в рождественский вечер на крыльцо — аж резанет, обожжет морозом! Звезды в напружиненном небе так и блещут разноцветными камнями, вспыхивают в вышине, словно живые. Будто звон от них идет хрустальный или чистое серебро играет. Если долго смотреть на небо, то начнет казаться: звонят ко всенощной.

Вдоль дороги — горы, сугробы, а между ними тени густые копошатся. От дома синенькой ниткой тропка тугая тянется, повизгивает под валенками тонко-тонко. Березы сонными видениями в снегу по пояс застыли, всему происходящему тихо радуются, сопереживают. Воздух будто дымит звездной пылью, дыхание до боли спирает!

Ресницы, осыпанные блеском, смерзлись, и во всем теле удивительная приподнятость, бодрость. Так и полетел бы прямо сейчас, не откладывая, в морозно сверкающую вышину. И не боишься, что сердце превратится в ледышку. На душе тепло от счастья, празднично...

Плывет кругом рождественское сияние, не утихает! Мечты одна другую перегоняют, в звнящую тишину тянутся. От ожидания, сбудутся ли, жутко и радостно. А что если самое сокровенное загадать, будет ли тебе улада?!

Святой вечер, необыкновенное настроение... Окна в домах совсем замерзли, тихо поблескивают оранжевым теплом, уютом. Где-то там, в уголке, темнеет отогретая с мороза елка... Расправила густые лапы, дышит хвойной чащей... Пунцовые шары слабо прокручиваются на нитках, отсвечивая замысловатыми узорами, притягивают к себе нескончаемой сказкой...

В такой вечер всех тянет из дома на мороз, под звезды, а с мороза — к елке, где яблоки всегда пахнут снегом. Мороз за окнами крепчает, небо в выстуженном инее, и под ногами прохожих хрустят ломкие ледышки. А дома тепло: стреляет изредка печка, скачут по ней загадочные тени. Как тут не простишь зиме ее метели, глухоту и мрак?!

Неторопливо и сладко длится рождественский вечер, и кажется, не будет ему конца... В такой вечер все представляется нерассказанным, и это хочется передать. Спокойно, мудро, никуда не торопясь. Все сказки, должно быть, родились в эту волшебную пору — в Рождество. Пять раз в году солнце играет, и впервые это происходит на Рождество. Красное, большое, оно разливает ласково свой живительный свет: мол, не обессудь, морозец! А народ ра-30

дуются, на него глядя, Христа Спасителя величают и всех с праздником поздравляют! Как тут не возжелаешь о богатстве в грядущем!

Январь его уже в приметах пророчит, которые не к случаю сказывали, а ко дню прикладывали. Метель рождественская добрый пчелиный рой обещала, иней — урожай на хлеб, а звездная ночь — ягод с болота по осени не уволочь. Все небесное оборачивалось на деле земным и желанным, питающим род людской.

Надежно укутанная снегом земля слышала в эти дни особенно чутко: нельзя было солгать, не очутившись в ее холодных чертогах. А солнце наверху так и играло, гнало нечисть лохматую в глубокие щели, от чего сила темная становилась махонькой, неприметной... Переметывалась с улицы, околевая, в дом, нороя в дальних углах схорониться или в подпечье. Добрая хозяйшка на этот случай еще загодя веники приготавливала, а со святых вечеров выметать ее начинала.

Мужики на Рождество надевали новые рубахи, а то — жди неурожая. И охотиться им в эту пору на зверей и птиц было заказано, иначе — грех: с охотником обязательно несчастье случится. А еще было нехорошо, коли на Рождество войдет в избу чужая женщина — в той избе весь год будут болеть бабы. Верным считалось для большого приплода ягнят дожидаться первого гостя, пришедшего «славить» в день Рождества Христова, и посадить его на шубу.

Так, за благими святочными делами да приятными заботами приваживали дорогой для крестьянина Васильев вечер, что приходится на четырнадцатое января. Сошедший на землю в ночь, разделяющую Святочные и Страшные вечера, веселый бог плодородия со своим потешным окружением ехал на поро-31

сенке между встречающими его, в ответ на приветствие головы хозяев зерном обсыпал и приговаривал: «Новое счастье уродись, с добрым хлебом поднимись!» Потому полагалось в этот вечер ставить голову поросенка на стол и верить, что Василий зимний ее освятит. Деревенские люди про то свои земные слова имели, зная, что у Бога нет ничего нечистого, и знай приговаривали: «Свинку да боровка для Васильева вечера!»

В такую пору просыпается в сердце желание выйти из дому голосистым щедрованцем и открыться душой всему свету, обещая добрым людям сытую зиму, ясную весну, раздольное лето! На дворе крупными хлопьями валит снег на счастье и благополучие, радостные лица рдеют здоровым румянцем и шуткой. А другие еще вырежут личину из бересты, вымажут ее кто сажей, кто свеклой и айда по крестьянским дворам подглядывать, кто как живет. Тут уж успевай засветло двери прикрыть: ряженные идут!

По ним чудесное зимнее время как никакое другое запоминалось, и люди с затаенным страхом пытались под маской узнать друг друга и становились при этом по-детски счастливыми. Несмотря на творящуюся по вечерам на улице беспутицу и несусветный лик, ряженные славились в народе гонителями порчи и охранителями здоровья. Рыком и хохотом запутывали они нечистую силу, изводили ее из деревни, и никто на шутки ряженных никогда не обижался.

Ближе к Страшным вечерам старые люди советовали выставлять за деревни колья, что ведунов и ведьм отпугивают, к избам не пускают. Хозяева приходили туда и повязывали на колья тряпицы, каждый про себя желание сокровенное загадывая. Старики же к тому времени из постелей своих натрясали

под колья соломы и поджигали, чтобы в пепел обратились все мытарства людские, неурожаи и недуги.

Но у нечистой силы свой праздник, ибо кончаются Святые вечера, и потому в ночь после Васильева вечера вся нежить тут как тут: бесы и ведьмаки, колдуньи и домовые, лukanьки и не-добрики, нелегкие с кикиморами, отяпы и окаяшки, анчутки беспятые, и так до самого Сатаны — все собираются в эту ночь на Лысую гору и, чтобы не было видно ни с земли, ни с небес этого великого беснования, крадут с неба луну и прячут ее до утра... Только звездочки рябят в черной вышине, но и их черти норовят с неба украсть, все дороги на земле перемесить. Именно в это время ударяют крепкие морозы, и пошли по свету виноватых искать двенадцать злых сестер: Лихорадка и Лихоманка, Трясуха и Гнетуха, Кумоха и Китюха, Желтуха, Бледну-ха, Знобуха, Трепуха да Ломовая с Маяльницей... В иных местностях на Руси подобных лихоманок насчитывали не двенадцать, а семьдесят семь, и называли их по-другому, но суть та же: нечистая сила несла болячки, и от них надо было оборонить всех, от старого до малого.

И как только хватало сил добрым людям управляться в течение зимы со всей этой порченной немочью, что норовила почернее сглазить их жизнь?! К самой середине зимы лихоманка ку-ролапая по избам пробегала, бабам стряпню наводит мешала: на хлеб гнет наложит, из печи тепло выправит да жжет сердце горечью своей. Или возьмет и напустит по всей деревне куриную слепоту, так что куры потом три года нести не могут. Сохнет после нее все молодое и здоровое, безвозвратно хиреет.

Торопились тогда сердобольные хозяйки нечисть хитроумную угольями запугать. Пышущие еще жаром головешки со-33

бирали из печи в ведро и несли на двор, чтобы добавить туда для дыма навозу. После этого окуривали птичник, изводя всю гниль хворую, а мелкие уголочки вываливались в снег, недовольно шипели в зимней утробе. Зима благодушно наблюдала за каждодневными заботами человека и, наверное, любила его со всей строгостью отпущенной ей силы.

Да и как было не любить русского человека, если в неутомимости своей он душу добрую оберегал. Всей радости он видел вперемежку с горечью, да и то ненароком, на миг, вот в такие праздники, но, увидев однажды, запоминал надолго и нес с собой через всю жизнь. Великие стремления его не одолевали, поскольку сам он был велик в простоте и незаметности изо дня в день совершаемого.

Но и у него терпение переводилось от того, как сила темная его всю зиму мытарил, добро со злом мешала, любовь с души скатывала. То она собакой шелудивой к дому прибьется и черным вороном на крыльце обернется, то непутевым чертом объявится да стонет так, что сердце той тоской разрывает. Вселяя в человека тягостные сомнения, темная сила, не подозревая того, сама себе судьбу лихую выбирала...

Собирались мужики ввечеру с топорами да кольями гнать набедокурившего черта из деревни. Тулупы наизнанку надевали, чтобы черта того распознать в чужом обличье, и с зажженными огнями по дворам ходили, нечисть вызывали. На том месте, где черта застигали, разводили костер и прыгали через него, оберегая тем самым свое здоровье. Вот где начинались потеха и веселье, за которыми отходил душой мужик от бесконечных забот и работы.

За всем этим выходил зимним Святкам срок, и завершалось

их девятнадцатого января Крещение. Вместе с Рождеством оно приобретало в глубине зимы красивый и даже какой-то зачарованный смысл. Само слово таило в себе что-то особенное, необыкновенное.

Еще этот праздник в старину называли Богоявлением, потому что при крещении Господа явилась миру Пресвятая Троица. Бог возглашал с небес о Сыне, Сын крестился от Святого Предтечи Господня Иоанна, и Дух Святой сошел на Сына в виде голубя. Оттого Богоявлением и называется не тот день, в который Господь родился, а тот, в который крестился и освятил естество вод в присутствии пророка Иоанна Крестителя в священной реке Иордан.

Главное событие Крещения — Водосвятие, для чего в одном из водоемов на издавна установленном месте вырубалась прорубь — Иордань. Торжественный крестный ход, молебен и святая вода — все это было полно для христианина особенного значения. Для него не подлежало сомнению, что сама прорубь и место вокруг нее обладают чудесной силой. В День Крещения, после молебна на реке, купались в ней раздетые: и для того, чтобы омыться освященной водой, и для того, чтобы излечиться от болезней, очиститься от грехов. После Водосвятия обычно втыкали в прорубь палку, чтобы плодились пчелы.

Утверждали, будто в полночь на Крещение чаша с водой сама колыхнуться может, если Господа своего узришь, а перед заутреней небо открывается, и то, о чем ему помолишься, то сбудется. Крещенский снег кропили водою — для белянья холстов и от разных недугов. А еще с Крещением было связано много добрых примет и поверий...

Примечали издавна, что коли в Крещение собаки много лают,

будет в достатке зверя и дичи. Синие облака в полдень пророчили богатые урожаи, крещенские же яркие звезды — белых ярок. И только в одном все настоящее и зимнее оборачивалось неожиданным несогласием: ясный, солнечный день порождал грядущие недороды...

После Крещения, на двадцать первое января, в народе принято было встречать Емельянов день, в который угощали кума с кумой, ибо считалось, что это приносит здоровье детям. Кум и кума, приходя в позванный дом, приносят в подарок кусок мыла и полотенце, а вручая их, говорят: «Вот тебе, кума, мыльце да белое белильце для крестника». Использовать подарки надо было при первом же купании ребенка.

Именно на Емельяна-перезимника возникла поговорка: «Мели, Емеля, твоя неделя». Произошла она от обычая в долгие зимние вечера рассказывать сказки и истории. «Твоя неделя» — значит, неделя, на которую приходится Емельянов день.

В эту пору устраивались также смотрины и венчания — предвестники свадеб. Обремененному делами деревенскому человеку лучшего для них времени, чем зима, было не найти. Те, к кому не приехали сваты или кто не выбрал невесту, начинали беспокоиться, теряя надежду до Масленицы сыграть свадьбу. Тем же, кто обретал суженого или суженую, на Ивана-бражника требовалось запить только что сложенное счастье, дабы не пролились понапрасну девичьи слезы.

Все эти добрые завоевания зимы и людей закрепляли в самом конце месяца, тридцать первого января, Афанасий да Кирилла, которые забирают за рыло: наступали знаменитые афанасьевские морозы. Пришел Афанасий-ломонос, шутили в народе, береги щеки и нос, ибо в такой мороз и старик вприпрыжку

бежит. Но между тем замечали, как ведут себя месяц и солнце: на Афанасия месяц на восходе играет — к урожаю, чистое солнце в полдень предвещало раннюю весну.

Отведя напоследок душу в крепкие афанасьевские морозы, зима постепенно успокаивалась, перевалив через еле угадываемый раздел. Она уже достаточно укоренилась за январь, закаленная крещенскими морозами, что лютуют по заснеженной земле уже не один день. Давно открытые в зиму ворота незаметно для людей запахнулись, ни у кого не оставив в душе смутных сомнений в том, что зима может передумать. Зима неторопливо смекала свои дремотные думы, храня величавый покой.

Февраль В феврале люди уже молились каждодневно набирающему силу солнцу, которое тоже любовно обожевляло. Весь январь люди противились худым следам, что оставляла за собой зимняя тьма, но при том не ожесточились и не иссякли душой. Неведомые силы молитвами, обрядовыми песнями и заговорами были изгнаны с родного порога, выпровождены из деревни, и крестьянский быт обогревала все больше русская печка, дающая необходимую снедь и теплый избяной дух.

Печка для селянина всегда была мать родная, и именно с нее загадывали о предстоящих временах года: в печурке три чурки, три гуся, три утки и три тетерева... С печным теплом в дорогу не ездили, но и одно воспоминание о печи грело душу так, словно у самой печи погрелся. И по летам, и по годам в зиму было одно место — печь, на которой лежать-зимовать! О сладости снов, которые переживали на ней долгими зимни-37

ми ночами, лучше всех знала бабка, что летела с печи да успела передумать при этом семьдесят семь дум.

Но, конечно, не сама печь кормила, а работающие женские руки. У доброй хозяйки и ковши не дремлют, и квашня не пустует, а если уж начнет печь топить, то знает, как избу нагреть и жару из нее не упустить. Хлеб из таких рук выходил под стать самому солнышку — запеченный и пахучий, хранящий здоровый земной дух.

Мороз за окном, кошка на печи клубком свернулась, а вокруг стола семья большая собирается. Хлебу дают остыть и разламывают его так, что всякому должно достаться от солнечного каравая. Кажется, все земные силы тогда в доме сходятся, мира и благополучия ему желают. Благословен был дом с хлебом и печью, с добрым хозяином и хозяйкой!

К началу февраля на снегу появлялись санные дорожки от дальних стоговищ. Снаряжая туда сани, мужик вспоминал добрым словом знойное лето и словно стряхивал с себя зимний сон. Чудились ему опять благодать и раздолье, и занимающая все дни работа, и неспешные думы о своем житье...

Все делается споро, и хочется ехать между лесных сугробов и елей долго, совсем не боясь стужи. И чтобы лошадка знала дорогу и понимала тебя, как ты сам понимаешь свою обустроенную жизнь.

Впереди клубится лиловая февральская заря, из рта кобылки выбивается душистый парок... Про себя приятно сознавать, что зима перевалила за половину и порча со всей нечистой силой отступила. Жена к твоему возвращению настряпает ароматных колобков, и дети, вволю накатавшись с горок, прибегут в избу веселые и возбужденные. И ты опять будешь рас-38

сказывать им перед сном сказки о том, какой волшебной бывает жизнь русской зимой. А может быть, о грядущей весне, что принесет на землю желанное тепло и свет, и еще о непутевых и славных зайцах, которые без боязни выбегают погреться на солнечных полянках.

От всех этих дум тебе самому становится тепло и радостно на душе, а мороз отчего-то забирает крепче, ядренее. И тогда смятение, охватившее тебя, поджигается махоньким угольком где-то сверху груди, не дает дышать, и на глазах выступают слезы. И сразу в тебе что-то подбирается серьезно и одновременно успокаивает, как будто нет иных забот, чем настоговать в сани доброе душистое сено и везти его скоту. Февраль незаметно вмещает в тебя пробудившиеся в нем к тому времени запахи, нашептывает что-то сокровенное и приятное.

Едешь, понукаешь время от времени лошадку, и высыхают выступившие на глазах от крепыша-мороза слезы, а лицо зацеловывает стужа. Озноб невидимым зверьком пробегает под полушубком, ластится, играет, и дух захватывает от его силы. Не желает зима доживать до скорой старости, всем нутром тому противится и негодует.

Да только отсекает ее февраль своими ветрами холодными, что поют песни, на птичьи вешние перезвоны не похожие. Что-то невидимое переламинается в зиме, и стремится она снежными заносами небо с землей смешать. Что было сил троепутит в свой последний месяц, насылает на землю вьюги да метели.

Февраль — месяц, который горазд до разного рода плутовства и неожиданностей. Названный в народе пройдохой, он не был худ душой и хранил в себе достаточно смекалки и силы. Под завязку зимы от него уже было не отвязаться, но и правды

не добиться, потому что оставался он из года в год неповторим. По нему более чем по какому-либо месяцу судили-рядили о сроках прихода весны.

Одному февраль сулил тепло да усладу, а другому — хлопот полон рот. Чтобы отведал нерадивый человек нужды в избытке и не поворачивался от февральских забот на другой бок. У справно же мужика последний зимний месяц рождает в душе беспокойство, так что он места себе в избе не находил, одержимо желая переделать прорву дел, поспешая из дома к скоту, а затем в лес или на пасеку. Голову мог закружить февраль только тому, кто заплутал в зиме.

Всякий день февраля меж людьми был на примете. Крестьяне чутко следили: солнечно ли, метельно, или в полночь взойдет затуманившийся месяц. О приближении каждого дня говорили задолго, потому как мог он стать в будущем животу подмогой, а судьбу направить на доброе житье. Долгая зима-кума порядком поизвела закрома, и февраль своими предсказаниями теплил в мужике надежду.

Главной весноуказательницей в народе была Аксинья-по-лузимница, которую встречали шестого февраля. Аксинья-по-лузимница, или весноуказательница и полухлебница, как ее еще называли, мужика торопила, чтобы он весну не упустил, и солнышко на крыши гнала. Половина срока с этой поры осталась до нового хлеба, примечали люди, поскольку озимое зерно пролежало в земле половину срока до всхода. Но хоть Аксинья-полузимница и делит зиму пополам, да не ровно: к весне мужику тяжелее.

Со дня Преподобной Ксении полагают, что до новых хлебов нужно столько же хлеба, сколько уже съедено. Потому она

и называется еще полухлебницей. Если на Аксинью-полухлебницу хлеб на рынке подешевеет, будет урожай и новый хлеб дешевле; коли на Аксинью-полухлебницу цена хлеба низкая, то до нового хлеба она не подымется. Какова Аксинья, примечали крестьяне, такова и весна.

Но февраль еще пока холоду изрядно подпускает, да только в лесу уже первые предвестники тепла завелись. В раскидистых ветвях сосны и ели в гнезде у клеста — птенцы-крохи, этакая невидаль! Знай наворачивают посреди зимы свою еловую кашу и в ус не дуют: мол, не озябла бы душа у самой природы, а мы выдюжим! Как тут ими не восхититься и в душе не улыбнуться!

Мир людской к желанной Масленице по-своему готовился: девки про холостых парней меж собой толкотню на реке у проруби затевали, друг дружку подзадоривали; бабы замужние опять же к русской печи прислушивались, чтоб нажить пылу да жару в семейной жизни. По народному поверью, требовалось справлять в февральские вечера именины доброго духа дома, хранителя домашнего очага, которые приходились на Ефрема-Сирина. В Ефремов день, отмечаемый десятого февраля, домовый обычно глумится во дворах, и для него ставят кашу на загнетке печи. По представлению деревенских жителей, домовый — это рачительный, заботливый дух, помогающий трудолюбивой и дружной семье; тех же, кто плохо вел хозяйство, не заботился о чистоте и порядке, ленился, он пугал и по-своему вредничал, наводя на людей неурядицы, которые сильно били по домашнему ладу. Старики каждому хозяину заповедовали поддерживать добрый дух своего жилья, откуда и была сотворена однажды любовь.

Оставляя старый дом, люди всегда просили прощения у домового за свое нерадивое житье-бытье и уважительно зазывали его с собой. С болью пекущийся о своих родных, домовый обычно не оставлял их без внимания и принимал приглашение. Ничего так не любил он в своем доме, как покой и достаток, от непутевых же хозяев уходил на чужую окраину к нуждающемуся в нем.

Кошка ли не своим голосом зарыдает, посуда ли из рук на пол сбрыкает или в сенях ведро с грохотом опрокинется — значит, кто-то не угодил батюшке в дому. Словно в ребенка обращался он и начинал бедокурить почем зря, покуда не отводил до конца душу.

За окном ознобистые февральские вьюги беснуются, метели все тропы напрочь перемели, а домовый знай в теплой избе забавляется, по ночам у русской печи сдобренной коровым маслом кашей угощаясь. Отчего бы временами не потакать его незатейливым причудам, дабы сохранить зимой в доме уют и доброе величание!

А вьюги злующие сводили все дороги на нет, раннюю весну между тем предвещая. Звезды мглистые изредка вспыхнут в разрывах туч, тихим огнем ожгут сердце и исчезнут. Будто назло тебя пытаются, душу трепетную февральскую хотят извести. Уколовшемуся таким чужим светом человеку, по старинному поверью, уже не было спасу.

С середины февраля, когда подступает Сретенье, зима встречается с летом, а шуба с кафтаном. Солнце, говорили в народе, на лето пошло, зима же на мороз: недаром сретенские морозы одними из самых крутых почитались. Пока зима — владыка, она без устали неподражаемые художества на окнах выводит,

отчаянных воробьев под стреху гонит. В Сретенье солнце с морозом пуше прежнего хороводят.

Но негоже было этому февральскому дню верить, ибо погода на Сретенье что весенний дождик. То снег дорогу переметет, что обязательно сулило богатый урожай, а то, бывает, зима весну красную заморозить хочет — и это предвещало летом хорошие льны, бывает же — капель наладится, и тогда санный путь уже не стоит и пускаться по-зимнему в дорогу опасно. В народе существовала известная бывальщина про мужика, который к Масленой решил привезти издалека рыбки, да пока собирался — Сретенье подошло. Вот и бабы про себя пророчили: ростепель, мол, не к добру — то поп навстречу попадется, то девка с пустыми ведрами.

И все-таки чаще всего февраль называют месяцем кривых дорог. Ветер в эту пору становится все более неумным, нечисть вместе со снегом улежавшимся сметает, будущий цвет оберегает. Но временами он дует так надрывно, что кажется, ничего уже более не уродится. Настырность его в душе озлобленность непонятную подымает, в непроглядную густоту свет белый перемешивает: против ветра особо не надуешься. Ветер даже зиме не служит, а остается сам по себе — неукротимый, свободный и все же какой-то неприкаянный...

Будто он доказать что-то пытается, но никого его порывы не донимают, и ветер злится. А может быть, он по натуре такой остервеневший, и ему все живое нипочем. Из-за гордости своей, что высоко взметнулся, он себя одного любит и никому подчиняться не желает. Потому и говорят: выше ветра головы не носи, силы его все равно ничем не измеришь и в поле за ним не угонишься.

Как бы то ни было, а зима с ветром ссориться не хочет: она его умело по своим заботам в оборот берет. То нашьлет с ним на людей тревоги да забвения в круговерти безостановочной, то пытается прорваться за недозволенное. Без него и мороза лютого ей со своей обузой ни за что не справиться.

Сама зима при этом выглядит странно: ни сверкающей короны на голове, ни роскошного платья, усыпанного жемчугами и серебром, у нее нет. И хрустальных башмачков на своих ногах она не носит. Да и в представлении людей зима снежной королевой никогда не была. Скорее — основательной хозяйкой, для всякого доступной, но и недосыгаемой. И еще в меру суровой...

Владелица снегов хорошо знала, чем пронять мужика. Девки на деревне красуются, обновками парней молодых завораживают, зима же в себе иную цену несет. Норовит она исподтишка да раненько человека вовремя разбудить, на дело его верное наставить. Сколько бы тому от нее ни бегать, а все равно встретиться и по душам поговорить обязательно придется. Потому и пословица такая слыла, что в зимний холод всякий молод.

Зимкой, зимочкой, зимушкой, зимовойкой — так ласково называли люди ее, как будто хорошо знали, но всегда зима оставалась загадочной и характером неприступной. Бывала она в разные годы и строгой долгой зимицей, и хилой зимушкой, но всегда вызывала уважение. Более всего зима представлялась властной дородной бабой. Имея в услужении морозы да вьюги, она и сама могла обернуться в медвежью шкуру, чтобы заглянуть мужику в глаза или пробежаться по задворкам волчьей тени: радейте, люди хорошие, за свое дело, так и добро ваше оставлю в целостности-сохранности.

И люди глядели в лицо зиме и на печи не засиживались: знали, что наперекор всему скоро придет весна и будет снова много доброй работы, за которую чем раньше примешься, тем больше внешней поре угодишь. Да только зима не хотела так просто уступать свои права и владения и боролась изо всех сил, чтобы не опростоволоситься. Ведь именно об эту февральскую пору в народе замечали, что весна зиме рог сшибает, а та досаду горькую в себе изживает.

На какое-то время зима словно отступала от всех этих переживаний, и тогда выходили на свои тропы звери. Почувствовав ее слабость, они становились хозяевами в лесу и заполняли свою жизнь только зарождающимися желаниями. Всюду были видны следы их возмужания, и люди осторожно постигали его и стремились не мешать зверям. Люди видели в этом постепенное утверждение таинственной лесной силы, способной одухотворить их собственную жизнь.

И приходил семнадцатого февраля Никола Студеный — волчий сват, который ведал в эту пору зверьми. Знал он, как и любой охотчий до лесного царства мужик, все звериные повадки и даже где устраивает свое логово мать всем зверям — волчица. Там, в укромных дебрях хвойной чащи, она пряталась от выхолаживающей душу зимы и готовилась к вырастающему с каждым днем солнечному времени: подступала пора волчьих свадеб.

Это же февральское время вдыхало спорую силу и в других зверей, и те также стряхивали с себя зимний сон. Морозы между тем слабели, выюги укладывались в неведомые буераки, и холод забирался к еще не сломленной зиме под мышки в надежде только там обрести спасение. Что-то трагическое и прекрасное происходило с зимой, и она переживала все это, но, наверное,

принимала как должное. А может быть, зиме было горько сознавать свою скорую кончину, и она становилась несправедливой и жестокосердной.

В народе про эту пору повелось такое присловье: «На Прохора зима заохала», тем более что не заставлял ожидать себя и Влас, следующий сразу за Прохором, двадцать четвертого февраля: «Пришел Прохор да Влас — никак скоро весна у нас!» Власий — скотий бог, сшибал рог зиме, но и приводил за собой власьевские морозы — последние, завершающие зиму. Власьевские морозы были строги, бураны непроглядны, выюги завывали хуже волчьей стаи, а все пословицы, тем временем, о весне. Не к Святкам дело шло — к Масленой!

Предраcсветные сумерки в феврале с каждым утром становятся все яснее и чище. На небе вспыхивают и играют невидимые раньше разноцветные звезды, от чистого сияния которых в тебе прибывает недостающей зоркости. К концу февраля можно было уже окликать их, прося чего-то несбыточного: звезды все слышали, понимали и отзывались в вышине живым и веселым блеском.

В полдень чутко ощущалось, как снег оседает и охает, ровно баба на сносях, почувствовав в себе первые толчки новой неведомой жизни. Так и зима видно спохватывалась о зарождающейся в ее утробе наследнице, что вернется на землю через год заматеревшей и властной хозяйкой. А пока она только изредка давала о себе знать, и старая зима любовно берегла ее, растрчивая все свое внимание и силы.

Но печаль зимы была тяжела — не могла она просто так сдаться весне. Глядела из-под сдвинутых бровей хмуро: от такого взгляда на душе делалось муторно. Не зря завершал зиму

лютый Касьян, который на что ни взглянет — все вянет. В народном календаре Касьянов день занимает особое место: он приходится только на високосные годы и из-за злопамятности святого считается самым страшным. Гнев Касьяна признавался настолько опасным, что крестьяне в этот день предпочитали вовсе не выходить из избы, особенно до солнечного восхода.

Да и сам белый февральский свет становился уже не мил — душе хотелось животворящего света и пьянящей голубизны. И еще хотелось настоящего праздника перед Великим постом, чувствуя и провожая матушку зиму. А чтобы не грустить по безвозвратно утраченному, гуляли целую неделю весело и широко: пекли блины, катались на санках с гор и на лошадях, потешались как могли. Сытной и сладкой Масленой прозвали это торжество, когда нужно было хоть что-нибудь заложить, но зиму достойно проводить!

Зима к этому времени нуждой пояс затягивала. Человек все свои хвори и метания беспокойные собирал в хлам и солому да меж собой перевязывал. Такое несусветное чучело втыкали за деревней на пригорке и волокли к нему самое ненужное и худое: кто тряпки и рухлядь домашнюю, кто сношенные валенки... Каждому хотелось избавиться от накопившейся за зиму напасти и заговорить на лучшее свою судьбу.

На всеобщем сборе всегда царили мир и лад. Встреча новой жизни сама собой давала предлог на сближение отдалившихся друг от друга за зиму душ. В последний день Масленицы люди прощали и друзей и недругов своих и забывали обиды, а ввечеру зажигали разукрашенное чучело.

Желая, наверное, еще завьюжить и закрутить, это чучело горестно шипело и... таяло. И люди, почуявшие в душе обнов-47

ление, дружно брались за руки и ходили вокруг него, приговаривая: «Ты гори, гори, старуха, на осиновых дровах, пук соломы в головах!»

Великодушно прощая людей за их страсти, зима, завершаемая февралем, постепенно отступала. Отправляясь летучими облаками на север, она, тем не менее, оставляла за собой право вновь вернуться в положенный срок, чтобы осенить землю и людей долгожданными зимними чудесами, без остатка подарив им свое материнское чувство.

ВЕСНА

Март Масленая неделя, как-то нерешительно начавшаяся с конца февраля, уже врывается в первый весенний месяц: она, оказывается, нетерпеливо ждала его! На закраинках февраля скромная, еще не пробудившаяся от ощущения собственного замечательного торжества, Масленица, попав в март, будто приходит в себя и благоденствует для всех широколицым разомлелым блином, то есть солнцем, которое оно олицетворяет. Настоящее мартовское солнце — это именно румяное народное снадобье, которое выпекали всем на радость.

В глубокую старину Масленица являлась Новым годом для славянских племен, проводами зимы и чествованием бога весны Ярилы. Это был замечательный народный праздник, в котором образ солнца олицетворяли только блины в масле — хлебное тело бога Ярилы, и Масленица в русском народе именовалась всюду по-своему: честная, веселая, семиковая племянница,

объедуха, сырная неделя, широкая боярыня. Но более всего подходило ей быть честной да широкой — в этом вся ее суть!

Дни Маслены в народе назывались каждый по-особому: понедельник — встреча, вторник — заигрыши, среда — лакомства, четверг — широкий четверг, пятница — тещины вечерки, суббота — золовкины посиделки, воскресенье — проводы, целовник или прощенный день. Масленица зиму прощала, холодную жизнь завершала и тепло в душе зарождала. Целую неделю гульба на дворе, когда чуть ли не на деревню блинов да хлебов в доме наготовлено, весь народ на улицу высыпал... Идет Масленица по дворам, залихватски подбоченясь,— тридцати братьям сестра, сорока бабушкам внучка, трехматерина дочка, и шелковая на ней сорочка, сафьяновые сапожки, царские одежды! Без Маслены в эту пору никто не обойдется!

Но не всяк Маслене с головой отдавался, и не была она для него сплошная, а скорее вербная да страстная. Радел такой человек больше за работу души, чем за нескончаемые праздники, и не молил продлиться Масленицу подольше. Была на дворе Масленица, в избу заглянула, радостью дохнула, но не задержалась. Надо уметь и блины отложить!

И начинался после сытной Масленицы Великий шестинедельный пост, до самой Пасхи, который прижимал всем хвост. Но кто-то считал, что пост не мост, можно и объехать: ведь все посты постимся, а никуда не годимся! Да, правда, никто от поста еще не умирал,дохнут же от обжорства, и кто все четыре поста постится, за того все четыре Евангелиста. Словом, постное едим, да скоромное отыгаем.

Обиходный крестьянский стол на пост состоял из редьки, нарезанной ломтиками, с маслом, вареного гороха, пирогов «ни

с чем» вприхлебку с суслом, похлебки из конопляного сока с груздями, пшенной, ячневой, овсяной и гречневой каш, соленых огурцов и капусты, киселей с вишней, черемухой, клубникой, костяникой, земляникой, брусникой, пареной репы и моркови, супа грибного с крупю, мерзлой клюквы с медом. Началось по всей русской земле воздержание от скоромной пищи и от суетных наслаждений. В Великий пост все как узлом затянуто!

А весна тем временем не дремлет, все норовит зиму перебороть, и на подмогу ей март Тимофея-весновея, или Тимофея-теплые ветры, призывает, который на шестое марта приходится. Засверкало мартовское солнышко, будто кто протер его от метелей да инея. Слепит глаза ярким светом, подтачивает сугробы сахарные. Каждый день что-то меняется в природе: вот прилетела маленькая птичка овсяночка — и ты заслушаешься ее нежной песенкой, а то вдруг заговорит под снегом первый ручей — это Тимофей-весновея в гости к нам пожаловал! Родная сторона во весь голос о себе заявляет.

Весна все покажет и скажет, и не успеет ее первенец Тимофей сердце, замершее в снежном крошewe зимы, растопить, как к тринадцатому числу на порог уже Василий — вешний ледок является: застучала с кровель долгожданная капель. В народе примечали, что об эту пору с лежки медведь обычно подымается. Капель, видать, и косолапому шубу подмочила!

Но хоть и затаило на дворе и в полдень теплом вдруг возьмет и повеет, а у многих зверей с птицами уже свадьбы в лесу начались,— март еще не весна, а предвесенье. Пришел, говорят, марток, надевай семеро порток, и разве поверишь тут, что в марте мороз скрипуч, да не жгуч? Ни с того ни с сего налетят

крепкие морозцы и замерзнет в деревьях сок, отчего март в народе прозвали березозолом, а за то, что березы в это время богаты соком,— березень, или сочень. Вроде бы и красна весна, да еще голодна!

Истинная встреча весны в марте приходилась на Евдокею, или Авдотью, что праздновалась четырнадцатого марта. Авдотья-весновка весну сряжает, мужика подгоняет, в душу его радость вдует: больно красна Евдокея, как и сама весна, и каков этот день, считали в народе, такова и вся весна. У Евдокеи — вода, у Егория, который приходился на начало мая,— трава.

Пришли Евдокеи — мужику одни затей: соху точить, борону чинить, думку разумать, как марток одолеть да портки теплые надеть, а если весна дружная придется — может и обойдется? Среди людей замечали, что хоть Евдокея и пришла, но с нее еще стоячую собаку снегом заносит, на худой конец — сидячую. Ведь в марте и сзади, и спереди зима!

В устном народном творчестве март не обижен пословицами да поговорками, как, впрочем, и любой другой месяц. Как ты, февраль, ни злись, как ты, март, ни хмурься, а весной все равно пахнет,— вот хотя бы одна из них. Но зато какая раздольная и верная: ведь в марте и на корыте можно ездить. А еще в марте курица воды из лужицы напьется, и мороз на нос садится, и если март веснянку затягивает — ненадежно тепло весна натягивает. Сухой март хлеб добрый обещает, мартовское же пиво с ног сбивает. Каждый мартовский день в календаре отмечен: до такой степени этот месяц на события горазд!

Только в марте, когда, кажется, душа к небу подымается, можно по-настоящему поверить в мечту. Да и сама мечта рождается только в марте, уже утвердившаяся за зиму, окончательно-51

ная. Остается лишь следовать ей, а март тому подпруга: как он засверкает синими снегами — так и будет.

Вот наконец-то и задымились первые проталинки на ближнем к солнцу бугорке, где совсем недавно играли под звездами беззаботные зайцы. Играли, как играют в начале марта на родимой церковке грачи, оповещая всю округу неумолчным граем. Суется на верхушках деревьев, гомон стоит по всей округе,— летит к нам весна на уверенных крылах. Это Герасим-грачевник ее вместе с птицами семнадцатого марта пригнал, а озабоченный грач сразу землю расклевал. Ежели увидел грача — весну встречай!

Иной раз и не догадаешься распахнуть ей объятия, а зипу-нок отчего-то сам задирается краями от неугомонного весеннего ветерка, но все твое нутро по-прежнему норовит к теплу прильнуть. Да разве март его даст! Мартушка, говорят, еще закрутит вертушку, и все же как зима ни злится, все весне покорится!

Вместе с грачами начинают чувствовать скорую весну воробьи. В тихие солнечные дни, когда с крыш срывается робкая капель, тотчас образуя хрупкие гирлянды прозрачных сосул, воробьи шумными стайками держатся на солнечной стороне, задорно чирикают и затевают нескончаемые ссоры. Всегда невольно остановишься рядом с этой веселой ватагой и, улыбнувшись, залюбуешься. Только в такие мартовские утра и замечаешь неугомонные серые комочки, на которые не обращал внимания в безмолвную зимнюю пору.

Все веселее и ярче разгораются розовые утра, значительно прибавился день, и сумерки стали длиннее. Еще крепко морозит, но в полдень солнечные лучи пригревают совсем по-весен-

52

нему. А в лесах на белый снег ложатся глубокие синие тени от сосен, пихт и елей.

На снежной пороше видны заячьи следы. Изглоданные веточки осины не сразу и разглядишь на ослепительно белом снегу. По склонам глухих логов появились голубеющие бороздки: сюда слетелись со всей округи таинственные лесные петухи... Скоро здесь начнется глухариный ток!

Раскисли наконец проселки и обочины дорог. И хотя частенько прихватывает легкий морозец и наметает пурга, от весны уже никуда не деться. Вешний снег, будто дым, быстро подтаивает под лучами яркого солнца, и воздух роится от ослепительного света.

А вот по астрономическому календарю весна начинается лишь двадцать второго марта, в день весеннего равноденствия, когда день с ночью сравнивается, и заканчивается двадцать второго июня, в день летнего солнцестояния. В эту же пору в народе праздновали и Сороки, сорок мучеников. На Сороки, после Евдокеи, приходилась вторая встреча весны, и именно после сорока мучеников, не желающих, по древней легенде, отречься от христианства, пророчили еще сорок утренников до Зосимы-пчельника, приходящегося на тридцатое апреля. Гречу сеяли пропустя сорок морозов после сорока мучеников.

Существовало поверье, что в этот день из теплых стран прилетают сорок разных птиц, и первая из них — жаворонок, а раз прилетел кулик из заморья да принес весну из неволя — на Сороки святые обычно пекли жаворонки золотые. На Руси с их помощью выбирали семейного засеващика. Мужики вытаскивали жаворонков, и тот, кому попадалась птичка с запеченной в ней монеткой, первым начинал весною посев.

Завершал же март Алексей Теплый, почти в самый канун второго месяца весны — тридцатого марта, которого в народе прозвали — Алексей — с гор вода, или Алексей — пролей кувшин. На этот день чаще всего приходилась большая ростепель, всю текли ручьи, и потому оглобли из саней выворачивали, сани закидывали на повети и снаряжали телегу. На Алексея также доставали из омшаника ульи, а после него начинали сеять ячмень и овес. Рожденная от солнца и долго ожидаемая на Руси теплота весны ласково обогрела всех — и землю, и деревья, и птиц с животными, и людей, и от всего этого захотелось жить хорошо, согревая других.

Апрель Не успел Алексей Теплый в самом конце марта кувшин с вешней влагой пролить, а Дарья, которую праздновали первого апреля, уже проруби грязнит, так что вокруг них начинает сильно таять и вода становится желтой. Оттого крестьяне и называли Дарью «грязнопролубкой — засори проруби». Красавица Дарья была язычницей, жрицей храма, но, выйдя замуж за христианина, обратилась к Истинному Богу, и молодые супруги решили вести девственную жизнь. Но по доносу и за то, что якобы проповедуют безбрачие, они были схвачены и отданы на мучения в блудилище, а затем в смрадную яму, куда стекались все нечистоты города... Отсюда и «замаранные проруби» и «обгаженные желтые воды». Какова погода первого апреля, замечали в народе, такова и первого октября. Но чего еще ждать от самой слякотной в году поры?

Не повезло этой святой: уж больно неблагозвучными прозвищами наделил ее народ, да только во всем виновато было солнце, которое припекает в апреле так, что снег не может не

таять, а вокруг прорубей, куда крестьяне зимой подводили поить скот, зачернел навоз. На Руси в этот день еще раскладывали на снегу холсты пораньше утром, пока стоит мороз, и он отбеливал их.

Не вынуждал себя ждать в эту веселую пору и Василий-солнечник, или Василий-парник, как его величали крестьяне, и приходился он на четвертое апреля. Во время распространения ереси священномученик Василий призывал свою паству твердо держаться православия, за что стал жертвой преследований. Мужественно перенося страшные муки, весь исколотый раскаленными прутьями, великий святой тем самым предопределял только добрые приметы на свой будущий праздник: на Василия Теплого солнце в кругах — к урожаю; если в этот день при восходе солнца видны на небе красные разводы, то этот год обещает плодородие; Василий-парник землю парит — все равно что унавоживает ее... Не распарив, как водится, не согнешь.

Невозможно не радоваться этим пришедшим к нам из глубины веков знаниям, но, удивляясь точности и простоте народных примет, не можешь не задаваться вопросом: почему замечательные пословицы и поговорки сочиняли в народе когда-то давно, причем — простолюдины, обычные люди, которые, между тем, имели в душе силу не быть равнодушными к окружающему миру, а мы, сейчас живущие и способные к обладанию более глубокими сведениями о жизни, знаем о ней гораздо меньше и ничего не создаем? Какое душевное равновесие и доброту нужно иметь, чтобы записать обыкновенное, простое: «Было времечко, ела кума семечко, а ныне и толкут, да не дают». Ничего подобного сейчас не скажут, даже не подумают...

Всякой вещи, замечали в народе, будет свой черед, если жизнью впрок распорядишься, при этом не возгордишься и хлопоты добрых людей на себя возложишь. Жизнь тогда рано или поздно в горку пойдет, а неудача бездолье найдет: ведь время собственной жизни ты сам выбираешь. А у кого не хватает времени, тому недосуг быть счастливым.

Ждать якобы более удобное время — значит оттягивать свое благо, то, что тебе уже дано. Но зачем медлить с этим богатством? Ведь и радость, и горе — это твое счастье, которое всегда рядом, его только следует разглядеть, и как хорошо, когда оно достигается в согласии с природой.

Разве не в согласии с ней и, конечно, с самим собой жил когда-то простой русский мужик, внимательно встречая и провожая зимы и весны? Эпитеты, как говорится, эпитетами, а из головы крестьянина не выходила думка: скоро ли появится зеленая травка? Ведь сено кончается, и скоро скотину кормить будет нечем. При всем желании не мог мужик запасти кормов вдоволь и потому-то так много народных примет в апреле говорят об ожидании хорошей, солнечной погоды.

Издrevле люди пытались узнать, какая же будет весна: долгая, бурная или холодная. Ранний прилет ласточек, по мнению крестьян, обещал раннюю весну, а коли грачи прямо на гнезда садятся — весна будет дружная. Гуси летят высоко — воды будет много, низко — мало, если же утки прилетели жирные — весна ожидается холодная и долгая. Жаворонок, были уверены люди, является только к теплу, зяблик — к стуже. Весна весной, думал крестьянин, но что выкинет самый строптивый ее брат — апрель, неизвестно.

Апрель с водою, а май с травой, обычно говорили в народе

с приходом второго месяца весны, и это было верно, потому как ничто не могло сдержать обильного снеготаяния. Апрель сипит да дует, бабам тепло сулит, а мужик глядит — что-то еще будет? Первый же апрельский дождь воза золота стоил.

Поистине золотым всенародным праздником встречи весны было Благовещение, которое в старину отмечали двадцать пятого марта, по нашему же летосчислению — седьмого апреля. Повсеместно считали, что уже весна зиму поборола, но на санях либо неделю не доездишь, либо неделю переездишь.

Благовещение относится к самому великому христианскому событию на небесах и на земле. В этот день архангел Гавриил, посланный Богом к Деве Марии, сообщил ей, что у нее родится сын Иисус, Сын Божий, и что младенец будет зачат от Духа Святого. «Да будет мне по слову Твоему»,— ответила смиренным согласием Мария, и великое благодеяние свершилось, как потом свершалось не однажды на благо всех страждущих и неравнодушных людей, стремящихся творить на земле благие дела.

Пожалуй, мало найдешь таких дней в году, которым посвящено столько примет, и большинство из них действительно сулили золотые горы. Именно в этот день народом была определена третья, и последняя, встреча весны, тогда как первая приходилась на Авдотью, а вторая — на Сороки. К тому же на Благовещение солнце играло всего лишь второй раз в году, после Рождества...

Предшествовало Благовещению предпразднество Пресвятой Богородицы, на которую загадывали: коли ночь будет теплая, так и вся весна задастся дружной и разудалой. На Благовещение, замечали рыбаки, всегда хорош улов рыбы, что связано с исчезновением льда, повышением температуры воды и насы-57

щением ее кислородом, отчего рыба становится активнее. Дождь ли приходится на этот праздник, солнечный ли день, либо высыпает на небе много звезд,— соответственно, родятся хорошие пшеница и рожь, куриные яйца у хозяйки не переводятся.

Гроза на Благовещение тоже предопределяла теплое лето и урожай орехов, но и ветер, и иней с туманом, несмотря ни на что, обещали к концу года достаток. Вот и благовещенскую золу обычно сохраняют для капусты и других огородных растений, и когда они портятся, то посыпают их этой золой. Даже мокрое Благовещение пророчило грибное лето, в особенности — обилие груздей. Воры же на Благовещение специально заворовывали: для удачи на весь год.

Считалось, что каково Благовещение проведешь, таково и весь год. В этот день, как и на Пасху, грешников в аду не мучают, девка косы не заплетает, на суровую пряжу не глядят, под дымом не сидят, и даже птица гнезда не вьет, а ежели завьет, так становится на все лето пешею. Кукушка за то без гнезда, верили крестьяне, что стала вить его на Благовещение. На Благовещение всем запрещалось работать...

Обыкновенного крота Бог ослепил за то, что он копал землю в Благовещение! В какой день недели Благовещение, наставляли старики, в тот, во весь год, никакого дела не начинать! От добра, как говорится, добра не ищут, ибо все благо от Господа, и его надлежит принимать достойно.

С достоинством относились на Руси и к маленьким праздникам, которые следовали чуть ли не каждый день. Так, сразу вслед за Благовещением, девятого апреля, наступала Матрена-настовица, на которую приходился последний наст, а также прилет настовиц, как называли в народе чибисов. Если чибис

кричит с утра — к ясной погоде, а коли летит низко — будет сухо. Чибис прилетел, на хвосте воду принес.

К Матрене поднимаются, вздуваются реки... В народе об этом говорили так: «щука хвостом лед разбивает», после чего рыба шла на икромет, а лед — друг на друга. Крестьяне объясняли это по-своему: если лед на реке становится горами, то хлеба будут груды; а гладко — так и хлеба будет гладко. В некоторых местностях Матрену еще называли «полурепницей», поскольку селяне в этот день отбирали годные семена репы на посадку, что составляли отдельную неприкосновенную половину.

Апрель — самый интересный месяц весны, месяц птиц, первых цветов и распустившихся деревьев: от снега до листа — такова его неповторимая суть. Но более всего апрель водою славен: бурные ручьи проворно kloчуют, поблескивают весело на солнце, сбегая в ожившие овражки,— с каждым часом все более ширится мутноватый бурлящий водный поток — идет половодье! Народная мудрость наставляет: апрельская вода — на пользу, она понадобится растениям еще до летней суши, в майскую пору, когда не всегда случаются дожди. Мокрый апрель, примечали крестьяне,— хорошая пашня.

А начинала половодье четырнадцатого апреля Марья — пустые щи, зажги снега — заиграй овражки. К этому времени запасы капусты обычно выходили, снега же будто загорались под палящими лучами солнца, сгоняя в лощины и овраги вешнюю воду. По Марии судили о целом годе: вода идет в ясные ночи — к погожей уборке хлеба; на Марию разлив — травы много; если лед сходит быстро — весь год будет легкий, хороший.

Подхватывал добрые начинания Марии и день Тита и Поликарпа, пятнадцатого апреля, названный так в память преподобного Тита Чудотворца и святого мученика Поликарпа. Постническими подвигами и чистотой мужественной жизни оба они олицетворяли вешнюю воду, образующую на земле незамутненные родники, ручьи и целые реки. Если на Тита и Поликарпа вешний лед с водой трогаются, год будет добрым, и народу станет легко. Коли лед потонет и не уйдет — лов рыбы окажется неудачным. В эту пору просыпается от спячки водяной.

Настоящая полная вода следует тотчас за ледоломом и ледоходом, за вскрытием рек, чему еще должен был способствовать Федул-ветреник. Восемнадцатого апреля пришел Федул — тепляк подул: ведь до Федула дует только северный ветер, а с Федула тянет теплыню. В этот день обычно растворяют окна, в которые залетают первые, только что появившиеся бабочки-крапивницы, за печкой же просыпается сверчок. Но — тепло-тепло, да не лето.

Родион-ледолом, или Родион-ледокол двадцать первого апреля ревучие воды готовит, чтобы все на реке разрушилось и в великое движение пришло. Уж таков ледоход: где одна вода лед положит, там другая вода его снесет. А еще на Родиона рушилась сама земля, то есть таяла и принимала в себя воду. Недаром во многих районах к Родионову дню приурочивают выражение: «Уставь соху, паши под овес».

Ведь овес сеять хоть в воду — да в пору, а рожь — обожди часок, да посеи в песок. Вот и лягушка подала голос в оттаявшем болоте — значит самое время сеять овес. Когда на дороге грязь, примечал наблюдательный мужик, тогда овес — князь.

А тут уже и Антип-половод подпирает, воды повсюду распускает. Подоспевший к двадцать четвертому апреля, он следит за тем, чтобы установилась полая вода. Апрель всех напоит, потому как март — «пивом», апрель — водою славится!

В это время полностью вскрываются реки, и вода бывает в разливе. Пришла беда, говорили в народе, — разлилась вода: переехать нельзя, а стоять жизнь не велит, но пора придет — и вода уйдет, из которой баба потом пироги напечет. По Антиповой воде о хлебушке гадали.

На Антипа крестьяне всегда примечали, что если начинается полая вода и не видно птиц, то это еще не настоящая полая вода, а уж ежели снег пойдет после половодья — большое для озими невзгодье; если воды к Антипову дню вообще не вскрываются, то лето непременно будет плохое. Не ломай печи, учили старики, еще апрель на дворе, но ни холоднее марта, ни теплее мая апрель не бывает, хотя все равно обманет и под май подведет. Позже Антипа медведь никогда не лежит в берлоге, так как даже в лесу снега уже мало остается, а в ямах — вода. Замечали также, что с этого момента заяц выходит кормиться даже днем. А еще повсюду появляются крапивные всходы и в некоторых местностях совершается первый выезд в поле...

В апреле земля прееет — значит, Василий-парник пришел, уже двадцать пятое апреля! Едва обсохнут ее вытаявшие плешинки, как среди снежно-зернистых островков начинают пробиваться первые весенние цветы — золотые кружочки мать-и-мачехи. Позднее появятся листочки, нижняя их сторона покрыта нежным пушком, верхняя — гладкая и кажется прохладнее нижней. Отсюда и получила трава свое имя в народе. Скромнен этот цветок, а сколько радости приносит он после долгой холодной зимы!

Апрель не заставляет себя долго ждать — вслед за Василием-парником, друг за другом, через день, наступают Мартын-лисогон — пора гона лисиц, а также Ирина-рассадница, разрой снега — урви берега. На лисиц в конце апреля нападает «куриная слепота», и они перебираются из старых нор в новые. В огородах сеют капусту на рассадниках, а в реках и озерах тает лед, который урывает с собою берега. Все в природе ждет взрыва, мощного толчка, чтобы она воспарила над оживающей землей, разливая повсюду свою благословенную любовь.

Сломлена и разбита зима... Весна течет широко, раздольно. По берегам разлившихся рек то и дело падают подмытые внешними водами деревья, обрываются огромные куски дерна, бревна, коряги. С урчанием вертятся они в речных струях, и иногда на них можно заметить водяную крысу — ондатру или дрожащего от страха и холода зайца.

Все вокруг залито солнцем, пахнет просыхающей землей и свежими древесными почками. Ни в какое другое время года не меняется так быстро пейзаж, как сейчас. Еще вчера белели низинки у реки, и верхушки холмов отмечали лишь желтовато-грязные пятна мертвой прошлогодней травы, а сегодня буйно пробиваются к свету травы и по склонам логов высыпали подснежники и медунца.

Тем временем на пасеках крестьяне выставляют ульи из омшаников: наступило тридцатое апреля, день Зосимы-пчельника. Наши предки утверждали, что он заступник и покровитель пчеловодов. По выставлении ульев накрывают чистой скатертью стол посреди пасеки, на него ставятся хлеб и соль, черепок с жаром, богоявленская вода и оставшаяся от пасхальной заутрени свеча. Потом, помолясь Зосиме, обходят вокруг пасе-62

ки с зажженной свечой и кропят пасеку освященной водой. Без Бога, говорили в народе, ни до порога, без Зосимы — ни до улья. Рой родится — Зосима веселится.

За несколько дней до Зосимы, перед самым выставлением ульев, хозяева пасеки еще посыпают на ней остатки снега золою, чтобы он побыстрее сходил. Все в природе в это время как-то и тревожно, и радостно распахнуто, оголено, и на душе всегда одновременно и приподнято, и неудобно, но только до тех пор, пока не заметишь в небе стройные косяки гусей. Осматривая землю, с курлыканьем следуют неподалеку величественные караваны журавлей. Воспарив к ним душой, проникнувшись той возвышенной и отрешенной непреклонностью, с которой птицы устремляются на свою родину, ты вдруг почувствуешь в душе потребность в самом светлом празднике жизни — Пасхе... Так получается, что большей частью она приходится именно на апрель, иногда на май, но самое главное, что Пасху встречают весной.

Ни Новогодье, ни Рождество, ни Крещение, при всем присущем этим праздникам волшебстве, не могут идти в сравнение с Пасхой по той чистоте и святости, с которой она спускается на грешную землю. Какая дата в народном календаре способна так неуловимо, но очень сильно воздействовать на людей? Пасха — даже не праздник, а необыкновенное состояние души, когда человек, как и все в природе, хотя бы на короткое время, переживает в себе божественное.

Весна, как никакое другое время года, удивительным образом вторит этой чудной божественности, будто оголяя людей. Ароматный апрельский дождик освежает их неодетые души так незаметно и чисто, что они и не думают запахиваться, а только

еще более открываются. Очень важно не расплескать себя за весну, особенно в апреле, в пору воды, и когда все благодаря ей приходит в движение,— невозможно не вознестись душой над расцветающей землей, переживая необычайную радость.

А Пасха, в память воскресения из мертвых Спасителя, только добавляет происходящего в природе торжества. Светлое Христово воскресенье, вместе со святой неделей, весной,— шире Рождества! Даже кто умирал на Пасху, тому клали яичко в руку, а после заутрени, в первый день Пасхи, ходили христосоваться с усопшими, зарывая яйцо в могилу. Кто же проспит в первый день Пасхи заутреню, того в понедельник окатывали водой.

Последняя неделя Великого поста перед Пасхой — Страстная неделя, посвящена воспоминаниям последних дней земной жизни Спасителя, его страданиям на Кресте, смерти и погребению. По величию совершившихся событий каждый день этой недели именуется святым и великим. С апостольских времен дни Страстной недели были в глубоком почитании у христиан.

В Великий четверг, который величали «чистым», чистили дом и огород от грязи, накопившейся за зиму. Мальчики с восходом солнца бегали с колокольчиками на шее вокруг деревни, чтобы скотина прямо с пастбища приходила домой, а не плутала в лесу. В этот день умывались только с серебра, чтобы лицо было белее, и обязательно мылись в бане. В народе велась такая поговорка: кто в Великий четверг легко и рано встает, тому Бог во весь год подает.

Суббота на Страстной неделе — красильная. Не зря в Страстную субботу красят яйца, когда сама природа выводит цветовые оттенки на яйцах всех гнездящихся в эту пору птиц. Большая часть из них —голубая, светлая, с нежными кремовыми

разводами, пятнами и крапинками, как и небеса в апреле, при взгляде на которые хочется парить. Вот бы на самом деле, думаешь ты, полететь, в апреле ничего, кажется, этому не мешает, и сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его вынуждает забыть о какой-либо печали. Идет по земле красавец апрель, небеса голубеют, леса становятся нежно-зелеными, и души людей загораются жаром того радостного света, что они когда-то сами зажгли, но по своей природе этого не заметили, а Пасха им об этом напоминает.

Пасха... Высочайшее торжество торжеств, какое только можно себе представить! Вот и в весенней природе случаются такие дни, особенно в апреле, когда уже ничего в ней не замечаешь — до такой степени все вокруг насыщено теплом и светом! И именно в апреле часто ощущаешь в душе неясное смущение от того, что бессовестно счастлив. Порой весна может просто замучить человека, сделать его расслабленным, сонным, и все же его не покидает чувство необыкновенного перерождения...

Май Если в марте большинство дней озарены светом сияющих небес, пронизывающим собой снега и воздух, а в апреле все пространство объяла неудержимая весна воды, наполнив его жаждой жизни, то май снисходит на землю непередаваемым торжеством цветов, которые повсюду, и оттого растревоженная за весну душа постепенно успокаивается, а руки, порядком истосковавшись за зиму по любимому делу, тянутся к заветной крестьянской работе. Кончилась зима, земля взопрела, сладко потянулась от распустившихся первоцветов, и все охватила невыразимая радость от чудесно утверждающегося вокруг бытия. Пришел месяц май — будет каша и каравай!

Недавно еще порхал над еле оживающей землей загадочный апрель, иногда капризничал, проливая вешние слезы в виде обильных ручьев и дождей, порой радостно сверкал начищенным до блеска солнцем и как-то незаметно одевал деревья и кусты в нежные одежды, окрашивая поляны свежей, еле приметной травой. Но вот наступил май, и в природе будто произошел переворот: повсюду раздается оглушительный щебет воробьев и синиц, веселый пересвист зябликов то и дело нарушает срывающийся с крыш последний снег, гулко ухая всей тяжестью в искрящиеся лужи. Теплые дожди и ветер окончательно пробудили лес, и в считанные дни он стал выглядеть умытым. Поплыл наконец над огородами пьянящий аромат черемухи, распустились белоснежно-розовые яблоньки, под сиренью вылезли душистые ландыши, а все овраги зажелтели солнечными бубенцами купальниц. Теплый и ласковый май принес на землю большой праздник света, воды и цветов, будто объединив усилия всех трех весенних месяцев.

Вот уже пожаловали в деревни скворцы, а в разросшейся у забора чаще пробует голос соловей, перебирает все свои колена и, не давая перевести дух, еще пуще распускает переливчатую и томительную дробь. Заслушавшись, наслаждаешься его игрой, не замечая общего птичьего хора, и вдруг ловишь себя на мысли: что-то в плывущем над землей весеннем торжестве не так. Одурманив своим восторженным приходом, когда уже все ему поверили, май может обмануть и будто пропасть, уйдя незаметно в лес. В эту пору наступает в природе какой-то миг, когда все в ней движется само собой, без майской трепетной души, и даже майские звезды под вечер уже не загораются зазывно на небе, а блекнут и, кажется, вовсе исчезают.

А между тем крестьянскому люду полегчало: скотину можно выгонять на зеленые лужайки. Майская трава и голодного кормит. Ведь апрель, как говорили в народе, с водою, а май — с травой.

В мае что ни день, то праздник, но поскольку дел у крестьянина в эту пору неувпроворот, то и праздники все посвящены не отдыху, а труду. После долгого вынужденного безделья нужно поистине египетскую работу совершить: успеть отсеяться с яровыми, скот выводить на пастьбу, а лошадей выгонять на починки; ежели никольская неделя выдастся с ветром — выжечь нивы, городить новую околицу, посадить картофель и засеять огород, вывозить на волю пчел и лечить их, чинить то, что за долгую зиму пришло в упадок, перебрать оставшиеся овощи... Словом, одна мужику забота: работай до пота, но и то надо помнить, что весной мужик — проказник, работает и в праздник.

С молитвой на устах и работой в руках мужик принимался переделывать в этот месяц множество дел, ибо так устроен май. Но как ни желанен крестьянину месяц май, а даром повелась и такая народная молва: в апреле — учись-учись, да прей; в июне — учись-учись, да плюнь; в июле — собирай книги в куль, и только когда наступает май — гуляй! Май — особенный месяц, это уже не апрель и еще не июнь, нечто промежуточное и очень нужное для всех на границе весны и лета, чего не бывает ни в одно время года. Май — несравнимая ни с чем пора, он — предвосхищение самого живого в году времени, которое оттого и более радостно, чем какое-либо другое.

Май, говорили в народе, еще смаит, то есть преподнесет сюрприз, без которого он не май. Ай-ай, месяц май — и тепел, да холоден, а если не холоден, так голоден, — вот как повелось

судить о нем издавна меж людей, обжегшихся на обманщике месяце. Наш пономарь понадеялся на май, да и стал без коров, ибо когда приходит май — коню сена дай и на печь полезай, а что будет дальше — неведомо.

Не зря в народе замечали: в мае родиться — век промаяться, и добрые люди в мае не женятся. Рад бы жениться, да май не велит, что без работы и непогоды никогда не оставит. Захотел, говорят, в мае добра! Но мужик знай свое гнет: старание в любом деле рано или поздно добро принесет.

Истинное добро приносит в начале мая Егорий, на которого, по народному поверью, земля отмыкается. Егорий весну на Красную горку начинает, пророк Илья лето кончает, жито зажинает,— так определяли крестьяне самую страдную в году пору, и именно с Егория, или, как его еще называли в народе,— Юрьева дня, судили о будущей жизни.

Не много есть в народном календаре таких дней, которым бы уделялось столько внимания. На Руси отмечалось два Его-рия: один холодный — в декабре, а другой голодный — шестого мая. И действительно, к этому времени все зимние запасы съедены, да и скотина почти впроголодь стоит на дворе, а в поле подобраны последние одонья — остатки сена от стога. Когда-то еще поднимутся травы и земля принесет первый урожай, и оттого мужик обращает свои думы к предстоящему лету — каким оно будет?

Если на Егория роса — жди добрые проса. Коли березовый лист в полушку, то к Успению (к Ильину дню — второго августа) клади хлеб в кадушку, а ежели мороз — будут греча и овес. С Егория начинали сажать свеклу, сеять морковь и рассадку: сей рассадку на Егория — капуста будет довольна. Вот и юрьева роса

считалась добрым средством от сглазу, от семи недугов, по ней даже советовали кататься, чтобы получить здоровье. Главное — нужно было жить в согласии с природой, внимательно относиться к окружающей жизни, и тогда богатый бывает сыт и в Юрьев день, а бедный терпит до самого Спаса.

На Руси к Егорьеву дню был приурочен первый выгон скота в поле, который воспринимался как большой праздник и обставлялся обрядами, песнями и приговорами. На Егория скотину выгоняли в поле вербой, срезанной в Вербное воскресенье. В поле выносили стол, на него ставили икону и служили молебен. Этот день считался праздником пастухов, их одаривали и кормили в поле мирской яичницей, а чтобы пастух все лето не дремал, на Егория его окатывали водой.

Георгий Победоносец считался покровителем домашнего скота, и к нему обращались с просьбой уберечь овец и коров. Наибольшей силой обладала молитва к нему именно на Егорь-ев день, во время первого выгона скота на подножный корм. Кое-где Егорьев день включал и обряды, связанные с заботой о лошадях: коней мыли, купали и кормили крестами, то есть снопами, испеченными в Крещение.

А еще Святой Георгий слыл среди крестьян хозяином лесных зверей. Крестьяне верили, что на Юрия Святой Егорий разезжает по лесам на белом коне и раздает зверям наказы, оттого все звери у Егория под рукой. Что у волка в зубах, то Егорий дал, и под Егория Вешнего не работают, чтобы волк овец не поел.

С днем шестого мая связывался и полет ласточек, которые отлетали в три Спаса, к тому же прислушивались к голосу кукушки. Если заслышишь кукушку до Егория — это к неурожаю

и падежу скота, а вот коли птица подает голос после Егория — пора сеять, год будет добрым. Особо сердобольные даже советовали: при первой кукушке на Егория побренчи деньгами, чтоб водились.

Что и говорить: не оставил мудрый народ этот месяц без остроумных примет, пословиц и поговорок,— их в мае не перечесть! Коли в мае дождь, будет и рожь, а майская роса коням лучше овса. Не сей пшеницы раньше дубового листа, так как в мае два холода живет: когда черемуха цветет и когда дуб распускается. Май холодный — год хлебородный, но майский мороз не выдавит слез. Майский же дождь лишним не бывает: сколько в этом месяце дождей, столько лет быть урожаю. Первым майским дождем крестьяне смачивали голову, чтобы волосы росли так же быстро, как майская трава.

Старики по деревням поучали: не хвались на Юрьев день посевом, хвались на Николин день травой, но когда-то еще она подымется и наберет полную силу! Скорее нужно было отсеяться, ибо кончался хлеб, начиная голодный май, и мужику на выручку приходил седьмого мая Евсей — овсы отсей. Те же старики не уставали наставлять: овес должно сеять дня за два до наступления полнолуния или после, и никогда во время затмения, и уж если землю немножко обогрело, не опоздай с посевом. Днем раньше посеешь — неделей раньше уберешь.

Первым посевам способствовали и дожди, ключами от которых владел Марк, следующий сразу за Евсеем. Именно поэтому в народе его называли «ключником». В этот день особенно молятся и просят о ниспослании сильного дождя, так необходимого в майскую пору. Крестьяне говорили: «Если выпадет

в мае три дождя добрых, то и хлеба будет на три года полных». Ведь известно, что малый дождь землю только грязнит, а большой очищает.

Восьмого мая отмечался и прилет стаями перелетных птиц. Если мелкие птицы летят прямо на конопляник, то конопля будет хороша, замечали крестьяне. Одними из первых всегда появлялись жаворонки, и если уж жаворонок запел, гром в небе прогремел, а первый майский дождь лес в листву одел, пришла пора пахать... Поэтому, наверное, и появилось присловие: «Умирать собирайся, а землю паши».

Повсеместное начало пашни приходилось на Еремея-за-прягальника, четырнадцатого мая. Считалось, что этот день следует использовать для продолжения посева. На Еремея, говорили в народе, и ленивая соха выезжает, а кто первый посеет, тот первый и убирает. Сей неделю после Егория да другую после Еремея — будешь с урожаем, но если случится непогода — всю зиму промаешься.

Справный хозяин знал твердо, что лучше голодай, а добрым семенем засевай. Раннее яровое следовало сеять, когда сойдет вода, позднее же, когда цвет калины будет в кругу, поскольку хлеб на хлеб сеять — ни молотить, ни веять. Но и то было верно, что радоваться следовало не большому посеву, а большому урожаю. Не пиры пировать, коли хлеб засевай: знай, сей рожь в пору да в золу. Для получения доброго урожая во многих губерниях соблюдался обычай, по которому в день засева ни один хозяин не давал другому взаймы ни денег, ни зерна, ни куска хлеба.

В пору начала пашни весна всегда зацветает дружно. Все в природе будто поддерживает пахаря, и ему самому от происхо-71

дящего вокруг праздника жизни порой начинает казаться, что его заботы — дело далеко не первое, лишь нечто дополняющее, а главное, несомненно, совершается на небесах, которые в эту пору спускаются на землю. Твое же дело — запрягать, пахать и радоваться, уповая на добрый урожай и не очень суровую будущую зиму, а вокруг — будто раздвигаются волшебные кулисы: наступила бессмертная сказка открытий!

Открывается прошлогодняя листва, уже проколота желтовато-розовыми копьями гусяного лука. Открывается лесное озеро, непонятно будоража ослепительной игрой солнечных бликов. Открываются цветы, посылая в мир первые тонкие ароматы. Открывается бездонное небо, в котором летят гуси, и крик их проникает в сердце, которое весной не знает границ.

Смотришь на эту восторженную жизнь, волнуешься и не можешь понять, почему возвышает душу зрелище птичьего полета. Наверное, сила жизни в перелетных птицах так трогает нас, и не хочется думать, что скоро весна пойдет на убыль.

Воссю распелся уже давно прилетевший соловей... Пятнадцатого мая — это именно Соловьиный день, когда птичий царь без удержу восхваляет весну, так что открываются, наконец, и людские души, вбирая в себя свежие краски, запахи и звуки. С соловьем в народе было связано немало примет, и все они сулили благо: соловей поет всю ночь — будет солнечный день; если соловья услышишь раньше кукушки — счастливо проведешь лето; кто при первом соловье скинет рубаху, того блохи не будут кусать; соловей запел — вода на убыль пошла, можно начинать посевную... Малая птаха соловей, а знает май!

Еще пятнадцатого мая праздновали память о святых страстотерпцах Борисе и Глебе, которых в народе называли «сеяте-72

лями», а день прозвали — Барыш-день. Считали, что именно на Бориса и Глеба начинают сеять хлеб, и обычно перед посевом произносили в их честь краткую молитву, но во время самого посева молчали. Называя день Бориса и Глеба Барыш-день, праздновали его для получения во весь год барышей. Торговцы старались что-нибудь выгодно продать, чтобы весь год торговать с барышом. Святого Бориса, примечали, хоронися: барышники плутуют!

Идет весна-красна подбоченья. Что ни день — то у крестьянина событие! Вот и Мавра — зеленые щи шестнадцатого мая пожаловала, на которую щи варят уже не из кислой капусты, а из лебеды, весело подымающейся сныти, крапивы, что «жгуча родится, а в щи годится», щавеля. В день Арины-рассад-ницы, восемнадцатого мая, высаживали на огороде капустную рассаду. При пересадке ее не ели хлеба, чтобы капусту куры не выклевали. По традиции, посадкой овощей занимались исключительно женщины: если посадит овощи мужик, то они зацветут, но не дадут плода. Иов-огуречник девятнадцатого мая росы распускал, к обильному урожаю огурцов и хорошей погоде, а Иван-богослов, пшеничник, двадцать первого мая велел печь обетные пироги, угощая странников и нищих, и пахать пашню под пшеницу. Ничего не поделаешь: пришла вешняя пора — поел, да и со двора!

Словом «вешний» в эту нору проникнута в крестьянском обиходе каждая мелочь, будто знаменуя собой приближение особого праздника, именуемого в народе Никола Вешний, который приходит двадцать второго мая, и всегда с теплом. До Николы, говорят, крепись, хоть разопнись, с Николы — живи, не тужи. В отличие от Николы Осеннего, что лошадь на двор

загоняет, Никола Вешний ее откармливает, вместо ноши обещая целый воз. Пришел бы Никола, а тепло будет, и если уж пришел — успевай сажать картофель. Но еще более велика милость Божья, когда в Николин день дождик польет!

Одно из главных событий Николина дня — выгон лошадей на новый подножный корм. В деревнях празднуют день конюхов: ребята проводят ночь с лошадьми в поле. Никола Вешний считается покровителем лошадей: в этот день заказываются молебны с водосвятием, чтобы святой уберег коней от волков и медведей, и даровал табунам здоровье, ровно как и их хозяевам. Ведь вешний пир работай да заботой берет, за которой шапка с головы свалится и не подымешь, но как ни крепится мужик, ни дорожится, а все вешней водой пронесет. И даже годы по весне, особенно в мае, кажется, уплывают как вешние воды...

И все же утренники нет-нет да затягивают забереги тонким ледком, отчего прилетевшие недавно трясогузки, недоумевая, семянят по тонкой корочке льда, не в силах разобрать: отчего берег за ночь стал таким прозрачным? Скор на перемены месяц май: в полдень юркие птички уже умудряются присаживаться на островки плавучего ледка, выстукивая их на прочность. Именно неприметная птаха разбивает последние оковы зимы, провозглашая своим маленьким клювом, будто в приставленную дудочку, весну!

Уже давно выметали по лужам икру лягушки: ее серо-коричневые, покрытые тонкой пленочкой шары щедро покрыли всю водную поверхность. Кое-где пленочка лопнула, и сквозь нее просматриваются уже не бусинки, а черные «запятые». Они тотчас оживают, оставляя за собой дорожки и взбивая зеленую болотную пену. Зеленой дымкой покрылись и березы: почки

едва приоткрылись, выпустив по маленькому листику, исполненному жизнелюбия. Но со второй половины мая может вдруг задуть колючий северный ветер, нанесет снег, ледяную крупу. Нелегко тогда придется только что преобразившемуся лесному пространству...

Стоишь в середине майского снегопада и не в силах различить: холодные ли снежинки льнут к рукам и лицу, или черемуховые лепестки? Бывает, что мать-и-мачеха не успеет закрыться, как быстро повалит с неба негданный снег. Но все это скоропреходяще и мимолетно: лишь малая задержка на пути весны. После такого краткого ненастья еще более прекрасно играет освеженное солнце!

Май может не только застудить или озадачить непривычной белизной снегопада, но и изрядно подмочить: это к двадцать четвертому мая подоспел Мокей... Мокро на Мокея, отмечали крестьяне,— жди лета еще мокрее. И даже румяный восход солнца и туман в этот день пророчили мокрое грозовое лето.

Но мужик дождя не боится! Веками наблюдал он за перипетиями природы, связывая их друг с другом, и не уставал думать и восклицать: «Не примечать — так и хлебушка не едать!» На все в жизни есть свои приметы, нужно только их видеть. Природа помогает мужику в этом, когда красуется не лисицами, не куницами, не атласом, не бархатом, не девичьей красотой, а весной!

Экая краса, когда со дня на день, без перерыва, идут далее любимые народом святые: Епифан — красный кафтан, Луке-рья-комарница, Сидор-огуречник!.. Наполненные духовной красотой, они только успевали друг друга сменять, мимолетом наставляя русского мужика своими мудрыми советами: утро на

Епифана в красном кафтане — к жаркому, пожарному лету; на Лукерью много комаров — готовь по ягоды коробов, а много мошек — готовь по грибы лукошек; на Сидора уже можно сажать огурцы, и как пройдет Исидоры, пройдут и сиверы. Только до Сидора обычно заморозки бьют.

Не случайно именно на Сидора появляются первые ласточки, которые окончательно приносят тепло. На вечерней заре произойдет в небе нечто необычное, будто воздух тронется и оживится: это прилетели ласточки. Кто при первой ласточке умоется молоком, говорили в народе, бел будет.

Пристально вглядываясь, как ласточка купается в вышине, всегда с удовольствием отмечаешь ее аккуратный коричневый нагрудник, чудесный вильчатый хвостик, ослепительно белую манишку... Не птица, а сама нежность: не зря большинство женщин желают в мечтах быть ласточками, что без остановки кружатся, резвятся, но судьбу свою устраивают быстро. Оглянуться не успеешь, как вырастают в чердачных углах, под крышей, между старых бревен глиняные полушария — шершавые, с вмазанными перышками и соломинками, но очень уютные. Только мудрость в этом домовитом гнезде, верность и преданность давно заведенному в природе жизнепорядку, подразумевающему, в первую очередь, трогательную заботу о потомстве.

В конце мая, когда отцветают яблони и груши, прилетают и стрижи. Проснешься рано утром, выглянешь в распахнутое окно, а за ним, прямо над огородом, с пронзительными вскрикиваниями проносятся стрижи. Прилет их, как и у ласточек, совпадает с началом устойчивого тепла, когда в воздухе затанцуют комары и мошки. Стремительно гоняются они в воздухе за добычей, и на душе у тебя вдруг ровно отгаает последний, остав-76

шийся еще с зимы, снежок: стрижи высоко выются в небе — будет хорошая погода!

Да и Пахом, подоспевший к двадцать восьмому мая, во всеуслышанье заявляет об этом. Пришел Пахом — запахло, наконец, настоящим теплом! Великий Преподобный оказывался для весенней природы не чем иным, как «ах», когда все в ней благоухает, испуская сладостный аромат. Он — теплый дух весны, которая великодушно источает его всюду.

Пахому вторит в последний день мая и Федот, с которого земля берется за свой род. Коли на Федота на дубу макушка с опушкой, будешь мерять овес кадушкой, а ежели Федот последний дубовый листок развернет, то скотина сыта живет. Словом, придет Федот — накормит и народ, ибо русский человек без родни не живет, а главной родней ему мать-земля приходится, горсть которой он в мае месяце в ладанку кладет и весь год зашитую на груди несет, уповая как на единственную охранительницу родимого уклада. Господь повелел от земли кормиться и, как говорится, рыбам — вода, птицам — воздух, а человеку — вся земля, что в мае к нему как никогда добра.

ЛЕТО

Июнь

Вот и подошло лето... По астрономическому календарю оно вступает в права, когда солнце входит в знак Рака и продолжается до вхождения его в знак Весов, или, как принято говорить, от июньского равноденствия до сентябрьского солнцестояния. Для каждой местности свое лето:

в средней полосе России оно начинается с Еремея-распрягальника, тринадцатого июня, и длится до Семена-летопроводца, четырнадцатого сентября, то есть занимает три месяца — июнь, июль и август.

Народная мудрость не обделила это время года своими меткими поговорками и пословицами. Не моли лета долгого, моли теплого. Каково лето, таково и сено, а дождливое лето хуже осени. Лето, говорили в народе,— припасиха, зима же — подбе-риха, недаром летний день за зимнюю неделю почитался. От заморозков освобождено только лето, и если лето красное, то будет зеленый покос, первый же туман лета — верная грибная примета. А вот коли летом на деревьях появляются желтые листья — это к ранней осени...

За долгой зимой и радостной весной о лете, кажется, даже не помышляется: слишком оно обособлено ото всех других времен года, хотя из них и вытекает. Не зря говорится: осень — грустна, зима — мудра, весна — красна, а лето — отрадно! Времена года, начиная с осени, будто проводят все живое через себя к роскошному удовольствию лета, как к заслуженному великому благу, память о котором незабываема.

Только лето на земле дарит такую свободу, что не несет в себе даже весна. Люди не зря привыкли вкладывать в действия природы собственные настроения и, не замечая того, наделяют ее явления только себе присущими свойствами. Лето, по их разумению, осчастлиливает исключительно всех, оно — пик природного наслаждения, когда каждый живущий в силах оставаться собой, переживая самое неповторимое время. Именно летняя заслуженная расслабленность, эта незащищенная откры-

тость чудесной поры, как ни странно, помогает постичь неведомое. Летний день год кормит...

Рады лету и люди, и звери, и растения. Осенние, зимние и весенние приметы поведали всем, каким оно будет. Каждый, конечно, ждет от него самого желанного, того, чего он даже не знает, но надеется, что все у него сложится хорошо, иначе зачем дан этот роскошный жар посреди лета с томительным ароматом васильков и ромашек, нескончаемым копошением пчел, которое представляется только золотым?!

Да, лето, особенно в своей середине, может сладостно озадачить, потому что в нем угадывается будущая благодатная осень, которую ты, конечно, заработал. А еще летом приходит понимание, что силу золотой вольготной поры сложила и матушка зима, как будто случайно, ненароком, уразумевшая, что искусно дополняет своей глухотой будущую необозримую отраду... Лето — божественно, необычайно, и еще оно пахнет чем-то до боли знакомым, чего уже, как ни старайся, ни за что, наверное, не вспомнишь.

Ослепительное золото целого летнего дня — это именно июньское торжество, доступное для всех, причем очень простое, даже родное, но и оно незаметно сгорает за бесконечный день, оставляя в душе какую-то неразрешенность перед следующим, может быть еще более ослепительным и разомлвшим июньским воплощением. Очищение души от происходящего вокруг торжества и счастья совершенно, потому что совершается в самой благодатной для этого поре — в июне...

Июнь — пора самых светлых и длинных дней, а солнце полно всеохватывающего умиротворения. От солнца, честно гово-79

ря, и не хочется уходить: так, забредешь на время в тенистую ограду дома, пережидая там чего-то — примешься было за какое-то несущественное дело, и вскоре опять подавай ослепительную радость, которая всегда в июне золотая. От золотого июньского солнышка и утро золотое, и день, и вечер, и голоса птиц, и твое настроение. Ничто не приносит такого блаженства, как летнее июньское солнце.

Прочно утвердился на земле батюшка июнь. Не успевает солнце спрятаться в лес с одной стороны, как вскоре его первые лучи ударяют в небо с другой. Засучив рукава, принимается первый летний месяц за тепло, устанавливая повсюду красные дни. Редко когда затянют тучами небо, синий небесный простор только кое-где поджигают высокие шапки облаков. Ничто не в силах противостоять в июне солнечному сиянию: худо лето, коли солнца нету.

Июнь, замечали крестьяне,— пустые закрома, и оттого прозвали этот месяц — Хлеборост, Скопидом, что копит урожай на весь год. Провожает июнь только на работу, отбивает от песен охоту, ибо лето пролежишь — зимой с сумой побежишь. И даже если будет знойный июнь — на рыбалку плюнь. Ведро в июне,— гласит народная мудрость,— колосит хлеба.

Рано начинается разомлелый июньский день. Большинство птиц слетаются из деревни к лесу в поисках добычи для молодого пернатого поколения. Коровы еще до восхода солнца размеренно позвякивают под окнами гулкими колокольцами, нехотя мычат, трутся вздутыми боками о покосившуюся ограду. Из разросшейся вдоль забора крапивной чащи нет-нет да раздаются залихватские колена маленькой птички — крапивника...

Ширится июнь, набирает силу света, и если даже первые два дня месяца льет дождь, весь июнь все равно будет сухой. Но вот на Ивана Долгого, первого числа, еще продолжают сеять лен и гречу, пришел же второго июня Фалалей — досевай огурцы скорей. На последний посев и первую прополку людей вызывает на огороды перепелка: «Подь-полоть, подь-полоть, подь-полоть», — будто выговаривает она прямо за околицей. А еще на Фалалея-тепloveя провеивали прясла — молодые жерди или мочальные гуськи.

Константин и Елена — длинные льны на третье июня повсеместно завершали сев хлебов и сеяли только лен и коноплю. Посеешь лен на Олену, замечали в народе, — будут длинные льны, оттого Елену так и прозвали. В день Константина и Елены сеяли еще и позднюю пшеницу, а кое-где этот день величали «овсяником». И все же крестьяне разграничивали обязанности святого императора, отказавшегося в свое время от язычества и желающего отыскать Животворящий Крест, на котором распят был Иисус Христос, и его матери, царицы Елены, отыскавшей этот Крест и воздвигшей в Иерусалиме христианские церкви на местах, связанных с земной жизнью Господа: льны — Олене, а последние огурцы — Константину.

Четвертое июня называлось Васильковым, или Василиск — соловьиный день. Как ни странно, этот день не олицетворялся с красотой чудесного голубого цветка, а приравнивался народом к репейнику и чертополоху, поскольку глушил ржаные поля. На Василиска не сеяли и не пахали, а пережидали, чтобы поля не засорились и одни васильки не уродились. Еще в этот день подслушивали соловья, для лова, пока он еще не

перестал тешить себя своими сладкими трелями. Песни, как говорится, соловьиные, а промыслы воробьиные.

В Иванов день, седьмого июня, когда в третий раз была обретена честная голова святого пророка Иоанна Предтечи, начиналась заготовка разных трав для лечебных целей. С Иванова дня уже шли обычно медвяные росы, то есть вредные, и крестьяне успевали собрать добрый урожай цветов, которыми красен был июнь. Дядя Иван — и людям и нам!

В народе давно приметили, что сильные росы в начале июня — к хорошему урожаю, и оттого с Иванова дня ставили в кринках молоко под три росы — больше молока коровы дадут. Также внимание крестьян в эту пору было привлечено к рябине: именно теперь ей пора в полную силу зацвести. Поздний расцвет рябины — к долгой осени, хорошо рябина цветет — к урожаю льна. Когда бывает большой цвет на рябине, тогда надеются на хороший налив овса. Кое-где в Иванов день производится главная посадка капусты.

С каждым днем все больше цветов, все пышнее становятся травы. Одной зелени, которая еще не успела состариться и отяжелеть,— десятки оттенков. Гвоздика и мышиный горошек, журавельник и кукушкин лен, погребок и лесная лилия-саранка, зверобой, льнянка, вероника,— каких только трав не встретишь, блуждая сейчас в лугах и лесу!

Может быть, из-за привычки видеть каждое лето наши обыкновенные деревенские цветы мы и не замечаем их истинной прелести, а все больше восторгаемся величавыми розами и дикими орхидеями. Но улыбочивые ромашки и колокольчики нисколько от этого не унывают и каждое утро радуются солнечному свету. К ним почему-то всегда особое отношение, но

спросят — почему, и не ответишь, да только невозможно представить без них букет лета.

Пришло наконец на землю долгожданное июньское тепло, и всем стало ясно: окружающее торжество создано для того, чтобы подчеркнуть и выявить каждое в отдельности, во имя общего жизнеутверждающего аромата, благодаря которому всякая былинка в природе умывается и очищается. Июньское тепло так необыкновенно, что каждый вхож в его роскошный жар, и в тенистую прохладу, и в солнечные дождевые потоки, которые в народе принимаются за грибные. Тепло июня — это нечто неопишное, вольготное, доступное для всех, если даже ты подвергнут осенним неизъяснимым переживаниям или до сих пор околдован весною.

Июнь — радость жизни, когда все достижимо, воздух роится от всеобщей радости, влаги, цветов и света, и жизнь, кажется, никогда не кончится. Только в июне не покидает ощущение, что над тихой уютной заводью, цветущим лугом и раздольно раскинувшейся деревней в воздухе держится нечто неуловимое, но такое чудесное, что хочется жить, угадывать его во всем и больше ни о чем не думать!

Но, между тем, думать о начавшемся летнем быте вынуждают и святая мученица Федора, девятого июня, на которую не метут из избы сора, и Никита-гусятник, десятого июня, когда в тихий день ждут хорошего урожая, и, конечно, Федосья-коло-сяница, иначе — Гречушница, ибо именно в ее день рожь колосится, выметывая колос. Рожь обычно две недели зеленеет, две — колосится, две — отцветает, две — наливает, две — подсыхает. А на Федосью еще ходили в поле смотреть всходы: взошли хлеба — не дивись, налились хлеба — не хвались, хлеб на току —

про урожай толкуй. Не мудрено и запутаться, но одно верно: спеши в ведро всю работу справить,— июнь-батюшка на дворе...

Червень — так прозвали в народе первый летний месяц, увидев в нем самую красивую в году пору — червонную, а значит — яркую, замечательную и неповторимую. Много плодов и цветов в июне созревают именно красного, бордового, лилового или розового цвета, и это обилие красных красок характеризует суть месяца. Кое-где его называют даже «румянцем года» — за краски, яркие зори и цветы.

Розы и пионы, тюльпаны, кипрей и гвоздика, сосоряя с колокольчиками, маки, шиповник — каких только цветов не встретишь в июне! А по краям вырубок и покосов уже ярко рдеет земляника... «Стоит Егорка в красной ермолке, кто ни пройдет, всяк поклон отдает»,— загадывает народная загадка. Укромно и незаметно живет в себе такая земляничная поляна, но только подует легкий ветерок — и обдаст ароматом всю округу. За лесной земляничкой вскоре нальется по косогорам сладким духом и дикая клубника, которая и ягодой покрупнее, да и кустиком повыше.

Порой можно услышать и такое название июня: «изок». В некоторых местах подобным образом называют кузнечиков, их непрерывное стрекотание слышится повсюду. Даже ночной порой не смолкает эта жизнеутверждающая цикада: звонко и отрывисто «кует» голосом невидимый в траве кузнец. Кузнечику, что козлу,— везде огород.

Днем — сухо... Сухой воздух, сухая земля, даже цветы замерли от недостатка влаги и уже не качают головками. В лесу все трещит под ногами, и травы, кажется остановились в росте. Июньская теплынь совсем одолела!

В этукую сушь начинается, как ни странно, змеиный праздник: змеи, по народным приметам, скопляются и «идут поездом на змеиную свадьбу». Подступило двенадцатое июня, Иса-акий...

Если убить змею и повесить на березу, замечали крестьяне, то пойдет дождь. Но кто возьмет на себя такой грех?! Недаром велось меж людей: змею обойдешь — и от клеветы уйдешь. А коли не минуешь, для лечения от змеиных укусов прикладывают к ране изжеванный корень любки, в Сибири это ужовник, а на Урале — медуница, или тертый свежий корень конского щавеля.

Июнь — самый жаркий месяц, но, бывает, перепадают и дожди, иногда обильные. А то хлынет и ливень, сыплющий градины с голубиное яйцо — случается в июне и такое! Но летом ведро воды — ложка грязи. Дождь, даже сильный, лишь прибьет пыль, а выглянет солнышко — и все тотчас подсыхает. Только после хороших дождей земля именинница: даст Бог дождь, уродится и рожь!

Повесив сетево — лукошко для семян — на гвоздь в чулане, Еремей-распрягальник тринадцатого июня завершал все посевные, кроме гречихи. И начиналось на Устина, четырнадцатого числа, красное лето — красный налив ржи. Тот, говорили в народе, хорош, у кого родилась рожь, и тогда, после доброй работы, уж не тужи о ржи: только мешок держи. Но и то верно, что матушка рожь кормит и всех дураков сплошь. Дважды в году красному лету не быть, и оно никому не досаждают.

А жара поджигает, и на солнце днем как в знойной бане: при такой суши и сырое горит. Парит июнь всех сухим веником, кости грызет; в огород лучше не выходи: слепни с мошка-85

рой одолеют. Сушь, духотища, воздух аж звенит, а нутро будто прожарено. Но где тепло, тут тебе и добро: огурцы снимай, чуть ли не каждый день ушатами, от клубничных гряд — по всему саду запекшийся сладостный дух. Так вольготно в июне, как будто сам Бог в нем живет!

Но и сушь рано или поздно спадает, и вечером, хоть и нехотя, солнце опускается за горизонт. Золотой красногрудой птицей толкается оно в нежно-малиновых облаках, будто влюбленное рыжее сердце, и все машет своими огненными крылышками, машет, даже на короткое время не желая оставлять только было очнувшегося весной, но вновь позабывшего себя в летней роскоши человека... В преддверии скорого солнцестояния, которое приходится на двадцать второе июня, ему совсем не хочется поворачивать на зиму, что кажется сейчас такой далекой. Не зря летний день — за зимнюю неделю!

А тут и Лукьян-ветреник шестнадцатого июня подоспеет, как будто заказывали его: надует свежие ветра, от которых воздух прочистится, обновится, и станет легче дышать. На Лукья-на южный ветер — к урожаю яровых, северо-западный — к сырому лету, восточный — к наносным болезням. Если же соберешься в этот день рыть колодец, то нужно было опрокинуть на землю сковороду и по выступившей на ней сырости узнать, есть ли близко воды. Ветра на Лукьяна обычно приносили дождь, который сулил много грибов, а если случалась гроза, то это — к плохой уборке сена.

Но настоящими грозами был богат Федор Стратилат, двадцать первого июня. Если во время грозы слышались раскаты грома, нужно было ждать затяжного ненастья. Федора Страти-лата называли еще колодезником, потому что в этот день чаще,

чем на Лукьяна, колодезники опрокидывают сковороды, чтобы узнать, где есть водяная жила.

Вместе с грозами подступала и пора прополки. Поле полоть — руки колоть, а не колоть, так и хлеба не молоть. Посеяли злаки, шутили крестьяне, косим же осот да маки. С Федорова дня, когда сев закончен, а покос и вспашка под озимь еще не начались, подходила «навозница» — навоз вывозили на паровой клин. Каждый мужик хорошо знал, что ежели класть навоз густо, в амбаре не будет пусто, и где лишняя навоза колышка, там лишняя хлеба коврижка. Навоз и Бога обманет!

На июнь обычно приходится и праздник Вознесения Господня, который празднуется в сороковой день по Воскресении Иисуса Христа — день, в который Господь вознесся на небо. Этот день всегда приходится на четверг шестой Пасхальной недели. Повсеместно на Вознесение пекли «лесенки» как символ восхождения на небо и лакомились ими.

Следующая неделя после Пасхи — Семиковая, завершалась Святой Троицей. Именно эта неделя прославляла зеленеющую землю, которую всегда олицетворяла березка. Деревни в этот небольшой отрезок времени буквально преображались: дома и улицы были украшены срезанными березовыми ветками и цветами. На Троицу прихожане являлись на обедню в церковь с букетами полевых цветов, а пол в храме устилается свежей травой.

День Святой Троицы называется также Днем сошествия Святого Духа на апостолов, ибо в этот праздник вспоминается и прославляется сошествие на апостолов Святого Духа в виде огненных языков. В этот день церковь призывает верующих

поклониться триединому Божеству: Сыну во Отце со Святым Духом. С Троицей в народе всегда связывали только хорошее, и даже сильный дождь в этот день пророчил много грибов. Бог любит Троицу, без которой и дом не строится.

Двадцать второго июня, в день летнего солнцестояния, праздновали святителя Кирилла, с которого приходил конец весне, почин лету. На Кирилла солнышко отдавало земле всю силу. Поспевала земляника, и уж если земляника красна — овес сеять напрасно. Лето близится к своей макушке, начались самые короткие ночи — воробьиные.

Белые июньские ночи... Что-то неземное есть в их нарастающем, ширящемся пространстве, какая-то отрешенность. Розовеющая полоска заката мягко тянется у горизонта, ненавязчиво окрашивает кучевые облака... И тут же — белая луна, окошечко в никого уже не интересующую теперь безывестность. Все внимание — несмолкающей повсюду жизни, которая, кажется, только еще более разгорается.

Стрекот кузнечиков, особенно днем,— главный пульс лета, его напряженное и горячее сердце. Откуда и силы у таких махоньких насекомых?! От каждой веточки, лепесточка текут в такт песне кузнечиков дивные ароматы клевера, ромашек, мышиного горошка и незабудок. Над благоухающими полянами порхают бабочки — живые цветки лета: глубина его паразитерна в своей простоте.

Цветы как бы подражают насекомым, и первое место по праву принадлежит любке, или ночной фиалке, запах которой в июне усиливается к ночи. Это объясняется тем, что ночная фиалка опыляется ночными бабочками-бражниками, которые высасывают ее нектар из узкого сосудика цветка прямо на лету.

Июньской ночью, полной самых таинственных звуков и запахов, это напоминает полет сказочных эльфов...

Что ни день — то новости. В эту пору появляется особенно много мелких поденок. Лишь эти насекомые, уже окрылившись, снова линяют. Их сброшенные оболочки — будто лепки с поденки, ее полупрозрачные воздушные подобию. Только летом возможно такое волшебство, которое, между тем, заботится о будущем.

Не за горами и двадцать пятое июня, Петр-поворот! Солнце с Петра-поворота укорачивает ход, а месяц идет на прибыль. Выпадают большие росы. Солнце поворачивает на зиму, а лето на жару. Самое бы время ударить хорошему ливню!

Почти весь июнь стояла великая сушь, не считая мелких непродолжительных дождей, листья заметно отяжелели, не шелохнутся. Но вот заблагоухали отчего-то вдоль забора заросли крапивы, потянулись в воздух свежие щекочущие струйки. Листы ее набрякли от невесть откуда взявшейся влаги, но воздух по-прежнему горяч и сух, в небе будто навечно распластался силуэт ястреба. Кажется, нечем дышать, и все же ощущаешь нутром предгрозовую паузу в природе и вбираешь ее каждой клеточкой тела. Где-то неподалеку уже совершается это долгожданное действие, приближается гул, а ты гадаешь: пронесет мимо или прольется в самый раз?

И наконец-то грянуло! Молнии не видать, но все вокруг светится, играет в синих, голубых и ослепительно белых бликах. Будто само небо обваливается на лес, деревню, что было сил гремят об забор ветви,— шквал несусветный, аж страх забирает. Если ливень не прекратится за ночь, немало рухнет деревьев, прямо с вырванными корнями. Утром странно стоять

над их кронами, где совсем недавно гнездились птицы, а солнце жарит без удержу, будто и не полоскал землю столько часов обильный ливень...

Парит земля, парит воздух, парят облака — знать и ноне быть Божьей милости! Донимают скот мошкara, оводы и мухи. Коровы от множества слепней не стоят на месте, убегают из стада, ищут приюта в селениях, под навесами и в тени строений. Отправишься поутру в лес за земляникой — комары будто взбесятся! Это прямо вслед за Петром-поворотом пожаловала Акулина — задери хвосты, гречишница, на которую не работали, чтобы гречи были хороши. В этот день обычно устраивали мирскую кашу для нищей братии.

С каждым днем солнце укорачивает свой бег, идет тише. Святитель Тихон на двадцать девятого июня будто способствует этому своим именем. Его отец был владельцем хлебопекарни и посылал сына продавать хлебы, но тот раздавал их беднякам даром, а недовольному отцу отвечал: «Дающий Богу сторицею приимет». Он был и в зрелом возрасте милостив, двери его дома были открыты для всех, и Тихон с любовью выслушивал и исполнял просьбу каждого, кто приходил к нему.

На Тихона постепенно замолкают певчие птицы, только соловей и кукушка поют до Петрова дня. Астрономы утверждают, что в это время земля движется по своей орбите с наименьшей за весь год скоростью: на Тихона у Земли самый тихий ход. В этот день завершается и поздний сев ярового хлеба. Уповая на милость святого, к нему обращаются за помощью даже во время зубной боли.

Тихон в конце июня что умиротворенное журчание ручья, ласковое пение птахи, слабый шелест подтянувшихся трав,

вкрадчивый голос природы, которая, как и Бог, тихому да славному всегда поднесет. Сам же июнь — благодатное для всех пристанище, спокойная и безмятежная жизнь посреди лета, когда тише едешь — дальше будешь. Вот и на тридцатое июня, в день святого мученика Мануила, солнце и то застаивается, будто смущенно извиняясь за самый жаркий летний месяц...

Июль Июль — макушка лета, которое в эту пору стало еще пригоже. Вот уж и на дворе, казалось бы, совсем пусто, в поле же — густо. Закален июль работой и зноем, в нем пахнет больше не цветами, а душистым сеном, на полянах стоит тонкий аромат ягод и меда. Словом, благодать, самая середина чудодейственной поры, когда, кажется, избавляешься от всех бед: плясала бы баба, да макушка лета настала.

В июле если можно «повесить» ведро на рог месяца — быть суше. Если же ведро «падает» — к дождю. Июльские потоки воды, бывает, льют и льют, но даже самые сильные ливни не в силах одолеть июльский жар.

Пчелы — неумолимые провозвестники июльской медоносной поры, первыми предупреждают скорый дождь, усиленно летят к своим ульям. Перед засухой пчелы обычно становятся злее, чаще жалят, а если сидят на стенках улья — будет сильная жара. В самом начале месяца, второго числа, приходит их охранитель Зосима, преданный жесточайшим мукам за отказ принести жертву языческим богам, за это подкрепленный благодатью Божьей, и пчелы — божьи угодницы — не только доставляют воск на свечи, но и запасают много меда. Недаром июль в народе получил свое название по обильно цветущей липе —

«липень», или «липец», с которой пчелы в эту пору усиленно берут взятки.

Цветут липы, пахнет медом, и на душе так хорошо и празднично, что ты этого даже не замечаешь. Липа — очень красивое, веселое и, может быть, самое обаятельное лесное слово... От липы в окружающей природе растекается какая-то особая нежность, что не излучает летом ни одно дерево. Пасечники с нетерпением ждут, когда зацветет липа, моля заступника пчел Зосиму, чтобы ливни не сбили дурманы, беловато-кремовый цвет, сладостный дух от которого мягко пронизывает в июле все вокруг.

Но отчего липа цветет в середине лета? Ее зеленые подруги уже давно сбросили свой весенний наряд. Разгадка проста: липа распускает цветы на побегах этого года. Пока молодой побег отрастет да заложатся в нем плодовые почки, глядишь, и подошло краснотелье — начало июля.

Вслед за Зосимой, третьего июля, наступает праздник перепелятников — Мефодий. Со дня Мефодия охотники живут в предвкушении скорой охоты на перепелов. Коли над озимью носятся тенетник и мошка, хорош будет улов перепелов. Словом, летят тенета — удачная охота. А еще в народе примечали, что если тенетник — особо большой паук-крестовик — оставляет в воздухе много тенетной пряжи, это пророчит долгую сухую осень.

Мефодий среди крестьян почитался и как паутинный день, погодууказатель. Давно замечено, что паук лучше всякого барометра предсказывает погоду за два-три дня: паук не раскидывает своих сетей для ловли насекомых с обычным старанием — перед дождем или бурей; если паук снова принимается за работу или заделывает изъязны в своих тенетах, то это пред-92

вещает перемену погоды к лучшему; когда же он прилагает к своей работе особое старание, то можно почти наверняка предугадать положительную ясную погоду. Нередко перед наступлением непогоды пауки даже уничтожают сотканную ими паутину и поспешно забираются в щели.

В этот день также обращали внимание на поведение муравьев и лягушек: если муравьи прячутся в кучи — жди сильного ветра; лягушки расквакались — перед грозой; коли же они по суше запрыгают и жаба в траву выползает — к дождю. И вот зашлепали по сухой земле крупные капли дождя, грянул раскатистый гром, и вмиг кругом потемнело. Но как долго продлится дождь? Об этом наблюдательный мужик мог узнать из накопленных предками примет: дождь, начавшийся после полудня, будет лить весь день; большие дождевые пузыри и крутая радуга — к затяжному дождю; глухой гром — к тихому дождю, гулкий — к ливню; гроза никогда не бывает в холодную погоду, а только после нестерпимой жары.

Никто не предупредит ненастья надежнее живого барометра, и оповещают об этом человека в первую очередь именно те, кто всегда находится с ним рядом: животные, птицы и насекомые. Если внимательно к ним приглядеться, то, к примеру, определенно можно будет судить о дождливой погоде, если стадо к вечеру разревелось, лошадь трясет головой и храпит, куры нахохлились, гусь и утка ныряют, собака ест траву и валяется по земле, воробьи кучатся в кустах, земляные черви выползают наружу, а пчелы утром не летят в поле, а сидят по ульям и гудят. В случае же, когда в деревню прилетит сова, сядет на крышу дома и будет кричать, то в этом доме и даже во всей деревне приключится большой пожар.

Помогают человеку определять время или предстоящие изменения погоды и растения, по которым даже в незнакомой местности несложно установить, какие здесь господствуют ветры. У одиноко стоящих деревьев кроны вытянуты в одну сторону — на восток, и это показывает, что здесь преобладают западные ветры. Хорошим указателем могут служить серебристый тополь и ива: когда дует ветер, их листья шевелятся, и крона кажется серебристой с той стороны, откуда идет движение воздуха. А кувшинка? Ее листья сверху зеленые, а снизу красно-бурого цвета. При ветре они закручиваются кверху и по их красному цвету легко судить, откуда дует ветер.

Многие растения распространяются при помощи ветра: одуванчик, чертополох, молочай. На многие сотни метров разносит ветер крылатые семена кудрявой березы, которая в июле желтеет пухлыми сережками, и по полету ее семян можно определить направление и силу ветра. Береза — самое плодоносное дерево в наших уральских лесах, поскольку первой заселяет вырубки, гари и пустоши. Не пройдет и десятка лет, как на месте старой вырубки зашумит чистая березовая рощица и повеет свежестью и прохладой в знойный июльский день.

На Аграфену-купальницу, идущую за Мефодием-перепе-лятником, шестого июля, обыкновенно начинали заготавливать березовые веники на весь год. Для этого выбирали не шерстелистую березу, а белую, с гладким листом, называемую в народе «веселкой». Из нее веники выходили паркие, душистые, выводя из тела все хвори. Добрый веник в бане и царя старше!

На Аграфену обязательно мылись и парились в банях, но и в реках с озерами вода к этому времени уже прогревалась, и с Аграфены начинали «закупываться», то есть купаться вперые

в году. Ведь в июле хоть разденься, а легче не станет, и потому крестьяне отводили душу в речной прохладе, настоящей на береговых травах. Несмотря на то, что вода в июле цветет, покрывается поростом и лягушачьим шелком, она от этого становится только еще более притягательной, дурманящей. Цветет лето, радуется июль, будто жить ему во всем этом цветущем благе вечно.

Но самым главным событием дня Аграфены-купальницы был, пожалуй, сбор трав, корней для лечебных и знахарских целей, так как они в эту пору в самом соку. В народе говорили: в июле слышно, как трава растет. Накануне Ивана Купалы девушки гадали по травам и цветам.

Аграфена-купальница и идущий за ней седьмого июля Иван Купала сливались в один большой праздник, наполненный для крестьянина огромным смыслом. День Ивана Купалы принадлежал к числу самых почитаемых и разгульных праздников в году, в котором принимала участие вся деревня. Более всего Иванов день заполнен обрядами, связанными с водой, когда обязательно нужно было искупаться, а вечером после купания жгли костры и прыгали через них. Крестьяне при этом приговаривали: «Вы молитесь, попы, дождя до Ивана, а после и мы, грешные, вымолим».

Травы и цветы, собранные в Иванов день, высушивают и берегают, почитая больше целебными, нежели собранные в другое время. В день Ивана Купалы девушки плетут венки из трав, а вечером пускают их в воду, наблюдая, как и куда они плывут. Если венок тонет — значит суженый разлюбил и замуж не возьмет.

А в лесных лощинах, где теряется солнечный луч, распускает перистые листья папоротник — ключ к отысканию кладов,

по древним народным поверьям. В ночь на Ивана Купалу ходили смельчаки за его волшебным цветом и не могли найти, объясняя свои неудачи вмешательством леших и ведьм. Не зря Иванов день считался еще днем ведьм, оборотней и колдунов, когда следовало остерегаться проказов нежити. Крестьяне верили: на которой траве коса переломится в Иванову ночь, та и разрыв-травка.

В своем воображении ты тоже отправляешься сказочной ночью в лес и ищешь огневой цветок папоротника, который вот-вот должен появиться и зацвести. Но он почему-то никак не показывается, хотя и сильно ощущается где-то совсем рядом. Там и днем сумрачно, а полная темнота наступает незадолго до полуночи, скрывая даже белостволье берез. Ходишь, ищешь и все не можешь отыскать волшебства, которое, кажется, почти нашел. Что-то еще более значительное, чем трепещущий в июльской ночи очарованный цвет, не допускает тебя к этой ослепительной тайне.

Ивановы дни вызывали у крестьянина и тревогу, и радость: они очень нужны хлебам и уже опасны для травы перед самым сенокосом. Вот и дождь до Иванова дня шел в засек, то есть хлеба прибавлялось, после Иванова дня — из засека. На Ивана Купалу жито должно было выколоситься, а не заколосится — так это плохая примета. На Иван-день — колосок, говорили в народе, так на Ильин день — колобок. Опять же во время сенокоса, который в ряде мест начинали именно на Ивана Купалу, дожди зарядят — сему плохо, зерну хорошо, ежели травы черны — лошади кормны, ибо когда сено гибнет, овса достаток.

И все же большинство примет на Ивана Купалу обещало добро. Корми меня до Ивана, сделаю из тебя пана, говорит

мужику пчела, и коли мужик все делает правильно, за два-три дня до Иванова праздника появляется мед. После Ивана уже не надо жупана (шубы или тулупа). На Иванову ночь звездно — много грибов будет, сильная же роса сулила урожай огурцов...

В Средней полосе России в эту пору обычно поспевают все лесные и полевые ягоды. Не зря на девятое июля приходится Давид-земляничник. Существовало даже поверье: кто хочет занять деньги, тот должен положить травы земляники в карман и смело идти — отказа не будет.

По свежим вырубкам, где в два-три года поднялись кусты малины, ягод не счесть. Ветви на частом кустарнике нагибаются от их тяжести до самой земли. Осторожно поднимешь любую, на которую упал взгляд, и обомлеешь от ударившего в лицо спелого духа. Малина аж посинела от зрелости, вот-вот оборвется: голова сладко кружится в этом ягодном приволье... Ешь горстями лесную радость, благодари щедрый июль и лето!

Даже Самсон-сеногной десятого июля не мешает счастливому шествию удивительного месяца! И хотя издавна было замечено, что на Самсона дождь — через семь недель тож, то есть до бабьего лета будет мокро, повсеместно идет подготовка к покосу, и второй раз распахиваются поля. Большая часть пара идет под озимую рожь, остальная будет засеиваться весной яровым хлебом.

Но, несмотря на то, что Самсон сено гноит, с этой июльской поры еще ожидалось сорок жарких дней, ну а уж если пришел двенадцатого июля Петр и Павел — жару только прибавил. Воздух накален зноем, и кажется, тепло идет из-под земли. И хоть начинают темнеть ночи и день убывает, а все же происходит это пока незаметно, ибо Петровки скучать не велят:

к Петрову дню доставай серпы и косы. Как говорится: всяк, кто дорос, спеши на сенокос.

Ну, а коли взял косу в руки — погоды не жди, тогда и роса косу точит. Где покос отведут, там и косы, на острую же косу — особо много сенокосу. Одна пора в году сено косить — июль месяц, что полон заливных, луговых, пойменных и суходольных трав, которыми хоть попа корми!

Лютики, и ромашки, незабудки и колокольчики, клевер и гвоздика... Торжественность и покой чудесных цветочных полей, пахнущих медом, никогда не надоедает, безостановочно сливается с твоей душой, слегка возносит ее и так надолго замирает, наслаждаясь проистекающим повсюду довольством. Солнце не печет, а ласково греет, цветы светятся, горят разноцветными улыбками. Особенно старается озорной василек, сиреневыми огоньками весело подмигивая в раздольном июльском разнотравье. Вольготно, но не вальяжно развалилось дородное июльское тело, вбирающее и цветы, и ягоды, и солнечное тепло, и ароматный воздух. Быть, кажется, лету вечно, нескончаемо длиться в нем роскошному июлю!

Среди лесных июльских полей переживаешь что-то вроде легкой приятной усталости, когда даже не знаешь, как вести и куда деть себя в этом чудесном благодатном мире. Впечатление от переполняющих ощущений непередаваемо, со временем смотреть на цветы становится даже больно, а они, впитывая нескончаемые порции солнца, цветут уже второй, а то и третьей очередью. Алеет, синее, желтеет травами разномлельный июль, наверное, с неохотой двигаясь к зрелой августовской поре. Вот бы еще ему поиюлить, поцвести жарким душистым золотом непрекращающегося щедрого дня!

Ни с чем не сравним травяной июль! Травы его загустели, заметно возмужав. Легко срезает такую траву коса, ровно ложится тугой валок. А как трава полежит, пообсохнет, да ее перетрясут,— жаркое, душистое сено сгребают покучней в стога. Не то сено, что на лугу, говорили в народе, а то, что в стогу.

Стог посередине поляны — воистину летняя сокровищница! Спрятал в себя все травы и цветы, источает их пряное дыхание, настой ромашек, васильков и колокольчиков, а подойдешь к нему вплотную — голова пойдет кругом. Чутко хранит стог сена память трав и цветов, навеяв светлые думы.

Все ароматы лета смешались в этом жарком летнем хранилище, все они непередаваемо душисты и целебны, и ни один невозможно выделить. Может быть именно в стогах наши полевые цветы начинают благоухать по-настоящему, еще пуще, только теперь раскрывая себя до самого конца. Весна цветами красна, а июль снопами!

А уж когда настал день Кузьмы и Демьяна, который по народному месяцеслову приходился на четырнадцатое июля, косить и вовсе не рано! На Урале, если будешь ждать этого дня, можно и без сена остаться. Остро сверкают по опушкам звонкие косы. «Вжик-вжик, вжик-вжик, вжик-вжик»,— размеренно выговаривают они, и покорно ложатся на землю скошенные травы.

Стоит разгар лета, и утомленное солнце день за днем все позднее выплывает из-за горизонта, все короче становится его путь над землей. Еще не скоро окрасятся листья деревьев в багрянец и золото, но в природе уже чувствуется величавая зрелость. Словно утомившись от тяжести пышной листвы, притихли и задумались леса. Только в грозу да в сильный ветер недовольно шумят отяжелевшие кроны деревьев.

Отзвенели в лесах птичьи голоса. Перед самыми Кузьминками замолк соловей, с Петрова дня подавилась колосом кукушка,— рожь уже давно вошла в молочную спелость. По запыленным обочинам дорог поднял фиолетовые головки чертополох и расцвел лекарственный цикорий.

Всем июль пригож, да макушка его тяжела. В огороде полют гряды, снимают первый урожай. Вообще, страдная пора, как и лето, в разгаре, и трудиться приходится с утра до позднего вечера не покладая рук. Сбил сенозарник спесь, что некогда и на полати сесть, но зато покой пьет только воду, а беспокой — мед, с которым мужик и лапоть съест. Кормит его не топор, а июльская работа.

На Кузьму и Демьяна женщины успевали не только справиться с огородом, накосить, выполнить всю домашнюю работу, но и отметить свой праздник — летние Кузьминки. Это чисто женский праздник, с хождением в гости, обязательной растительной пищей, которую готовили и собирали вскладчину, с пивом, разговорами и песнями. Мол, мешай дело с бездельем, проводи время с весельем!

Июль и с косой по лугам прошел, и с серпом по хлебам пробежал: доход не бывает без хлопот. И где работно, там и густо, а в ленивом дому пусто. Стоит зной, и вроде бы не лежит душа идти в полный комара и гнуса лес, но там в эту пору поспевают малина, черника и смородина, что под комариные песни еще лучше зреют, и страсть как хороши в пирогах и просто с молоком. Июлю ничего не жалко, нужно только усилие приложить — отправиться спозаранку, еще по темноте, в лес, и тогда царство Берендея встретит тебя скатертью-самобранкой. Успевай собирать маленькие роднички здоровья, в погребках же

незаметно прибавляются банки с душистым вареньем: зимой все сгодится.

Вот и Ермий с Сисоем, пострадавшие за Христа, под девятнадцатое июля неустанно проповедуют: «Не то забота, что много работы, а то забота, когда нет работы». И уж кому, как не им, было знать, что кто рано встает, тому Бог подает, да и коли решил наживать, так надо раньше вставать. Ведь без труда и отдых не сладок.

Вода в прудах и озерах к этому времени стала совсем парной, молочной. От душистого тумана по утрам можно задохнуться. Лениво плывет он над поверхностью воды, от малейшего вздоха ветерка начинает роиться, обдавая еще большей пряностью прибрежных трав. Медленно провожаешь взглядом эти плотные ароматные клубы, а туман беззвучно крадется, красуется в тихой озерной глади.

Такая тишина вокруг, что не слышно, ни птиц, ни комариного писка, ни рыбьих всплесков. Спокойно, даже торжественно рождается чудесное июльское утро, не желающее, должно быть, перетекать в разомлелый полдень. Эту торжественность, в самый раз на двадцать первое июля, подхватывает Прокопий, которому сам Иисус Христос совершил Крещение, дав ему имя, и Прокопий поэтому будто боготворит июльское утро, ненавязчиво предупреждая еще больший праздник — явление иконы Казанской Божией Матери...

Великое благо совершается на земле — июль, великая радость — переживать его и пить до дна, будто из святого источника. Все больше накал роящегося воздуха, все чаще присаживаешься передохнуть в тень душистого стога. Высокие белые облака легко катятся по выцветшему небу в неизведанные све-101

тоносные края, на самую вершинку стога опускается, не боясь человека, маленькая рыжая пустельга. Сидит чуть сгорбившись, вся на что-то нацеленная, а такое впечатление, будто именно она удерживает в когтях сенную грудку, и если вдруг сорвется, то увлечет ее за собой. Все копны, устремленные своими заостренными макушками в июльское знойное небо, от этого кажутся еще более воздушными.

Свежий ветерок слабо шевелит золотистые соломинки, жарким золотом отливают округлые бока стогов, которые будто охраняют широкое июльское пространство. Неспешна жара, неспешно вольное июльское время, распростершее себя повсюду. Жарко думать, жарко дышать, но все равно хочется наслаждаться щедрым июлем, что словно остановил, задержал лето, и нет никакого желания его покидать. Июль насытил собой все живое, и это живое отзывается ему каждой частицей своей огромной прекрасной души.

Именно с Прокопьева дня принимаются складывать по дворам зароды, которые хранят крестьянина и его скотину от нужды. В начало самой сильной за лето жары Прокопий и жнет, и молится, и собирает, и, как ни странно, везде поспевает. Благо что Казанская!

Но именно с Казанской начинают по-настоящему готовиться к жатве, в некоторых местах уже собираясь жать рожь. Прокопий — трудолюбивый жнец, жатвенник, он — и зажин ржи. Ведь в июле зерно в колосу — торопись жать полосу, и пока колос в поле — трудись подоле. В народе примечали: жнут рабочею Казанскою порою — жуют зимою, ибо в жатву только лентяй женится, а зуда замуж идет.

К началу самой сильной жары, на двадцать второе июля,

Панкратий с Кириллом обычно потчуют первыми огурчиками, в лесах же пахнет отцветающей липой. С гудением выются вокруг цветов пчелы, спеша унести в свои ульи побольше нектара. На суходолах уже вянут травы, и каждый порыв ветра сопровождается их шорохом.

А над озерной и речной гладью кружится белая метель: трепеща крылышками, порхают в воздухе бабочки-поденки. Только один день протанцуют они под жарким июльским солнцем и, отложив яички, исчезнут. Из яичек выпестуются личинки, два-три года проживут в воде и превратятся в хрупких бабочек. Время в июле, когда вьется над водой живая метель,— праздник для окуней и карпов.

Щедро льет лучи июльское солнце, но вот-вот начнется страдно-грозовая пора. Это на двадцать четвертое июля приближается Ефимия Стожарница, на которую сияние стожар становилось уже заметным в ночном небе и предвещало в будущем удачную охоту на медведя, кстати, единственного из всех зверей, что бросился на Святую Великомученицу, когда ее осудили на съедение зверям в цирке. Стожарами в народе называли созвездие Плеяд, а местами — Большую Медведицу, в которой Полярная звезда и есть стожар. «Коли звездисто и стожар горит, иди смело на медведя»,— замечали крестьяне.

Применимо к этому празднику и понятие «стожар» как шест, втыкаемый твердо в землю, посреди стога, чтоб он не клонился. Стожары же — целый ряд таких шестов или долгих кольев для скирды сена или хлеба. Еще говорили: «Стожары целы, а сено увезли!» Но жатва в эту пору продолжалась, снопы росли по полям, и первый сжатый сноп называли именинником: имен-103

но с него начинали осенью молотьбу и его соломой кормили больную скотину.

Грозовая пора тем временем берет свое, и когда гроза бьет, в поле обычно не работают. Ну, а ежели она все-таки застала, приговаривали: «Ты, гроза, грозись, а мы друг за друга держись!» Ведь не всякий гром бьет, а и бьет, да не по нас, а и по нас — авось не убьет! Примечали: коли гром в постный день, будет хороший улов рыбы, глухой гром — к тихому дождю, гром гулкий — к ливню. Бог милостив: может и с его угроз богатым станешь!

Прокл со своими великими росами как раз к этой сырой поре двадцать пятого июля поспевают: на Прокла поле от росы промокло. Большие росы загнаивают сено, и поэтому крестьяне не спешат до Прокла высушивать сено грядущками. Старушки-лекарки собирают великие целебные росы для врачевания: Прокловы росы, по их заверениям, — лучшее средство от призора и сглазу. Приметы же в этот день пророчат: утренняя роса — добрая слеза, ею лес умывается, с ночью прощается; роса да туман живут по утрам, и если утром сильная роса и туман — к хорошей погоде; ночью нет росы, а в низинах не видно тумана — к ненастью.

Истосковавшаяся по влаге земля жадно вбирает ее вместе с росами и туманом. После продолжительных гроз заморосит вдруг хмурый, неприветливый дождь и, изо дня в день набираясь силы, дробно молотит по листве и крышам. В такую непогоду хорошо сидеть дома, наблюдая из окна, как на лужах от ударов дождевых капель всплывают большие пузыри — верная примета затяжного ненастья. Дождливое лето хуже осени!

А тут и Кирик с Улитой морочные двадцать восьмого июля объявятся: «Не жни на Кирика и Улиту — виденья худые уви-104

дишь!» «Кирики-мокродырики» — звали их в народе, замечая, что на них всегда мокро, сеет безостановочный дождь и на дворе слякоть. Бывает, что и весь июль выдается таким неприветливым, дождливым.

Тянется тогда безрадостно летнее время, льет и льет за окном непрерывный ливень: не струи, а целые потоки обрушиваются на землю. Вот и лето, говорят, прошло, а солнце так и не обожгло,— быть ли лету к своему концу изобильным? Но живет в крестьянине неискоренимая надежда хотя бы и на то лето, не на это, а на третий год, когда черт умрет. Пройдет лето,— убеждает себя мужик, — и не это.

Что ж поделать: лето на Афиногена, двадцать девятого июля, действительно уже перешагнуло свой знойный возраст. К этому дню вовсе замолкают птицы, будто задумываются, некоторые из них даже начинают готовиться к отлету. К концу июля поспела матушка ржица, велит к земле клониться. Выдастся в эту пору сухая погода — это сулит хорошую осень, сильные же дожди могут быть губительны для урожая. Лето еще не подошло к своему закату, но уже ощутим его возраст: всем оно пригоже, да страда нелегка!

Август Лето перешагнуло свой знойный возраст, и вот уже Мокрида первого августа сряжает осень. Смолоду ведя девственную жизнь и после смерти отца став главной опорой для младших братьев и сестер, Мокрида, воспитав их, приняла постриг и удалилась в монастырь. Строгость и воздержание были свойственны ей в течение всей жизни, она не имела никакой собственности и была удостоена дара чудо-творения. Именно по Мокриде смотрели в народе осень:

Мок-105

рида мокра — и осень мокра, страда ненастная, ведро на Мок-риду — осень сухая.

Примечали также, что если в этот день дождь с утра — не жди добра, осень будет вся мокра, зато сев озимых хлебов будет хорош, орехи же не уродятся. Оводы кусают на Мокриду последний день, а полетел пух с осины — иди за подосиновиками. Ведь коли грибовно, говорили крестьяне, так и хле-бовно.

Не зря принято считать, что и Илья, уже второго августа, лето кончает, жито зажинает, и первый сноп — первый осенний праздник. Множество августовских пословиц свидетельствуют об этом: Петр и Павел в июле на час день убавил, а Илья-пророк — два уволок; придет Петрок — отщипнет листок, пожалует Илья — отщипнет и два; с Ильина дня ночь длинна: работник высыпается, а кони наедаются; после Ильина дня в поле сива коня не увидишь — вот до чего темны ночи; на Илью до обеда лето, а после обеда осень; на Ильин день и камень прозябнет; до Ильина дня под кустом сушит, а после Ильи и на кусте не сохнет; придет Илья — принесет гнилья; до Ильи тучи ходят по ветру, а после — против ветра...

В народном воображении Илья — святой грозный, сурово карающий, и в то же время щедрый, наделяющий самыми благодетельными силами природы. Илья в своем подчинении держит грозы, дожди и молнии, он посылает на землю плодородие. На Ильин день вся нечистая сила, спасаясь от огненных стрел пророка, обращается в зайцев, лисиц, кошек, собак и волков, в связи с чем установился обычай в Ильин день не пускать в дом собак и кошек, чтобы не навести на избу грозу и молнию.

В народе издавна подмечали, что на Илью, когда в течение целой ночи раздаются оглушительные раскаты грома, молния почти непрерывно озаряет все небо, испуганные птицы мечутся и, натываясь на разные предметы, падают. В такую ночь ревет скот, страшно становится и не спится человеку. Это мчится по небу на своей огненной колеснице Илья-пророк, от ее стука по небесной мостовой прячется вся нечистая сила, а золотые стрелы-молнии поражают ее. Немало примет на Илью было связано именно с громом: глухой гром — к тихому дождю, гром гулкий — к ливню; непрерывный гром — будет град; гром гремит громко, долго и нерезко — к ненастью, если же отрывисто и непродолжительно — будет ясно.

В эту пору крестьянин с особым страхом смотрел на небо: урожай уже готов к жатве, и достаточно сильного ливня или палящей молнии, чтобы лишиться хлеба. Чтобы отвести беду и умиловать грозного пророка, в Ильин день не работали в поле, не косили и не убивали сена. Вот и пословицы опять же наставляли: Илья-пророк — косье срок; на Ильин день стогов не мечут, а то спалит грозой; до Ильина дня сено сметать — пуд меду в него накласть, а после Ильина дня — пуд навозу, когда сено лишь на вилах сушат...

Дожди с Ильина дня — обычное дело. До Ильи, говорили, и поп дождя не умолит, после Ильи и баба фартуком нагонит. До Ильина дня дождь — в закрома, а после Ильи — из закромов. Дождь в Ильин день предвещал обильный урожай ржи на следующий год. Ильинским дождем умывались, спасаясь от призора...

С Ильина дня начинаются обычно и утренники. Муха до Ильина дня только кусается, замечали крестьяне, а после —

запасается. После Ильина дня перестают кусаться и комары, а капусту накрывают горшком, чтобы была бела и цела.

Вот и купаться уже нельзя: с Ильина дня вода становится студеной. До Ильи мужик купается, а после Ильи с рекой прощается. Даже лось в этот день копыто обмочил да воду прогорчил.

Да, в августе вода холодит, зато серпы греют. В этом месяце мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять. Что в августе соберешь, с тем и зиму проведешь, тем более, август — разносол, всего в нем вдоволь. Это ничего, что он крушит, ибо после — тешит, и если в августе каторга, скоро будет мятовка.

Не успел миновать грозовой Илья, а четвертого августа вступает в свои права Мария Магдалина, которая тоже считается громовым днем. Коли на Марию Магдалину гроза — сена будет за глаза, а ежели сильные росы — льны будут серы и косы. Овсы да льны в августе смотри, ранее они ненадежны. Именно в этот день льны выстилают по росной траве и вынимают цветочные луковицы...

Идет по земле последний месяц лета, и хоть по-прежнему еще стоят жаркие дни, полыхают далекие зарницы и яростно гремит гром, но ночи стали прохладны, да и росы обильно смачивают вянущие травы. Все чаще плывут по небу тонкие нити перистых облаков — предвестники ненастной погоды. В темно-зеленой листве деревьев и кустарников мелькают желтые пряди, что отмечают чаще всего липу, а в полях невидимая августовская рука один за другим обрывает белые лепестки ромашек...

Просты и скромны тона уходящего лета, и август как будто готовит наше восприятие к близкой поре золотой осени, когда ярким пламенем увядания вспыхнут осины и березы. Но пока

в полном разгаре стоит жатва, ибо август — месяц плодородия: на полях зреет рожь, наливается силой колос пшеницы. В садах и огородах собирают овощи и фрукты, пламенеют гроздья рябины с калиной, на болотах поспевает ароматная морошка, а в лесах — сочная брусника. Августовский лес спешит отдать людям свои дары, не зря последний месяц лета прозвали в народе соберихой и припасихой.

Вообще, у августа в запасе немало имен: и жнивень, и разносол, и капустник, и густоед, но самое древнее название этого месяца — серпень. Изредка его называют «косач», но это название несколько моложе, так как серп при уборке урожая на участке, где готовили землю и выжигали лес, более предпочтителен, чем коса. Копнами и скирдами обмолоченной соломы помечает август свое неторопливое шествие, и именно с этого времени в деревнях заготавливали новину — первую солому, или крестьянскую перину, на которой спали деревенские люди, но сейчас отдыхать им некогда, потому как хорошему хозяину в августе день мал.

Это подтверждает Трофим-бессонник, что не заставляет себя ждать и наступает сразу после Марии Магдалины, пятого августа. Трофим-бессонник — пора усиленных работ, жаркой страды, а в страду одна забота — не стояла бы работа. Если идет работа — спать неохота, а будешь долго спать — добра не видеть.

Великого труженика Трофима шестого августа сменяют не меньшие страстотерпцы Борис и Глеб, постоянно оказывающие помощь своей родной земле, особенно в години тяжелых испытаний. Недаром в народе водится пословица: «Пришли Борис и Глеб — поспел хлеб». Хлеб — дар божий, отец и кормилец, и только ангелы с неба его не просят. Дай Бог покой да

хлеб святой, приговаривали крестьяне, ибо любую беду можно с хлебом съесть!

Следующая далее Анна, седьмого августа,— день калик перехожих, и именно с нее могли уже случиться и заморозки: по Анне крестьяне судили о зиме. Анна, по наблюдениям крестьян, припасала крепкие утренники: если утренник холодный — и зима холодная,— так гласила народная мудрость. И еще: какова погода до обеда — такова зима до декабря, какова после обеда — такова зима после декабря. Светлый и теплый день на Анну предвещает холодную зиму, когда идет дождь — зима будет снежная и теплая. Ну, а коли муравьи с этого дня увеличивают муравейники — жди по-настоящему суровой и скорой зимы.

Но думается ли в эту напряженную пору о зиме, когда августовской работы у крестьянина непроворот: вот и девятое августа подступает — Кочанный день, праздник Николы Кочанного. Это про него в народе повелась поговорка: «У августа — капуста, у марта — осетр». Блаженный Никола Кочанов, Христа ради юродивый, с юности возлюбил благочестие, усердно ходил в храмы, любил молитвы и пост. Когда же люди начали восхвалять его, он стал юродивым, ради Господа. В одном рубище в лютые морозы ходил он по городу, стойко снося побои и насмешки. Выносливость Николы под стать тому терпению, с которым деревенскому человеку приходится выхаживать капусту. Ведь у доброго хозяина без капусты в брюхе пусто.

Еще этот день знаменателен для крестьянина памятью о великомученике целителе Пантелеймоне, который с юности овладел врачебным искусством. Именно он, Пантелеймон все-110

милостивый, посвятил свою жизнь страждущим — больным, убогим и нищим, и кому, как не крестьянам, с их нелегкой судьбой, в первую очередь приходилось обращаться за помощью к этому святому. И все-таки Православной церковью Пантелеймон почитается как грозный святой, покровитель воинов, и потому крестьяне называли Пантелеймона Палием и боялись в этот день грозы. Деревенские люди были убеждены: на Пантелеймона грех возить хлеб и сено — Пантелеймон сожжет. Но святой, конечно, ни при чем: просто в эту пору выдается обычный грозовой день после сильной жары.

Правда, солнце, словно утомившись за два летних месяца, уже ленивее поднимается над горизонтом, к вечеру с каждым днем закатываясь все раньше и раньше. Заметно убавилось светлое время, короче становятся сумерки. Еще не успеет потухнуть вечерняя заря, как с востока поднимается черная бархатная тень, а на холодном, выцветшем за лето небе вспыхивают редкие звезды. Август — месяц звездных дождей.

Один за другим проносятся по ночному небу ослепительные полосы метеоритов, целые снопы ярких вспышек и огней. Это, конечно, не осенние метеоритные потоки, что благодаря более прохладной атмосфере выглядят гораздо значительнее и прекраснее. Сейчас же еще нет-нет да выпадают душноватые ночи с далекими и безмолвными зарницами, которыми можно любоваться у лесного костра.

Днем же стало повсюду тихо, в перелесках совсем умолкли птицы. Не до песен — наступает время осенних перелетов. У далекого горизонта все чаще теперь увидишь темные скопления птичьих стай: молодые пернатые совершают пробные облеты. Поупражнявшись, птицы рассаживаются на свежем жни-111

вые и подбирают вкусные зерна на недавно убранном поле. Лето переломилось, нужно задумываться о надвигающейся непогоде и бескормице.

Значительно позже занимается рассвет, раньше смеркается. Да и прямого солнечного сияния заметно поубавилось, особенно к концу месяца, когда все строже напоминает о себе осень. Но добрый хозяин, ладно выстраивающий собственную жизнь, уже давно и с удовольствием ее ожидает: богатство августа, если на столе всего вдосталь, смягчает расставание с летом, которое за своими праведными трудами порядком надоело.

Под Калинов день, одиннадцатого августа, часто случаются морозы, опасные для хлеба, остающегося на корню. К этой поре рожь бывает пьяна, полна зерном и клонится к земле, отчего крестьяне с надеждой уповали на Господа: «Пронеси Калинника морокон, а не морозом». Примечали, что если на Калинов день не будет утренников, так и Луппа в начале сентября не заморозит. Хорошо было также, если в это время дни устанавливались пасмурные и прохладные, без дождей, и работы могли продолжаться без остановки.

Все в природе готовится к проводам лета, и четырнадцатого августа подступает наконец первый, Медовый Спас, к тому же — Мокрый. У первого Спаса всего в запасе: и дождь, и ветер, и ведро, и разнопогодье. Пришел Спас — держи рукавички про запас. Это — первый из трех праздников Всемилоستивому Спасу, Спасителю нашему Иисусу Христу, как бы связующих весь Успенский пост.

Первый Спас — начало Успенского поста, который длится до двадцать восьмого августа, и в народе о нем говорят: Спасовка — лакомка, а Петровка (Петровский пост) — голодовка.

В Петров пост, который завершается двенадцатого июля — на Петра и Павла, кроме лука нет другой зелени для крестьян, а к Успенскому есть и огурчики. С первого Спаса и роса хороша, не зря на него святители колодцы, повсеместно устраивали крестные ходы на воду, а лошадей, как и весь скот, обычно купали в последний раз.

На первого Спаса также начинался ранний посев озимой ржи. Среди крестьян бытовало твердое мнение, что когда хлеб сеешь в погоду, больше родится приплоду, а в дождь не должно сеять ржи, и как только обмочило оглобли, так и поезжай домой. Вот и во время созревания малины, если первые ягоды бывают крупные, рожь следует сеять раньше; при мелких же ягодах поздний посев ржи лучше. Лесную малину крестьяне заготавливали охотно и в изобилии, как давно известное лекарственное растение. В народе использовали не только сухие травы, заваривая их в виде чая при простуде, но и цветки малины, настой из которых применялся как противоядие после укусов змей, отваром цветков промывали воспаленные глаза, а водным настоем ее листьев полоскали горло при ангине.

Ну, а почему же первый Спас — Медовый? Дело в том, что к этому дню пчела перестает носить взятки и пасечники заламывают или подрезают соты. Если вовремя не заломать сота, то соседние пчелы вытаскивают весь мед. Строгим блюстителям народных обычаев и постникам только теперь разрешается есть мед, и именно поэтому первый Спас называют Медовым. После освящения первого меда в церкви пчеловоды разговляются свежим медом и пекут с ним пироги.

Первый Спас, со всем присущим ему августовским медовым, ягодным и сенным духом, как бы открывает целый ряд

следующих друг за другом близких и памятных для крестьянского быта дат, каждая из которых несет нечто свое и в то же время важное для этой страдной поры. Пятнадцатого августа Степан-сеновал заканчивает сенокосные работы, и каков Степан, говорили крестьяне, таков и сентябрь; шестнадцатого августа Антон-вихревей и Исаакий-малинник уже пророчили по ветру с вихрями и обильному сбору малины октябрь и снежную крутую зиму; семнадцатого августа Авдотья-сеногнойка, огу-речница, несмотря на урожай огурцов и хлеба, все же гноила сено и озадачивала мужика непокорным ноябрем; восемнадцатого августа Евстигней-житник одной рукой жнет, другой сеет и, заклиная на все четыре стороны добрый декабрь, призывает мать-сыру землю на помощь. Во время жатвы жнецы старались найти на одном стебле самое большое число колосьев, и если таковых найдется двенадцать, то он называется «житной маткой», или спорыней. Нашедшие эти колосья хранят их как зеницу ока в продолжение всего года, приберегая их к посеву, во время которого их рассеивают первыми с твердой надеждой на получение от них обильного урожая. По передаваемым из поколения в поколение правилам, жали всегда молча, а песни звучали только по дороге в поле и с поля. Чтобы после тяжелой работы быть здоровыми и сохранять силы, крестьяне на Ев-стигнея ели сырой лук с хлебом, солью и квасом, в комнатах же развешивали связки луковиц, дабы очищался воздух. Лук к этому дню убирают, а то репка его не успеет высохнуть. Август, пожалуй, самое беспокойное время не только в деревне и поле, но и в лесу: кругом аукают грибники и ягодники, по берегам лесных рек и озер притаились у маленьких костерков рыбаки, отрешенно и радостно бродят по неведомым лес-114

ным тропам охотники. Лес собирает под своим мудрым пологом всякого, кто неравнодушен к родной природе, и щедро одаривает его. У августовского леса в достатке и грибов, и ягод, и птицы всякой, и зверя, — как корову дой!

Больше всего в эту пору овладевает душами людей грибная страсть, и пока не утолишь ее до отказа, не появляется желания делать что-либо еще. Все охвачено азартом «смиренной охоты», и ее простые радости оказываются даже сильнее обычной охоты. Но стоит тебе забрести с корзиной в молодые березовые крепи и поднять там табунок тетеревов, как все в твоей душе переворачивается и тревожное квохтанье удаляющейся тетерки вдруг вынуждает вспомнить о любимой забаве — охоте на боровую дичь.

А тут еще, на обратном пути домой, почти из-под самых ног с треском вырвется вальдшнеп и, взмывши между высоких деревьев винтом, вовсе заставит перевернуться в груди сердце... Лесные встречи незабываемы именно в августе, когда все в природе проникнуто достатком, умиротворенной красотой и покоем. И может быть поэтому людей так тянет в августе в лес, который не хочется покидать.

Еще не начался листопад, лес насыщен жизнью и по-особенному отличаешь в нем, наверное, самую заметную мелодию — треск кузнечика. Особенно неугомонны кузнечики перед солнечным, ярким днем: вот когда они рассыпаются по лугам прямо за полночь. Почти неотличима от бодрой июньской песенки кузнечика его теперешняя, не менее жаркая трель.

Но встреча осени неминуема. К ночи становится заметно холоднее, и девятнадцатого августа наступает второй Спас, Яблочный, когда сопровождают закат солнца в поле с песнями. Толь-115

ко в этот день срывают спелые яблоки, их освящают вместе с медом, а еще примечают: каков второй Спас, таков и январь. Существует вера, что в Царствии Небесном детям, родители которых до второго Спаса не едят яблок, раздадут яблоки, а тем, родители которых пробовали яблоки, не дают. Поэтому многие взрослые, особенно те, у которых дети умирали, до второго Спаса считают за великий грех съесть яблочко. До второго Спаса вообще не едят никаких плодов, кроме огурцов, но пришел второй Спас — и даже нищий яблочко отведаст.

В августе земля — полная мощна: одно что праздник Преображения Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Взяв апостолов Петра, Иакова и Иоанна, Иисус Христос в этот день возвел их на гору Фавор и преобразился пред ними, просияв как солнце, и преобразование это открыло цель жизни всем людям: быть преобразенными и прославленными величием Самого Бога. Поэтому освящение яблок на второго Спаса символизирует расцвет и плодородие в раю нескончаемого Божьего Царства Жизни. «С праздником! — будто обращается ко всем Природа, — преображайтесь в мои ученики, и пусть для вас воссияет вечный свет!»

Вот и красное лето, несмотря на нелегкий труд крестьянина, надокучить никому не может. «Жнивка, жнивка! Отдай мою силку, на пест, на мешок, на колотило, на молотило, на кривое веретено!» — приговаривают жницы, катаясь после жатвы по жнивью, а мужики им вторят: «Уроди, Боже, всякого жита по закрому на весь крещеный мир, дабы каждый труженик возрадовался!» И правда, земля-мать подает и клад, но не она хлеб и плоды родит, а небо. На него мужик уповает в своих молитвах, все чаще поминая к концу лета Всевышнего: «С нами Бог!»

Не случайно и все последующие за вторым Спасом народные праздники большей частью посвящены загадыванию погоды на осень и зиму, с надеждой на помощь Всемогущего Господа, который призывает видеть всех, после чего правда всегда будет с тобой. Марины-Пимены двадцатого августа напоминают обратить внимание на журавлей и аистов, и если те готовятся к отлету — осень будет холодной. Мироны-ветрогоны двадцать первого числа пыль по дороге гонят, по красному лету стонут: ранние инеи на них — к урожаю будущего года. Двадцать третьего августа мученик архидиакон Лаврентий смотрит в полдень на воду — коли тиха, то осень будет тихая, а на Евпла, двадцать четвертого числа, полагают, что в ночь на него между могил бродят разные привидения, слышны свист, вой и песни, предопределяющие, как ни странно, зиму без метелей. На Михея, двадцать седьмого августа, ветры-тиховеи дуют к ведреной осени, в случае же бури — грядет ненастный сентябрь. Михеев день с бабьим летом бурей-ветром перекликается, замечено в народе, при нем тихий ветер в сад — сухая осень в лес и средний срок начала листопада.

С завершением августа приходит та самая тихая пора, когда, кажется, все в природе можно почувствовать и понять. Жара спала, в кронах деревьев начинают мелькать оранжевые, желтые и пурпурные листочки, а многие растения принимаются рассыпать свои семена. Там, где ты когда-то, в начале лета, вдруг застал в тени лиственницы цветущую душистую фиалку, слышится легкий, никого не пугающий треск: это лопнули и ударили по кустам и травам ее сухие горошины. Фиалка раскрылась!

Неожиданно с силой выстреливают, даже на несколько метров, свои семена созревшие стручки акации, журавельника,

кислицы... Однако у большинства растений семена распространяются при помощи ветра. У семян сосны, ели, лиственницы, клена и липы имеются специальные крылатки, помогающие им планировать в воздухе. У ивы, осины и тополя семена пушистые, с длинными белыми волосками, отчего они легко подхватываются ветром и переносятся на большие расстояния, а вот растения с сочными плодами: ландыш, черника, крушина, рябина — завоевывают новые пространства благодаря птицам или насекомым. Идешь в солнечный тихий день по лесу и кругом слышится легкий приятный шорох: растения не теряют это благоприятное для них время.

С каждым днем деревья все обильнее роняют свои листья, которые устилают землю разноцветным ковром, и когда бредешь по лесу в поисках грибов, то принимаешь листочки за их шляпки. Вроде бы уже не раз обманул в этой втайне радующей тебя игре, но по-прежнему забываешься и бьешь впустую поклоны в надежде отыскать белый гриб или яркий подосиновик. Пришло в лес время, когда грибам стало тесно, и они попадают по всем опушкам, покосам и дорожкам. В отношении же листопада в народе издавна было замечено, что если лист, осыпаясь с дерева, ложится лицом вверх — к недороду на другой год, а изнанкой, — к урожаю.

А между тем подошло Успение, которое приходится на двадцать восьмое августа. Успение — это конец земной жизни Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и переселение ее в жизнь Небесную, вечно блаженную. В этот день завершается Успенский пост, ласточки улетают на юг, а солнце успокаивается.

Крестьяне еще называли Праздник Успения дожинками, что

означает окончание уборки и посева озимого хлеба. По старинному обычаю, на поле оставляли небольшую горсть несрезанных колосьев, перевязывали их лентой — «завивали бороду» — и приговаривали: «Дай Бог, чтобы на другое лето был хороший урожай!» Делалось это, чтобы вернуть земле силу, потраченную на выращивание урожая.

Последний сжатый сноп — «именинник», пользуется особым почетом, его наряжают в сарафан или обвивают ситцевыми платками и с песнями несут на пир честной, называемый «складчиной», так как устраивается он на собранные со всего мира деньги. Последний сноп ставят под иконы, часть его на Покров скармливают скотине или дают курам — всем по горсточке, а во многих деревнях последний сноп сохраняется до Нового года.

Сразу после Успения, двадцать девятого августа, праздновался третий Спас, Ореховый, потому что к этому дню поспевают орехи. В старину этот праздник отмечался в течение нескольких дней, как осенины и конец уборки урожая. Первый Спас — на воде стоят; второй Спас — яблоки едят; третий Спас — на зеленых холмах холсты продают, поскольку в этот день в Нижегородской губернии, в селе Зеленые Горы, устраивалась ярмарка.

Ласточки, которые начали улетать еще с первого и второго Спаса, на третий Спас окончательно прощаются с родиной. А если к третьему Спасу отлетает и журавль, то на Покров будет морозно. Третий Спас считается еще и «хлебным», и на него пекут пироги из нового хлеба: третий Спас хлеба припас. К третьему Спасу завершается и молодое бабье лето: коли на него ведренно — жди ненастья в старое.

Завершают август тридцать первого числа Фрол и Лавр — лошатники, и потому этот день — конский праздник. Лошадей, по общему и неизменному правилу, кормят в полную сыть и ни в коем случае на них не работают, табунщикам же и конопасам пекут именинный пирог за хороший уход за лошадьми. А еще лошадей купают, вплетают им ленты в хвост и гриву, кропят святой водой. На Фрола и Лавра не выжигают тавра: Фрол и Лавёр до рабочей лошади добёр.

Пришел Фрол и Лавр, замечали крестьяне,— кончай посев ржи, ну, а коли на Фрола не отсеешься, фролы одни и родятся, то есть, по-народному — цветочки... Но, хоть фролы и голы, смотрели в этот день корни у полыни: если побеги корня толсты — следующий год будет урожайным. На Фрола также начинался засол огурцов...

...Быстро прокатилось полное забот лето, и уже не слышны такие радостные эпитеты, которыми народ наградил июнь с июлем. Только богатство августа, когда в доме всего вдосталь, смягчает расставание с уходящей чудесной порой. Но на огородах еще не убран картофель, стоят тугие кочаны капусты, а ботва лука порядком полегла и подсохла: вот-вот придет и его черед. Всяк корешок к своей поре!

И становится отчего-то немножко грустно и хорошо, так что даже и не знаешь, как объяснить свое состояние. Вспоминаешь, какое лето было разномлелое и цветное, с обилием грибов, ягод и ранними подъемами, с запекшейся на солнце земляникой и неугомонными пчелами, с ароматом густых туманов над рекой, душистых трав и меда,— разухабистое, неудержимое, такое желанное... От этих приятных воспоминаний невольно улыбаешься, и тогда грусть постепенно отсту-120

пает, и ты замечаешь последние августовские цветы, которые чутко хранят в себе радостное проявление незабываемой летней жизни.

ОСЕНЬ

Сентябрь И вот уже уходящее лето наступающей осени в пояс кланяется, а осень вослед ему отвечает ветрами, дождями да сереньким утром с листопадной метелью, по которой в народе угадывали будущие зиму и весну. Верили крестьяне, что издавна устоявшиеся приметы их не обманут, и если, скажем, листопад пройдет скоро, надо ожидать крутой зимы, поздний листопад — к суровой и продолжительной зиме, лист хотя и пожелтел, но отпадает слабо — морозы наступят не скоро, в случае же, когда осенью листья березы начнут желтеть с верхушки, то будущая весна будет ранняя, а коли снизу — то поздняя. Ничего не поделаешь — настала пора увядания, и первый осенний месяц рассыпал золото и багрянец по рощам и лесным тропинкам, завесил неожиданно оголившиеся дали пеленой туманов, погнал холодную рябь по сумрачным водам рек, озер и затянувшихся ряской мочажин. Таков уж сентябрь — переменчивый, капризный, но очень глубокий.

Пришла наконец и осень — погоды перемен восемь, и открывает ее по-хозяйски летопроводец сентябрь, который не любит баловать. Май, бывает, что рекой прольет — капли не видать, сентябрь же ситцем просеет — и воду хоть ведром чер-

пай. И то верно: сентябрьский дождь мелко сеется, да долго тянется, а осенняя ночь аж на двенадцати подводах едет.

И все же, несмотря на непогоду, сентябрь в свой самый первый праздник, на Андрея Стратилата, посылал на землю ветер-тепляк, который дул в этот день с юга и обещал хороший урожай овса. Коли батюшка юг, примечали крестьяне, пустил ветер на овес — овес готов к уборке. Стратилатов день приспел — овес поспел. Холоден сентябрь, да сыт: осенью, как говорится, и у воробья пир.

Фенологи считают, что осень длится шестьдесят шесть дней — с двадцать седьмого августа по первое ноября, по народному же календарю — со второго Спаса (19 августа) до Кузьминок (14 ноября), когда праздновали первую встречу зимы. Но до зимы еще далеко, и для нее у крестьян припасены свои приметы. А вот какая будет осень? Позволит ли погода убрать с таким трудом выращенный урожай?

Знает мужик по опыту, что весенний дождь парит и растит, осенний же — мочит и гноит, и оттого в народе всегда примечали, еще с весны: коли рябина зацвела поздно, то осень должна быть долгой; весенний дождь из тучки, осенний — с ясного неба; если журавли летят по весне высоко, не спеша и разговаривают, то будет стоять хорошая осень. Но минуло лето, в лесу рябины уродилось пропасть — и осень непременно замучает дождями, мало ягод или их нет совсем — простоит сухая. Сухую солнечную погоду предвещают южный ветер и осенний иней. Еще люди отмечали, что к сухой осени дикие гуси часто присаживаются и скворцы долго не отлетают. Коли же мыши выют гнезда на верхах копен — осень выдастся мокрая и продолжительная.

А бывает, приход осени и вовсе незаметен. По-прежнему стоят жаркие дни, туманной дымкой закутаны дали и нередко раскаты гроз,— все говорит о затянувшемся лете. Что может быть привлекательнее этих первых осенних деньков! На Фаддея, третьего сентября, по деревням даже загадывали: если этот день будет ясный, то надобно ожидать, что еще четыре недели будет хорошая погода. В такую пору и синица просит осень в гости.

Солнечные дни сменяют один другой, и так к ним привыкаешь, что они кажутся нескончаемыми. О сентябре в народе говорят: появились опенки — лето кончилось, но опять полезли те грибы, которые вроде бы отошли, и если это случилось — не жди скорого снега. Да и лист с вишен пока не опал, и сколько бы снега вдруг ни выпало, оттепель его сгонит.

Еще скользят над водой юркие синие стрекозы, порхают над полями узорчатые бабочки, но воздух уже не тот и золотые пряди в кронах берез под утро превращаются в целые косы. Каждый день в окружающей природе прибавляются какие-либо изменения: в воздухе кружатся уже охапки увядшей листвы, все чаще встречаются стайки пернатых, готовых к отлету, а высоко в небе печально перекликается первый косяк журавлей... Близится ненастье, осень ощущается все больше, и крестьяне не зря полагают, что с четвертого сентября, на Агафона-огумен-ника, выходит из лесу леший, бегаёт по селам-деревням, душит и раскидывает снопы по гумнам. Мужики поэтому ночами собираются стеречь гумна в тулупе наизнанку, с кочергой, однако считается, что леший не только проказит, пугает, водит людей по лесу, но и нередко помогает человеку, особенно если тот его чем-то уважил.

А вот уж Луппа-брусничник, отмечаемый пятого сентября, до уважительного отношения к деревенскому люду не снисходит — знай, морозом овсы лупит. На него начинаются утренники, вредные для овса и льна, и потому спешат убрать тот и другой. Ведь лен две недели цветет, четыре недели спеет, а на седьмую, то есть на Луппа, семя льняное летит. Если же поспевает брусника, то и с уборкой овса надо торопиться. На Луппа-брусничника обычно обращали внимание на поведение журавлей: коли летят низко, быстро и молчком — жди скорого ненастья и теплую зиму, высоко — зима будет холодная, а если именно в этот день птицы потянули на юг — зима наступит ранняя.

Слушаешь, читаешь все эти приметы и опять поражаешься наблюдательности и терпению простого мужика, так вдумчиво, с любовью относящегося к окружающей его жизни. Все он видит, все знает, трудолюбием обладает неистощимым, и уж ежели оказывается без урожая, то не по своей вине: год выдается худой, зима сиротская. Уже летом крестьянин отмечает для себя по многим приметам строгую зиму, а природа ему в этом помогает.

Знает она, как тяжело людям, зверям и птицам пережить холода, поэтому перед суровой зимней порой на дубе много желудей, а на рябине — ягод. Чувствуют звери, чего им ожидать от зимы. И мыши, бурундуки и белки делают большие, чем обычно, припасы. Тонко угадывают зиму и пчелы: перед морозной зимой они плотно запаковывают летки, а перед теплой — оставляют их открытыми. Комары появились поздней осенью — будет зима мягкая, возвели муравьи к осени высоченные кучи — быть суровым холодам.

Строгой зиме сопутствует и дружный отлет птиц, осенью листопад прошел скоро — жди зимы еще круче. Если в зайцах много жиру, то зима будет суровая, затяжная, а коли зверьки окажутся худосочными, то проскочит она как этот самый заяц, — только ее и видели! Вот и белка: очищается сверху вниз — на гнилозимье, снизу вверх — на прочную и верную зиму. Стоит только внимательно присмотреться к природе, пожертвовать временем во имя обретения знаний, и она не заставит себя долго ждать, открывая для человека неиссякаемые источники его собственной силы.

Неспешно идет по замирающей земле сентябрь, как бы даже удовлетворенно побряхтывает от переживаемого удовольствия: лес-то вокруг — словно расписной терем! Там, где сохранилось много влаги, луговые травы еще не померкли, и из них по-прежнему озорно выглядывают ромашки-нивянки. По межам нет-нет да попадают васильки, трогательно склоняющие свои лазурные головки. За одну сентябрьскую неделю зазолотились березы, раскалились докрасна дубы и рябины, радостно зарделись клены. Украсил сентябрь землю разноцветным убранством, краше его не вырадишься!

Споро идет у мужика работа в такую золотую пору, когда осеннее золото хоть и не говорит, да много чудес творит. Только успевает он молить Бога, чтобы помог управиться с уборкой хлеба. Ведь если к этому сроку не уберешь колосовые, считай, пропал урожай: зерно осыпалось наземь.

Вот и трудолюбивые Тит с Варфоломеем седьмого сентября неспроста пожаловали: пришел Варфоломей — жито на золу сей, святой же Тит — последний гриб растит. Кто пораньше встает — тот грибов наберет, а сонливый да ленивый идут после

за крапивой. Большой урожай грибов в течение лета да еще в начале осени предвещает продолжительную зиму, к которой нужно быть готовым, и потому грибы грибами, но у крестьянина сейчас на первом месте молотьба за плечами.

Бок о бок с Титом и Варфоломеем встречает благодатную осень и Наталья-овсяница, которую отмечают восьмого сентября. К Наталье обычно повсеместно оканчивается уборка овса, по деревням варят овсяный кисель и пекут блины. «Не погоняй кнутом, погоняй мешком с овсом!» — то и дело слышится с этого дня меж людей, ибо у сытого коня восемь ног.

Осень полноправно входит в свои права, и следующий за Натальей-овсяницей Иван Постный — не кто иной, как осени отец крестный. Иван Постный одиннадцатого сентября пришел, лето красное увел, и с Постного Ивана уже не выходит мужик без кафтана. Гонит Иван птицу за море далече, и именно в этот день первые косяки журавлей отлетают на юг. В сентябре и лист на дереве не держится.

С Ивана Постного убирали репу. Праздник этот отмечался без песен, но с обильной едой и угощением бедных странников. Строгий запрет соблюдался только в отношении песен, с помощью которых Соломея выпросила у Ирода голову Иоанна Крестителя, и круглых плодов, олицетворяющих ее. Нельзя было употреблять в пищу яблоки, картофель, капусту, арбуз и лук, — то есть то, что напоминает голову.

Но истинная голова всему в сентябре — четырнадцатое число — пожалуй, самый заметный день этого чудесного осеннего месяца, потому что именно он провожает красное лето и встречает золотую осень. Это Семен-летопроводец, первые осени-ны, и по нему судили о том, какая будет осень.

Если на Семена грязь вышла, то и осень должна быть дождливой, коли день простоял сухой — и осень сухая. На Семеновы осенины много тенетника — осень долгая да ясная, а когда дикие утки садятся и скворцы не отлетают — осень протяжная и сухая. Если гуси улетают на Семен-день — жди ранней осени...

На Семен-день приходился и последний посев ржи: в Семенов день севалка с плеч. В этот день до обеда следовало пахать, а после обеда пахаря с поля гнать. Присловье такое понималось по-разному: либо как намек на то, что с наступлением сентябрьских дней ясная утренняя погода к полудню часто сменяется холодом и ненастьем, либо как напоминание о завершении работ с землей. Словом, до обеда паши, а после обеда руками маши.

В середине сентября страда обыкновенно заканчивается, ворота в поле открывают и выпускают скот. До уборки хлеба ворота заперты, и скот ходит в поскотине. В старину еще сохранялся обычай на Семёнов день сажать на коня отрока — при переходе его от младенчества, по четвертому году: на Семена дитя подстригай, на коня сажай и на ловлю в поле выезжай, чтобы отрок рос сильным, выносливым и отважным.

Семен-летопроводец — первый праздник псарных охотников, когда совершался выезд в отъездное поле. Праздник этот с нетерпением ожидался охотниками, к нему задолго готовились и отъезжали со псовой охотой подальше от своего жилья, где ночевали табором, охотничьим станом, а наутро начиналась охота с притравливанием зайцев, волков и лис, когда порсканьем, то есть криком и хлопаньем арапника, натравливали гончих на зверя, выгоняя его из леса в поле, «на чистоту». Охота эта была удивительно поэтичной, присущей, казалось, только рус-127

ским, и как представишь себе зелены, будто лисьим хвостом охваченные разгорающимися осиновыми лесами, и пойманного волка в тороках, или толстоусого зайца, над которым хрипнут по горячему следу борзые, так что их заркое взлаиванье уносится куда-то в осенние небеса, но не исчезает, а тут еще рог ловчего торжественно возвещает об удачной охоте, сливаясь со всем, что происходит в эту пору в природе, то голова идет кругом и хочется самому оказаться на коне, с арапником, возбужденно привстав в стременах, скакать по чернотропу и атакать, позабыв обо всем...

А еще с Семена-летопроводца наступает, наверное, самая благодатная страница в жизни русской природы, которую истари называли в народе бабьим летом. Бабье лето — лучшие золотые деньки нашей осени, и хоть печальны теряющие листья леса и все кругом охвачено увяданием, — стоят тихие солнечные дни. Благодаря крепким утренникам раскраска листьев даже несколько задерживается, а как начинается дневное тепло — осень опять расцветает бурными красками. Вот и осина раскраснелась, скоро потечет ее лист, и тогда закружит по лесным дорогам листопадная метель сентября. С сентября огонь и в поле, и в избе.

Плавнo покачиваясь, плывут по воздуху паутинки — первые седые волосы осени, как называли их в народе. Это на новые места, подальше от родительского крова, летят крошечные паучки, спасаясь от кровожадной матери-паучихи. За неимением пищи она может закусить детьми, как уже давно расправилась с пауком-отцом.

В лесах тишина и покой, которые нарушает лишь легкий шорох листвы и ветра. Изредка послышится нежный пересвист

рябчиков, с ветки на ветку перепрыгнет белка, обронив шишку, или еле заметно подаст голос синичка. И опять на какое-то время все замолкает, не журчат по логам чистые родники. Тишина бабьего лета объяла и их прохладные струи, растворила в себе звуки легкой грусти и красоты.

Даже в пору весны цветов в лугах и лесах не бывает столько оттенков и красок, как в бабье лето. Увядающая природа полна задумчивого очарования и тепла. Она не блещет пышными нарядами перед предстоящим прощанием, а наоборот, великодушно приоткрывает свое бесконечное золотое богатство, напоминая о неминувости достижения зрелого возраста в пределах жизни.

Бабье лето... Отчего же оно так называется? Происхождение этого названия очень древнее и связано с наступлением периода, когда после летней, страдной поры и для женщин приходило запоздалое лето, время сравнительно легких работ. Правда, коротко бабье лето, как и бабий век, но кому ж не любо это последнее ласковое тепло, к тому же неповторимо раскрашенное?

Плывет над землей разноцветный рябиновый, осиновый и березовый лист, и лишь один тополь не спешит с ним расставаться. Но не за горами сердитые утренники, а пока тополя красуются зеленой листвой, вроде и не про них праздник увядания. Скор сентябрь на угасание солнечного света, все более хмурающееся небо и ранние сумерки. Не зря его за хмурую погоду и дожди с ветрами прозвали в народе «ревун», или «жмурень».

Кстати, наиболее частое название месяца — не «жмурень» и не «ревун», а «зоревник» или «жовтень», связанное с яркой жел-129

тизной растений, с желто-золотым цветом осени. Осень в бабье лето, как бы задумавшись, приостановилась... В лиловую дымку окутались дали, величественнее стал простор русского осеннего пейзажа, где трепетно-оранжевое зарево осинников тонет в лимонных всполохах нескончаемых березовых рощ... Тих и задумчив сентябрь, радостно нарядное бабье лето. При всей своей величавой грусти, русская осень никогда не бывает скучной.

Под стать листопаду и цветы сентября. Донник, ромашка, золотарник, иван-да-марья, ястребинка и пижма — все они окрашены в желтые тона. Много еще трав в лесу, и к их тонкому аромату примешивается хвойная душистость рыжиков, что притаились под еловым лапником, будто схоронившись от скорых утренников. Вот-вот ударят они под Михаила, девятнадцатого сентября, когда день укоротится уже на пять часов, и прибьют всю природную желтизну... До первого крепкого инея цветут в лесу травы, к этому сроку почти не ароматные, пустые, но все еще привлекательные.

А на Созонта, двадцатого сентября, по огородам уже выкопали картофель, и начинается повсеместно уборка лука. Много одежды на луковицах — быть зиме холодной. После окончания всех полевых работ полная свобода давалась парням, на долю которых выпадало идти в рекруты. До самого набора они освобождались от работ, гуляли в нарядной, праздничной одежде, поочередно ходили друг к другу в гости, а бабы собирали в дом всякую рухлядь, чтобы приобрести благополучие на осень. Все по деревням готовились ко второй встрече осени — Рождеству Богородицы, которое справляли двадцать первого сентября...

Сын Божий, возжелав для спасения людей принять человеческое обличье, Пречистую Деву Марию, единственную дос-130

тойную воплотить в себе Источник чистоты и святости, избирает себе Матерью. Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии празднуется Церковью как день всемирной радости. Оно ознаменовало наступление времени, когда начали исполняться великие и утешительные обетования Божии о спасении рода человеческого от рабства дьявола, а для крестьян подобное событие олицетворялось с успешным завершением всех полевых работ.

Рождество Богородицы в народе еще прозвали Оспожинка-ми, по существу означающими праздник урожая. Они справляются иногда в течение целой недели: чем урожайнее было лето, тем продолжительнее праздник. Обязательным считалось приглашение молодых к родителям — тестю и теще, вместе со свекром и свекровью для установления и скрепления добрых отношений между невесткой и родителями мужа, между сватами. Крестьяне могли себе это позволить после нелегких уборочных работ, и работать в этот день было не принято.

Вот и солнце поостыло, после летних трудов устало спряталось за складными облаками. Потеряла блеск последняя зелень, а прозрачный осенний воздух все равно дышит ласковым внутренним светом. Солнце уже не томит, но зато окружающее тихое очарование проистекает повсюду убаюкивающим теплом. Аромат сочных трав и цветов уже не нужен, лес пахнет грибами, душистым дымком и хвоей. Хорошо на душе, покойно...

Мягко ступает нога по росистой траве, не видно затаившихся лесных обитателей,— кажется, ты один в этой остановившейся осенней тишине. Но вдруг дрогнула ветка рябины, на миг мелькнула серовато-оливковая спинка дрозда, и в следующее мгновение уже целая стая упитанных птиц сорвалась с де-131

ревьев, возбужденно завохотала, и лес ожил, все вокруг заходило ходунюм. И ты сразу вспоминаешь, что подошло двадцать третье сентября — Петр и Павел, которых в осенины всегда называют рябинниками.

В деревнях в эту пору срывают рябину и кистями развешивают под крышу, на сеновале, чтоб прозябла да соку сахарного набралась. Часть же ягод предусмотрительно оставляют на ветвях: снегирям, синичкам и свиристым теперь есть чем полакомиться в голодное ненастье. Когда ягод на рябине много, что предвещает строгую зиму, обычно заготавливают рябиновый квас от частых простуд и печного угара. Рябина для деревенского люда была, пожалуй, единственным средством от этой напасти, когда, экономя дрова в суровые зимы, печи закрывали раньше времени.

А осень между тем перебирает листки календаря, отсчитывает неспешно протекающие дни. Уже и двадцать четвертое сентября подступило, Петра и Павла сменяет Федора-обдера, которая третьей осень встречает, и уж всякое лето на сей раз кончается. Не каждое лето до Федоры дотянет. Становится слякотно, все чаще идут дожди: ведь Федора-обдера в народе имеет еще одно название — «Замочи хвосты», и оттого осенние Федоры подол подтыкают, а зимние, в январе, платком рыло закрывают. Словом, пришла преподобная Федора — всякому делу аминь.

Осень давно уже шуршит под ногами ворохами опавшей листвы, по лесным опушкам высыпали последние лисички. В отличие от летних, светло-желтых собратьев, они одеты осенью в ярко-оранжевый, броский наряд, и не составляет труда отыскать их даже среди разноцветной листвы. Хорошо заметны и нежно-розовые волнушки, уже слегка прихваченные утрен-132

ними морозцами, но еще достаточно крепкие и бодрые. Другие грибы остаются почти без внимания: они давно обессилели и сникли.

Легко и привольно в притихшем золотистом лесу. Все больше обнажаются деревья, начинают просвечивать чащи. Местами в них застревают светло-голубыми кусочками осеннее небо и белые клочья облаков. В воздухе кружатся листья, неслышно укрывая дороги и тропы. Не хочется, чтобы эту благодать сменяли дожди и слякоть, и ты тихонько шепчешь: «Батюшка-сентябрь, благодарю тебя за подаренный день, за общение с тобой и лесом».

Но на двадцать седьмое сентября Воздвижение все же осень навстречу зиме двигает, да и бабье лето с этого дня завершается. Погода резко портится, становится заметно холоднее, и мужик сменяет кафтан на тулуп, успевая перевезти последнюю копну поближе к гумну. Змеи, сбившись клубками, прячутся под трухлявые пни, впадая в спячку, оставшаяся птица двигается в отлет, и даже медведь в эту пору нередко залегает в берлогу. Но и воздвиженские зазимки еще не беда. Что-то скажет Покров!

Крестьяне повсюду верили, что день Воздвиженья — Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, после того, как он был вновь обретен христианами и открыт для поклонения — принадлежит к числу тех, в которые не следует начинать никакого важного дела, так как все начатое в этот день или кончится полной неудачей, или будет безуспешно и бесполезно. Позволялось только рубить капусту, которая на Воздвижение была «первой барыней». У доброго хозяина в этот праздник всегда на столе капустный пирог, с него начинаются капустные вечера и длятся аж две недели.

Не отстает от Воздвиженских празднеств и Никита-гусятник, что приходится на двадцать восьмое сентября. С этого дня принимаются срезать репу, но поскольку репа брюху не укрепа, бьют еще домашних гусей. Дикие же гуси отлетают на зимовье, зимушку на хвосте тащат.

Хорошо сидеть в натопленной избе, с горячими капустными пирогами и жареным гусем, когда за окном все больше хмурится небо и холодный дождь сердито сечет землю. Наступает время осенней распутицы. Давно ли стояла солнечная тихая погода, а теперь дождь, слякоть и снег.

По утрам все чаще ударяют крепкие утренники, так что дорога гудит под сапогами. Когда же случайно взглянешь на небо, то увидишь, как низко летят над землей последние утиные стаи. Затихли леса, и как ни старайся — не услышишь ни славок, ни пеночек, ни зябликов. После обильного инея прекращаются и вальдшнепиные высыпки: птицы уже не присаживаются на отдых, а летят на юг без остановок.

Настала глубокая осень. Холодный ветер срывает с деревьев последние одежды и уносит их в бескрайние промозглые дали. Уже появились первые обнаженные березы и липы, быстро теряют потемневшую хвою лиственницы... Добрый хозяин собаку не выгонит на двор в такую погоду!

Не зря в самый последний день сентября, тридцатого числа, крестьяне праздновали Всесветные бабьи именины, поминая святых мучениц Веру, Надежду, Любовь и их мать Софью, проявивших во имя Христа невиданную силу духа. Преданные жестоким испытаниям, совсем еще юные девы явили необыкновенное мужество и вытерпели великие мучения во имя Господа, будто наставляя всех верующих впоследствии

уподо-134

биться их духовному подвигу. Но разве могли сравниться с ним неудобства, связанные с происходящим в природе ненастьем?

Низкое серое небо сентября и потемневшие от сырости ветви деревьев, жалобно царапающие оконные рамы, скорее навевали у крестьянина приятные думы о том, как он хорошо потрудился весной и летом, а сентябрь помог ему пережить волнующее чувство удовлетворения от этого труда, в который раз подтверждая народную мудрость: «Что посеешь, то и пожнешь!»

Октябрь В октябре большинство деревьев уже сбросили листву, установилось осеннее бездорожье, земля остыла и оголена, то и дело заливают промозглые ледяные дожди, вот-вот просыплется с неба крупа и повалит хлопьями первый снег. Но это еще не пороша, для которой второй осенний месяц — только предвестье. Октябрь — грязник, ни колеса, ни полоза не любит.

В октябрьское ненастье семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, ревет, сверху льет и снизу метет — словом, на одном часу и дождь и снег. Всем бы октябрь взял, да мужику ходу нет. Вроде бы и работал мужик не покладая рук: изба у него — с дровами, закрома — с хлебами, погреб — с овощами, сам мужик — с лаптями, а изобилия все нет. Но каких спорин еще ему желать, если вся его жизнь связана с деревней, полем и лесом, где ему некогда и не о чем тужить: стояла бы погода, по которой одна забота — работа до пота, и потому в октябре мужик живет с оглядкой. Хорошо, если лист с дуба и березы упал чи-135

сто — быть легкому году, а коли нет — так ждет строгая, суровая зима.

Вот и на Арину, первого октября, последние журавли полетели — на Покров надо ждать первого холода, а если их не видно в этот день — раньше Артемьева дня, второго ноября, не ударить ни одному морозу. «Колесом дорога!» — кричат журавлям, чтобы их воротить, а вместе с ними весну и добрые надежды. Арина завершала журавлиный лёт, но слыла и шиповни-цей: к этому дню завершали сбор плодов шиповника, которые затем сушили. Еще на Арину примечали, высоким ли вырос бурьян: коли очень высокий — будет много снега.

Трудно обнаружить различия между завершающимся сентябрем и берущим начало октябрем, ведь они в природе — братья, которые призваны существовать бок о бок. И все же октябрь — старший брат, в нем больше пахнет капустой, чем яблоками. А еще — стылыми дождями, достойно принять которые может только родившийся в этом месяце. Не зря же ко второму октябрю, на Зосиму — заступника пчел, пчеловоды составляли ульи в омшаник, готовя их к зиме, а сами устраивали лакомый стол. Со второго по десятое октября праздновалась пчелиная девятина, что только начавшийся октябрь будто благословляла: пчел нужно было заслуженно проводить на отдых и нажитое крестьянином добро сохранить. Десятый месяц года хоть кого на чистую воду выведет, ибо без десятков и счёту нет.

На Астафия, третьего октября, примечали ветер: северный означал стужу, южный — тепло, западный — мокроту, восточный — ведро. Только южный ветер из всех предрекал хороший урожай озимого хлеба на будущий год, и с этого дня всю принимались за работу ветряные мельницы, которые лишь прибав-136

ляли заботы жерновом, отчего выходил тот самый помол, что на четвертое октября проповедовал святой апостол Кондрат: был он хорош — и погода на все последующие четыре недели оказывалась хороша, так что следующему за ним Фоке, пятого октября, приходилось даже защищать деревни и хлеб от пожаров: ежели плох — чуть ли не до Казанской будет лить дождь. Как говорится: до Казанской — не зима, а с Казанской — не осень.

Но осень все-таки входит в свои права, и свидетельницей тому — Фёкла-заревница, на которую седьмого октября с особенным старанием угощали молотильщиков, пели песни и веселились, а с полуночи в овине зажигали огонь и в его свете начинали молотьбу. От этих огней святая Фёкла и получила имя заревницы. Ведь в осеннюю непогодь овина без огня не высушишь, а развести огонь там было не просто, ибо для этого требовалось искусство. Из-за неосторожности на Фёклу спалили не один овин, оттого она и «заревница», и дело разведения огня поручалось опытным мужикам или старикам. На Фёклу ночи уже шибко темны и день убывает лошадиными шагами.

Октябрь — время самых темных ночей, потому как снег еще не выпал и не освещает эту непроглядную темноту, и только полоса Млечного Пути все ярче поблескивает над замершей в оцепенении Землей. В южной половине неба появляется не видимое летом созвездие Орион, самое красивое в Северном полушарии,— как жемчужная подвеска. В нем будто сосредоточилась вся сила безвозвратно ушедшего лета, и оно горит ровно и радостно, лишь изредка затаённо переливаясь.

Трогательна и чуть печальна поздняя осень, и даже днем утасаживающие костры осин не в силах оживить пасмурные октябрьские краски. Ветер обрывает последнюю листву, устилает плот-137

ным ковром дороги и тропинки. Лес вовсе почернел и притих, и только гаички, еле слышно посвистывая, без устали снуют в ветвях деревьев, разыскивая спрятавшихся насекомых. Пора темных холодных ночей привела за собой сумеречные, короткие деньки. И бросил бы думать про лес, но по-прежнему неотступно тянет к себе лесная чаща...

Там уже улегся в свою норку запасливый зверек бурундук,— на всю зиму заготовил он себе орешков. Нагулял жиру лесной воевода — медведь, настало и ему время подыскивать укромное место под берлогу. Укладываются в спячку барсуки, ежи, змеи и летучие мыши. Перед тем, как заснуть в своем уютном гайно, сменила рыжую шубку на пушистую пепельную белка... Жмутся поближе к человеческому жилью серые куропатки, а тетерева разбились на стаи, в них черныши и тетерки держатся уже отдельно друг от друга, табунками рассаживаясь на вершинах берез и лакомясь вкусными почками. Опустели поля, отправились в далекий путь последние птицы, которые отчего-то задержались...

Далеко видны в оголенном лесу побелевшие зайцы. Нет уже того разноцветья, что в сентябре: последние золоченые листья сорвал с ветвей студёный ветер, и, упав на сырую землю, они быстро поблекли. Правда, изредка проглядывает солнышко, но ненастье посещает чаще: сыплет мелкий надоедливый дождик, хмурится и низко нависает над землей небо, так что кажется, будто деревья поддерживают его и не дают упасть на землю. Все в природе потихоньку готовится к длительному сну.

Октябрь — предзимье. Скоро зачередит дождь со снегом, октябрь прикроет землю где листком, где снежком. «Вечер го-138

да» — так называют в народе октябрь, а еще — свадебник, паз-дерник, грудень, листопадник или позимник.

Не зря преподобный Сергей Радонежский уже на восьмое октября зиму начинает, которая устанавливается окончательно с Матрёны, двадцать второго ноября. Если первый снег выпадет на Сергея, то зима установится даже на Михайлов день, еще раньше Матрёны. Зимний же путь окончательно устанавливается в четвертые седмины от Сергея.

Обычно первый снег выпадает за сорок дней до зимы. Если первый снег сухой, то это обещает хорошее лето, а когда он упадет на мокрую землю и на вишне к этому времени не будет листа,— зима скоро ляжет. Еще Сергей Радонежский был хранителем кур, и в этот день рубили капусту.

Вот и на Иоанна Богослова, девятого октября, первый снег означал, что зима ляжет на Михайлов день. Савватий-пчельник, десятого октября, завершал «пчелиную девятину», которую начинали праздновать со второго октября, на Зосиму. А к Григорию, тринадцатого октября, сжигали старую солому из постелей, набивая новой, купали детей из решета на пороге, от порчи, и примечали, когда упадет снег: ежели в этот день, то зима долго не станет.

Печальны перед снегом октябрьские леса, с прощальными криками давно покинули их звонкоголосые птицы. Голые, почерневшие от дождей ветки деревьев тоскливо тянутся к небу. Потемнела в озерах вода, уже не видно на ней зеленой ряски, опустившейся на дно, а у берегов появились первые льдинки-забереги.

Серой нескончаемой вереницей сменяют друг друга хмурые дни: вокруг холод и слякоть. Все чаще вместо дождя покрывает

землю снежная пелена, полежит день-два — и снова грязь и распутица. Настало предзимье с черными ночами и гулкой землей. И если сентябрь только скажет, то октябрь уже приказывает. Как говорится, март да апрель вино в бочках сушат, сентябрь да октябрь хозяина непогодой крушат.

Но выдается иной раз октябрь с мягкой и тихой погодой, когда природа, обнажившись, робко затаивается в этой своей оголенности, все в ней до предела открыто, и невозможно предугадать, сколько подобное состояние октября продлится. Лес на неопределенное время задумался, вокруг хорошо и покойно, и любой шорох доносится до твоего слуха, как бы далеко ты от него ни находился. Обронит ли шишку белка, вспорхнет ли где-то рябчик или отрешенно закликает за соседним леском дятел-желна, а тебе почудится, будто все это происходит рядом. Ни дождей, ни холодных ветров — только разлитые повсюду умиротворение и благодать.

Неделю, а то и другую, может стоять в октябре такая погода, и начинает даже казаться, что и не придет зима. Глубокая осень будто запропала где-то на полдороге, метели и стужи ровно позабыли про свое существование, и кругом воцаряется тишина, которую не в состоянии нарушить нежные голоса синиц. В иное утро воздух становится по-весеннему влажен, душист, и легкая дымка опутывает окрестные леса. Усердно долбит кору большой пестрый дятел, испуганно вздрагивает на ветке последний трепещущий листик... Но все это продолжается до той поры, пока не подступил четырнадцатого октября Покров, на который всегда до обеда осень, а после обеда — зимушка-зима.

Чудное явление Покрова Пресвятой Владычицы нашей Богородицы произошло в церкви, где хранилась риза Богоматери

и ее головной покров. В воскресный день четырнадцатого октября, во время всенощного бдения, когда храм был переполнен молящимися, они увидели идущую по воздуху Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, озаренную небесным светом и окруженную сонмом святых. Преклонив колена, Пресвятая Дева начала со слезами молиться за христиан, а закончив молитву, сняла с головы покрывало и распростерла его над молящимися в храме людьми, защищая их от врагов видимых и невидимых. Затем Владычица исчезла вместе с покрывалом, но долго еще люди ощущали чудесную благодать, осенявшую храм.

Оттого и повелась в народе пословица: «Батюшка Покров, натопи нашу хату без дров!» Но на деле Покров октябрьской озими в закрома не кладет, а заповедует примечать погоду: с какого края на Покров ветер подует, оттуда и будет дуть всю зиму. Если в Покров ветер подует с востока, то зима будет холодной, с юга — к теплой зиме, с севера — к холодной.

Но пока еще зима перейдет через всю Россию! На дворе стоит зазимье: белым пухом или зернистой крупой да просеется на Покров снежок. Хоть и не время еще зиме, а все же речь о ней меж людей заводится именно с октября. Крестьяне начинают конопатить свои избы: чини избу до Покрова — не то не будет тепла.

Круг зимних забот и работ начинается с обычая закармливать в Покров на зиму домашнюю скотину. Еще с жатвы хранился в красном углу дома последний, дожиночный, сноп, которому только сейчас приходит время. Хозяин выносит сноп во двор и делит так, чтобы досталось каждому: лошади и корове, овцам и свиньям, курам и гусаку — всем, кто кормится на подворье и кормит собою дом. С заботы о сытости и тепле и

начинается предзимняя жизнь: «Батюшка Покров, покрой избу теплом, хозяина — добром».

Покров — время начала посиделок, когда с приближением зимы женщины могли заниматься общей вечерней работой. А где посиделки, или, как их еще называли, засидки и вечерки, там задушевные песни, разного рода бывальщины и длинные сказки. Ночи становятся темней, дни — короче. Чем не пора для увлекательных историй! К тому же высвобождается время для простой людской жизни — Покров покровительствует свадьбам и продлению рода: «Батюшка Покров, покрой землю седу и меня, молоду, покрой воду ледком, а меня — платком, покрой землю снежком, а меня — женишком...»

Придет Покров, говорили в народе, девке голову покроет, потому как замужним женщинам суждено ходить только с покрытой головой. Ну а уж если не покрыл Покров, не покроет и Рождество, и оттого красны девицы, веря в силу Покрова содействовать брачному союзу, спозаранку бежали в церковь и ставили свечку. Существовало поверье: кто раньше поставит свечу, тот раньше и замуж выйдет. «До Покрова была девка права, после Покрова не будет такова!» Ведь непрерывный ряд чисто женских праздников и обрядов, продолжающихся вплоть до Масленицы, брал свое начало именно с покровских девичьих гаданий: по первому огарку свечи с посиделок...

По шажку, день за днем, продвигается октябрь, добавляя все новые приметы, которые, между тем, почти об одном: придет пятнадцатого октября Устинья — земля остынет, шестнадцатого октября — Денис — солнышко вниз и лихого глаза берегись, семнадцатого октября, с Ерофея,— холода сильнее, восемнадцатого октября, на Святую Мученицу Харитину,— отстал от ночи

день, запнувшись валенком за пень, а появился девятнадцатого октября Фома — пришла зима. Где-то, конечно, еще нет сильных заморозков и обильного снега, но все равно солнце «вянет», стучат в ставни холода, и местами уже устанавливается санный путь. Как ни крути — с Сергия, двадцатого октября, зима начинается, и если на него земля снежком покроется, то с ноябрьской Матрёны зима на ноги встанет. С Сергия завершаются зазимки, когда через леса густые да поля пустые приходит незаметно конец земному теплу. Так и сам инок Сергей благочестиво и безропотно ушел однажды в вологодские леса, водрузил там крест, построил часовню с кельей и подвизался в глубоком безмолвии терпеливо переносить в ней все земные лишения.

Холодное время не так богато на труды, как теплое, но не зря говорится: «Топор сохе пособник». И уж когда, как не зимой, топору быть в работе: тут тебе и заготовка леса с рубкой, и бесконечные деревянные работы, от плотницких до бондарных, налаживание новых сотовых рамок, «гнутые» дела с разного рода обручами и полозами, охотничьи плашки — словом, обыкновенная мужицкая забота. Но все-таки поздняя осень и зима выводят наперед женские труды, хотя доля и мужика и бабы в деревне одинакова. Иглою да бороной, конечно, деревня стоит, да только не лето зиму кормит, а зима — лето: именно в осенние и зимние месяцы баба треплет и чешет лен, прядет и тклет, плетет и вяжет, обшивает семью и вышивает всем на радость. Да и зимний уход за скотиной, нескончаемые отелы и окоты лежат на бабьих плечах...

Вот и преподобные Трифон с Пелагеей двадцать первого октября не забывали трудов праведных, тем более что с них становится еще холоднее: Трифон шубу чинит, Пелагея рука-143

вицы шьет. От них не отстают и Яков-древопилец, брат Божий, что с двадцать второго октября заготавливает дрова для русской печи, но между делом и крупицу на землю не забывает посылать. С него в народном Месяцеслове начинается непрерывная череда примет, по которым угадывается нрав будущей погоды. Есть среди них вроде бы случайные и неоправданные, на наш взгляд — совсем непонятные нынешнему разумению, да разве отбросишь их, испытанных веками!

Святые Евлампий с Евлампией, родные брат и сестра, двадцать третьего октября обращают внимание на рога месяца: куда они укажут, оттуда быть ветрам. Если рога месяца — на полночь, то есть на север, — быть скорой зиме и снег ляжет посуху; если на полдень, на юг, — скорой зимы не жди, будет грязь да слякоть до самой Казанской, четвертого ноября, и уж тогда осень снегом не умоется и в белый кафтан не нарядится.

На мученика Прова, двадцать пятого октября, наблюдают звезды и гадают о погоде по ним. Яркие звезды — к морозу, тусклые — к оттепели, сильное мерцание звезд преимущественно с синими оттенками — к снегу. В народе верно примечали, что коли столбы печных дымок подпирают звездное небо и на нем крутого восходит луна — скоро быть настоящей стуже; когда же месяц плывет рожками вниз, образуя вокруг себя звездный хоровод, — ожидай тепла.

Вообще, в определении примет и к холоду и к теплу обычно все идет в ход: и густота инея, и как ложится сугроб, прилегает ли снег к стене избы либо к забору, быстро ли матереет лед на реке, сворачивается кошка в клубок на печи или на полу? Закрома полны хлебом, и оттого на душе покойно, радостно, и можно примечать, как ведут себя в печке дрова: стреляют, тре-144

шат дробью или мирно попыхивают — все это в точности предопределяет погоду. И еще важно, какой цвет у огня: если печь полыхает белым огнем — будет тепло.

С самой зари под окном поют снегири — день выдастся такой же, как снегирек, пригожий; лучина пылает жарко — вдарит мороз. Если гусь стоит посреди двора на одной ноге — непременно быть холоду, ежели гуси «полощутся» в снегу, то примета эта пророчит теплую зиму. К теплу на Святки под Новый год появляется и пушистый иней, а месяц тыкается рожками прямо в окно...

К концу октября крепкий снег ложится редко — как правило, это междುವременье: ни телеге не проехать, ни саням. Двадцать седьмого октября пожаловала Параскева-грязнуха, на которую никогда не бывает сухо: «На Прасковею — полная грязь, в сани не влез — из телеги вылазь». Если в этот день грязь велика и лошадиное копыто заливается водой, то выпавший снег сразу устанавливает зимний путь. На Параскеву-грязнуху большая грязь — осталось четыре седмины до зимы.

Недаром на пророка Осия, тридцатого октября, колесо прощается с осью: по скрипу тележных колес на Осия гадают об урожае. Никак не установится зимняя гладь: днем выпадет снег, а к вечеру — опять слякоть. Истинный снег — другой, он приходит с ночи. Искоса посматриваешь на улицу и думаешь: черт, наверное, принес эту распутицу и хилый мороз.

Как тут не обратиться к апостолу Луке, который исстари почитается наставником иконописи и празднуется тридцать первого октября. Уже в волнении, с надеждой переводишь взгляд на икону в красном углу: к чему лежит душа, к тому и руки приложатся. А руки привычны до всякой мастеровой работы,

не терпящей сейчас отлагательств, ибо если только на образ взглянешь, свят не станешь. Ведь не то дорого, что красного золота, а то, что доброго умения, и потому каждому — по делам его, которых в октябре у радивого хозяина, как ни странно, только прибавляется.

Ноябрь Ноябрь — сумерки года, его пегие безрадостные дни. Где-то на севере в эту пору уже стоит крепкая зима, а в Средней полосе России все осень с зимой борются, которые, встретившись, никак не могут договориться, кто главней. То пороша грязь засыпает, то сплошные дожди, щедро наполняя мутные лужи, дорогу развозят, а может и мороз нежданно-негаданно заступить, и над всем этим ноябрьским неустройством носится безудержный непоседа ветер. В ноябре мужик с телегой прощается, да в сани никак не заберется, ибо ноябрь на пегой кобыле ездит: либо снег, либо грязь.

Хитер ноябрь: пытается и осени угодить и зиме не обидеть. Почти каждый день не на жизнь, а на смерть схватываются они. Но это еще не зима, ноябрь — лишь ворота в нее, потому как растает снег, который лег на мокрую землю. Ноябрь — сен-тябрев внук, октябрев сын, зиме же — родной брат, позволяет ей становиться полновластной хозяйкой пока только ночью, и зима всю куролесит, пугая людей и зверей.

Правда, не надолго ее хватает. Появится вдруг солнышко — и опять черная земля оголилась. Вот и на Казанскую, которую крестьяне отмечают четвертого ноября, вроде бы зима на пороге, но бывает в этот день с утра дождь дождит, а ввечеру сугробами снег лежит. Выезжаешь с Казанской на колесах, а полозья в телегу клади.

И то верно: коли на Казанскую небо заплачет, примечали крестьяне, то следом за дождем и зима придет. Матушка Казанская необлыжную, то есть настоящую зиму ведет, морозцам дорожку кажет. С Казанской тепло морозу не указ, ибо за дождями да сырыми метелями лихим морозцам истинное раздолье.

И грудень, и листопадник, и мочарец, и студень — таковы народные названия ноября, отражающие все признаки погоды во время наступления зимы. Но чем-чем, а стужей ноябрь всех богаче: наделить может да еще и на всю бедную братию останется. Холоден батюшка октябрь, а ноябрь еще холоднее, он — месяц молодого звонкого льда и первых настоящих морозов.

В ноябре рассвет с сумерками среди дня встречаются. Все сельхозработы давно прекращены; и разве не самая это подходящая пора для свадеб? Не зря Казанская еще бабьей заступницей считается. Мужик без бабы пуще малых деток сирота, и оттого он на Казанскую стремится побыстрее жениться, чтобы счастливым быть, ибо жениться скорее — в дому прибыльнее. Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи, и кабы всякому по нраву невесту, так бы и Царства Небесного не надо.

Зимняя Казанская — это еще и традиционный срок расчетов. К этому времени заканчивается строительный сезон, крестьяне получают расчет и возвращаются домой, в свои деревни. И рад бы хозяин поприжать батрака, да Казанская на дворе: она, матушка, всей ряде голова! Потерпи, батрак, и у тебя на дворе Казанская будет, — велось присловье среди людей, ведь даже у воровья на Казанскую пиво!

Жизнь, хоть и неспешно, а все же идет своим чередом, и только лес за околицей равнодушно взирает на заботы ноября.

Кругом раскинулась белая равнина, и не поймешь, где поля, а где кочковатые болота и низины. Все заровняла молодая, еще не надоевшая зима.

Ночи в ноябре только до снега бывают темны, но как установится первопуток, они сразу светлеют. Вот и звезды загорелись как будто ярче и даже, кажется, чуточку спустились, отчего деревья и кустарники, одетые изморозью, тоже мягко засверкали. Все вокруг окутала серебристая прозрачность: далеко видны темная полоска леса на горизонте, полузасыпанные снегом стога и узенькая лента проселочной дороги... Безудержные снегопады еще не намели непролазные сугробы, покрытая инеем лошадка, чуть всхрапывая, легко бежит среди голубых и синих теней, а снег под полозьями приятно поскрипывает, порой радостно взвизгивая. Над полями и лесом медленно выплывает луна, и все становится сказочным.

В первых числах ноября, когда снег еще пушной, звери с птицами по нему пока не бегают и не оставляют следов, как будто чего-то опасаясь. Можно проходить целый день и никого при этом не встретить: жизнь, кажется, умерла под пологом притихшего леса. Не всегда заметишь, как от дерева к дереву протянулся беличий след, либо через узенькую просеку прострочила полоску по свежей пороше полевка, и уж совсем редкость, если прошелся по снегу рябчик: он в эту пору предпочитает, как и косач, ночевать на ветке, поближе к стволу. Снег слишком рыхлый, неудобный для лунок, и тепла еще не дает.

Только с установлением снежного покрова, с его уплотнением, зайцы устраивают ночную гульбу, причудливо запутывая

следы, а сейчас они спят или сидят, притаившись, в каком-нибудь укрытии. Не скоро еще увидишь заячью стежку, ныряющую под сваленный ствол! Обрушив на себя ворох сырого снега, бывало, подлезешь под этот ствол и вдруг обнаружишь, что след оборвался: с непривычки сразу и не догадаешься, что косой махнул в сторону — сделал «скидку». А за ней — другая, и снова петли, прыжки, затаивания, и все время представляешь, как заяц залег где-то близко.

Нелегко ходить в ноябрьском лесу, убрдно. На лыжи не встанешь — рано, а месить снег валенками либо сапогами целый день тоже несподручно. Зато, намаявшись, с удовольствием усядешься на пенек и закусишь куском черного хлеба, от которого скулы на морозце сводит приятной судорогой, вкусно пахнет свежим снегом и хвоей. Сидишь тихонько, смотришь, как дремлют под снегом кусты и деревья, и думаешь о своем зайце: какой он белый и чистый, немножко перепуганный, с выпуклым темным глазом, тревожно косящим назад... Завидев же улепетывающего косого, не закричишь ему вслед: «Тебе — пень да колода, мне — путь да дорога!», а только весело свистнешь и залобуешься, как бесшумно сорвался из-под елки и припустил во весь дух белый зверек.

Лес проводил своих последних летних жильцов, стал совсем сонным от выпавшего снега, и только вспугнутый кем-либо косой, пробудившаяся в оттепель белочка или мирно кормящиеся на березе тетерева оживляют унылый ноябрьский вид. Деревья, птицы и звери наконец дождались настоящего снега,— холодно им было от злого ноябрьского ветра. Каждый день для них был полон ожидания: а вдруг нынче засверкает земля белым, ослепительным нарядом? И вот наконец земля укрыта

снежным покрывалом. Кажется, где-то на другом краю земли бродит солнце, лишь ненадолго заглядывая одним глазком на занесенную снегом Русь...

В народе про эту пору говорили: до Дмитровской субботы зима не становится, а пришел Дмитриев день — зима уж лезет на плетень! И действительно, восьмого ноября, когда начинали справлять Дмитровскую неделю, праздновали и становление снежного времени года. Ведь снег — он грелка, а земля — тарелка: что положишь, то и возьмешь.

Крестьяне давно заметили, что коли восьмого ноября холод и снег — весна поздняя и холодная, а если оттепель — зима и весна теплые. Или так: Дмитриев день выдается по снегу, то и Святая по снегу, если же по голу, то и Святая по голу. На Дмитрия обычно реки замерзают, он перевоза не ждет, так же как и особо хитрые девки, которые спешат в этот день выйти замуж, ибо после Дмитрия уже редко бывают в деревнях свадьбы до зимнего Мясоеда, то есть до Крещения.

Кстати, Дмитрий особенно почитался у славянских народов. Память о нем издревле связывается на Руси с воинским подвигом и защитой родины. Он изображается на иконах в виде воина в доспехах, с копьем и мечом в руках. Оттого в Дмитриев день на Руси повсеместно и справляются поминки по усопшим, а установление этого поминовения принадлежит великому князю Дмитрию Донскому, который, одержав знаменитую победу в 1380 году над Мамаем, положил, чтобы пред этим днем совершалась Вселенская панихида по всем погибшим на поле битвы.

Отсюда, наверное, и повелось в народе присловье, что покойнички на Руси Дмитриев день ведут, живых блюдут. Дмит-150

ровская неделя называется родительской, и особенно почитается Дмитриевская суббота — суббота перед днем Святого, который всегда проводили торжественно: ходили на могилы своих родных и служили панихиды, устраивая богатые угощения — тризны. Считалось также, что чем щедрее приношения для отправляющих панихиды священников и обильнее их угощение, тем вернее доставляется загробной душе на том свете покой и отрада.

У здравствующего же православного народа особую любовь и благочестие вызывала святая Параскева Пятница, иконы которой почитались и украшались нашими предками, а праздновали ее пришествие десятого ноября. Родители святой мученицы почитали день Страданий Господних — пятницу, поэтому и называли дочь, родившуюся в этот день, Параскевою, что в переводе с греческого и означает — пятница. Русские иконописцы обыкновенно изображали мученицу суровой подвижницей, высокого роста, с лучезарным венком на голове, и эти иконы охраняли семейное благополучие и счастье. По церковному верованию, святая Параскева — покровительница полей и скота, поэтому в день ее памяти принято приносить в церковь для освящения плоды, которые хранятся потом как святыня до следующего года.

Параскева Пятница — бабья святая, так как крестьянки считают ее своей заступницей, к тому же она — покровительница женской зимней работы, в первую очередь прядения. С пятницей связан и ряд обычаев, падающих на этот день недели, например: в пятницу нельзя прясть, а шить можно; кто в пятницу много смеется, тот в старости будет много плакать. За нарушение запретов, связанных с пятницей, Параскева строго наказы-151

вает, отчего существует поверье, будто святая Параскева ходит по земле в виде молодой женщины и примечает, кто как живет, как соблюдает обычаи и запреты.

На Параскеву также полагаются особые мольбы на хороших женихов. «Матушка Прасковья, отдай замуж поскорее!» — ладятся девки, а бабы каются. Выйти хоть за старца, лишь бы в девках не остаться, стремится каждая молодуха, ибо с мужем — нужна, без мужа — и того хуже, а вдовой да сиротой — хоть волком вой.

Волки к этой поре по лесам стоятся, но отмечают в народе сейчас, как ни странно, махоньких птиц — синиц. Двенадцатого ноября — Синичкин день, время, когда происходит массовое появление синиц около наших домов, что, в свою очередь, говорит о подходе больших холодов. Невелика птичка-синичка, а и та свой праздник знает.

Вместе с синичками чаще всего мы замечаем под окнами и других пернатых гостей — снегирей. Румяными плодами повисают они на ветвях сирени, черемухи и рябины, могут подолгу находиться так без движения, лишь изредка тихонечко поворачивая черные головки и робко склевывая семечки. Под рябинами, на которых любят лакомиться снегيري, можно увидеть так называемую «поедь» — подавленную мякоть ягод без косточек: забавные птички клюют только зерно рябины, а сочную мякоть бросают на снег. При этом снегيري все время нежно и тоненько посвистывают, будто у них где-то под крылышками спрятаны крохотные дудочки. Тихие снегиринные напевы вроде бы никак не сочетаются с суровыми завываниями подступающей зимы, но как же милы сердцу эти живые зимние яблочки посреди снежного безмолвия!

Установилась чудесная снегириная и синичья пора, а с первым снегом торопятся к нашим домам еще и свиристели, щеглы, шуры, чечетки. Обычно только на рябинах красуются нежно-розовые, с желтой каймой на хвостиках, свиристели. Еще их легко отличить по хохолкам на головках, всегда направленным на ветер. Близко подпускают к себе свиристели, и подойдя к ним на несколько шагов, можно хорошо разглядеть ярко-алые мазочки на крылышках. Не зря в народе эти птички получили прозвище — красава.

Говорливые и юркие чечетки тоже необыкновенно оживляют предзимний деревенский вид. Нежно стрекочут, переговариваются, или вдруг весело взвываются с берез дружной стайкой, представляющей из себя живое красногрудое облачко. Еще долго провожают тебя чечетки, то присаживаясь, то витая вдоль дороги, и всё щебечут о чем-то оживленно: «чет-чет, чет-чет, чет-чет», будто выражая тебе свое ласковое отношение и поддержку. Такие махонькие, кажется — совсем беззащитные, а не устрашает их надвигающаяся суровая пора.

На легком морозце все прилетевшие к нам птички необычайно подвижны, каждая не находит себе места. Разноцветным пером щеголяют по пустырям, дорогам и вдоль заборов суетливые щеглы... Весело кормятся семенами сорняков, раскачиваются на торчащих из-под снега былинках, отпечатывая на нем тонкий рисунок крылышек: задолго до Нового года одарила нас природа неподражаемыми живыми игрушками!

Вот и в кустах шиповника будто светятся ярко-малиновые шуры: это расцвели малиновыми бутонами зимние «розы». Особенно трогательны и волнующи они на белоснежном фоне хрустальной зимы. Не умешь, а возьмешься за кисть, чтобы

изобразить наших вездесущих дорогих птиц, украшающих снежные покои первозимья!

Эту тихую и промозглую пору встречают четырнадцатого ноября Кузьма да Демьян, в народе — просто Кузьминки. Кузьма с Демьяном — кузнецы, куют лед на земле и на воде, одним словом, Кузьминки — об осени одни поминки, и коли закует Кузьма-Демьян, до весны красной не расковать. Как говорится, Кузьма-Демьян с гвоздем, Никола холодный на девятнадцатое декабря — с мостом. Впрочем, в эту пору обычны умеренные морозы: Демьянов путь — еще не путь, а только перепутье.

Кузьма и Демьян считаются в народе покровителями ремесел, главным образом кузнечного искусства и женского рукоделия. С Кузьмы-Демьяна женщины вплотную принимают за зимнюю пряжу и, обращаясь к святым, просят помочь не отстать в работе от тех, кто начал ее раньше: «Батюшка Кузьма-Демьян, сравняй меня, позднюю, с ранними!»

Кузьминки повсюду слыли девичьим праздником. В некоторых местах существовал даже обычай, в силу которого девушка-невеста считается в день Кузьмы и Демьяна хозяйкой дома, она готовит для семьи кушанья и угощает всех, причем в качестве почетного угощения подается куриная лапша.

С Кузьминок у девушек начинались регулярные посиделки, девушки устраивали ссыпчину и принимали парней. Каждой девушке полагалось принести из дома что-либо съестное в сыром виде, нередко они обходили дома и выпрашивали припасы для Кузьминок. Собрав продукты, девушки все вместе готовили пиршество: «Полно девкам чужое пиво варить, пора свое затевать», — говорили о них в эту пору.

Кузьминки продолжались до рассвета, причем парни, расправившись с приготовленным угощением, отправлялись воровать соседских кур. К кражам такого рода крестьяне относятся довольно снисходительно, и было заведено браниться только для порядка. Не зря считалось, что в этот день наступает куриная смерть — по деревням режут кур. На Косьмодемьяна хоть что заложи, а куру — на стол, цыпленка же — попу. Крестьяне повсеместно бьют кур на продажу, служат молебны в курятниках и кропят их святой водой.

А между тем стылая пора ноября подводит позднюю осень к своему завершению: чернотроп и порошу сменяет коренной снег с ледоставом. Сегодня еще была оголена земля и вода в озерах и реках стояла открытой, а завтра землю укутывает снежное покрывало и устанавливается первый ледок, по-народному — «синчик». Скоротечно это ноябрьское время, но душа все же обращается к его притягательной загадочности, пытаюсь вникнуть в ее суть.

Все прихватил мороз, истекают часы живой воды и земли, и Акундин с Пигасием, пятнадцатого ноября, солнце гасят. На Галактиона, восемнадцатого ноября, отвыкшие от морозов крестьяне уже изнемогают от натисков холода, воздух цепенеет от его оков, ледяные закрайки-забереги на реке тянутся к середине, но местами еще рябит живая вода. На Павла и Варлаама, девятнадцатого ноября, примечают: коли день богат снегом, то зима будет снежная, лед к этому времени становится на реке горами — хлеба будут груды, а гладко — так и хлеба будет гладко. Двадцатого ноября мученик Федот окончательно лед на лед ведет — лед торосится. На многих реках России устанавливается ледостав.

Впрочем, с Михайлова дня, двадцать первого ноября, нередко случались оттепели, хотя уже и последние. Как говорится: с Михайла зима не стоит, не мерзнет, и Михайло только с полумостом. Если Михайло Демьянов путь порушит, не жди пути до зимнего Николы, девятнадцатого декабря. Зима с Михайлова дня лишь начинает морозы ковать.

Существовали и такие приметы: Михайло всегда приезжает на белом коне, то есть к этому дню обязательно выпадает снег. Коли на Михайлов день иней — ожидай больших снегов, а ежели день зачнется туманом — быть ростепели. С Архистратига Михаила скот загоняют на зимний корм, и вообще Михайлов день — веселый и сытный праздник, поскольку хлеба пока много, выручены деньги за коноплю и овес, закончены основные работы.

Еще сильнее меркнет свет, стынут воздух и колодезная вода, окна затягиваются стеклом льда. Холод быстро наращивает на окнах незамысловатую паутинку из иглистых стрелочек, образуя за ночь веточки папоротника. Днем же ледок мягко стекает со стекол, превращаясь в матовые лужицы на подоконниках. Идет по земле перевозимые с перволедьем, пока мороз подкрадывается за стенами избы невидимкою, но вот-вот наступит решительный натиск зимы...

Только с зимней Матрёны, двадцать второго ноября, зима окончательно встает на ноги. Зима встает в полный рост после того, как была убита Михайловскими оттепелями. Следом за Матрёной что ни день, то матереющий холод: двадцать третьего ноября Ераст — твердый наст пожалует, двадцать четвертого ноября Федор-студит, а двадцать пятого числа — Иван, милостивый до большого снега...

С Ераста, говорили в народе, жди ледяного наста, ибо Ераст на все горазд: и на стужу, и на метель, и на холод, и даже на голод. Заявится Федор-студит, быстро землю остудит, на Федора стужа — что ни день, то хуже. Шибко сердита на Федора зима, поскольку Федор — не Федора, знобит всех без разбора, пришел же Иван Снежной — засыпал землю мохнатой крупой. На Ивана Снежного — всяк сыт и пьян до дурмана, ведь Иван Снежной с весны не спит, пока суммы не наспит, зима-засыпуха заметает все глухо: и рожь, и пшеницу, и родную землицу. Снег в эту пору — всему голова, как положит сейчас, так и весной возьмешь.

Полностью разделся ноябрьский лес: засыпанный снегом, стоит глухой ко всему, отрешенный. Снег идет и тает, а потом опять нападает за ночь чуть ли не под колено: пороши перемежаются чернотропом — это первые, но уже достаточно уверенные пробы зимы. Зима пришла, она примеряется, как бы ей повернее примоститься, и буквально в несколько последних дней ноября полностью водворяется. Хозяева по огородам окучивают снегом молодые яблоньки и клубничные гряды, все радуются снегу, недаром в народе говорят: «Снег на поля — что зерно в закрома». Наступает зимний сон для всего живого.

Вроде бы устроился зимний порядок, забот у людей стало меньше. Хлеб в ларях, озимь под снегом — о чем еще тужить? Лето да осень так спину крестьянину согнули — на ползимы хватит разгибать. И, как на заказ, пошел один праздник за другим.

Открывались эти праздники двадцать седьмого ноября Фи-липпками, с заговенья перед «холодным» Рождественским постом, а завершались декабрьскою Никольщиной. На этот день

принято было выносить во двор закуску домовому, чтобы водился скот. А еще подходил конец свадебным неделям и начиналась Куделица — первая неделя прядения в Филиппов пост, когда только у ленивой пряхи не находилось про себя рубахи.

Филиппки продолжал двадцать восьмого ноября Гурий, который приезжал на пегой кобыле, потому как к этому дню грязь сменяет снег, и уж коли на Гурия снег, то лежать ему до половодья. Ну а ежели держится еще грязь, то она — не сало, помял, да и отстала. Вообще, пегая кобыла была первой из трех, что приводили за собой на Русскую землю зиму: сначала — пегая, затем — белая и в голове — гнедая.

Двадцать девятого ноября, на Матвея, зима потеет, потому как изрядно постаралась к этому сроку — замела пути-дороги, заковала в лед реки с озерами. Но настоящую зиму, говорили в народе, гляди с Платона и Романа тридцатого ноября, чтоб похвалить ее на Масленицу. Каков Платон и Роман, такова и зима, а настоящая зима должна быть в меру морозна и снежна. Много снегу надует — хлеба прибудет, снежная вода разольется — сена наберется.

У каждого святого — свой природный уклад, если даже все святые располагаются в календаре рядом. Но что на самом деле празднует крестьянство: неужели только церковных святых по народному Месяцеслову? Как бы не так! Народ в Святцы не глядит: ему душа праздники рассказывает, и потому жалуется он долгожданную смену наскучившего грязного времени года на становление санного пути по снегу и по льду. В конце концов — пришедшую зиму, которая бы стала мужику, как и волку, за обычай, чтобы хвалил он ее, а не робел перед ней.

Весной — бесполье, летом — страдные работушки, осенью — бездорожица, а зимой — зимушка студеная, зачин здорового духа и тела. Хороша после доброго урожая даже строгая зима, когда уже не станешь горбат, а будешь только богат. Белая деньга зимы — про черный день, хоть на Руси и не без добрых людей.

Мужик празднует приход зимы и радуется, что все у него вышло справно да Богу угодно. Зима мужику не в диво: почитай, не первый раз ее зимовать, ибо знает он — в эту пору шубы не занимать, и что летом ни уродится — все зимой сгодится. Словом, будешь жив — так прозимуешь, тем более что уходящий пегий ноябрь уже зовет полный праздников белый декабрь, у которого, как и у Бога, всегда праздник, и простая крестьянская душа этому рада. Не забывай примечать серые будни, а праздники сами придут!

Времена года в природе

Я люблю времена года в той очередности, в какой их задумала природа: зима, весна, лето, осень...

Желая узнать, достаточно ли глубок человек, обрати его внимание на круговорот времен. Начавший отсчет с осени обременен ненужным грузом, заблудшая душа его еще не обрела спасительной ясности. Она не в силах допустить, что осень хороша только для подведения итогов, но в череде грядущих перемен обречена на смерть. Начало же начал лежит далеко за пределами весеннего пробуждения, которое представляется для зарождающейся жизни событием неоспоримым.

Весной, в пору всеобщего торжества и расцвета, сердцу так легко забытья от переполняющего его восторга. И разве задумается оно о том, что истоки жизни, как ни странно, заключены в седых глубинах заснеженного декабря, когда, кажется, ничто не предвещает предстоящего цветения. А цвет, между тем, начинает проистекать над землей именно в первый зимний месяц, он рождается среди неподвижного царства белого воздуха и снега.

Когда это понимаешь, ощущаешь наконец облегчение и успокаиваешься, словно почувствовав внутри силу, не стремящуюся к выходу и жаждущую быть обращенной пока только на себя. И еще ты думаешь, что отпущенная Богом снежная бе-

лизна — это не только сладкий сон, призванный хранить земную тишину, но и простор для живого воображения, предполагающего неиссякаемое здоровье. Человеку, не отягощенному бременем незнания, белый цвет представляется сгустком всех тонов, способных наполнить жизнь.

Обладая присущим только ему цветом, каждый месяц имеет свое лицо... Лицо это может быть каменным, трепетно-цветущим или увядающим. В зависимости от того, что предстоит преодолеть изменяющейся время от времени природной сути, осознаешь, какой неистребимо сильной становится на этом пути постижения твоя обнаженная душа, впитывающая, независимо от времени года, самые тонкие цветовые и смысловые оттенки...

ЗИМА

Декабрь В декабре уральский лес уже утопает в непроходимом снегу. Спряталась под тяжелыми белыми сугробами продрогшая от дождей осенняя земля. В глубоких логах давно заволокло льдом неугомонно струящиеся ручьи, и уверенно подбирающиеся морозы всю пытаются подчинить уже замедленное течение речки.

Местами речка все же пробивает сковывающий ее панцирь и, вырвавшись на свободу, обрадованно журчит под берегом. Но с каждым днем спорить с декабрем становится труднее. Все ниже ходит над горизонтом солнце, и из-за низкой облачности кажется, что оно и вовсе отсутствует. Лишь изредка пробивается его свет желтовато-матовым бельмом, неживым, холодным.

Воздух пронизан бесцветными кристаллами, словно стеклянными бусами унизан сосредоточенный лес. Ломко посверкивая на его ветвях, они образуют хрупкую безмятежность навеки намерзшего хрустального льда. Не успевший набрать силы для своего разнообразия, декабрь без заносчивости величествен и нежен.

Еще декабрьский день напоминает, как ни странно, перламутровую внутренность большой белой раковины. Возникающая в восприятии декабрьского дня тончайшая таинственность шелковистых переливов вмиг перевоплощается в пре-

красную и тотчас ускользящую действительность. Декабрю присуща и радужная фееричность, которая приносит цвет нарождающегося жемчуга, опоясывающего его холодный и светлый облик.

Декабрь... Пунцовыми розами рдеют на белой березе надутые снегири. Живыми игрушками свисают с еловых ветвей красногрудые клесты. Оливковыми комочками снуют в ветвях кроткие корольки, а запорошенные снегом верхушки венчают малиновые щуры, трогательно насвистывающие в мороз свои лесные арии. Цветов у заснеженного декабря немало, но главный — один: перламутрово-розовый, несмотря на суровую пору, может быть, самый проникновенный и нежный из всех, что переживает в себе за год природа. Таким он представляется благодаря розовым закатам и перламутровым восходам, незаметно вспыхивающим в светлой декабрьской вышине.

А снизу, навстречу им, дыбятся жемчужные сугробы, пухлые, нежные, не обремененные еще цветом драгоценных январских камней... Это пока только тонкий матовый налет, мягкое по-серебрение и узорчатая кайма будущей зимы. Жемчужно-белыми облаками кружится с небес снежный пух, и снежные оборки на ветвях деревьев под вечер тоже кажутся жемчужными...

Простота и тонкость цветов соседствуют в декабре, составляя его очаровательную зимнюю суть. Если же попытаться подыскать первому месяцу зимы камень, который бы сосредоточил в себе его цвет, то, по сравнению с январским морозным родонитом и мягкостью февральского агата, лесной декабрь горд прозрачным хрусталем: ажурна его снежная навесь, непостижима светлая глубина, манящи переливчато-сказочные дали...

Трепетен лик уральской природы в декабре, когда леса и молодые снега будто оживают, слегка розовея. Ненавязчиво скоро продвигается по небу трогательное солнце, так что воздух не успевает наполниться его робким светом. Все краски еле приметны, хрупки, и кажется, что они вот-вот рассыплются от легкого морозца.

Приятно стоять у края проселочной дороги и просто наблюдать, как украдкой простирается над заснеженной землей такой непритязательный декабрьский день. Почти не слышны его чуткие цветковые отзвуки. Все охвачено сказочным сном, в котором даже нелегко находиться из-за нереальной тонкости происходящего. Но реален уральский розовато-перламутровый декабрь, хотя и почти неуловим.

В декабре и мысли твои как-то незаметно розовеют, слегка клубятся неясными зимними образами. Только что было одно, красивое и милое, а в следующее мгновение уже растаяло. Но отыскивать его почему-то не хочется, ибо потеря совсем не ощущается. Хорошо вокруг — воздушно, легко!

Что и говорить: любя человеку самобранная скатерть декабря своими предновогодними гостинцами! Пленительная краса перламутровых сугробов сливается с перламутровым широким горизонтом. Жемчуга следов бесчисленных дорог утопают в жемчужном звучании серебряных колокольцев... Веселыми снежными искорками играет на солнце проказник декабрь, и разве можно ему за это не улыбнуться!

Декабрь весьма чувствителен и требует к себе достойного внимания. Без него месяц, будто фарфор, со временем тускнеет. Тогда опустошенность и глухота, возникающие в его недрах, словно неуправляемая настырная сила, неодолимо берут верх

над засыпающей природой, тем не менее поддерживая зимнюю, не угасаемую до конца жизнь.

Жизнь эта никогда не прекращается, и даже в самую суровую пору продолжает биться непроглядной голубоватой жилкой замерзающей реки. Царство белого цвета, превращающегося в редких просветах между заснеженными деревьями в россыпь драгоценностей, в сумерки постепенно переходит в фиолетовые тени. Скорее, в нежно-лиловые, сгущающиеся в своей нестигаемой зимней утвержденности.

Таковыми представляются снеговые отсветы предвечернего декабря, емкие овалы впадин между горделиво вздымающимися и не успевшими устать от себя сугробами, потаенные уголки разлапистых ельников... В них к середине декабря успевают собраться в стаи волки, которые страшно смотрят оттуда розовато-светящимися, поблескивающими от возбуждения глазами. В бледновато-пурпурной сгущающейся темноте они почему-то притягивают к себе, словно укрепляя стойкость против неизъяснимых декабрьских искушений, и одновременно противодействуют возникающему опьянению уральского декабря.

Спасть от дурного блеска волчьих глаз можно только с помощью драгоценного камня, которому в старину приписывались сверхъестественные свойства. Уральский самоцвет, подаренный деревенской бабушкой и обладающий, как и свет волчьих глаз, бледновато-пурпурным оттенком, не раз помогал мне избавиться от собственного удручающего несовершенства, когда покоился на груди под рубашкой. Вспыхивая в сумерках надвигающейся декабрьской ночи сдержанными аметистами и бесследно потухая в омертвевшей лесной чаще, волчьи глаза

завораживающе предрекали, как ни странно, счастливые откровения.

В декабре, когда земля умолкает и впадает в долгий сон, задремавшая было человеческая душа неожиданно пробуждается. Не помня поначалу ни людей, ни окружающего пространства, ни его воли, она скоро приходит в себя, и, казалось бы, из ничего возникает ее новая жизнь. Вернее, происходит необъяснимое очищение души, которой никогда не суждено умереть.

Объяснить это трудно, почти невозможно, и декабрь дан человеку, наверное, для того, чтобы, забывшись в перламутро-во-белом сне, поддерживать в себе восходящую жемчужно-нежную надежду, и в момент молодой нарождающейся любви природы, не переставая, переживать радость.

Январь Наступила настоящая зима, утвердив себя крепкими морозами и душистой прохладой. Розоватый воздух пышет скрытой бодростью и здоровьем, невидимым облачком замирает в нем дыхание.

Пришел январь и убелил снегом леса и землю. Невозможно подобрать цвет, кроме белого, который бы так успокаивал, умиротворял и усыплял. Чистый, обещающий превратиться в любую мечту, хотя бы только в сладком зимнем сне, он принес долгожданный покой, так нужный каждому.

Метели уже надули огромные сугробы по опушкам, белым пуховым одеялом мягко укутали поля, берега замерзших речек, дороги. Усыпанные седым инеем, отрешенно стоят замкнувшиеся в себе пихты. Заиндевшие березы, словно пронзенные хрусталиками очарования, успокоенно замерли под выстуженным небом.

Но заснеженный мир в январе не одноцветен, и, казалось бы, поблекший, он на самом деле только готовится к своему новому рождению. Перед наступлением сумерек снег из белого постепенно перетекает в розовый, с заходом солнца — в голубой, в надвигающейся темноте — в сиреневый, а с установлением глубокой ночи превращается в лунно-золотистый. Под утро он опять перевоплощается в синевато-таинственный или лиловый, с бирюзой, и только к полудню оборачивается наконец-то самим собой: восторженно-белым и немножко глупым.

Если декабрь — только снежный терем, то январь — уже белокаменный сказочный замок. Самый суровый месяц зимы — это глыбы белого мрамора, в которых безжизненно застыл и сосновый бор. Ему вторят строгие шпиль елок, а белая парча снега на их ветвях горит ярко-красными отсветами. Деревья, кажется, еще не оправились от радостной встречи чудесного Новогодья...

От света январской зари шишки на елках приобретают малиновый сказочный вид и становятся похожими на обыкновенные новогодние игрушки... Пунцовое перо снегиря — тоже под цвет январской зари, что еще нежна до наступления суровых крещенских морозов. Как красная тетеревиная бровь, горит над лесом узкая январская зорька, а сами тетерева еще не проснулись, досматривая под снегом свои спутанные, красно-сине-белые сны...

Говорят, что зима тетереву за обычай и длится всего лишь ночь... Морозный же январский день для птиц — в одну кормежку, когда они взлетают из-под снега на березы и, рассевшись по ветвям, как будто стерегут торжественный зимний покой.

Неторопливо склевывая пахучие березовые почки, тетерева изредка прислушиваются, настороженно поворачивают головы

к розовеющему востоку и, убедившись, что тишина не тронута, опять принимаются за корм. Нужно успеть набить зоб за короткий световой день, чтобы хватило на двое-трое суток неподвижного пребывания под снегом.

Насытившись, тетерева никуда не улетают, а тяжелыми черными грушами срываются прямо под деревья, в сугроб, и крепко засыпают. Теперь их присутствие угадывается только по голубеющим на краю поляны лункам, из которых они неожиданно вырвутся однажды поутру и опять ненадолго разбудят зимнюю тишину... Краснобровые птицы на заснеженных березах — может быть, самая красочная картинка января, отражающая его короткое пробуждение и предвкушающая нескончаемо сладостный, дивный сон.

Январский рассвет льет отражающийся от неба зеленовато-перламутровый отблеск на укатанную дорогу, под ноги, и начинает казаться, будто ты поднимаешься по ней прямо к восходящему красному солнцу. Таким оно приходит к нам из русских сказок. В особенно морозные дни его острые красноватые искорки будто вонзаются в сердце и оно, перевернувшись, как зверь в берлоге, вдруг по-солнечному вспыхивает и уже до самой весны не угасает.

Гаркнет в морозный январский день старый ворон, и лесная прозрачная тишина будто расколется на множество мелких ярко-красных хрусталиков. Вот и в срубленной под Новый год зеленой красавице елке, которую всегда немножко жалко, мерцают ярко-красные, алые и оранжевые огоньки.

Красногрудые снегири на фоне придорожных снегов — это румяные яблоки на белой скатерти зимы. Даже в жестокую январскую землю не перестают издавать они свои нежные трели,

отчего зима не в силах сдержать улыбку, которую непременно заметишь и тоже про себя улыбнешься. А уж в январские редкие оттепели, первые предвестники весны, всё неожиданно так обнажается, что в этом радостном весеннем предвкушении не ведаешь, куда себя деть.

В январе и месяц светит по-особому ясно. Снег сверкает и вспыхивает в алмазных искрах, а в морозном воздухе повисает прозрачная мгла серебряного тумана. Благодаря лунному свету все в январском лесу волшебю.

В самые Святки, когда устанавливаются крепкие морозы, месяц наклоняется, словно из сказочного ушата высыпает на небо розовые, алые и пурпурные каменья, а душа переполняется счастьем и весело играет. Бродишь по тихому зимнему лесу, смотришь, молчишь... Кругом царство нежного порфира, яхонта и яшмы, а небо можно вбирать в себя без конца и края. Свет зимой, особенно в январе, становится наиболее насыщенным, в зависимости от солнца, снега, состояния природы в этот миг и еще каких-то перемен в твоей душе.

А бывает, в морозные январские дни между деревьями ложатся такие голубовато-прозрачные, радостные тени, что в лесу начинает пахнуть весной. В морозный январский день и ели с соснами становятся еще зеленее, а обыкновенная снежинка иной раз так брызнет в глаза золотистым светом, будто долгие хмурые дни копила его в себе и потом в один миг разрядилась. В январском лесу все необыкновенно: и мороз, и солнце, и ты сам...

Невозможно постигнуть, как из года в год январь приходит со всеми своими праздниками и очаровывает ими. Нелегко определить и глубинный январский цвет...

Январь — вершина зимы. С прибавлением дня еще сильнее становится стужа. В морозные дни заснеженные просеки в лесу светлеют, а шапки сосен воспаляются алыми бликами. Вот этот алый цвет от восходящего огромного солнца, может быть, и есть самый важный в январскую пору... Только ему одному удастся просочиться сквозь величественную колоннаду деревьев. Алым цветом окрашены нетронутая глазурь снега и прозрачные дали. Им пронизан сверкающий воздух.

Удивительно ярко и одновременно светло в январе. Если в декабре свет робко розовел, то сейчас он восторженно ликует!

Январское солнце — это кремь, блестящий морозный камень, что жарит красками, а не теплом. Поутру солнце ослепительно огненное, неудержимое, без разбору поливает присмиривший лес и проистекающую в его глуши жизнь обжигающим светом. Светом не на шутку разыгравшегося родонита, который спешит за короткий зимний миг насытиться своей на глазах каменеющей силой.

Мраморный облик января ярко-красен, пронзителен. Он торопится наполнить собой самые тончайшие оттенки зимы. Так и железо в мраморе придает ему необыкновенно стойкое и гордое существование.

Мелкозернистый снег неслышно впитывает выплеснувшуюся на него за день киноварь, без усталости пьет бледно-голубую эмаль неба, отрешенно поблескивает. Посторонние примеси ему ни к чему, он это хорошо знает, и потому на свежем изломе январский снег — сахарный и ароматный, будто только что надкушенное яблоко.

Как и у добротного мрамора, в январе отсутствуют пустоты. Дополняющие его оттенки живо изменяют первоначально бе-170

лоснежный цвет зимней породы, ненавязчиво сообщая ей муаровый, пятнистый или жилковатый, в зависимости от времени дня, узор.

С пламенными восходами январский морозный день оживает и, быстро перегорая в голубоватых искринках, к своей середине как бы затаивается. К вечеру же, налившись невидимой стойкой силой, он вновь воскресает в разноцветном холоде нарождающихся прожилок: лимонно-кремовых, отражающих нескончаемую пустоту звезд; молочно-белых, вбирающих в себя потаенно исхоженные зверьми зимние тропы; голубовато-дымчатых, призванных к зачарованному созерцанию лесных таинственных сумерек...

В глухие январские ночи, когда снег начисто заметает все пути-дороги, а луна тревожно вздрагивает на неясном небосводе, в удаленном от людей лесном зимовище твое сердце согревает только робкий фитилек проржавевшей от времени керосиновой лампы. В такие ночи снег словно прислушивается к звездам и впитывает их. Выйдя из избушки, смотришь на небо и начинаешь воспринимать все это бесконечное пространство как глубину души одного гигантского существа, как ни странно, похожего на человека...

Если ты не связан с миром природы, то тебе невероятно даже предположить, что зимний мрак и ледяная январская стужа таят в себе больше жизненной энергии, чем румяные августовские закаты, а вечерний январский отсвет на сугробах нежнее любого самого трепетного цветка. Иной раз, несмотря на свою неприступность, январская мгла, снег и черный лес оказываются ближе, чем самые родные люди.

Морозный январский день жаден до броских красок. Желая

задержаться в окружающей лесной жизни подольше, он, наверное, попросил об этом кого-то, и природа помогла ему, разрисовав брови красующимся по деревьям глухарям, тетеревам и рябчикам. С тех пор птицы эти, провозвестники короткого и радостного январского дня, не перестают прославлять его, даже когда солнце скрывают тяжелые свинцовые тучи, густой стеной сыплет надоедливый снег и тебя совсем не тянет в неприветливый и хмурый лес.

Февраль Войдешь в февральский лес и поначалу покажется, будто нет в нем никаких изменений в сравнении с январем: все так же тихо, сонно, бездыханно. Только восход трогательного солнца чуть нежнее и дольше вспыхивает за лесом. Чем-то он безотчетно привлекает, манит неотступно, так что хочется нарисовать его.

Горит за черным еловым лесом нежно-радужный восход и отблески его мягко падают на заснеженные поляны, высвечивая на них чуть приметные впадинки, в которых притаились голубые и синие тени. И вдруг неожиданно слышится голос одного рябчика, затем еще, и еще... Целый табунок, рассевшись на деревьях по обе стороны дороги, перекликается как ни в чем не бывало. Весь снег здесь испещрен аккуратными на-бродами, что тянутся параллельно друг другу: рябчики начинают сбиваться в пары... Скоро им тоже предстоит зачать новую жизнь, и они ожили, огласив задремавший февральский лес своим призывным свистом.

Затянутое мутновато-кремовой пленочкой, февральское солнце еще нехотя выкатывается на размытое неясными отсветами небо, но чем больше смотришь на него, тем труднее от

него оторваться: чем-то неизъяснимым притягивает оно к себе в этом занесенном метелями мире. Солнце то и дело ныряет в радужно-серых облаках и, кажется, совсем не светит, а если не упускать случая понаблюдать за ним, вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет. Все в феврале предполагает скорую весну, хоть краски еще не яркие и размыты, даже бледноваты.

В феврале едва пробивается лучик грядущей весны — такой робкий, незаметный, что почти никто его не замечает, и он, подавленный этим невниманием, все же пытается всех радовать. Трудно себе представить, что обычное февральское солнце может переливаться всеми цветами радуги, как это происходит в марте, и пока оно только незаметно копит их в себе и лишь изредка одаривает в нежные утра. Ведь и зимнему солнцу важно, для кого оно светит.

Правда, для маленьких пташек — неспешных лесных обитателей, изредка перепархивающих в еловом пологе, ему достаточно работать вполсилы. Незачем понапрасну напрягаться и тратить энергию, которая пригодится весной и летом, когда придется вытягивать из оледеневшей земли цветы и травы. Февральское солнце полудремлет, но в нем чувствуется неизбывная затаенная сила, которая притягивает к себе среди безжизненных снегов.

Февральское солнце почему-то хочется запомнить и унести с собой, и потому часто достаешь фотоаппарат и снимаешь его. Ждешь, когда тучи откроют его кремовые, нежно очерченные бока, и нажимаешь на спуск. Солнце в каждом своем неповторимом мгновении остается с тобой.

Но тебе все мало, ты жаден до его непередаваемого света и все снимаешь, стараясь запечатлеть что-то важное для себя, не

упустить его, а солнце, равнодушное к твоим попыткам обрести его тайну, неприметно катит по небу, то исчезая, то вновь появляясь в туманных февральских просветах.

Нелегко отыскать цвет неопределенному февралю, соединяющему два таких ярко выраженных в цветовом отношении месяца, как январь и март. Окаймляющий зиму неясной, седовато-туманной дымкой, он полон недоговоренностей. Февраль одного года никогда не бывает схож с февралем другого, и тем не менее этот месяц имеет свой цвет, который может быть скорее светом, исходящим из его непредсказуемой природы.

Неизменно возникая однажды на зимнем небосклоне, февраль приносит с собой невиданно захватывающие воображение картинки. Он — отдушина зимы, ее радостное предвестье весеннего наступления, волнение и боль. Своей неясной глубиной февраль способен тяжело ранить, одурманить глухими метелями и унести с собой.

Трудно описать словами февральский цвет, и лучше всего переболеть этой февральской переменчивостью, внутренне ни на миг не прекращая пристально вглядываться в обманчивый месяц.

...Живет в прибойной полосе дальневосточных морей на первый взгляд неприметный, но на самом деле очень изящный, необыкновенный камень. Камень, который как бы предлагает собой первое знакомство с морем, с его необозримой и глубинной синью, сгущающейся у горизонта. Имя ему — агат...

Приглядевшись получше и приметив хотя бы раз его мутновато-чарующий блеск, ты обязательно нагнешься и поднимешь камень, для чего-то положишь его в карман и будешь долго

носить его там, в душе ощущая при этом необъяснимую тихую радость. И даже потом, по прошествии многих лет, когда, не решившись расстаться с ним, ты все же приберешь камень в какую-нибудь коробочку, он будет, подобно морскому прибору, не переставать тревожить твоё сердце, время от времени обдавая его леденящей пеной.

Агат — это нежный переход от зимнего тепла к загадочной неизменности крепких весенних утренников. Сам февраль — преддверье мартовской ослепительной синевы, подобно агату, многократно переслаивается тонкими, различно окрашенными и еле уловимыми слоями. Это и белый, и голубовато-серый, и фиолетовый, и слегка тронутый выстуженной за зиму сиренью месяц. Ему нет равных в окаймленном холодом, неподражаемом зимнем ожерелье. Он — неброский, радужно-облачный, с трогательными дальними просветами и неясно щемящей предвесенней тоской, жадно желающей грядущей нарождающейся жизни.

К третьему месяцу зимы снег как будто устает от своей белой свежести и после частых оттепелей постепенно приобретает сиреневый оттенок. Тяжелые темные тучи нависают низко над лесом и еще более сгущают сиреневатую белизну. Изумительно проникновенна она в такие влажные дни, и сколько бы ни пытался постичь ее действительную цветовую суть — февраль не позволяет! То замутит, то холодным безмолвием насторожит, а то и девственной порошей одарит: ловок последний месяц зимы до диких загадок!

Не алое пламя тихой январской зари рдеет в эту пору на величественных сугробах, а неясные фиолетовые отсветы. В них чудятся робкие мечты февраля стать весенним, что не вяжется

с его лютой сутью и редкими малиновыми восходами. Все эти противоположности ввергают февраль в беспрестанное противодействие белого, красного и синего, из чего и складывается фиолетовая палитра.

В феврале небо густеет тяжелыми фиолетовыми красками, солнца почти не видно, а редкие его лучи, пробивающиеся сквозь низкие облака, еще более оттеняют блеск темно-синего инея на деревьях. Все вокруг проникнуто радужной сиренью, лиловыми отсветами и непостижимой чернотой, что, впрочем, быстро растворяется на горизонте, перетекая в фиолетовую синь, а затем и лазурь. Переменчивость февральского неба, его многослойность обусловлены надвигающимся буранным временем зимы и неожиданными оттепелями, влага от которых смешивает небесные краски и превращает белые тона в фиолетовые.

Фиолетовый цвет сочетается с самим названием месяца — его начальной буквой, мягким предвесенним выдохом «фе-фи-и...», вызывающим такие неопределенные настроения. В нем еще не чувствуется будущая ясная синь марта, но полно тревожащих душу замечательных перевоплощений: голубовато-дымчатых, серовато-мшистых, аметистовых... Все они призваны растопить фиолетовый ледок последнего месяца зимы и пробудить замершее в его крошечке сердце.

Смутно февральское время, и фиолетовые дни его — как отражение редко достигаемой сути месяца. И сильные метели еще пеленают солнце, и реки с ручьями в суровых оковах льда, а уже пахнет весной. Не по-серо-зеленому, как в апреле, и не по-синему, как в марте, — именно по-фиолетовому: с разнеженностью невесть откуда налетевшего озорного ветерка, принесшего для

всего живого сладко томящуюся тревогу, фиолетово-радужную предвестницу будущей ослепительной надежды.

Словно тени по ясному снегу, разбегаются на льду извилистые фиолетовые трещины... Река вздымается под ледяным панцирем упругой рыбьей спиной и вот-вот взорвется от перенасыщенной глубинной сини. Так и метельный воздух в феврале наполнен невероятными по цвету ощущениями, самые трогательные из которых — аметистовые.

Белесовато-молочный лунный свет тоже имеет фиолетовые оттенки. Хорошо заметна ночью полозница санной лесной дороги, что синее глубоко в снегу. Смотришь и не поймешь сразу, откуда струятся по ее краям густые темно-лиловые тени. Тени гасят снежные блестки, а под утро переливаются в крадущиеся сумерки, что тоже по-фиолетовому необыкновенны. Как призрачны цвета февральской луны, которые она то крадет, то дарит!

Холодный фиолетовый огонь февраля неяркий, вроде бы и бессильный, но и он полыхает предвесенним радостным чувством. Облака от его прикосновений становятся пушистыми, а вата снегов — шелковистой. Огонь этот не опалает, он нежно будоражит бездонные кобальтовые дали.

Иногда фиолетовая густота февраля неожиданно сменяется васильковым дневным светом, что непривычно зачаровывает. Цветочным июльским полем вдруг раскинется февральское небо, и если какое-то время не отрывать от него взгляд — позабудешь обо всем на свете. Только на вершине зимы случаются такие чудесные перемены.

Февраль — канун весны! И как ни крути зима, а утренняя светлынь ласковой улыбкой голубеет. Морозная симфония яс-177

ной лазури, шелковый белый шлейф затуманенных далей... Всё в противоречивом феврале загадочно и изящно, хрупкие цвета по-весеннему волшебны...

Линии сугробов тоже не выглядят никогда замершими, они всегда музыкальны: постепенно в них угадываются и рояль, и виолончель, и фагот со скрипкой, и, на худой конец, махонькая дудочка-жалейка, которая выдувает фиолетово-радужную, тонкую мелодию февраля.

А то вдруг обернется февраль тетеревом — иссиня-черным лесным петухом! Лирой приспустит хвост, выгнет спину и как будто предостережет: «Ко-ко-ко-ко-ко!» — мол, не миновать еще тугих сретенских морозов. Вот она, потаенная февральская краса,— краснобровый косач-черныш на белоствольной березе в морозный день!

Студен фиолет февраля, нажимист. Упругой губкой вбирает в себя все запахи, звуки и дуновения заснеженной земли, держит какое-то время, а в приключившуюся вдруг оттепель выбрасывает, так что повергает все живое в неописуемо восторженную растерянность. Как одолеть этот фиолетовый напор февраля, что ему противопоставить?! Может быть, самому стать февралем, в своих фиолетовых чувствах желая побыстрее дотянуться до весны?

И вот выдастся в конце февраля чуткий день почти с весенней капелью, с размытой неопределенностью пахучего воздуха, с замирающей под самым сердцем тревогой, и ты не спеша отправишься в лес и, постепенно проникнувшись всем, что тебя в нем окружает, вдруг откроешь, как приятно переживать мир пробуждающейся природы в себе самом.

ВЕСНА

Март После того как снег изрядно подтаял в февральские оттепели, неожиданно набегаёт холод и заковывает в лёд зарождающуюся весну. Снег вдруг возьмёт и припорошит вскрывшуюся землю с лёдком, а прилетающие с севера беспрерывные злые ветры все гонят колючую поземку. Под утро они затихают, и не спеша и занемело подступает день.

Дни сильно прибавляются, но сумерки коротки: темнота настигает неслышно и мгновенно, закутывая все вокруг протяжной шелковистой шалью. Снег ещё не сошел, и от этого сумерки кажутся синими. В них таится голубизна и синь грядущей разудалой поры.

Синий и сам месяц март, не поддающийся описанию. Небесно-синий лазурит и бирюза, составляющие его основу, недостижимы для обычного восприятия. Чистота высшего качества подразумевает волшебное происхождение месяца, в котором желанная синь окрашивает собой всю весну, в достатке вмещающая и воздух, и небо, и солнце, и даже задорный мартовский ветерок, который и смел, и упруг, и норовист, а как до боли в глазах прозрачен и синь!

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни... Сейчас солнце только успевает подбавлять синей краски небесам, а мороз закаляет ее густоту. И декабрь, и январь, и февраль по-доброхотски старательно расстилают свои самобранные скатерти, но только мартовский солнечный мороз знает, как крепка и раздольна накрахмаленная им сине-

ва. Когда день в марте берет перевес над ночью — синева дневного весеннего раздолья не угасает в душе до самого утра.

Торжество синего света происходит только раз в году. Как и весеннее солнцестояние, оно долго ожидаемо, и остается, должно быть, излюбленным весенним состоянием для всего живого.

В канун весны света, когда вся природа еще молчит, мое нетерпеливое сердце уже щебечет маленькой птичкой, изредка замирает, словно пугаясь своей смелости, и в этой полной, на миг обретенной трепетной тишине устремляется к большой и еще не сбывшейся лучезарной любви. Жарко горит снег в мартовский полдень, но его еще так много, что на первый взгляд кажется, будто он дремлет. Вечером же, когда неугомонное солнце потухает, радость от ожидания весны не оставляет тебя, а еще более усиливается с зажигающимися на небе голубыми звездами.

Весна копит свои неистраченные молодые силы и лишь готовится обрушиться на землю своей цветастой буйной плотью, но до этого еще далеко. Мартовское небо обманчиво, оно пытается заигрывать — бледновато-серая поволока затягивает высь, так что ее нижние края цепляют печные трубы и карнизы домов. За ней угадывается плохо скрытая голубизна, которой ничего не стоит однажды утром многообещающе подмигнуть тебе в окно... Так ранняя молодость угловато намекает на бесконечность жизни, хотя в эту пору и жизнь и смерть — вместе...

Мартовское небо по утрам бледно-серое, оно манит грустью, но грусть эта тоже весенняя: она удивительно легка.

Замерзшие за зиму яблоневеточки, вздрагивая от мартовского ветра за окном, робко оживают. Кажется, возьмешь в

ладошки, дохнёшь теплом, и заживет тонкая хворостинка, обдав ароматной терпкой горечью зарождающихся под студеным покровом коры соков.

Появившийся еще в конце февраля крепкий душистый запах пробуждающейся жизни, самая первая, необыкновенная и ни с чем не сравнимая свежесть нередко уступают место колючим и еще не сдающимся лапам зимы. Но хвоя на деревьях все решительнее освобождается от снега, свежее и в особо теплые дни, под вечер, густо и сочно пахнет.

И тогда в воздухе появляется чуть сдавленный гул. Он роится, теплеет и наливает собой тело, которое тоже становится звонким, горячим и неутоленным. Мышцы, словно почки, набухают, томно и упруго тяжелея. Чувствуешь себя молодым зверем, проснувшимся на заре многообещающего дня в уютной берлоге...

Ручьи не обильны и не слышны. Они беззвучно и робко, вместе с первыми оттепелями, осаживают снежный покров. Кругом становится черно. Ручьи в марте — это первые слезы оттаивающей земли. Но пролиться им в этом месяце не дано: заморозки еще крепки и коварны.

И тем не менее мартовская снеговая вода не обойдена в народе вниманием: ей не без основания приписывались свойства целебные и просветляющие. Она же помогала от веснушек и загара.

У древних славян март считался первым месяцем, и именно поэтому его называют утром года. Первый месяц строптив, неустойчив, своеобразен. «Мартушка,— говорят в народе,— еще закрутит вертушку». Но как бы ни хмурился март, а весной все равно пахнет.

Радость рождения связана с прилетом птиц. Услышишь однажды поутру странный скрипучий голос, напоминающий куриное кудахтанье, а иногда — приятные флейтовые переливы, как у соловья, и становится ясно: пожаловали проказники скворцы.

Громкой трелью с очаровательным вензелем в конце и призывным звонким пиньканьем возвещает о своем возвращении счастливый зяблик. Смело и радостно перебегает он по оттаивающей земле, выискивает что-то важное для себя.

Во весь голос заявляют о весне грачи. Только зароился слегка тяжелый от влаги воздух, закурились душистой дымкой редкие проталины, а они уже тут как тут — суетятся на верхушках деревьев, оповещают о себе всю округу неумолчным граем.

Журчит и переливается весна птичьими голосами, сердце замирает от переполнившего его восторга, и солнце растворяет своей любовью февральскую хмурость. Царство нежнейшей лазури обрушивается с неведомого высока, слепит глаза яркой синевой, неукротимо подтачивает крупнозернистую снежную мягкость. Каждый день меняется облик нарождающейся природы.

Незаметно подточенные ласковым полуденным солнцем, с громким заволаживающим хрумканьем рушатся с крыш сладковато-мутные сосульки. Мелкие кубики рассыпаются в разные стороны, гулко вздрагивая, словно в стакане для коктейля, неясно волнуя при этом сердце. С приятной опаской замечаешь такое место. Подхваченная легким весенним ветерком, звонко переливается в нем на лету капель, неожиданно осыпая тебя мелким душистым дождем...

Не обиженному в народе прозвищами марту более подходит имя березень. У березы под корой начинает струиться сладкий сок, он наполняет деревья невидимой силой. Однако пробуж-182

дение деревьев наступает не сразу, и копят они свои силы постепенно. На исходе марта обладание скрытым богатством становится невыносимым, живительная сочность от малейшего прикосновения выпрывается наружу, и берёзоток щедро утоляет жаждущую душу.

Даже прозрачность небесной синевы, кажется, перетекает в эту пронзительно прохладную сладость, которую дарит освобождающаяся от зимних оков земля. Сладость эта мягка и почти не ощутима на вкус, ничем не разбавлена и чиста. Напиваясь маленькими короткими глотками, легко убить в себе старость и сделаться молодым и чистым. Ударяющая в виски березовая свежесть не несет в себе ничего, кроме приятно стискивающей сердце ясности и желания не переставая пить весну.

Темные могучие тучи всё чаще исчезают, а бледно-голубая поволока вырастает, тянется в поднебесье. Небо в отдельные дни взлетает высоко-высоко, застывает там, играючи, синью, а опускается украдкой лишь под вечер. Ночью для возвышенной синевы шалости неохотно прекращаются. Только звезды с луной взметнутся, зацепившись веселым блеском за лохматую черноту, и, повиснув ловко, радуются меж собой, изредка поглядывая на землю.

Ночи в марте стоят большие и черные, они безмолвны. Скованная на ночь ледком земля томится, изнемогая, но терпит: недолго уж осталось — запоят скоро ручьи, оглашенно омывая ее усталое от зимы тело, напоят талой студеной водой, дадут ей силу великую. Земля потянется, стряхнет сонную приятную одурь и вздохнет полной грудью.

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета,

начинает ткаться еще мартовскими ночами, в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блестки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы... Мартовское небо незаметно выключается из фиолетово-радужного февраля, ударит по глазам своей синевой, и всё в тебе сразу преобразится, заиграет, и сам ты станешь восторженно-неудержимым, ослепительно синим мартом!

Апрель Порой в апреле выдается такое бесконечно чистое утро, что все уже знакомые весенние звуки звучат по-особенному звонко и счастливо. Ясный апрельский воздух можно сравнить с только что вымытым оконным стеклом, через которое к тебе в дом пробиваются ласка и тепло. Пришел апрель — и в сердце твоём как будто распахнули окно!

Никогда не увидишь, а только почувствуешь, как сладостно настаивается терпкий запах весны, ее зеленовато-прозрачный, пьянящий аромат, и происходит это в апреле. В морозное апрельское утро сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его ничуть не смущает и вынуждает забыть о какой-либо печали, а утренняя бирюза так трогательна, что даже нежно-розовое солнце, словно опасаясь ее нарушить, взбирается на небо осторожно, как бы невзначай. Солнечным апрельским утром вдруг почувствуешь, как будто тебя кто-то окликнул негромко, обернешься, а это шелест падающих капель, еле слышно произносящих ласковые звуки весны...

От нежной апрельской зари и чистого небесного пространства, отражающихся в первых лужах, вскрывшиеся от снега поляны, кажется, возносятся и повисают в воздухе чудесно пе-184

реливающимися пейзажами. Перед самым же заходом солнца апрельская заря иной раз замыкается в себе на короткий миг, стекленеет, и весенние оранжевые лужи на дорогах горят от нее, как окна в неизвестность, и умиротворенно и до непостижимости безучастно.

Если в апреле целый день щедро припекает солнце, то под вечер небо становится пустым, чуть уставшим. А звезды в этой теплой и ненавязчивой пустоте зажигаются зелеными огоньками далеко-далеко, так что хочется остановиться и замереть, без цели, но с улыбкой переводя взгляд с одной на другую до самого восхода. С наступлением утра небо, как и в марте, опять высокое, синее и чистое, пронизанное всепроникающими солнечными лучами, словно ножом разрезающими его на сладкие и сочные ломти.

Весенний воздух роится от этого дурманящего аромата взрезанной плоти. Густая и душистая мякоть отдает теплом спекшейся на щедром солнце дыни, источающей мутновато-сахаристый сок. Все это как чудный сон из детства, который не прекращается даже после короткого и неожиданного пробуждения, а когда погружаешься повторно в его ласковую золотистую паутинку, он моментально опутывает приятной несвободой, завораживающей душу неизвестностью. Теплая истома при этом мягко свербит в груди, и в какой-то миг начинает казаться, что солнце мягко выпускает на землю лучезарные, серебряные и золотые стрелы, которые стремительно летят в разные стороны и постепенно превращаются в разноцветных живых птиц...

Горячо жарит солнце, в считанные дни слизывая снег с обочин дорог и высушивая добела крыши домов, но не в силах еще

добраться до тех мест, где всегда господствует прохладная тень. В апреле солнце становится большим и радостным.

Ручьи ласково бормочут, отрешенно переливаясь в сплошном световом потоке. В своем безудержном движении, перебивая друг друга, они маслянисто стелются по грязным поблескивающим дорогам, и если долго на них смотреть, кажется, что ручьи застыли на месте.

Как-то раз я уходился по солнечной апрельской дороге, с лыжами через плечо, с рюкзаком, и устало улегся прямо у обочины на наст... Небо над головой вытянулось необъятной синью, как одеяло, и дышало теплом, у ног ласково и усыпляюще журчал неутомонный ручей,— тотчас захотелось спать. И я уснул, но спал, не обрывая своих весенних восприятий и мыслей, так что время пролетало мимо незамеченным и... оставалось на месте.

Когда снег в апреле уже почти стает, сугробы окончательно раскисают и превращаются в непролазное пегое месиво, а все ложки заполняются талой водой,— кругом становится удивительно голо, но в этой оголенности — вся прелесть русской весны! Так и у меня: после мартовского света бурной весны, которой предшествовала нескончаемая зима, все мое существо превращается в неудержимый апрельский ручей, уже лишенный каких-либо чувств, но который твердо знает: рано или поздно он должен достичь большой воды.

Народная мудрость гласит: «Март — пивом, а апрель водою славится». Сколько бы апрельской воды ни утекло, вся она на пользу пойдет: деревья и травы напитает, будущую летнюю сушь предупредит. Апрель всех напоит, и под его весенним напором зиме своих завоеваний не удержать.

Бывает, в апреле, когда еще не сошел снег, засеется под вечер мелкий весенний дождик, из-под разлапистых еловых ветвей выползает промозглый сырой туман, и на душе становится хорошо и покойно. Апрельские дожди чисты и прозрачны, подобно драгоценным слезинкам земли — алмазным камешкам, и еще они так неподражаемо шелковисты, недвижимы в роящемся весеннем воздухе, что в них хочется так же неподражаемо чутко замереть и не дышать. В апрельском лесу после дождя всегда приятно проясняется, отчего вспоминаешь только хорошее, а худое куда-то бесследно исчезает.

Вот и березы в апреле как будто плачут от радости, не в силах сдерживать нахлынувших чувств! Когда приходит время движению сока, все вокруг наполняется ароматом коры, деревья будто переговариваются, и из надломленных веточек капает в ручей мутновато-белый сок, но раствориться не торопится, а лишь вытягивается по течению в такие же мутновато-белые струйки, напоминая сказочно-молочную реку с кисельными берегами... Только с последней каплей березового сока молодые деревья одеваются в легкий зеленоватый дымок, робко преображая апрельское лесное пространство. Старая же береза, уже давно распутившись, не перестает осыпать землю своим ароматным дождем.

А иной раз выдается такая весна, что и дрозд поет сиротливо, как будто бы он один остался на весь промокший апрельский лес, вскоре часом простудился, засипел и постепенно вовсе умолк. На дворе слякоть, апрельское бездорожье, мутные струи холодного дождя льнут к оконным стеклам, но попробуй преодолеть в себе вынужденное ненастье, отправляйся в просыпающуюся от зимы чашу, и душа вдруг станет огромной, как лес.

Апрельская дорога раскисшая, черная, и пока бредешь по ней, на душе, несмотря на весну, становится как-то муторно. Но только войдешь в лес — и сразу угодишь в рыхло-зернистый снег, который отрезвит резким запахом свежести и заставит оглядеться: ведь вот она, весна, пришла, а ты ее не замечаешь, след твой очень скоро расплывается и мало-помалу вовсе исчезает.

Стоишь, смотришь, как роится волглый апрельский воздух, а в нос ударяет запахом влажной коры и талого снега. Воздух, кажется, замешан на пробуждающемся повсюду ощущении любви, которая не врывается в сердце вихрем, а прокрадывается на цыпочках. Пахучие туманы не задерживаются на открытых местах и быстро растворяются, в густых же ельниках застревают надолго и как будто ждут там чего-то глубоко желаемого, но несбыточного. От свежей коры и капли с розовеющих веточек копошащийся под еловыми лапами туман тоже, как и воздух, становится прозрачно-жемчужным и ароматным.

Апрельский день может быть пасмурным, тяжелым от накопившейся в нем ароматной влаги, и когда снег уже совершенно не держит и нога с хлюпаньем проваливается до самой земли, начинаешь ощущать, что ты тоже переполнен живительным теплом и готов вот-вот броситься со всей накопленной в тебе за зиму силой навстречу жизни! И возникает вдруг от всего этого особая тихая прелесть, когда воздух пахнет сырыми ветками, в душе свербит от невыразимого чувства к проистекающей вокруг весне, и почему-то начинает казаться, что время человека в природе еще не наступило.

Апрель — самый интересный месяц весны в среднерусском краю. Это время прилета большинства птиц, распутившихся деревьев, самых нежнейших первоцветов. Весна торопится, и с

каждым днем в природе прибавляются всё новые и новые цвета: сиренево-розовый, желтый, нежно-зеленый.

От снега до листа — таков апрель в своем стремлении преодолеть тяготеющие силы зимнего оцепенения. Белый покров зимы еще не сошел, а уже появились рыжие пятна проталин. Первыми на апрельское тепло отзываются цветы и деревья — их нежнейшая зелень в один день выпускает в воздух свою клейкую свежесть. Трудно поверить, что самое трогательное проявление апрельской поры — робкий подснежник — пробивается в недрах сугроба сквозь ледяную крошку.

Зеленый апрельский цвет — это цвет от еле приметного и ненавязчивого смешения синего с желтым. Синее небо и высохшая трава с прошлогодней листвой, кажется, никак не взаимосвязаны, но именно между ними и еще от переполняющей землю огромной любви и силы зарождаются сочные ростки новой жизни.

Цвет травы и листьев в разное время бывает разных оттенков, но только не в апреле. В этом месяце зелень молода, светоносна, близка томящейся неизвестно чем душе. Исходящая от зелени нежность вливается в тебя тихой ласкающей музыкой, и ты вновь открываешь для себя лес, всегда такой необычный и дорогой.

Бывает, в апреле еще с ночи потянется из леса какой-то неясный шум: это лопаются переполненные жизнью почки, словно зазывные сваты восторженно перешептываются между собой, еле сдерживая себя, о чем-то совещаются, а потом весь день молоденькие березки, осинки и черемушки, подобно невестам, одеваются прямо на глазах в светлые одежды и тоже еле слышно радуются своему счастью, распространяя

вокруг живи-189

тельный аромат. Так цвет одних дает жизнь другим, и неясный шум постепенно превращается в зеленый неудержимый гул всеобщего праздника любви.

И белый цвет, и светлая зелень, и грядущая яркость предстоящей жизни идут в апреле вместе. В укромной глуши пахучих ельников в лицо еще ударяет приятной свежей прохладой. Освобождающиеся от зимней скованности деревья словно расправляют уставшие плечи и радостно гонят по своим сосудам живительные соки, а поднимающиеся травы с неудержимой силой тянут трепетные головки к солнцу. Но зеленоглазым и зеленоволосым апрель назвать еще нельзя. Он, скорее, серо-зеленый, вопреки присутствующему в нем разноцветью.

Начавшееся было буйство красок оборачивается к концу месяца неожиданной и вкрадчивой успокоенностью в природе: апрельский свет постепенно становится приглушенным. Весна в апреле землю парит, и влага, накопившаяся в воздухе, перенасыщает его. Еще не расцветшая жизнь словно замирает, захлебнувшись от первого жадного глотка, и утолив им жажду, впору ослабнуть и заснуть от охватившего счастья.

Только в глухих логах, где воцаряется особая тишь и укромность, затаила свое ледяное дыхание зима. Звездными глубокими ночами выбирается она на их крутые склоны, чтобы еще раз запахнуть собой фиолетовый лес, но получается это у нее плохо. Уже под самый восход розовеющего солнца, когда на землю уверенно опускается рожденный весной свет, от зимы вдруг начинает струиться приятно сковывающая прохлада.

Тихие ночные тени мягко растворяются за деревьями, быстро меркнут уже почти невидимые звезды, и лыжи гулко ударяются о запоздавшую наледь, так что взбудораженные на току

глухари остаются неслышны даже для чутко пробудившегося к весне сердца. Глядя в апреле на затухающее звездное небо, похожее на огромное ночное поле, легко увлечься его манящей необъятностью, уйти далеко-далеко и заблудиться. Бредя во тьме на глухариный ток, ты отчего-то остановишься и вслушаешься в ночь, а там будто разговаривают люди, перебегают с хохотом дети, кто-то весело вскрикивает, перекликается и ненадолго замирает. Это значит, что апрельская ночь выдалась размашистая, открытая и бояться в ней нечего.

В апреле еще жарче разгораются глухариные тока... Выйдешь в апрельскую ночь из избушки и сразу очутишься в совершенно живой тишине, какой не услышишь ни летом, ни зимой, ни осенью. Глухарь играет неподалеку, песня его то наплывает на тебя из темноты, то куда-то исчезает, а ты не в силах пошевелиться и нарушить эту насыщенную звуками апрельскую тишину: так бы и стоял всю оставшуюся весну, наслаждаясь глухариным пением и апрелем.

Но апрель обманет — недорого возьмет! Пока он сипит да дует, бабе тепло сулит, мужик то и дело глядит: что-то еще будет! Устроит хитрый месяц свои затеи, обдаст серым холодом и незаметно под май подведет, трепетным теплым утром одарит.

Ни холоднее марта, ни теплее мая апрель не бывает, и потому как только кто-нибудь скажет: «Пришло долгожданное апрельское утро!» — сразу понимаешь, что требует от тебя жизнь. Апрельское утреннее тепло — это и сумрак, и свет, и обездоленность замерших перед пробуждением полей, и щемящая душу несказанная тревога. Рожденное, но еще до конца не разбудившее все живое, это тепло пока лишь слабо сочит свои соки, мягко подталкивает в затылок, не торопится.

Апрель никогда не дает до конца расслабиться человеку, исподволь подсказывает его ошибки и ненавязчиво вынуждает трудиться. «Учись, учись да прей, недалеко и до майской гульбы, а уж в июне можно и плюнуть»,— говорят в народе. И ты, не выказывая ни слабости, ни надежды, ни равнодушия, с удовольствием погружаешься в этот праздник тихого и ласкового света, умиротворяющего природу, и как будто не ждешь ничего от жизни, а только наслаждаешься неповторимым мигом апрельского просветления.

На невидимых ножках порхает над оживающей землей неугомонный апрель, и вместе с ним разносятся повсюду птичьи трели. Птицы в апреле возвращаются на места гнездований. Основательные зяблики, вездесущие трясогузки, ни на минуту не успокаивающиеся дрозды, с момента прибытия озабоченные чибисы и многие другие наши перелетные птицы прибывают именно в этом месяце.

Любая малая птаха, будь то овсянка, снегирь или зеленушка, не умолкает весь день, восторженно возвещая о себе окружающему лесу, воздуху и небу. В них, преодолевших десятки и сотни километров нелегкого пути, таких крохотных, кажущихся на вид совершенно беззащитными, может быть, и живет то самое главное, без чего природа оказалась бы мертва. Недаром говорят: жаворонок на невидимых нитях своих трелей всю землю держит.

Интересно в эту пору примечать прилет зябликов, когда снег в лесу еще не тронулся, следить, как они перебегают по оттаивающей земле словно мышки, насвистывают в еловых ветвях, и чувствовать, что во всем происходящем не хватает еще какого-то очень важного теплого творчества, без которого и солнце не солнце, и весна не весна!

...Давно разрушились дороги, люди в деревнях растворили и помыли окна, поднялся со своего зимнего лежбища медведь, так как даже в лесу снега уже осталось мало. След его возбуждающе-загадочно пролег по вытянувшейся обочине и увел к полузаброшенному лесному селению. Нелегко дается таежному архимандриту весеннее пробуждение — голодно еще в лесу, сыро и пусто.

Пчеловоды повсеместно выставляют из омшаников ульи и жгут на пасеках прошлогодние сучья. На ближнем болоте трубят по вечерам журавли, а зайцы всё чаще выходят кормиться даже днем. После полудня они еще более оживают, бестолково радуются солнечному теплу и свежему корму, а потом замирают светлыми живыми комочками по окраинам укромных лесных пашен в ожидании своих легких заячьих свадеб. Апрель в эту пору полон зарождающейся жизни, она неутомима, потому что молода, и всё в ней обращено к раздолью и обильному свету.

Ни с чем не сравнимо это ощущение необыкновенной внутренней радости, которое рождается только весной. В апреле и только в апреле постигаешь, что истинное царство света должно быть устроено не на небесах, а на земле. Весна, как великий праздник, затем, наверное, и дана, чтобы люди забыли свои обиды и стали все хороши.

Именно в апреле рождается во мне волшебный мальчик, который всю оставшуюся весну и лето с восхищением встречает каждый день, к осени как-то незаметно подрастает, успокаивается, а перед зимой и вовсе забывается. Каждый год стараешься не пропустить, куда же он исчезает, но неизменно отвлекаешься и упускаешь в себе эту не замечаемую пропажу, поскольку жизнь вступает в свой новый круговорот, обновляя

души людей и ненавязчиво снимая накопившиеся заботы. Весна несет новые, но они еще в радость. Весна творит жизнь, она рождает планы на будущее.

Май Быстро проходит апрель, потому что торопливое сердце неудержимо стремится к долгожданному маю. Еще недавно самый усердный весенний месяц велел учиться да претъ, и вот уже теплый и ласковый май зовет тебя к вольному гулянию, влечет в нескончаемость простирающейся вдаль дороги.

Только что с шумом и треском прошел ледоход, вздулись и раскинулись реки, оттаяли пруды и озера,— и вечерние сумерки накрывают землю уже как-то неохотно. С каждым днем всё веселее и ярче разгораются утренние зори, отчего веточки на березах кажутся окутанными розовой дымкой. А майские ветры словно распахнули небо, вызвав из неведомого края стаи причудливых облаков, зато на дорогах наступила распутица...

Словно к большому празднику, нарядил май землю в чистые одежды: в нежную зелень окрасил деревья и сочные травы, до шемящего блеска отмыл душистыми ветрами высокое небо и солнце. Повсюду слышится веселый щебет птиц, которых невозможно различить по голосу,— так опьяняюще действует на тебя весна. От всеобщего оживления наконец-то пробудился лес и, посвежевший, обернулся мохнатым лицом к возрождающейся жизни.

В мае совершается отпущенье птичьих душ на волю. Вдали от родины, на чужбине, наши птицы, наверное, так не пели и птенцов, конечно, не выводили. Еле переведя дух от беспредельного для них перелета, птицы неутомимо перебирают все

колена, восторженно пробуют свои голоса. Вот-вот волеются они в праздничный весенний хор, исполняя свои неподражаемые песни, и народ назовет их веснянками.

Весна в мае все покажет и скажет, каждого наречет своим именем. Весняком прозвали юго-восточный, тревожащий душу и тело ветер, а вешний и теплый, дующий с юга,— весенником. Обыкновенная шерсть, снятая с овцы по весне, становилась весниной. Весноватой нарекали не в пору забеременевшую женщину, и даже весеннюю лихорадку окрестили не иначе, как веснухой — доброжелательно и просто.

В теплые майские дни, когда солнце блистает пылко и ярко, на лицах людей выступают мелкие буроватые крапинки-веснушки. От весеннего загара они весело разбегаются, конопатятся и радуют каждого встречного человека. Веснушки бывают только у добрых людей, и только добрые люди их замечают.

Наступает праздник жизни, когда сердце начинает биться сильнее при виде утиных табунков, плюхающихся в придорожные лужи. Не забыть, когда в сумерках на опушке, почти вровень с верхушками осин и березок, промаячит наконец в зеленовато-розовеющем небе первый вальдшнеп, и его призывный крик: «Хо-о-рр, хо-о-рр, цвиг-цвиг-г!» — вынуждает вздрагивать от волнения сердце. Разве может что-то удержать тебя в эту пору в городе!

Под вечер неожиданно вскрапнёт теплый дождик и откуда ни возмись выползает густой туман, что стелется от низкорослых кустов до верхушек высоких елей. Он и прибывает вальд-шнепиную тягу вниз...

Птицы прижимаются к самой земле, самки вскрикивают, увлекают за собой самцов, и те налетают на них с ходу прямо

на дороге. Вырвавшись навстречу друг другу из молочной пелены, вальдшнепы спариваются и тотчас разлетаются, а вместо них тут же появляются другие птицы, и всё в точности повторяется. Излишняя сырость, кажется, вносит в поведение птиц непривычную для них нервозность, будто вальдшнепы боятся упустить этот вечер, в целом — всю весну, и торопятся любить. Охваченные страстью, они даже не замечают, как туман постепенно рассеивается, закат опять окрашивается у горизонта нежно-розовым уютным светом, а воздух проистекает над землей ласкающим и теплым дуновением.

Все больше и больше начинает звучать к началу мая лес, который и заманивает, и в то же время становится неприступен. Влажен предутренний воздух, над речной долиной стелется туманная дымка, а над укромной лесной поляной, среди зарослей ольхи и березы, вдруг прошумят в вышине крылья, и на землю опустится косач — почти рядом, в нескольких метрах, так что захочется замереть и стоять так, не шелохнувшись, стараясь слиться с природой.

Наклонив голову, тетерев страстно вздрагивает распушившейся шеей и ударяет крыльями, возбужденно подпрыгивая. «Чу-фыш-шшш! Чу-фыш-шшш! Чу-фыш-шшш!» — далеко разносятся его вызывающие крики. Скоро и остальные тетерева зачуфыкают, закружатся по земле и нет-нет да столкнутся, как петухи, вырвут друг у друга по пучку перьев, а потом победно захлопают крыльями и опять начнут подпрыгивать и чуфыкать. По сторонам же тока располагаются рябенькие тетерочки, которые наблюдают горячие схватки самцов, нежным квохтаньем поощряют их и ждут своего часа, когда понесут в себе маленькие жизни, продляющие тетеревиный род.

Вот и зайцы, бывает, подолгу замирают в эту пору на утренних опушках аккуратными столбиками, так что скоро наскучивает наблюдать за ними. Они почему-то сразу представляются неинтересными в проистекающем вокруг майском торжестве жизни, и почти не волнуют. Идешь не спеша дальше, а зайцы всё так же стоят, словно забыли что-то и никак не могут вспомнить. А может быть, они просто наслаждаются ласковым теплом, и так им от этого хорошо, что зайцы никого вокруг не замечают.

Крепилась зима, дорожилась апрелем и мартом, да вешней майской водой все унесло. Весенний путь — всегда окольная дорога, пролагаемая весной, в разлив. Неторопливо тянется она по заливистым лугам и поймам, невидимой пеленой дыбится над ней от земли радостный гул. Весенняя вода велика и сильна. Недаром в старину строили такие мельницы, которые мололи только весной, в высокую воду.

Идет весна... И хоть не кончились утренники и еще не распустились в полную силу листочки, а в лесу зацвело волчье лыко. Радостно заявляет о себе в голом лесу его нежно-розовый, чуткий цвет, источая до самой деревни непередаваемо тонкий, пряный аромат.

Напитавшись живительной влагой и пробудившись к жизни, богиня земли, чьим древнеиталийским именем назван самый яркий весенний месяц, начинает рождать неповторимые первоцветы — белоснежную и тонкую ветреницу, прозванную у нас подснежником, затаившиеся под тенью мокрых кустов хрупкие и ароматные ландыши, изжелта-красные, топорщащиеся из оттаявших бесцветных холмиков стручки мать-и-мачехи. По склонам ложков и косогорам легко выпестовываются на свет

тоненькие головки горицвета, а по лугам торопится порадовать землю и пополнить ее кладовые душистая медуница.

В первую очередь привлекает внимание эта трехцветная лекарственная травка. У нее на одной веточке качается несколько розовых, фиолетовых и синих колокольчиков. Вначале появляются розовые венчики, дня через два они синеют, когда же раскроется последний колокольчик, кажется, что это не один цветок, а целый букет.

Первоцветы очень светолюбивы и потому спешат прожить свое короткое время, пока не поднялись высокие лесные травы и не распустились листья на деревьях. Первые цветы — краса однодневных хрупких растений, ими весна усыпает свой нежный ковер, из них она плетет на нем тончайшие узоры.

Сказать невозможно, какой именно запах у расцветающего мая и с чем его можно сравнить. Запах связанных с ним чувств и переживаний, птичьих песен, расцветающих трав и дуновений — всего, что он несет в себе и открывает... Может быть, это предощущение надежды, призванной всегда хранить чистоту?!

Каждую весну, особенно в мае, когда все вокруг распускается и расцветает, собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет со мной теперь?.. Но распустившись маленьким листком и радостно прошелестев им на теплом ветерке, все же отрываюсь в сентябре и опять уношусь в безывестность, которой нет конца. Зачем же он был дан, этот неповторимый май месяц: может быть, для чудесного ожидания чего-то несбыточного?

Нет, веселый май оправдывает свое незабываемое присутствие самим собой, своей красотой. Сегодня набухшие почки, кажется, только опушаются золотистой пылью, а завтра на деревьях уже разворачиваются маленькие клейкие листочки. Как

только станет лист березы со старую трехкопеечную монету, завершаются глухариные тока. Да только кто это все замечает, когда теплый майский день распускает свою душу, обласкивает землю и высушивает проселки!

Словно чудесные облака окутывают холмы и долины. В вышине, на мощных еловых лапах загораются огоньки маленьких красных шишек, а сосны украшают себя желтовато-оранжевыми побегими-свечками. Деревья довольно покачиваются и тихо шумят, словно смеясь над своим счастливым положением, весной и теплым безудержным ветром.

Легкий зеленоватый дымок одел березы и осины. И хоть с каждым днем увеличивается лист, но он еще тонок и не дает тени, и оттого в лесу удивительно светло и воздушно. Тяжелые березовые сережки, оттянутые ночной росой, не мешают этому ощущению. В свисающих сережках тоже есть какая-то мелодичность, будто невидимые пальцы дерева издают чарующие звуки, которые поражают своей чистотой и изяществом. День и ночь звучит эта первозданная музыка, славит чудесный месяц май.

Ярок май своей нежной белизной... Она повсюду, как будто успокоенная зимняя чистота насытила ею землю. Но это только на первый взгляд: на самом же деле белизна предполагает будущее летнее ликование. С нее, всеобъемлющей и трогательной, берет начало многоцветное буйство торжествующей жизни...

По утрам от чутких зорь алеют белые, вымытые весенними дождями стволы берез, распутивших по краям молодых полей кудрявые косы.

Белым нетронутым дымом вскипают по склонам светло-зеленых холмов кусты черемухи. Словно весенним душистым снегом осыпаны ее тонкие ветки. А по вечерам, когда закатится

солнце, завораживающий запах еле уловимыми волнами проникает даже сквозь закрытые окна, кружит голову и навевает тревожные сны.

Бутонами белых пушистых цветов украсились боярышник и калина. Их вздернутые к небу, кажущиеся почему-то неживыми венчики освежили узорную густоту листвы. Горделивые и неприступные кусты стали более доступными, как будто с самого начала были сотканы из живительного света и благоухающей тени.

К концу месяца над зацветающими лугами воцаряется белое копошение невесомых боярышниц. Воздушными мириадами витая над поднимающимися травами, бабочки олицетворяют трогательную неприкосновенность чудесной поры, наконец сошедшей на распростертую перед ними землю. Живыми цветками усыпаны не только поля, но и дороги, тропинки, кусты шиповника и малины... Они — трепетное дыхание уже укрепившейся весны, отправившейся в свой последний невидимый путь: свободная легкость волшебного порхания, постепенное растворение в охватывающем восхищении и сладостный белый сон.

Еще в мае неспешно бегут по небу ослепительно белые облака. С нетерпением ждали они весны, чтобы наконец пуститься в одухотворенный нескончаемый полет. Деревья и травы приветствуют их легким покачиванием, потому как ничто в весеннюю пору не остается незамеченным. И облака улавливают их нежное шевеление, ласково проносятся над ними и неслышно осыпают теплым весенним дождем.

Нежная белизна, чистота и свежесть мая так прекрасны, что чувствуешь в себе недостаток собственной радости, а когда в мае устанавливается весна цветов, кажется, что этому чудесному времени не будет конца. Но самый дорогой цветок мая —

открывающаяся душа, которая вбирает новые краски, запахи и звуки и становится еще более прекрасной.

Пришел месяц май, и всё вокруг — земля, птицы, деревья, небо — в восторге от происходящего. Весна, особенно май,— самая доброжелательная пора, в ней — высшая откровенность природы, когда все ширится, поет и... раздается. Если в эту чудесную пору встречаешь весну в лесу, всегда думаешь: с кем бы поделиться своим восторженным счастьем?!

В марте беспрестанную улыбку дарит солнце, в апреле — просыпающаяся земля, а в мае — напоенный жизнью воздух, что всеобъемлющ, многолик и, как по невидимым ступеням, возносит в голубеющую над лесом даль, будто распахивая перед тобой волшебный занавес. И если мартовский день — жених, то невеста его — светлая капель; для апреля нет краше распутившейся нежными барашками вербы; май же — бесшабашный гуляка, без зазрения совести мечтающий сосватать еще до конца не одетых черемуху, иргу, калину, рябину и сирень. С приходом дивных майских дней куда-то исчезает трогательность апреля, и хоть голубеет по утрам небо и зеленеют нежные листочки, а что-то уже не так: все затмевающая в душе вспышка весны угасает, и восторг восприятия сменяет радость.

Вот, наконец, прилетела кукушка. Откуда-то из лесной, неведомой чащи стало разноситься ее печальное кукование: «Куку, ку-ку, ку-ку-у...»

Любят в народе эту серенькую птичку, жалеют ее одиночество. Может быть поэтому отсчитывают себе, сразу по ее прилете, столько лет, что можно сбиться со счета, а ближе к концу месяца — только раз-другой, да и то неохотно. Появилась кукушка — и душа будто успокоилась в этом распускающемся душистом

майском раю... Вот и груша зацвела. Гудят над ней, собирая пергу, трудолюбивые пчелы и грузные обаятельные шмели.

Но недаром говорится: «Май обманет — в лес уйдет!» На следующее утро вдруг дохнёт холодом, заплещет под колючим северным ветром ледяная крупа. Да только снежинки в мае не острые и твердые, как зимой, а нежные...

Снежная майская метель легка, посыпает уже распутившиеся фонарики гусиного лука, тугие стручки тюльпанов и нарциссов, уже облетевшую черемуховую дробь... Не разобрать: где сорванные ветром белоснежные бутоны, а где снег. Не верится, что еще вчера тянула к свету свои голубоватые лепестки фиалка... Как это странно: и тепло пришло, и первая зелень леса покрыла холодные коричневые ветки, и волчье лыко вперед листьев выпустило розовый цвет, а на расцветающую землю сошел снежный сумрак. Май — особый месяц, он на многое горазд, и все-таки больше в нем радости, птичьих песен и ярких цветов.

Порой выходит вовсе запоздалая весна! То оттепель, то морозец, а иной раз налетит снежная заметь. Вроде бы снег и убавляется, но от частых заморозков обретает по утрам каменную твердость. Днем ледок плавится на солнце, отступает, ночью же ударяет такой холод, что схватывает на быстрине ручей.

В природе важен какой-то маленький невидимый поворот, без которого и вода освободилась ото льда, и земля покрылась травой, и деревья оделись листом, а услышишь ли назавтра первый зеленый шум — неизвестно... Бывает, с раннего утра задастся такой крепкий утренник, что, кажется, снежная корка выдержит лошадь с упряжью и телегой, затем стылый северняк насеет по дороге снежной крупы, разбросает ее повсюду, но

уже к полудню что-то неуловимое повернет на тепло и, к всеобщему удивлению, из-за леса донесется легкий раскат отдаленного грома... Майский снег и нежен и колюч, и в этом сочетании уходящего мороза и надвигающейся живой поры он всегда нереален, как хоть и красивая, но пустая мечта.

Месяц май красен, но не потому, что на него приходится известные праздники, а потому, что именно с него повелось говорить: «Весна красна, а лето отрадно!» Красная — значит, прекрасная, неповторимая, самая яркая и незабываемая, включающая в себя все цвета радуги в нежнейшем их исполнении. Лишь осенение ими совершается в эту чудотворную пору, и каждый день рождает еще небывалые оттенки.

Красный цвет — это неопишуемая восторженность, в которой почти не остается места ласковой и тихой грусти. И только под вечер, когда на западе зажигается блистательная Венера, весенний свет всеобщего благотворения незаметно меркнет, так что трудно определить — недостижимость далекой звезды задевает твое растревоженное сердце или же весенние соки земли заполнили тебя до краев своим волшебным звучанием.

Окрашенный ускользящим за горизонт солнцем, первыми цветами и запахами, майский день неуловимым дуновением еще раз проносится над землей, перед тем как отдать на откуп безлунной майской ночи ее таинственные достижения, и неудержимо гаснет. Трепетна ниточка, связывающая ее с ослепительностью дневного жизнеутверждения. Она — неутомимое бдение крохотного долгоносика-бекаса, невидимой ночной бабочки, не желающей уставать и не перестающей восхищаться. Весна не в силах усыпить крохотное птичье сердце даже гулкой ночной порой.

Весной дни длинные, но май месяц спать не велит. Рассвет в мае бывает густ, тёпл и недвижим. Прокравшись изящной лесной кошкой в дом, он как будто замирает, очарованный собой, и, вытянувшись, слегка повиливает кисточкой хвоста, развеивая сладкую дрему. В насторожившейся комнатной тишине уже ощущается будущность долгого дневного торжества, воплощенного в этой майской неге.

Сидя в майскую ночь у раскрытого в сад окна, все время кажется, будто кто-то находится рядом, слушает тишину дома и вот-вот заберется к тебе в комнату, но не пугает. Бывает, всю ночь напролет слышится в черемухе страстное посвистывание соловья, и становится вдруг так, будто бы повсюду рождается любовь. Апрель в предощущении этой любви смотрит на мир серо-зелеными глазами, тогда как март уже отсмотрел ее своей синью. Май же глядит на свет с восторженностью непрекращающихся птичьих песнопений: он — взор очей пленительных и всепроникно-венных.

Сон в майскую ночь чуток и короток. Забываясь на какое-то время, ты уже до восхода луны оказываешься на ногах и, запинаясь в темноте, бредешь по невидимой ночной дороге к глухарину току, не в силах удержать разошедшегося в груди сердца. Все богатство и сбивчивость предстоящих утренних ощущений начинается именно с его пылкого ритма.

Первый вальдшнеп неожиданно протянет где-то над верхушками елей и, утробно хоркнув, разбудит ненадолго задремавший лес. Всё как будто встрепенется в нем, приготовится встретить скорое утро, и словно станет легче дышать.

Посвежевший воздух приятно заохлодит кожу, глаза, и когда ты поднимаешь лицо к светлеющему небу, увидишь, что звезд-204

ды из ярко-желтых превращаются в зеленые, затем — в голубые, а после и совсем исчезают. Затухая, они оставляют после себя еле уловимое туманное свечение, на которое уже никто не обращает внимания. Майские утренние звезды ненавязчиво обескураживают мимолетностью утраченного таинства и неизвестно зачем утешают.

К середине месяца ночи уже такие светлые, что рисунок созвездий едва угадывается, да и сами звезды почти невидимы. Вскоре они совсем теряют свою яркость и загадочную глубину, но зато становятся ласковее и теплее. В природе настает удивительно прозрачное время...

Но прозрачность у мая, как и у майских звезд, добрая, ненавязчивая: очищенное весеннее пространство готово наполниться свежей зеленью и светом. Прозрачна зеленоватая глубина леса, которая, как нетронутый сосуд, радостно вмещает в себя девственный аромат. Прозрачен и настой воды в мочажинах, по окраинам раскисших дорог, где, как живые, угадываются прошлогодние тигровые листочки...

Скоро остановится в деревьях сокодвижение... Последние капли березового сока вяло шлепнутся о расцветающую землю, а порезы и трещинки коры, еще не обсохшие от мутновато-сахаристой жидкости, облепят муравьи и мошки. Насекомые не хотят упустить последнюю возможность полакомиться соком и устраивают между собой маленькую толкучку. Становится немножко грустно от того, что сокоистечение заканчивается, весна подходит к своему концу, и ты, опустившись на корточки, с любовью разглядываешь озабоченных насекомых.

Только сейчас замечаешь, как преобразилось лесное пространство. При легком ветерке лес начинает шуметь ласково

и навевает приятную дремоту. Даже одиноко стоящие деревья шумят по-разному, потому что молодая листва еще не устала радоваться приволью и свету.

В конце весны, после восторженного марта и загадочного апреля, я сам наконец становлюсь умиротворенным маем, что прилетает на землю неведомым и прекрасным юношей, готовым всех осчастливить. Каждого касается он своим невидимым крылом, и каждый чувствует его проникновенное присутствие и становится моложе. Только один месяц продолжается это чудесное перевоплощение, но его вполне достаточно, чтобы летом ты пресытился роскошным июлем, а осенью ощутил себя умудренным ноябрем. Пронизанный искрящимся светом, своевольный январь отзовется тогда в твоей душе сладостным предчувствием долгожданной юности мира...

...Весна слетает с земли так же быстро, как и приходит на нее. В начале мая она зацветает дружно, а в конце идет на убыль. Месяц май — легкая улыбка на губах, теплое дуновение и восторженная песня, колкая радость и тупая боль. Легким изгибом счастья взлетев к бездонным небесам, буква «М» однажды растворяется там в поцелуе, чтобы заронить в сердце природы на весь последующий год неумирающую любовь.

ЛЕТО

Июнь

В июне все выше и выше поднимается над землей солнце. От обилия тепла и света с каждым днем меняется облик природы, так что подчас не уследишь за всеми переменами, которые случаются в ней. Не надо быть тон-206

ким наблюдателем, чтобы видеть, как быстро бежит в эту пору время.

Еще вчера трава еле доходила тебе до лодыжек, а назавтра она уже тянется под самое колено. Там, где совсем недавно желтела по берегам калужница, нынче уже густо поднялась осока. Золотые листочки лютика, матово отливающие слюдой, воспринимались бесменными, утвердившимися на все лето, но и они неожиданно свернулись в сухие паутинки, вскоре осыпались, а по соседству потянул к солнцу такие же ярко-желтые макушки молодой зверобой... Солнечное тепло неудержимо несет в окрестные леса долгожданные перемены, лишь под самое утро на какое-то мгновение оставляя землю в ароматном неподвижном полумраке.

Совсем коротки и удивительно хороши стали ночи, в меру прохладные и теплые, какие-то распахнутые, очень дорогие... Поблекли над головой звезды, и даже в полночь с трудом можно разглядеть тусклые огоньки далеких неведомых миров. Настала пора необыкновенно светлых и в то же время будничных сумерек: слишком слаб в их глубине таинственный лесной шорох.

Лишь в густой чаще леса часа на полтора наступает густая темень, но и она будто ненастоящая. Июньские ночи живы, лесные обитатели замирают в них, кажется, лишь на минутку, чтобы с рассветом опять наполнять все июньское пространство неповторимой музыкой лета. Хорош июньский день, но чудесна и ночь, которая всегда со вздохом переживает свою краткость!

В июне рождаются легкие неуловимые тени, отражающие скрытые цветковые пятна. Пятна-блики, лежащие глубоко в лесу и переживающие никому не видимую молодость. Июнь обаяте-207

лен этой не показывающейся красотой, которая мучает и тревожит при видимом празднике утверждающейся жизни. Она одолевает душу своей приятнейшей неразрешимостью.

Разгоряченное июньским теплом сердце вынашивает несмелое желание пробраться в густоту лесных сумерек, чтобы сполна насладиться там своими неясными опасениями. Искушение быть опьяненным хвойным ароматом неодолимо. Притягивает неведомый лесной дух, частица которого живет в тебе самом: он поет песню без слов, бьет в ладоши, свищет, аукает, плачет невидимым зверем и избавляет от охватившей было тебя душевной болезни. Имя ему — леший.

Неуловимой полуденной тенью таится он между деревьями, хохоча филином, перекидывается вдруг в затейливого мужика с котомкой или в волка. Пока не видно по лесам грибников, собирателей трав и ягодников, чары лешего почти не ощутимы. Редкого путника обойдет он, заставив плутать, нехотя нарушая свою глубоко запрятанную в лес одичалость. Только непредсказуемые зайцы, проигранные им другому лешему в карты и движимые его дьявольской силой, перебегают ошалело из колка в колок, теша своей доступной сказочностью и в то же время чем-то необъяснимым пугая.

В народе лешего представляли как немного, но голосистого мужика, без шапки, с зачесанными налево волосами. Кафтан у него запахивался налево, бровей и ресниц не было вовсе. Леший подходил греться к кострам, но при этом всегда прятал рожу. Уводил детей, проклятых отцом-матерью, а под осень начинал беситься: ломал деревья, гонял зверей и куда-то проваливался. Крестьяне в эту пору в лес не ходили, остерегаясь его бесоватого сглаза...

В начале лета жаркая лесная глушь еще не привлекает к себе людей, хотя и неотступно манит. Только к июлю лес наполнится запахами созревающих плодов и долгожданной грибной крепостью, затем как бы облегченно вздохнет и просветлеет. Трудно тогда будет удержаться и не побродить в его укромной прохладе, тая в сердце неведомую и сладкую печаль.

А пока июньские леса постепенно затихают, все меньше раздается там птичьих песен. Неугомонная кукушка размеренно отсчитывает уходящие июньские деньки. Скоро наступит день летнего солнцестояния и пойдет светлое время на убыль, а лето — к своему разгару. Дышится легко и вольготно. Кажется, само солнце напоено ароматом цветущих трав...

Только зарянки да серые славки по-прежнему заливаются целый день, ночью вдруг тревожно заушает филин и на краю луга ненадолго заведет скрипучую песню дергач-коростель. Даже воробы и те оставили свои шумные ссоры. Хлопот у пернатых по горло — подрастают птенцы...

У садовых горихвосток молодое поколение уже слетело с гнезда и поднялось на крыло. В разные стороны разлетаются по лесу и воронята, одними из первых появившиеся на свет: ведь свадьбы у их родителей начались еще в январе... На какой-нибудь глухой вырубке, к своему удивлению, вдруг вспугнешь выводок молоденьких, толком не оперившихся глухарят, о которых успел позабыть с окончанием весны, и от радости оторопеешь... Вот и дорогие сердцу копалухи уже принесли свое потомство, и значит — быть лесу с его древней глухариной тайной!

Самое яркое и любимое в июне — солнце, оно господствует своей силой над всей летней землей. Очень пылкое и трепет-209

ное, еще не успевшее к этому времени истратить себя, солнце восходит с начала дня на востоке и заходит под закрой на западе, ласково полуднует в высшей своей точке и меркнет, ненадолго застилаясь пронзительным летним мраком.

Солнце источает радостный янтарный сок повсюду, но в то же время ненавязчиво, исподволь, не допуская в своей ослепительной щедрости настырного всепроникновения. Это еще не мед, но уже сладость, великая роскошь ощущения вседозволенности, приходящего только однажды — в июне.

Солнце жарит золотисто и прозрачно, словно набрасывая на смуглые плечи природы волшебный шелк. Он воздушен, душист и прохладен, как тенистая речная вода, подернутая дыханием прибрежных трав. Свежесть июньского цветения не сгущает солнечной желтизны, что легкими прикосновениями к земле рассеивает радость и порождает новую цветоносную жизнь.

В народе его называли красным солнышком, кормильцем и благодетелем, крестьянской радостью и надеждой. Без него, как без милого, нельзя было прожить! Солнце любили, ждали его прихода, слагали о нем поговорки. И еще знали: оно всегда выглядит после ненастья, а светлое тепло его явит собой истину и благо.

Солнце высветлило речные воды, которые к тому времени вошли в свои берега, обрастая камышом и осокой. Спокойно несет река пенистую прохладу, распространяя вокруг себя приятную летнюю дрему. Изредка всплеснет где-нибудь посередине течения хариус, пойдут от него бесшумные круги, и опять над водой воцарится покой. В жизни природы настала новая пора, время речной прохлады и аромата солнечного света.

Жарко и душно в июне, и только близкое присутствие воды открывает. В июне как никогда ощущается ее плоть, которая представляется сейчас чем-то огромным, притягивающим к себе. В ней — прохладная тайна летней жизни, ее спасение и умиротворяющий покой. Птицы, насекомые, животные — все стремятся насладиться ее близостью, и вода принимает каждого, размеренно и величественно живет, дышит.

Июнь — лучшее время для того, чтобы побывать в укромном подводном мире реки или озера. Солнечные лучи мягко пронизывают зеленую воду, маленькие блики от них, как рыбки, играют у самого дна, увлекают за собой. Запрокинув голову, сквозь водную толщу можно увидеть маленькое солнце, которое кажется небывало далеким, а голубое небо с облаками — просто недостижимым. Но вода так приятно обнимает твоё тело, ласково укачивает, что ты начинаешь думать только об июньской речной прохладе, уютных заводях с кувшинками и окуневыми травами, серебристых таинственных рыбешках... Летний мир воды удивительно обаятелен, и именно в конце июня — начале июля наступает в природе такой миг, когда граница воды и воздуха будто исчезает.

Желто-белый взгляд кувшинок в тихой заводи реки необыкновенно умиротворяет, завораживает. Не хочется срывать эту роскошную водяную чашу, а только плыть на лодке между чудесных цветов, дотрагиваться до них рукой, может быть немножко приподнимать, любуясь на толстый влажный стебель. Мысленно сразу погружаешься на дно, где зелено, хорошо, ты будто оказываешься в своем мире, из которого не торопишься подниматься на поверхность. Сила воды удерживает тебя ненавязчиво, незаметно наполняя собой твоё тело.

С легким треском носятся над водой разноцветные стрекозы, иногда присаживаясь на выцветшие головы деревенских веснушчатых мальчишек, затаившихся с удочками на берегу. Стрекозы посидят, выставив свои перламутровые глазщи, и вновь упорхнут в разлившееся над землей июньское довольство. Их слюдяные крылышки всегда напряжены и в то же время необычайно воздушны. Кого не очаруют эти красавицы-непоседы!

Совершая свой стремительный полет, стрекозы восхищают предоставленной им свободой. И еще цветовой гаммой, переливающейся на солнце: голубое, зеленое, черное, лиловое, и вдруг — золотистость невидимых крылышек, чья паутинка так неожиданно крепка. Поражает и внимание этих безупречных воздухожителей, которое они оказывают человеку: присаживаясь рядом, стрекозы будто наблюдают за нами своими огромными глазами, и, удостоверившись в чем-то важном для себя, молниеносно улетают. Так природа постоянно вглядывается в человека, но это ее внимание необыкновенно приятно.

Нет хлеба, закрома в амбарах пусты, но зато радость природы, ее торжество вынуждают позабыть на время о житейских заботах. С каждым днем все больше цветов, все пышнее становятся травы. Над ними золотистым облаком роятся неугомонные пчелы. Ничто так не выражает роскошного летнего жара, как их настойчивое жужжание. Достигнув своей благодатной вершины, лето, будто благодарное им, сладко замерло, затуманившись золотисто-волшебной истомой. Букет лета, не перевалившего еще через край, а только набирающего силу, тоже золотист. В нем более матового золота купавок, лютиков и головок ромашек, чем другого цвета. Вме-212

сте с ослепительностью солнца они празднуют свои мимолетные дни, покойно наслаждаясь разлившейся над землей золотистостью. Получается напиток необыкновенно радостного и терпкого цвета. Нет в нем ни жирных теней, ни тяжести янтарного аромата: только легкая головокругительность и томная прохлада.

Зной... В выцветшем небе ни единого облачка. И прожить этот день хочется так же полно, каким он представляется с самого утра.

Под окнами с громкими криками проносятся ласточки, и кажется, будто лето никогда не кончится. Изредка пробежит легкий ветерок, совсем незаметный, качнет верхушки колокольчиков, что-то прошепчет им и куда-то исчезнет. Колокольчики чуть-чуть кивнут ему в ответ и опять стоят не шелохнувшись, а вокруг размеренно вьются чопорные шмели и сосредоточенные пчелы, движется невидимой поступью роскошный июньский день...

Синева неба в июне тоже знойная... В нее бьют из сухой земли желтые фонтанчики сурепки, которые не иссякают. Одуванчики нескончаемым золотым полчищем противостоят небу, будто забирая часть его сини, и оно постепенно выцветает, становясь бледно-голубым, белесым.

Из-под бани лезет, расталкивая крапиву, желтый чистотел, и ему себя надо успеть показать. Вдоль изгороди возносится без устали лопух, топорщится мясистыми листьями, не по дням, а по часам отвоевая свое пространство. Под стать ему — мышиный горошек: вроде бы поначалу неприметный, но без опоры обойтись не может и выбирает себе в качестве посоха любую былинку, безжалостно ее обвивая. И так, через растение

это, бывает, как и лопух, выше всех других трав поднимается, не теряя свою силу до самой осени. Распугай его, разложи во всю длину на земле, а он на следующее утро синенькими соцветиями воспрянет: к этому горошек домашний скот приучил, который частенько сбивает растение на выпасе. Чего только не случается в благодатном, полном жизни июне!

Разрослась и окрепла по лугам и огородам любимая всеми ромашка. Еле покачивается на крепкой стрелочке желтое око в белых ресничках — глядит на мир открыто и удивленно. Сразу понятно, что ромашка солнцу радуется, каждое мгновение ловит его ласковые лучи и сама ему улыбается. Ромашка тоже излучает ароматный свет, всегда кого-нибудь обогащая. Нет краше и обаятельнее у нас такого солнцеподобного цветка, бескорыстно распространяющего вокруг доступную для всех благодать!

Луг с кузнечиками полон чарующих звуков. Воздух жарок, тягуч и ароматен: ненавязчивое стрекотание насекомых будто вязнет в нем, плавится, но не прекращается, становясь еще более вкрадчивым, утонченным. Воздух впитывает и кузнечиков, и пчел, и солнечную синеву... И когда ты медленно идешь по колену в траве, а потом на какое-то время замираешь, разведя руки,— приходит ощущение, что вот-вот поднимешься над этим цветущим лугом и полетишь. Ослепительное золото целого летнего дня, кажется, так и не успевает сгореть, и остается в душе до следующего, еще более ослепительного восхищения разо-мленной летней жизнью...

Сродни золотисто-желтому тону июньской поры лиловые султаны иван-чая и розоватая нежность лепестков колючего шиповника. Иван-чай тянется повсюду, залечивая былые раны

земли, нанесенные ей человеком. Они так бесконечны и однообразны, что память о них природа украсила трогательной ли-ловатостью тянущихся к солнцу соцветий. Шиповник же дерзок, скрытен, но не в силах сдержат тонко исходящей от себя дурманящей тайны.

Золотистый жар, лиловая терпкость, изжелта-розовая недоговоренность... Все это — чудесные оттенки одного месяца, окрашивающего свое предутреннее небо лилово-огненными, неземными зарницами. Холодным золотом мерцают над землей страшные молнии, порождая, между тем, жизнь. Она ниспадает с неба тугими, сильными струями, и откровенная раз-верзнутость этих ночных, безудержных ливней зачаровывает.

Днем же все происходит как-то обыденно. Сначала где-то за лесом глухо прокатятся первые раскаты грома, в жарком воздухе пронесется порыв ветра, и слабо зашумит листва на деревьях. Затем, словно сорвавшись с цепи, порыв повторится, прошумят первые капли дождя и хлынет поток воды. Но продолжается это недолго: туча незаметно уходит за горизонт, и снова с неба льются ласковые солнечные лучи.

После дождя еще ярче зеленеют леса и травы. Только царство июньской зелени не прельщает, его почти не замечаешь. Оно как сама собой разумеющаяся отрада, вольно распростершая повсюду свое барское тело.

Вот и большое облако, кажущееся зеленым, вяло проплывает над землей и душными волнами поднимается к солнцу, которое безоглядно жарит разомлевшую внизу жизнь. Не спеша передвигает июньский день свои палящие лучи, томительно тянется светлое время. После солнцестояния пойдет оно на убыль, а лето покатится к своему разгару. В пронизанных

солнцем лесам, несмотря на жару, дышится легко и свободно, все напоено неторопливым созревaniem.

По опушкам от запаха земляники и молодых веточек хвои кружится голова. Захочешь отведать горсть румяных ягод, опустишься перед ними на колени и, словно забывшись, незаметно собираешь, ощущая на губах запекшуюся на солнце сладость. Только бы не кончалась эта душистая лесная спелость, длился бесконечно удивительный июньский день.

В тени трав ягоды крупны и сочны, они похожи на маленькие рубины, ограненные невидимой рукой природы. Торопливо срываешь одну живую драгоценность за другой, а глаза ищут еще и еще! Словно яркие фонарики мелькают они повсюду, и в охватившем тебя опьянении не видишь, куда бредут ноги.

Ни с чем не сравнить суть знойного летнего торжества, в котором и себя забываешь, и его не хочется покидать,— собирал бы землянику, ел полными горстями да запивал журчащей водой из ключа... Вода в ручье холодная, прозрачная, быстро утоляющая жажду, а сам он берет начало из замшелой влажной скалы, в тенистой прохладе высоких пихт и елей. Присядешь на какой-нибудь камень у самого ключа, время от времени зачерпываешь ладошкой хрустальную воду, слушая зачарованно, как она переливается, и усталости как не бывало. Пекло июньского полдня тогда только в радость, а обратная дорога не представляется обременительной: домой несешь полный кузовок самых ароматных лесных ягод!

А первые подосиновики?! Они появляются именно в июне, ближе к двадцатым числам. Когда ты натыкаешься в июньском лесу на огромный гриб с красной шляпкой, то поначалу недоумеваешь: откуда бы ему взяться?

К встрече с грибами ты, оказывается, еще не готов. И потому радость от находки в душе перебивает удивление. В июне эти первые грибы всегда растут поодиночке, а не общинкой, как в июле. Даже и не знаешь, срезать ли его? Стоишь перед грибом, задумавшись: ведь другого может больше и не оказаться...

В лесу еще не сумрачно, листва не достигла предела в росте, и подосиновик будто светится изнутри, стоит в молодой траве бодрый, подтянутый. Солнечные блики, касаясь его шляпки, замирают на ней нежно-оранжевыми лепестками. Даже глаза прикроешь от удовольствия...

Радость грибника в июне — это еще и нежные маслята. Их нужно успеть застать вовремя, чтобы они не зачервивели от жары. Хорошо напасть ранним июньским утром, в соснячке, на молодые, только что выклюнувшиеся из земли грибочки, с матовой пленочкой на светло-коричневых шляпках, лимонной желтизной на изломе... Вот уж кто из грибного царства обожает дружную семейственность: пятаком оброненным масленок никогда не был!

Но можно в конце июня, в первый грибной слой, встретить и белый гриб, да не один! Тут уж тебя настигает не удивление, а тихий восторг. Как обычно, крепкий боровик выбирает себе место в мелких елочках, на краю покоса или лесной дорожки. Именно в июне, как это ни странно, белых грибов можно насобирать больше, чем в июле и даже в августе.

Никаких других грибов еще нет. Так, попадется зеленая сыроежка, два-три хилых обабка, горсть ярко-желтых монеток-лисичек... И вдруг вдоль укромной тропинки в бурых опавших иглах обнаружишь полдюжины пузатых крепышей: белые

выстроились затылок в затылок. Глазам своим поначалу не поверишь, присядешь на корточки и осторожно дотронешься пальцем до бархатистых шляпок: да — это белые, целых шесть штук! Аккуратно срезая красавцев боровичков, краем глаза улавливаешь, но еще боишься верить: там, в тенистой прохладе елок, тянет к солнцу свои шляпки, кажется, еще большее грибное воинство! Непредвиденное счастье, невыразимое наслаждение!

Что творится в твоей душе — не описать никакими словами! Белые лезут на глаза — маленькие, средние, уже успевшие превратиться в сказочные домики для мышки-норушки,— так и прут отовсюду. Идешь по лесу, старенькая корзинка приятно тяжелеет, и думаешь только о грибах. Как хороша эта грибная радость, простое и великое таинство лесной чащи!..

Ну и, конечно, где-нибудь сыроежка выглядывает из мха. Хвойный сор уместился во впадинке ее шляпки: рыжие иголки сосны, пихты и ели, сухой осиновый листочек, слипшиеся от паутины чешуйки, семечки, травинки. Вроде бы не резон яркой сыроежке маскироваться, как будто она боится в июне показать себя открыто, первой, но розовые, бордовые, сине-зеленые и оранжевые шляпки нет-нет да и попадаются под ногами, и ты невольно улыбнешься милым сыроежкам и пожелаешь лесу вечного здоровья...

Сладок и необъятен летний день, но вот бледнеют его краски, и с противоположного края небосвода кошачьей поступью подкрадываются сумерки. Лес начинает казаться огромным и таинственным, заблудившимся в самом себе. Где-то там, в лесной чаще, затихает легкий ветерок, беспристрастно ухает филин, и сердцу отчего-то становится жарко.

Теплые июньские ночи душисты и нежны... Они ничего не обещают, а только томят сердце неизъяснимой тревогой, постепенно вызывая ожидание чего-то светлого. Так рождается новое июньское утро: из мудрости проникновенной ночи и летнего остановившегося дня, успевших ненавязчиво внушить всему миру: наслаждайтесь жизнью вдосталь! Выпейте эту чашу до дна, с пониманием всех тонкостей вкуса июня, иначе тихой осенней порой вам не постичь смысла убегающего времени...

Июль Июль — макушка лета. Незаметно, но оно перевалило свою самую радостную пору, а дни стали короче. Что-то ущербное появилось в природе, необъяснимая и чуть уловимая застылость, прокрадывающаяся под самое утро. Неживой холодок — провозвестник грядущих осенин, — исчезающий с первыми лучами солнца.

Как будто меньше стало света, хотя так же ярко играет солнце, щедро льет свое всепроникающее тепло. Днем воздух накален зноем, и кажется, что он рождается из самой земли. Июльский жар неодолим, а разомлевшее время неслышно протекает где-то мимо, так что невозможно разобрать его потяжелевшую поступь.

Даже сильный ливень не в силах охладить раскалившийся воздух. Нескончаемые потоки воды вот-вот затопят травы, а только пройдут — опять жара. Спасти изнемогающую от зноя землю могут обложные дожди, ненавязчиво перетягивающие теперь на себя все внимание. Под их неощутимым бременем травы наливаются живым светло-зеленым соком, невидимо тяжелеют, и через день-два поднимаются совсем возмужавшими, густыми.

Приятно срезать такую траву косой и видеть, как покорно она ложится в плотные валки. Раздольно греют они свои светло-желтые бока на солнце, с удовольствием ожидая, когда их не спеша перетрясут и сгребут покучней. В самом разгаре стоит пора сенокоса.

Над лугами разносится душистый жар сена, вот-вот быть ему смётанным в высокие стога. В них замрет спрятанное до весны лето, и только хищные птицы будут присаживаться отдохнуть в жаркие дни на их верхушку, цепко высматривая перебегающих в скошенной траве грызунов.

Самая пронзительная и радостная пора, начавшаяся в апреле, прекращается с приходом июля. Он как будто сбивает спесь разыгравшемуся чуду природы, и месяц за месяцем сменяющие друг друга краски сливаются в нем в сплошное буйство, между тем уже какое-то безжизненное. Ни густая желтизна зверобоя, ни дымчатая сирень душицы, ни лиловая нежность макушек кипрея не возбуждают так восприятие, как это происходило с появлением обыкновенных подснежников и сон-травы. Обилие цветов в июле порождает пресыщение ими, сладко околдовывает и оставляет в радостном неведении.

Но постепенно в разнотравье июля намечается некая утонченность. Обрушившееся на землю торжество красок не прекращается, оно даже еще более ширится, зато появилась еле уловимая уединенность каждого цветка, его уютная обособленность, хотя повсюду — ослепляющий цветовой праздник. Цветы готовятся к последнему летнему месяцу, когда можно будет в последний раз заявить о себе, чтобы их непременно увидели, и как будто копят силы.

Цветы июля — это и многочисленные бабочки, неутомимо

порхающие над полянами и лугами. Перламутровый глаз и крапивницы, капустницы с боярышницами, лимонницы, сенницы, шашечницы и голубянки... И весь день на неосязаемых, хрупких крылышках, выполняя невидимую работу. А мы думаем, что бабочки — только украшение лета, живые цветки природы, призванные ею к умиротворению. Глядя, как бабочка присаживается на солнцеподобную ромашку, я всегда думаю о скрытой силе природы, впитывающей и солнце, и бабочек, и небесную синеву. Июльская жизнь целесообразна и в большом, и в малом, и прелестные, никому не досаждающие бабочки чутко раскрывают это единство.

В солнечные июльские дни, заполненные золотом колосающейся ржи и цветов, все-таки еще не помышляешь о скорой осени, а переживаешь только зрелый жар июля и его царственное достоинство. Июльским утром, на приятном солнцепеке, никогда не вспомнишь и о пронизывающей метели или жгучих сугробах, и только наслаждаешься раздольем этой летней жизни, которая как будто остановилась в продвижении вперед и всю свою силу сосредоточила на росте вверх, к солнцу. Все радуется, тянется, становится стройным и красивым, подобно лиловым султанам кипрея, а ты и не подозреваешь, что и сам невероятно вырастаешь, обращая душой к солнечному свету, в сто крат отражающему ее тепло для всех живущих на земле. Ничто не приносит такого покоя и блаженства, как летнее солнце, особенно в июле!

На полях к этому времени поднимается овес. Предутренние туманы напоили его беловато-салатным светом, но не сделали при этом возмужавшим. Он молод и свеж, и все, что предстоит ему пройти, еще не обременило его. Будто приподнимаясь на

цыпочках за восходящим солнцем, овес тянется к своей нещадной зрелости.

По утрам июльские туманы вдыхают жизнь в бело-розовый цвет гречихи, распускающей дурманыщие сладкие волны. С утра до вечера берут с нее взятки пчелы, наполняя соты терпким медом. Сдержанность гречихового царства, таинственность его доступной простоты притягивают, так что однажды вечером, влекомый каким-то неизъяснимым чувством, подойдешь к краю засеянного ею поля и подолгу стоишь, не в силах отвести взгляд от раскинувшегося повсюду душистого белоцветья, отливающего розовой сиренью. А то еще сорвешь одну из верхушек, разотрешь между ладонями и, осторожно понюхав, к удивлению своему убеждаешься: медовый запах струится откуда-то сверху, словно отраженный от часто бегущих по небу облаков.

В июле их становится заметно больше. Все чаще поднимаются они огромной белой стаей из-за горизонта и молчаливо проплывают над замершей в красках землей. Облака не торопятся, как будто умышленно зависая в манящем поднебесье, и, расположившись поудобнее, тихо наблюдают с недостижимого высока за происходящими внизу переменами. Лето — единственное время года, когда им не надо никуда спешить и, остановившись в синеве, они великодушно прикрывают землю от неугомонного солнца, бросая на нее воздушную тень и прохладу.

На дворе пусто, да на поле густо,— говорят про июль. Земля, обремененная множеством цветов, уже не в силах сдерживать в себе появления долгожданных даров. В природе чувствуется величавая зрелость.

Обычно болезненно переживаешь эту пору, когда в лесу полно людей по покосам, зверя и птицы не видно, да и грибы с

ягодами еще только-только поспевают, но так захочется иной раз открыть свою душу лесной чаще, побродить по тенистым тропинкам и помечтать о благодатном августе, что отправишься июльским полднем в лес и, забывшись там, вдруг заболеешь этим околдовывающим царством таинственных теней, трав и цветов.

Июльский лес богат самыми таинственными растениями. Вот, например, вороний глаз... В эту пору он смотрит на тебя из чащи загадочным черным оком, в нем есть что-то завораживающее, будто неизведанные силы леса вглядываются в твою душу, все о ней уже зная, и внимательно провожают, ни на секунду не ослабляя своего внимания. В сути этого цветка, с четырьмя эллиптическими лепестками, сориентированными природой на четыре части света, угадывается небезызвестная роза ветров, какой ее изображали на старинных картах. Лесная роза ветров — зеленый компас для путника, по которому он может угадывать свою дорогу. Недаром и название растению выбрано древнее и таинственное: вороний — значит, мудро всматривающийся и все примечающий, а крупная черно-фиолетовая ягода посередине цветка — это именно глубина лесного знания, приоткрывающаяся только в июле.

В той же сумрачной июльской чаще уже заалели будто отлакированные плоды волчьего лыка. И опять загадочно-пугающее название — «волчье», относящееся к самому непредсказуемому зверю нашего леса, такому же сказочному, как и ворон. С осторожным восхищением разглядываешь аппетитные ягоды, но есть их опасаясь, подспудно угадывая ядовитую суть растения, которое, тем не менее, и лечит. Нужно только соблюсти меру, и волчье лыко явит себя как исцеляющее недуги ле-223

карство. А «лыко» — потому, что в июле приходит пора сдирать с растения кору, которая и содержит лечебные соки. Привлекательные бусины ягод, наверное, охраняют своей мнимой красотой скрытую силу растения, отвлекая все внимание на себя, околдовывая.

К концу июля устанавливается такая раздольная, богатая пора, за которой уже не воспринимаются так восторженно известные всем полевые цветы, а маленький, затерявшийся в лесах куст волчьего лыка дарит человеку радость от притягательности красивых ягод, которые так и хочется сорвать в жаркий летний полдень, и какое-то необыкновенное, переживаемое с детства знание, почти уверенность, что волки плетут из лыка кустарника сказочные корзинки и ходят с ними по грибы и ягоды.

А на открытых местах все косогоры заполонил розовато-лиловый иван-чай, или кипрей, и вышло у него это как-то ненавязчиво, даже незаметно. Будто зорька молодая освещает склоны логов и оврагов, и свет ее необыкновенно трогателен и нежен. Имея пирамидальное строение, султаны иван-чая еще с июня робко нащупывают себе пространство в разнотравье, давая покрасоваться зверобою, ромашкам, василькам и золотарнику, а в июле уверенно берут свое, уже свободно возвышаясь над ними. Скромные, покойные и уверенные,— только они могут вернуть израненной пожарами земле силу, постепенно воссоздавая на ней первый корневой слой. И ведь корни кипрея тоже необыкновенны: в старину, в городах, корни высушивали, прожаривали и перемалывали на так называемый «кофе», но поскольку крестьянам не был знаком диковинный напиток, они прозвали настой из этого растения — «иван-чай», применимо

к своему простому быту. Неприхотлив кипрей, вроде бы всем известен и доступен, а тоже несет в себе загадку...

В июле подступает и время высоких трав: вот где хорониться тайне! Растения-трубки, выше человеческого роста, с надежным перехватом коленчатых звеньев и постепенным сужением крестообразных мутовок устремленно тянутся в небо, к свету. Наиболее статный из них — дудник, что выметывает в стороны множество зонтиков, а те, в свою очередь,— еще, только меньшие, и вся эта могучая конструкция завершается почти шарообразными окончаниями с цветами. Но самое интересное совершается внизу, под листьями, и его нужно обязательно разглядеть, почувствовать. Все происходящее наверху — великолепно, и все же оно не завораживает так, как дышащая влагой сумрачная по-таенность у самой земли, среди пахучих корней и стеблей. Именно здесь прячется таинственное, чаще всего невидимое, лето.

Насытившись солнечным раздольем и красками июня, только в июле вдруг, к своему удивлению, обнаружишь, что сердце лета хранится в каком-нибудь тенистом уголке сада, где когда-то, весной, пощелкивали соловьи, а теперь сырое затишье и тайна. За чем-нибудь забредешь июльским утром в прелые заросли крапивы, что притаились в укромной тени, за баней, и неожиданно обнаружишь там совсем иную жизнь, которая никак себя не проявляет, и, бывает, пройдет все лето, а ты о ней и не узнаешь.

А в лесу в это привольное июльское время особую тайну хранит обычный муравейник, который работает круглосуточно. Воздух возле него всегда свежий, чуть ударяющий в ноздри бодрящей кислинкой. В разномлельный полдень, после дождя, на какой-нибудь старой валежине неподалеку от муравейника не-225

редко можно увидеть крохотные беловатые яички... Это неутомимые мураши раскладывают их для просушки. Продолговатые и аппетитные, они оказываются желанной приманкой для многих птиц, но, тем не менее, муравьи не боятся вытаскивать их на ласковое тепло, обеспокоенно снуют вокруг и при малейшей опасности очень быстро прячут. Только что вся колода была усеяна нежно-молочными, лакомыми зернышками, а через какое-то мгновение уже ничего нет: и без того многочисленное семейство в первую очередь хлопочет о своем потомстве...

Словно утомившись от июльского обилия жизни, притихли и задумались леса. Их пышная зелень, долгое время не замечаемая, неожиданно стала более доступной и дорогой. Ее еще не коснулась августовская угрюмость.

Постепенно выправилась линия леса: она потеряла свою майско-июньскую опрятность и стала выглядеть уже более дремучей и успокоенной, готовой мудро прожить еще один год до очередного внутреннего обновления.

Бесконечно синими, таинственными ступенями громоздится теперь лес на фоне рассветного и закатного неба и при этом молчит. Его потаенные мысли зацепились в лохматых верхушках и, наверное, думают по-зеленому, темно-синему, даже по-черному, пока листья деревьев не окрасились в золото и багрянец. Кажется, лес ничего не слышит, в отличие от поля, где живут желто-белый простор и всеохватная открытость. Тихим июльским утром вдруг понимаешь, что, родившись в чистом поле, умрешь в темном лесу.

Июль до предела насыщен видимой и невидимой жизнью, которая создает общее настроение удивительной радости и по-226

коя. Это настроение с наслаждением вторит каждому шороху под ногами, птичьему возгласу, копошащимся вокруг запахам... Июль кружит голову неисчислимыми ароматами, что смешиваются в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно.

В лесу в это время поспевает малина и черника. Легко заплутать, с головой отдавшись их восторженному поиску. Забыв обо всем, собираешь желанные плоды, так что каждая ягодка представляется маленьким родничком твоего будущего здоровья, спрятанного в душистом варенье или в холодном молоке со свежим хлебом.

Аромат земляники, заполнивший собой весь лес еще с конца июня, не надоедает, и ароматней ее в июльском лесу могут быть только утренний воздух и жемчужная роса. Ягодный аромат душистыми волнами плывет над землей и незаметно тает. Не ощутив опьянения им, не познаешь сладости бытия.

Но наивысшая сладость ягоды не в лукошке, которое приносишь домой, а в том, что ешь ее в лесу, прямо с куста, может быть под слепым июльским дождем или в жаркий полдень, которые обещают вечное довольство и радость. Все свое волшебство любая ягода теряет в тот момент, когда ее срывают и выносят из леса.

Июльский лес чуть ли не повергает многообразием запахов и наваждений. Горячая на полдне хвоя ни с чем не сравнима... Мокрая душистость трав с рост человека, мягкая грибная прель, струящаяся от сыроватых выворотней под пологом старого леса, едко ударяющий в нос запах муравейников, коры, выцветших сосновых иголок, шелковистым ковром устилающих прогретую землю,— все эти ощущения непередаваемы и до конца непо-227

стижимы. Часто в июле ловишь себя на мысли, что, в отличие от июня, уже менее всего занимает цветущий луг с бабочками и стрекозами, а все больше — овражья темнота, потаенность логов и нетронутая хвойная глушь.

Уютно и тепло в июле: кажется, что все тебе доступно, а в лесу удивительным покоем веет от освещенных солнцем стволов сосен, среди которых удаляется в глубь леса человек... Их неподвижные, словно светящиеся изнутри розовые стволы будто останавливают время. Великое умиротворение снисходит тогда на июльскую землю и твою душу.

Только в июле окончательно принимаешь зеленые одежды лета, которые оно так таинственно и просто распахивает для всех, но ничего не обещает. Все, что сокрыто под зеленым июльским покровом, лишь помогает сберечь в душе завораживающую тягу к жизни.

Впрочем, серьезность подобных мыслей, наверное, не свойственна июлю. Его легкая задумчивость все-таки сменяется всеохватывающим стремлением жить, так что забываются накопившиеся было под утро грусть и растерянность. Сложность еще не созрела, и июль прост, он не таит в себе далекого будущего, а дорога, выходящая среди спелых полей, пока не манит вдаль.

Даль сама по себе тоже еще не притягательна, она скрыта облием зелени, что стала повседневной. И когда это доходит до тебя, ты понимаешь: июль постепенно освобождается от своей разноцветной накипи, становясь лесной сказкой в нашем воображении, если мы хотим ее и готовы к ней.

Еще недозревшее совершенство июля есть таинство его нераскрытой до конца летней жизни. И все же, когда долго смо-228

тришь на простирающееся повсюду зеленое июльское царство, не покидает чувство чего-то завершившегося, успокоенного.

Вот и птичьи голоса уже отзвенели в лесах... Только кукушка никак не может подавиться колосом, да изредка, под вечер, прокрипит у реки таинственный коростель.

Привалившись спиной к бревенчатой стене лесной избушки, молча сидишь и смотришь, как неторопливо умирает июльский день, и хочется отчего-то удержать, хотя бы ненадолго, эту затихающую жизнь, не дать так обреченно перетечь ей в благопристойность августовского плодородия.

Август Название этому месяцу дано в честь римского императора Юлия Цезаря Октавиана, которому титул «Август» был преподнесен сенатом и в переводе с латыни означал «возвеличенный богами».

Далекий от придворцовых распрей, восьмой месяц года сам по себе содержал в своем обустроенном лоне что-то благопристойное и досточтимое, напроць устоявшееся в достигнутом довольстве и благоденствии. Жизнь, казалось, остановилась в его спелых недрах — до такой степени она все лето была бурной и неуправляемой.

Август, говорят в народе, — чистая каторга, да после будет мятовка. Сначала август крушит, а потом тешит. С этого месяца начинался между людьми почет, величание и августейшее обращение к природе, что и на сей раз осенила она своей все-дозволенной благодатью.

В темно-зеленой гуще деревьев и кустарников появились желтые пряди, постепенно затухает листва. Только в августе неожиданно замечаешь, как утомлен пронизанный светом лист...

Лето незаметно растворило в нем свою силу, чтобы он хотя бы раз взволновал кого-нибудь, прежде чем безжизненно опуститься на холодную землю.

Лес вокруг замирает в ожидании чего-то, он еще достаточно силен, хотя сила жизни быстро покидает его, и лес спешит отдать свои дары. Их богатство несколько смягчает расставание с уходящим летом, но грусть до конца не забывается, и вместе с пламенеющими гроздьями рябины время от времени обжигает твое неуспокаивающееся восприятие.

Крепкий грибной дух приятно выводит из этого оцепенения и, переломив настроение, прибавляет в душе немного света. Пусть позже занимается в лесу рассвет и раньше смеркается, зато ты знаешь: все позабудет сердце днем, за отысканием скрытой от глаз грибной сытости. Не нужно тебе уже солнечного сияния, строже сгущаются над головой темные тучи, и ты невольно тешишь себя сладкой надеждой, что если будет дождичек — будут и грибки, а будут грибки — будет и кузовок.

Раздолье полей в хлебном месяце незаметно перетягивает на себя летнюю спелость, набирают зрелость колосья и ржаной цвет. Цвет запекшегося солнца и хлеба как будто тихо говорит: колошусь, а мужик в ответ — не нагляжусь!

Вовремя отколосившись, рожь отцвела, налилась. Подсохла и ее выгоревшая желтизна. С накопленным за лето вкусным жаром она вдруг обрушилась богатой страдой на землю, захватывая всех людей сплошь, а не по выбору. И тут уж не тужи, говорили в народе, а только мешок держи, потому как оказывался тот хорош, у кого родилась рожь.

В августе серпы греют, вода холодит. Мужуку в этом месяце три заботы: и косить, и пахать, и сеять, а до раздольной про-230

хладцы совсем недосуг. Да и не нужна она ему, потому как, собирая и припасая, ощущает мужик дружеское присутствие отдохновенного августовского ветерка.

Но только выше ветра мужик в августе головы не носит, хотя и стоит крепко. За ветром в поле не угонишься и ведрами ветра не смеряешь, а спроси у ветра совета — получишь ли ответ? Одним словом, на ветер надеяться — без помолы быть.

Но не зря отпущено ему августом в поле гулять, на себя одного надеяться, чувства вспылчивые утолять. Начиная новую жизнь в конце лета, ветер пока только как будто набирает полные легкие воздуха, беззлобно пробуя свои нерастраченные силы в преддверии осенней неустроенности. Августовские дуновения с невидимой старательностью зарождают какую-то обособленно светлую озабоченность, благодаря которой от хозяина в доме пахнет успокоенной свежестью ветра, а от хозяйки — дымом. В поле же, в упругих струях ветра вольно реют полевые хищники — канюки и луни, задиристо переворачиваясь и отдаваясь молодому воздушному потоку.

Бесконечными рыжими копнами помечает август свое неторопливое шествие. Солома словно затаивается в них: лежит тихо, хотя и открыто, предоставленная вольному ветру и солнцу. Солнцем и ветром пахнет отборное зерно, с которым пылят по высушенным за лето дорогам приседающие под его тяжестью грузовики. Дороги тоже приобрели цвет обмолоченной соломы и, раздобревшие, убегают в сокровенные дали, так что невозможно наглядеться им вслед.

С началом августа лето перешагнуло свой знойный возраст и чуть было не угодило в объятия осени. Ведь на Илью, который приходится на первые августовские дни, в обед лето с осе-231

нюю сходятся, ночь на два часа становится длиннее и вода холодна. Все тепло, накопленное за лето и утекающее куда-то с приходом осени, прячется в вырастающих по полям снопах, что легко проверить, засунув в их ломкую глубину руку: ее обожжет июньский жар, и от приятной неожиданности перевернется в груди сердце.

Глядя на неуклюже замершие соломенные копны, в душе рождается ощущение тихого праздника. Забравшись на густо похрустывающую пахучую перину, ложишься на спину и подолгу следишь, как в высоком выцветшем небе кружит одинокий ястреб. Кажется, ему нечего предпочесть своему отрешенному парению, и эта отторгнутость гордой птицы сначала повергает в ошеломительную зависть, а потом незаметно окрыляет, унося вместе с ней в необозримую высь, все выше и выше, куда не залетают другие птицы.

Соломенная толща под лопатками становится вдруг невесомой, какая-то неведомая сила мягко приподнимает тебя над землей, и ты уже не отдаешь себе отчета в своих чувствах — все они сливаются во всепоглощающее переживание дикой свободы. Там, в бесцветной недосыгаемости, где теряется ощущение последнего летнего месяца, ты неожиданно открываешь для себя край ястребиной головокружительности, понимая: есть выше что-то более важное и мудрое, может быть самое главное для отправляющегося в дальнюю дорогу человека, и все это можно осознать только однажды, на границе безвозвратно уходящего и неповторимого лета — в августе...

Ведь у августа всего в запасе: и дождь, и ветер, и ведро, и холодные росы, но больше всего — тихой радости от предвкушения долгожданной надежды на встречу с погожей осенней

успокоенностью, когда всему в природе наступает свой час, и время не торопится унести в бесконечность твои безответные мысли. Август мягко убаюкивает их, не обескураживая при этом мятущуюся в груди нестигаемую волю.

По утрам на лугах и в лесах высокая трава вмиг делает сырой одежду, холодит лицо и руки, но на душе приподнято и радостно. Пробивающееся сквозь туман солнце весело играет в капельках влаги, высвечивает самые потаенные в лесу уголки, где за лето накопилось что-то еле угадываемое, ото всех скрытое. Пряный аромат августовских трав ударяет в голову, так что даже начинает ломить затылок, но постепенно все же отпускает, так как внимание твое всегда захватывает нечто большее...

Весь лес усыпан листьями разных деревьев и цветов, в нем появились осенние краски и плоды, и хочется идти бесконечно по его тропинкам, открывая для себя бесценный мир природы. Ни о чем, кроме леса, не думаешь, а желаешь только испугивать рябчиков с тетеревами, различать в опавшей листве крепкие боровики и яркие сыроежки, спугивать на краю заросшей вырубki красавца лося, мерно сламывающего мягкими губами сладкие верхушечки кипрея... Хорошо в августовском лесу, как-то широко и вольготно, и если отправился туда, то знай, что не напрасно.

Но более всего в августовском лесу завораживает его тишина, как в театре перед началом действия. Кажется, что вот сейчас медленно раздвинется занавес — и все это туманное, цветочно-пряное, грибное и охотничье выплывает бесшумно тебе навстречу и околдует. И так оно и происходит, и ты вдруг начинаешь замечать, что твоя внутренняя жизнь незаметно приходит в полное соответствие с природой, когда все в ней как буд-233

то рождается в тебе самом. Причем, не нужно делать никаких усилий, только находиться среди всего этого долго, хотя бы день, и тогда ты откроешь для себя, что так можно общаться с лесным миром всегда, благодаря ему вызывая в себе огромную приподнятость и силу.

Еще в августе появляется какое-то особое зрение, когда безветрие длится и день, и другой, и третий, и дали у горизонта поутру очищаются до предела. Смотришь — и все вокруг удивительно доступно, так что легко дотягиваешься до всего взглядом, которому ничто не мешает. Лишь только осинки изредка трепетно вздрагивают, отчего у кромки леса возникает легкое возбуждение неподвижного воздуха, но вскоре опять все утихает. Остальные деревья стоят спокойно, контуры их крон подчеркивают воцарившуюся в природе ясность.

Радостно поражает в августе это соседство подвижного, яркого, живого и в то же время сонного, осеннего, умиротворяющего. Чуткость и тишина, легкость устремлений и достижимость — суть августовских воздушных переливов, не теряющих связи с землей. Эта открывающаяся вседоступность, даже все-возможность, легко и естественно переживаема, от нее тебя охватывает удивительное спокойствие, удовлетворенность. Весь август, особенно по своему завершении, как окно из того, что уже не повторится, в загадочное будущее, влекущее своей прекрасной бесконечностью. Только рассветная дымка на короткое время уплотняет прозрачность августовского воздуха, напоминающего сейчас огромный серебряный сосуд.

Все лесные звуки в августе становятся выпуклыми, четкими,— им ничто не мешает, если день стоит тихий и солнечный. Вот подал голос воробьиный сычик, и очищенное за лето

августовское пространство будто усиливает акустику воздуха, отчего кажется, что птица находится совсем рядом. А на самом деле до нее идти и идти. Зашумела от легкого ветерка береза, и шум ее ветвей отчетливо угадывается, хотя вокруг множество других деревьев подают свои признаки жизни, и если прислушаешься, то обязательно обнаружишь трепет осины, прибрежной ивы, мерное покачивание верхушек сосен. Даже шорох пробирающегося в траве рябчика доносится до тебя, и ты, конечно, замрешь в терпеливом ожидании, чтобы разглядеть его настороженную хохлатую головку. Августовские лесные звуки отчетливы, хорошо угадываемы, но при этом очень чутки и нежны.

В августе только днем на какое-то непродолжительное время кажется, что стоит лето, по утрам же, вечером и особенно ночами уже ощущается легкое дыхание осени. Если день выдается яркий, солнечный — становится хорошо заметной зелень, которой, оказывается, еще много и она хорошо сохранилась. Желтые краски увядания как бы отступают, в них еще не чувствуется осенней силы. Но стоит погоде испортиться и подуть ветру, как зелень тотчас меркнет, будто замыкается в себе, и лес покрывается изжелта-кремовой сединой, налетом из золотых листиков, которые сейчас уже представляются бесконечными.

И все же это приятное увядание. Душа воспринимает его легко, без напряжения. Так и деревья: они совсем, кажется, не страдают от того, что теряют листья, а наоборот — вроде бы даже приходят в себя после изрядно утомившей их жаркой поры и освобождаются от надоевшей им тяжести. Август очень хорош именно этим ненавязчивым сочетанием, когда и лето еще не ушло, и осень еще не наступила: они идут рука об руку.

Порой август начинается и заканчивается пасмурно: весь месяц плывут над отцветающей землей бесцветные облака. Холодные порывы ветра срывают лепестки цветов, хотя некоторые из них продолжают цвести в этом месяце, а то и в первой половине сентября. Сейчас, когда луговая волна уже схлынула, цветы становятся особо заметными, как бы желая напоследок покрасоваться. Один из них — мята...

Этот лиловый, чуть розоватый цветок очень прост по сравнению с другими, хотя славу имеет немалую. На тонком стебельке поочередно, друг над дружкой, нанизаны попарные листья и цветочные мутовки, и это малоприметное, но очень грациозное устремление цветка ввысь вызывает ощущение плавного взлета. Там, в окружающей августовской спелости, он так же незаметно черпает для себя и вбирает силу ветра, солнца, росы и дождей, и когда невольно сорвешь листочек мяты и в легкой задумчивости разжуешь его, то ощутишь заново всю пряность августовских запахов и дуновений. В запахе мяты — неисчерпаемость августовского плодородия.

Под самую осень зацветает и зубчатка, еще более скромное растение. Никто обычно не замечает ее худосочные серовато-коричневые стебельки и цветочки, будто прибитые пылью: зубчатка заселяет обочины лесных дорог. Где бы ни росла зубчатка, всегда кажется, что она грязновата, и оттого, наверное, никем не упоминается и не замечается, но стоит разглядеть этот цветок, даже опуститься на колени, собрав несколько стебельков, чтобы затем, встряхнув, поставить их в баночку на подоконник: зубчатка от такого внимания даже порозовеет.

Стручки иван-чая к этому времени лопнули, завернулись кудрявой ватной стружкой. И даже не верится, что совсем не-236

давно его лиловые султаны, мягко прокалывая насыщенное жизнью августовское пространство, в то же время поддерживали его, даже несколько возвышали. Сейчас они разлетаются повсюду, цепляясь за еловые ветви, кусты, валежины, а те, что остались в полете, как маленькие паучки на паутинке, уносятся в августовские дали, над реками, озерами и полями. Попутчиками им будут бабочки-траурницы, отмечающие своими бархатисто-коричневыми крылышками с ярко-желтой каймой именно август, когда чаще всего встречаются; стрижи и ласточки, уже собирающиеся к югу; семена сосны, ели, лиственницы и липы, планирующие в воздухе с помощью специальных крылаток, в отличие от пушистых семян ивы, осины и тополя, что имеют длинные белые волоски, отчего легко и подхватываются ветром... Все они, будто чувствуя благоприятное для их распространения время, движутся навстречу своей будущей жизни.

Позднолетье. Многие цветы теряют свои лепестки, в непогоду их обивает дождик и срывает ветер, а вот лесная герань, хотя ее бледно-сиреневые цветочки и очень нежные, еще держится, но выглядит уже оробело. Воинственно, по-хозяйски, возвышаются по краям запыленных дорог только ярко-желтые корзиночки пижмы. Пижма, при благоприятной погоде, может простоять и до середины сентября, даже в заморозки, но ее яркая желтизна какая-то холодная, совсем уже не летняя, будто неживая.

На лесных полянах, в местах естественных воронок или бугров, остались островки нескошенной травы: косари обошли их, опасаясь повредить косы. Островки эти выглядят растерянно, не понимая, зачем их оставили, и розовато-белые головки отцветающего тысячелистника слегка их оживляют.

Кое-где виднеются и поздние ромашки. Они уже редки, но всегда крупные и крепкие, и выглядят гораздо бодрее своих летних собратьев.

Зато все склоны холмов охвачены нежно-сиреневым дымом душицы, зацветающей именно в августе, ближе ко второй половине. Только поднеся сорванный кустик к лицу, улавливаешь его пряный аромат, который невозможно спутать с другой травой. Букетики душицы, развешанные на сеновале, украшают ограду дома, и вместе со зверобоем и мятой приятно кружат голову, ненавязчиво напоминая об уходящем лете.

Хорошо посидеть на вершине такого холма в окружении травяного августа и посмотреть сверху, как извивается лесная река в заросших ивняком и черемухой берегах, среди поднимающихся отав и скошенных полей. Луням прибавилось работы, и они беспрестанно парят над открытыми местами, время от времени бесшумно бросаясь вниз. Устав от бесконечности парения, этой околдовывающей вседозволенности, переводишь взгляд на южный склон холма, густо поросшего шиповником: ягоды его накалены до глянца жарким летним солнцем. Тут же тянет свои головки к солнцу золотой зверобой, и так при этом старается, что кажется, чуть ли не приподнимается на цыпочки... А над головой радушно тянет к тебе кудрявые ветви липа, которая уже отцвела, местами пожелтела, но по-прежнему источает повсюду слегка дурманящую мягкость...

Лесные тропы еще не застелены листом, они почти чистые. Редкие листья кружатся бабочками в августовском воздухе, как будто не хотят ложиться на землю. Осень только начала опалять их своим дыханием, и листья ярко вспыхивают, но покидают ветви деревьев неохотно.

Маленькие елочки лишь кое-где осыпаны золотыми березовыми кружочками, под ними алеют какие-то ненастоящие, очень яркие мухоморы, как фонарики, даже днем, неотступно притягивающие своим неведомым внутренним светом. Уже не раз виденные и хорошо известные, они, тем не менее, неизменно обращают на себя внимание, и ты опять подходишь к ним и любишься. Лоси — большие любители мухоморов в августовском и сентябрьском лесу, благодаря которым очищают свой организм, в то же время возбуждая в нем к осеннему гону бойцовский дух и силу.

С каждым днем все более ощущается приближение осени. К концу августа ночью становится совсем прохладно, отчего окна в доме мягко отпотевают, и когда под утро подойдешь посмотреть движения ночи или желая увидеть яркий месяц, то сквозь мутные стекла вдруг заметишь вспыхнувшие звезды Большой Медведицы, которые уже давно забылись. Приятно открывать их перед осенью, вновь узнавая в звездах иную силу, уже не летнюю, исподволь готовящую тебя к чему-то другому.

Вечерами в августе уже приходится понемножку подтапливать печи, которые согревают каким-то особенным теплом: в нем еще чувствуется лето и уже веет осенью. Тепло мягко распространяется по всему дому, окна, как и под утро, запотевают, но лучи садящегося солнца незаметно стирают этот туманный налет, будто протирают стекла, и хорошо становится видна роса на траве, в лопухах, на листьях малины, что уже не блестит, как в середине лета, а лишь переливается изнутри. Нежное печное тепло коснулось, кажется, и капелек росы, которые от этого заиграли теплым матовым светом.

Вода в реках незаметно спала, и то, что в июле было сокрыто, сейчас оголено и сухо. Немного беспомощно выглядят прибрежные тростники, когда их подводная часть выступила наружу и они от этого кажутся неустойчивыми, какими-то долговязыми и худыми. Сейчас среди этих стеблей бегают кулики-перевозчики, томно и с удовольствием попискивают, и трудно себе представить, что еще месяц назад здесь посверкивали золотыми боками лини и караси. Та роскошная пора куда-то безвозвратно минула, и ее, кажется, как ни старайся, уже не вернуть.

Не покидает ощущение, что вода в реке будто даже затвердела, напружинилась: в ней уже не чувствуется июльской все-доступности и довольства. От редкого всплеска рыбы прокатится по поверхности медленная рябь, но только еще более подчеркнет эту обнаружившуюся к августу затверделость. Всегда неудержимая, вода сейчас словно становится менее подвижной, и к ее упругости хочется прикасаться и рукой, и взглядом, для чего-то запоминая эту напружиненную холодную синеву.

Облака, отражаясь в воде, тоже приобретают холодный, светло-сиреневый цвет и будто отдаляются от земли. Серо-голубое небо становится загадочным, высоким, а маленькое облачко, которое еще совсем недавно вызывало легкую беззаботную улыбку, теперь превращается в маленький недостижимый мир. Если плывешь на лодке и взглянешь за борт, то отражающаяся в воде высота покажется и вовсе бездонной...

...Быстро отлетело лето, и осталась только замершая тишь. Легкокрылыми коршунами кружат в поднебесье отрадные дни. Небо и впрямь, точно бездонный водоем, выпрямилось и остекленело. Согретая же за лето душа стала наполненной, готовой к любовной теплоте перед долгой зимой.

Бывает, где-нибудь посреди января вдруг возникнет из полузабытого лета, кажущегося таким невероятно далеким, от-
решенно-ласковое воспоминание, словно идешь ты сквозь августовский рассвет с перекосившейся от тяжести грибов корзиной в руках, и шаги умолкают в его затаенной тиши. Розовато-блеклый свет западает где-то за черным лесом, кругом не слышно ни звука, и воздух стоит настороженно-ровный, насыщенный ароматами. Лето незаметно уже перевалило за свою макушку и кажется каким-то остановившимся, заблудшим, но еще радостным.

Шаги мягко отдаются в замершей тишине, и ты со сладкой болью переживаешь возможность идти вот так по грибы. Об осени почему-то не помышляешь, а с замиранием сердца представляешь этот погожий день с выцветшим от солнца небом, усталостью и запашистыми темными ельниками, где из-под мха лезут сухими серовато-зелеными шляпками настырные грузди. Хочется не спеша опускаться перед ними на колени, вдыхать их терпкую пряность.

Дорога по-летнему упруга и легка. Вьется невидимой лентой посреди леса, кажется нескончаемой. И вот испуганно вспорхнет у самого ее края разбуженный тобой дрозд, пискнет что-то невнятно спросонья и тотчас забудется в своих птичьих сновидениях, а ты несешь в себе его неловкое пробуждение и чему-то неясно улыбаешься, будто это был маленький ребенок, от твоей неосторожности встрепенувшийся и тут же тебе это простивший.

Свет быстро прибывает, и дорога уже не кажется таинственной. Белой лентой выплывает она посреди разросшейся зелени, открывая любознательному человеку вполне обычные, но

такие приятные неожиданности. Именно таким августовским утром жизнь ощущается повсюду: в неуловимых следах, чьих-то травянистых поползновениях и шорохах. Под каждым листочком кроется мир воплощения самого ценного для тебя, и ты вслушиваешься с замиранием духа, всматриваешься с надеждой и, конечно, ни о чем другом не помышляешь. Только три кряквы, с хрустом поднявшиеся в разросшихся камышах, выводят тебя из приятного оцепенения. Быстро удаляется их пронзающее слух беспокойство, и на душу опять ложится августовское умиротворение.

Какое-то время ты бредешь в неясных раздумьях, пока тропинка не выводит тебя к знакомой опушке. Где-то здесь, в укромной тени пахучего ельника и вольных берез, тянут к свету свои запеченные головки крепкие боровики. И вновь отрешенная радость охватывает твоё сердце, и ты забываешь обо всем и с онемелым восторгом наполняешь старенькую корзину... Благословенная августовская пора как бы замирает, чтобы человек не пропустил ее и прочувствовал до конца.

Вскоре грибная тяжесть становится ощутимой, и легкая усталость обволакивает твоё тело. Пряный жар струится над разомлевшей землей, подпирает бледно-голубое небо, и ноги нетерпеливо несут тебя к роднику. Переступая замшелую колоду, вдруг заметишь юркую ящерицу с изумрудно-коричневой спинкой, и сразу что-то встрепенется в душе и по-особенному настроит ее. После родника ты уже никуда не спешишь: думаешь обо всем, что случилось за этот день и что когда-нибудь всплывет хмурым зимой и, может быть, обогреет твоё заплутавшее сердце.

ОСЕНЬ

Сентябрь Еще держится на дворе тепляк — ушедшему лету вслед кланяется, еще не отпраздновал народ осе-нины и начало молодого бабьего лета, а уже чувствуется предвестье ненастной погоды: даже август в своем конце смотрит сентябрем. Все чаще плывут по небу тонкие нити перистых облаков, невидимая рука один за другим обрывает с цветов последние лепестки, и батюшка юг наконец-то пустил ветер на готовый к уборке овес. Тихая августовская пора своими неброскими красками приготовила восприятие к ослепительности золотого сентябрьского дива, и душа не в силах воспротивиться ей.

Приход осени бывает почти незаметен. Однажды, посреди дня, неожиданно увидишь, что дали стали прозрачными и замершими, неяркое солнце вовсе исчезло с неба и в пожухлой листве, не прекращаясь, слабо шелестит ветер. Изредка скользят над водой юркие стрекозы, но воздух уже не тот — чуть свежей, в нем больше дышащей прохладой влаги. Каждый день в природе происходит какое-то еле уловимое изменение, которое не сразу для себя откроешь.

О чем же расскажет тебе этот быстротечный осенний месяц, когда золотистые пряди осины и липы опустятся до самой земли и вместо редко пролетающих листьев в воздухе вдруг закружат целые увядающие охапки?.. Может быть, о том, о чем печально перекликаются в высоком небе отлетающие на юг первые косяки журавлей и уток, уносящих с собой до лучшей поры нашу неугасимую надежду на осуществление втайне заду-

манного?.. Или о том, какие возможности откроют перед тобой лесные заветные тропы, где жизнь вдруг не переменится, а только озарит тебя своей дремучей разлапистостью и тайной?

Хороши только начавшиеся сентябрьские деньки, наполненные летней прелестью, когда роса в тени не просыхает до полудня, жара уже не допекает и солнечные лучи ласкают деревья и опадающие с них листья. Воздух в лесу пронизан пряными ароматами созревающих грибов, мха и кореньев. К середине дня листва на открытых полянах постепенно нагревается, сворачивается и мягко шуршит под ногами. Грибы так и лезут из прогретой и увлажненной дождями земли, особенно кульбики, и их будто запеченные на солнце светло-коричневые головки легко перепутать с боровичками. Шляпки у кульбиков закругленные, чуть влажноватые и очень аппетитные на вид, а когда наклоняешься над ними и срезаешь ножом их крепкие ножки, в нос ударяет такой сытный аромат, что голова начинает кружиться: сел бы на пенек и, посыпая аккуратный румяный грибок солью, ел бы его прямо сырым, без хлеба...

Душа радуется такому чудесному урожаю, который вырастил лес, и великодушно им всех одаривает. Подымайся пораньше, не обращай внимания на то, что за окном моросит дождик, это часто случается ранней осенью по утрам. Вскоре он, как правило, прекращается. Дома насидишься зимой, теперь же успевай запасать впрок плоды осени и ее незабываемые картинки: как курится сизый туман над замершей рекой, вертится на невидимой паутинке золотой березовый листок, дремлют по обочинам притихших дорог и опушкам последние цветы, а в низком небе над убранном жнивьем неспешно протянулась дружной вереницей стая журавлей...

Ничто не обременяет грибника в его общении с природой, в поиске желанных плодов. Поднявшись еще до рассвета, бери легкую старенькую корзину и шагай по непыльной дороге в таинственный лес. Темная сентябрьская ночь приятно окутывает тебя своей теплотой...

Сердце мягко ударяется в такт шагам, и ты лелеешь надежду, что первым окажешься в заветном лесном уголке. Звезды на небе меркнут, чуть заметно светает, и, спускаясь в низинку, лицо и руки пронизывает пахучий холодок. Кулик-черныш встревоженно срывается с придорожной лужи, запоздало вскрикивает где-то впереди, и опять все стихает. На душе так хорошо, свободно, и ты даже забываешь, что идешь за грибами.

Азарт охватывает, когда вступаешь под полог неведомой чащи: чем одарит она тебя сегодня? Непередаваемое удовольствие — бродить в сентябре по лесным тропинкам и слушать таинственный лепет еще не осыпавшейся до конца листвы. Летом березняки с осинниками такого трепета в душе не вызывали, они попросту оставались незаметными в общей зеленой массе леса, и только теперь, когда пришел волшебник сентябрь, перед своим угасанием, будто ожили и вспыхнули оранжевым, бордовым и лимонным жаром. Идешь, а березки с осинками словно играют с тобой, то и дело перебегают дорожку, прячутся, хохочут... Все это сентябрьское милое оживление вызывает улыбку, если лежала на сердце печаль — она проходит, и ты не замечаешь, как вышел на светлую полянку, всю усыпанную осенними ароматными рыжиками...

Рыжики ловко прячутся в росистой траве, к ним нужно приноровиться, чтобы научиться различать зеленовато-серые хруп-245

кие головки. Посмотришь с одной стороны — вроде бы ничего нет, так, пожухлая трава попеременно с островками сохранившейся зелени, но вот взглянешь сверху — и откроется россыпь рыжеватых, будто подернутых временем монеток: ватага рыжиков притаилась под елочками. Поначалу даже растеряешься — с какого боку начинать, а солнышко робко подымается над березками, лучи его мягко переливаются, играют в росистой траве... На таких полянках, среди мелких елочек и берез, самые грибные места!

Ночная свежесть еще не отступила, и срезанные грибы нежно издают ее аромат. Они впитали ее в себя вместе с душистым туманом, росистой влагой, терпкостью перегнивших кореньев. Что может быть радостней для грибника, чем целое семейство крепких осенних рыжиков! Осторожно перекинув корзину на руку, ты, в восхищении от своей находки, медленно идешь вдоль укромной опушки и еще более пристально вглядываешься в опавшую листву.

Грибы-листопадники украшают осенний лес, и его угрюмая глубина в эту пору оживляется, становясь радостной и доступной. Сырые сентябрьские туманы только добавляют аромата грибам, таинственная тень превращает их в нечто сказочное. Да и как не поразиться ядреному, крепкому грибу с бронзовой шляпкой, будто ожидавшему тебя под разлапистой еловой веткой, когда ты осторожно срезаешь ярко-белую плотную ножку и, любуясь, держишь какое-то время в руках, ощущая его прохладную приятную тяжесть. Боровик, кажется, только доволен такой судьбой и удовлетворенно замирает рядом с другими грибами на дне корзины.

Обнаружив такого красавца, забываешь и про лисички,

и про рыжики, и про волнушки... Но все равно у всех на слуху в сентябре нежное слово «опята» — украшение бабьего лета, когда убраны в огороде картофель, морковь и свекла, стоят на удивление солнечные, сухие деньки, и сам Бог велит, захватив корзину, отправляться поскорее в притихший лес. Напряженно ищешь глазами старую березу или замшелый пенёк, к которым дружною гурьбой сбегаются опенки. Кто половчей — успели вскарабкаться наверх, поотставшие — с не меньшим удовольствием располагаются вокруг, есть и такие, что облепили выходящие на поверхность корни, прибоченились, чуть задрали набок шляпки и, переведя дух, притихли. Куда как веселей держаться дружной компанией все бабье лето, и даже пенёк тогда будто оживает и приободряется.

Пни — любимое место обитания опят. Корни грибов уходят в них на несколько метров, и размолотые — они очень полезны. Крестьяне раньше их выкапывали и использовали в качестве «хлеба», поскольку они питательнее простокваши и многих овощей. Диву порой даешься в осеннем лесу — всё кругом в опятах: и пни, и мелкий хворост, и земля. Однажды мне повстречалась старая береза, которая чуть ли не наполовину в высоту была облеплена этим светло-коричневым скопищем: опята, несомненно, стремятся к своему первенству в лесу, их больше, чем всех других грибов.

В корзину грибника осенью попадают и грузди: белые и черные. И те и другие растут обычно гнездами в березах и елках, чаще всего — по опушкам. Именно к сентябрю дружными семейками появляются в лесу эти грибы, всем своим видом обращая на себя внимание и будто норовя побыстрее угодить в кузовок. Только поэтому, наверное, грибы растут не по дням,

а по часам, напористо, даже настырно, подымая на воронкообразных шляпках охалки перегнившего листа.

Хорошо застать такое семейство еще не разросшимся, плотненьким, когда грибы не успели зачервиветь и сохранили бело-снежно-яркий цвет. Приятно вдыхать их тонкий, не похожий на другие грибы аромат, представляя грузди уже в засоле, в дубовой бочке с вересковыми веточками и клюквой... Что может быть вкуснее такого сытного груздя зимой, когда поддеваешь его на вилочку, как приправу к рассыпчатой душистой картофелине, и вспоминается сразу примолкший сентябрьский лес, пряные запахи трав, коры и хвои и узкая тропочка в березняке, которая вывела тебя к грибам.

Грибные маршруты сентября неспешны, незабываемы, полны неожиданных встреч и загадок, которые так же неспешно можно разгадывать, размышляя о неповторимости русской природы. Сентябрь, как никакой другой месяц, приглашает заглянуть в свое плодородное лоно, завораживает красками и одурманивает запахами. Нет более величественной и тихой поры, которая бы так ненавязчиво навевала воспоминания о лете, но и умиляла вкрадчивостью убывающих осенних дней... Сентябрь хорош именно необыкновенным сочетанием увядания и новизны, отсутствием жара и нежной теплоты солнца. Он полон ласковой свежести непрошеного осеннего холодка, когда лес дарит последние, но, наверное, самые вкусные и изящные грибы.

В листе появляется необыкновенная легкость, и, несмотря на то, что листва обильно опадает, в ней много трепета и ликования! Летит лист, переливается лимонным, багряным и пурпурным светом, и кажется, никогда не прекратится. В кружеве листопадной метели деревья будто воспевают, прощально ма-248

шут ветвями и уносятся вслед за листвой в бескрайние осенние дали.

Вся эта лиственная круговерть приходится именно на вторую половину сентября, тогда как в октябре последний лист опадает медленно и задумчиво, покорно подчиняясь своей неминуемой судьбе. Этому способствуют безветрие и тишь, которые устанавливаются в природе, и лист падает не по прямой, а словно по невидимым ступенькам, пританцовывая то вправо, то влево. В оголенных угольно-черных ветвях — потерянность и пустота, опавшая листва тоже быстро чернеет и все вокруг становится пугающе четким. Эху не за что удержаться в сквозном лесу, и оно быстро и далеко улетает. В природе наступило время ясного видения, когда воздух предельно чист и прозрачен.

А еще у каждого дерева свой листопад... У ольхи лист долгое время сохраняется зеленым, потом быстро сереет, жухнет и опадает тяжело, немusыкально, почти не производя шума. Только закрученный морозцем, он издает сухой шорох. Золотой переливчатый шум рождает мягкий лист осины — будто песок пересыпают, а жесткий черемуховый лист и звук производит сдержанный, даже суровый. Береза роняет лист весело, со звоном, у липы это происходит заунывно, со всхлипываньем... Каждому дереву сентябрь предоставляет свое звуковое пространство, радостно повергая своим многоголосьем.

Даже в опавшем листе совершается череда цветовых перемен: сегодня он — золотой, полный осеннего солнца и света, завтра — оранжевый, с мелким крапом, потом — ржаво-коричневый, в муаровых разводах, еще дальше — фиолетово-лиловый и, наконец, — пепельно-черный. В сентябре и вверх и вниз лес еже-249

дневно меняет освещение, будто торопясь в полной мере насладиться своими ограниченными возможностями. И все-таки всегда находится тот самый последний листок, что радостно вспыхивает на фоне сырых облетевших стволов, будто затерявшийся среди них солнечный лучик. Хорошо, если ты оказался в эту пору в лесу и успел отметить для себя его прощальную улыбку.

Скоро черной стеной замрет обнаженный лес, сохраняя охапки золотистых листиков лишь на самых макушках деревьев, да и то не в каждую осень. Одиноко выглядят эти трепещущие верхушки и вызывают противоречивые чувства. Но выпадает первый снег, и они тоже опадают, а ты забываешь о золотом сентябре, потому как мрачную отрешенность сентябрьского леса сменяет чистая пороша октября...

Но пока на дворе сентябрь и еще никто не принимает осени всерьез. Чаше дождей показывается на небе солнце, высвечивая зелень, которая вроде бы уже померкла, а леса румянятся неспешно, почти незаметно, пока не ударили крепкие заморозки. Иногда, особенно в послеобеденную размыленную пору, лесные дали опоясывает чистая радуга, красуется недолго на небе и незаметно исчезает. Межа лета и осени никак не определится, и легкие сумерки ненастья быстро сменяет акварель нежных красок. И только ночи все более удлинятся и затаиваются.

В задумчивую и милую сердцу пору первых сентябрьских дней еще появляются местами анютины глазки, колокольчики и ромашки, а шиповник словно забывается, сбитый с толку погожей погодой, и вновь, как в начале лета, распускает свои пунцовые бутоны. На взмокшей от росы отаве — диво дивное! — поднимаются цветущие купальницы... Сухостойные же васильки, не ми-250

гая, вглядываются в открывшиеся над полями дали и по-прежнему вызывают улыбку: они еще бодры, брызжут в нахохлившемся, колком жнивье мягкими лазоревыми огоньками...

Всюду разносится пряный аромат полыни, которая сейчас будто обретает второе дыхание. Чуть ли не до морозов тянет вдоль дорог свои бордовые головки хладостойкий татарник-чертополох. По склонам логов еще раз зацвел лилово-розовый вереск. Все эти растения крепко впитали в себя краски лета и словно не желают их лишаться.

Иногда условия погоды нарушают привычный цикл развития. В одном случае повторное цветение вызывается холодом весной или в начале лета, когда часть почек не получает достаточно тепла, света и влаги, запаздывая в своем росте на очень большой срок. В другом случае, наоборот, погода выдается настолько благоприятной, что растение, после кратковременного перерыва, вновь начинает цвести и даже плодоносить.

А поутру на траве искрится серебряный иней. Не зря сентябрь в народе прозвали «вересень» — месяц первого инея. Но всходит солнце — и матовые росинки неприметно тают под его несмелыми лучами, стирая последние следы ночи. И сразу начинает пахнуть летом, еще попадаются цветы, грибы и в прочищенном ночным холодком воздухе витают запоздавшие ласточки. Память о лете никак не может оставить тебя в сентябре.

Все в сентябре тронuto ожиданием: листья уже полны желтизны, они готовы оторваться и полететь, таинственные барсуки набивают норы мягким опадом осин и берез, последние птички стаи вот-вот тронутся в дальние края на зимовье, сохатые пробуют свои силы в первых схватках за самок — скоро начнется у них осенний гон... Лоси сойдутся молчаливо на какой-251

нибудь укромной лесной поляне, глухо ударятся рогами и, сцепившись, закружатся в непримиримом поединке. Только очень пытливому и неутомимому охотнику удастся хотя бы раз в жизни подглядеть подобную лесную сцену или хотя бы услышать загадочные звуки сражения двух великолепных животных.

Сентябрь — время необычного оживления и у некоторых птиц... По какой-то, заведенной только среди скворцов традиции птицы неизменно слетаются в сентябре к родным скворечникам. Слетаются целыми семьями, дружно перекликаются и затевают под утро спевки, будто прощаются так с родными местами. Если выдалось солнечное утро с чистым небом, то, заслышав песню скворцов поутру, можно подумать, что пришла весна, если не смотреть по сторонам, а только вверх, на скворечник, вдруг оживший после летнего молчания. Скворцы будто и не хотят улетать, возбуждены до предела после проведенного в спокойствии лета — настоящий осенний фестиваль!

Глухари с тетеревами тоже повторяют в сентябре весенний календарь возбужденного бормотания и песнопений. Только без азарта, как-то бесстрастно, будто вспоминая весну, но понимая при этом, что сейчас уже осень — не до песен.

И все же птицы дружно слетаются к вечеру на высокие осины, когда лист еще не пожух, но уже прихвачен утренниками, отчего становится для глухарей необыкновенно сладок. Птицы размещаются в верхушках незаметно, будто их там и нет, и если даже подходишь к деревьям вплотную, то глухари не срываются молниеносно, а выдерживают паузу, будто вглядываясь в происходящее внизу, и продолжают осторожно лакомиться. Им совсем не хочется покидать давно облюбванное место, и они

только на короткое время притихают и вскоре вновь начинают кормиться.

В тихие пасмурные дни глухарям не резон покидать осины, и они остаются на них до самого утра, когда можно будет переместиться на жнивье. Если тебе повезло и ты застал глухарей на осинах с вечера, обязательно нужно попробовать подойти к ним осторожно с утра. Вдруг они запоят?

Вся обстановка в природе вроде бы не располагает к такому действию, да ты и сам несколько смущен происходящим: давно слышал, что глухари устраивают под осень токовища, но самому еще никогда не приходилось этого видеть. Так же, как и весной, вечеруешь в избушке и думаешь о том, как будешь подходить к спящим птицам: с какой стороны, к каким именно осинам и когда? Весной покидаешь ночевку уже в час ночи, чтобы быть на току в два, не позже, но сейчас сентябрь, глухари не так активны, и потому выходишь из избушки в три часа... Когда-то еще забрезжит размеренный сентябрьский рассвет!..

Ничто не напоминает осенней ночью о весне, лишь мысли о глухарях, как и весной, радостны, приподняты. Неужели птицы будут токовать точно так же азартно и на их возбужденный зов прилетят глухарки? Впрочем, копалухи еще с вечера сидят рядом с петухами, только не надоедают им, держатся чуть поодаль, и что примечательно — совершенно неразличимы в листве. Они очень ловко прижимаются к ветвям деревьев, почти сливаются с ними, и сколько ни всматривайся — ничего не рассмотришь. Но стоит птицу вспугнуть, она тотчас обретает свои истинные формы, и ты поражаешься тому, как изощренно маскирует себя природа!

Только подойдя к поляне, окруженной осинами, замечаешь ярко-желтую полную луну. Она не зря выплыла на ночное сентябрьское небо. Все вокруг таинственно освещено ее светом, и начинает казаться, что этот свет может разбудить глухарей. Но чутко спят птицы, не так настороженно, как весной, а ты вслушиваешься в осеннюю тишину и ничего не различаешь. Это, конечно, не весна, и тебе становится странно, что ты стоишь сейчас один под осенней луной и даже не уверен, что глухари спят где-то рядом, в осиновой листве. Может быть, они действительно скоро запоют?

Все твоё внимание приковано к этой ночи, к таинственной луне, излучающей сказочный свет, к спящим глухарям, и ты вдруг вспоминаешь про незадачливого косача, которого застал позавчера днем, открыто токующим на одинокой березе посреди небольшой полянки. Так все это происходило непринужденно, спокойно, что тебе даже не пришлось подкрадываться к птице. Шел лесной дорогой, наткнулся на бормочущего тетерева и сразу расслабился: как все замечательное оказывается просто!..

А тетерев вроде бы даже и не замечал меня, хотя я остановился прямо напротив, то и дело раздувался, как груша, и потешно топтался на одном месте. И с глухарями, и с тетеревом я не чувствовал себя каким-то выдуманым лесным зверем, которому доступно все это видеть и слышать, а был человеком, не равнодушным к окружающему миру, способным все это для себя открыть.

Глухари же все-таки запели... Вернее, защелкали, надолго замолкая. Я все ждал, что птицы вот-вот оживятся, но они многозначительно хранили молчание, лишь изредка нарушая осен-

254

нюю тишину еле слышным кхерканьем. Осторожно обозначив себя в эту сентябрьскую ночь, глухари, похоже, не переживали истинного возбуждения, и я подумал: неужели глухари пропоют впустую, ничего от своей поздней страсти не получив? И все же приятно было присутствовать рядом с птицами, вслушиваться в сентябрьскую ночную тишину, следить за ярко-желтой луной и желать, чтобы глухариный род длился вечно.

Все, что бы ни принесла с собой русская осень,— чудесно! И осенний иней, появляющийся к сухой солнечной погоде, и все чаще встречающиеся стайки пернатых, готовящихся к отлету, и неторопливые предутренние сумерки, когда, до конца не избавившись от глубоких и сладких сновидений, ты, то и дело оскальзываясь, бредешь среди темных деревенских дворов и не желаешь себе иной дороги. Даже бесчисленные дожди, слившиеся в единый всепоглощающий поток, кажутся ненадоедливыми, если осень пришла к тебе закономерным постижением после честно встреченной весны и с пользой проведенного лета.

Стоят необычайные сентябрьские дни, в какие замираешь от восторга, а что-то еще более щемящее сжимает втайне твое сердце, и не можешь долго определить, что именно. Перебивая сладкие устремления души, думаешь: отчего Создателю угодно играть тобой, повергая нежностью небесных красок и земных цветов? Не оттого ли, что прекрасные картины осени похожи на далекую сказку детства — увлекательную, таинственную и до конца непостижимую?

Хотя бы раз почувствовав, как все увиденное для тебя важно, ты поймешь: разгадывать переживаемое ни к чему, и надо только не потерять способности наслаждаться этим чудесным

состоянием неземного покоя, который дарит незаметно сентябрь.

Сентябрь — месяц переменчивый и капризный. Неслышно подошел год к своему увяданию, а сентябрь уже торопливо рассыпает повсюду багрянец и золото, оживляя его яркими одеждами. Стропivosti самому быстрому месяцу занимать не приходится, потому как хочет сентябрь людей в открывшемся им напоследок восхищении закружить, одурманить и тут же охладить, завесив беспрютные сквозные дали скучной пеленой туманов и дождей.

Впору стропивому сентябрю крутящийся на ветру желтый осиновый листок... Упрямо не отрывается он от ветки, вот-вот отлетит, но чего-то ему не хватает: ветра отчаянного, безумства глухой непогоды, а может быть, еще немножечко солнца... Только когда изойдет из него сопротивляющаяся жизнь, никому не нужный листок оборвется. И уже не высветит его лимонные бока осеннее солнце, не играть ему радостно на последнем свету, а безропотно лежать между корней деревьев, источая крепкую ароматную пряность. Так, простираясь вдаль нескончаемыми желтыми тропами, мостит сентябрь свое невеселое, но неминуемое будущее. Природа в сентябре ничем не беспокоит утоленную за лето впечатлениями душу и ничего уже, кажется, не обещает.

В сентябре одна ягода, и та — горькая рябина. В начале месяца ее срывают и кистями развешивают под крышу, чтобы на тревожащем сердце ветерке достаточно прозябла она, провеялась, сахару набралась. В народе всегда примечали: если в лесу рябины мало — осень будет сухая, много — дождливая, и, зная это, люди часть ягод предусмотрительно оставляли на кустах дроздам,

снегилям и прочей птичьей братии. Яркость упругих гроздьев тиха, и даже обилие рябины в лесу не приносит ожидаемого света.

Но вот неожиданно выскальзывает из-за облаков солнце и оживляет все то, что представлялось до него невзрачным. Неприметно дрожали увядающей листвой понурившиеся деревья, бесцельно мятущийся ветер с заунывной обреченностью что-то искал в их осыпающихся верхушках, блеклое небо с угрюмой обыденностью навалилось на землю... И вдруг все переменяется, засверкало! Правда, в сентябрьском солнце уже нет пыла и жара, есть только видимость силы, но тем не менее она очень приятна.

Знаешь, как недолговечно сентябрьское озарение и что, возможно, через какое-нибудь мгновение оно сникнет, но забываешь о грядущей непогоде и радуешься приоткрывшейся возможности, позабыв обо всем, восхищаться. То, что может еще раз возродиться и поразить, кажется в такие моменты неуядаемым.

Сентябрь своим разноцветным угасанием на миг радости всем прибавил, и все же красный, желтый и бордовый цвета, несмотря на свою красу, скорее вызывают грусть. Они только временный тон, а настоящий цвет осени — это шорох дождя и пахнувший увядающей травой день, который хоть и пасмурный, невзрачный, но дорогой.

Леса, вспыхивая ослепительным пламенем, как будто жаждут горячей смерти на безудержном пиру, и осень, хладнокровно взирая на происходящее, озаряет их своим нерукотворным светом. Свет, тени и мрак как никогда смыкаются в сентябре над терпеливой землей, и сентябрь представляется каким-то безродным, несмотря на скрытую благодать. Однако первый

осенний месяц готов отдать людям то, на что способен только он: напоследок, перед долгой зимой и ненастьем, сентябрь дарит маленькое чудо бабьего лета, с белым солнцем и ярким светом, с торжеством чего-то диковинного и такого краткого. Успеть застать это лето, полно прожив его, не обязательно, но очень важно, если оно коснулось тебя своим теплым крылом.

Когда в воздухе появлялись белые нити, которыми боги словно священной паутиной опутывали всю землю, семена выплывали из колосьев, ласточки ложились вереницами в озера и ужи выходили на берег за три версты, наступал бабий праздник, а вместе с ним и бабьи работы. С началом посиделок в избе обзавоидились новым огнем, иногда добытым из дерева, хоронили мух и тараканов. Считалось счастливым предзнаменованием, если в эти дни состоится новоселье.

В народе день начала бабьего лета был ознаменован приходом Семена-летопроводца, который, лето провожая и осень встречая, нетерпеливое ожидание охотников прекращал, отправляя их в первое отъездное поле. После уборки урожая мужчинам также впору было подумать и о своих детях, нуждающихся в твердой опеке: в деревнях повсеместно совершались постриги — сажанье на коня отроков, которым минуло три года.

И в поле, и в избу сентябрь приносил только праздник, и как бы краток он ни казался, радости этой до конца невозможно было отмерить.

Переживая в себе сентябрь, никак не можешь увериться, что лето давно угасло и впереди ожидает длительное предзимье. Свыкнувшаяся со светом душа сначала нехотя приноравливается к вынужденному угасанию, но постепенно начинает находить в расплывчатых красках осени недостающее успокоение.

В этом неторопливом осеннем умиротворении в тебе уже не возникает горечи от утраченной возбужденности летнего восприятия, а открывается сладкая грусть по чему-то несбыточному, но такому родному.

В лесу наступает тишина, как в театре, когда свет начинает гаснуть и появляется непередаваемое ощущение ускользающей таинственности. В самый последний миг вдруг открывается занавес, и зал озаряется неподражаемым внутренним светом, а тишина остается. Утопая по колено в разноцветной листве, неприкаянно бродят среди этой тишины лоси, волки и лисицы, приспособившиеся к долгой лесной жизни.

Человеку же предстоит дальняя дорога через всю зиму и ее бесконечный холод, и сентябрь ему дан, может быть, только для того, чтобы более пристально заглянуть в себя, увидев то, чего он не замечал раньше.

Время убирать урожай прошло, но от этого не стало грустно. Наоборот, ты почувствовал себя богаче, мудрее, пусть хоть и с легким налетом печали по самодовольному лету и необузданной в желаниях весне. Золотая осень все перекрыла своим богатством, зрелость воспринимается как заслуга, а пределы жизни кажутся необозримыми.

Тем, кто с настроением посеял весной, терпеливо взращивал семена летом и достойно боролся с насекомыми и сорняками, достается в награду радость постижения. Только осенью, когда урожай обилен, мы обнаруживаем в себе желание, ни о чем не сожалея, с удовольствием идти дальше, если были честны по отношению к жизни. Нет ничего более волнующего, чем эта заслуженная жатва и тот опыт, который ты приобретаешь именно в сентябре, в борьбе за плодородие.

Октябрь Вот и закружила по дорогам листопадная метель октября. Луговые травы еще не померкли там, где много влаги, и желтая листва без остановки сыплет на них свой нескончаемый дождь. В случающееся похолодание кажется, что раскраска деревьев несколько задержалась, но как только наступает тепло — течет над замирающей землей обессиленный лист.

В октябре изменяются поля, золотой убор которых чередуется с черными вспаханymi лентами. Среди могучих ельников неожиданно встают изумрудные квадраты озими. Их выпирающая очерченность заставляет обратить ваш взгляд к горизонту, и устремляя свое внимание туда, у вас возникает непреодолимое желание замереть.

Укромный шорох осыпающейся коры выводит из задумчивого просветления: это белки. Пепельно-пушистыми комочками мелькая в замерших верхушках, зверьки не в состоянии нарушить гулкую тишину. Покойно лежит в лесной чаще самый невидимый и глубокий месяц.

Пегий рябчик, дымчато-бурое облачко наших уральских лесов,— сам октябрь: укромный, с накопленным теплом и уютом, чуточку обаятельный в своей незатейливой прихорошенности, пахнущий опадающей иголкой лиственницы и прелым осиновым листом. Упруго надрывая октябрьскую тишину неожиданным вспархиванием, рябчик слегка пугает забывшееся на неопределенное время сердце, и несколько мгновений оно не перестает горячо биться, а затем утихает. Так и октябрь: в самый неподходящий момент всплыв, как-то неприметно остывает, и в лесу становится по-благопристойному хорошо и чисто.

Можно не спеша бродить по лесным тропинкам, думая ни о чем и обо всем, вдыхать терпкую грибную сырость, внимая

нежному пересвисту рябчиков. В эту пору и знать забудешь о цветах, а неотступно размышляешь только о листьях, корнях и неслышном течении времени. В таком лесу легко быть непреклонным и спокойным, а как свободно рождаются в твоей душе необходимые решения и мысли!

В начале октября красок в лесу с лихвой хватает на все три осенних месяца! И описать это почти невозможно, если хочешь, чтобы все живое и мертвое было отражено, ничего не забыто. Между тем, кто-то охраняет воцарившееся над землей спокойствие, будто ненавязчиво взирая свысока. Предвидение в такие дни дается удивительно чутко и легко, и почувствовав в душе свет будущей жизни, обретаешь недостающую уверенность.

Вот когда до тебя доходит смысл красоты, которая в гармонии никогда не истрачивается. Этого не мог не понимать великий Пушкин, и оттого унылая пора у него очаровательна, а увядание — пышно! Октябрьская красота, не прекращаясь, утрачивает лишь поднадоевшую позолоту, и сколько бы ни длилось ненастье, оно не в силах обескуражить происходящим вокруг угасанием.

Заветна в октябре глубокая лесная тайна. На лице оголяющегося леса появляется еле уловимая зловещность, и ощутив это для себя, по-особенному смутен становится твой взгляд. То, что вчера веселило, сегодня уже печалит, а завтра, быть может, породит непредсказуемую радость. Но что бы ни таилось в глубине лесного октября, немыслимо нарушить это, а только желаешь обрести в дар и трепетно хранить.

Храня память о человеческом мире, лес не терпит себя таким, каким его сделали люди. Для него восторг и вдохновение — это пропись, а не пафос, и дожидаться хорошей погоды,

чтобы радостно начинать день, ему некогда. Не обкрадывая себя во времени, жить каждый день — вот торжество устремлений леса. Причем, жить без чванства, незаметно, со скрытой в глубине своих лесных оков гордостью и силой. Так бы и человеку: не заявлять громко о достигнутом возрасте, а тихо позаботиться о своей душе.

В октябре неслышно текут по укромным логам незамутненные родники — мимо затерявшихся избушек, обросших мхом камней и отживших корней. Ржавые листья схоронились на прозрачном дне, но вышло это у них неловко, и редкие солнечные лучи радостно высвечивают их круглые бока.

Чистая вода словно торжествует в такие тихие дни, когда ни шум дождя, ни вой ветра не в силах перебить ее блаженное журчание. Уставший после долгой ходьбы по лесу, ошупью дотрагиваешься до этой переливающейся плоти и чуткими глотками пьешь сводящую скулы свежесть. Никогда и нигде не умывался я с таким наслаждением по утрам, как в этой тягучей хрустальности потаенных октябрьских вод, которые убегают неизвестно куда, чтобы вскоре вернуться новым незамутненным впечатлением о неумирающей земле.

Неправда, что земля в октябре остывает. Она влажна хлюпающим под сапогами пего-коричневым теплом. Бережно источая теплые запахи, земля так же сдержанно, будто не желая до конца расставаться со своим добром, все же отдает его — последнюю долю сумрачного и скрытого богатства.

С трудом октябрю удастся удержать тепло жизни, и если бы не его несокрушимая сила — быть ему нескончаемо равнодушным и холодным. Но и испуская неприметно дух, октябрь возрождается в своем старшем брате — ноябре.

Верной приметой неизбывного богатства месяца может быть и ранняя октябрьская стужа. Стужу эту не терпится ощутить всем телом, подставляя ей ладшки и лицо, чтобы приятно немели щеки. И сразу душу твою пронзает вольное холодящее дуновение, и внутри все замирает, когда она наполняется зарождающейся ясностью. Ясность приносит с собой давно недостающую простоту, и возникает не замерзающий всю последующую зиму родник...

Так мудрость месяца, преодолевая на своем исходе вневре-менность, начинает с удовольствием торить себе дальнюю дорожку... Октябрь всегда словно затуманен раздумьем о предстоящих подвигах.

В октябрьских лесах легко забыться. Из этого успокоенного оцепенения не выводят даже неожиданно срывающиеся в березовой чаще глухари. Резкие вспархивания с земли рябчиков тоже не пугают тебя: сердце ударяется в груди размеренно, спокойно.

По-звериному косишь птицам вслед и почти ничего не чувствуешь. Подобно лосю, неторопливо и степенно ступаешь среди пожухлой листвы, но стать зверем тебе не суждено. Слишком много людских связей опутывают твою душу, и освободиться от них невозможно.

Трубные крики сохатых катятся над речной долиной и, кажется, не растворяются в остановившемся воздухе, а повисают. Представляешь, как на далеких лесных полянах растревоженные лоси вскидывают мощные головы с большими, похожими на лопаты рогами и грозно режут, вызывая соперника на бой. Их коричневато-черные бока нервно вздрагивают, глянцево-гладкие копыта яростно роют землю, а плот-263

ная шерсть воинственно дыбится на высоких лосиных загривках...

Отрешенно бродишь по лесу, выискивая все более глухие тропы, как будто в них таится спасение, и непонятная тоска перестанет наконец сдавливать твое маленькое сердце. Но нет сил насовсем отказаться от боли, и ты поднимаешь лицо к подернутому октябрьской поволокой небу... Там ничего не происходит, и взгляд вновь обращается к мохнатым елям, выцветшей траве и голым березам.

В сентябре через листву ничего нельзя было разглядеть, а теперь отовсюду просматриваются серые бездонные дали. Омытые ночными дождями деревья стоят понуро, и оголенность их уже не обескураживает. Так, однажды, означается глубокая осень.

В конце октября вроде бы все уже серо, пасмурно, будто тяжелый сон охватил природу, но вот выглядывает на миг солнце, и место, куда попадает его луч, нежно озаряется, высвечивая еще достаточно чудесную картинку. Сразу создается впечатление, что березки с оставшимися золотыми листиками и без солнечного света не грустили, а тихо радовались про себя чему-то, и солнце, на мгновение вынырнув из-за тяжелых туч, только подчеркнуло их неприметное, на первый взгляд, доброе настроение. Иногда даже начинает казаться, что березки переговариваются и чем-то очень довольны — так велика в них сила жизни. И тогда понимаешь: все вокруг в октябре не умирает и не разрушается, а просто переходит в нечто другое.

И вот еще что интересно: в ненастный октябрьский день цвета порой оживают и без солнца... Что-то происходит с воздухом, какие-то необъяснимые перемены, и цвета незаметно становятся даже ярче и своеобразней. Никогда — ни весной, ни

летом — не были, к примеру, такими загадочными и синими дальние леса и такими белоснежными стволы березок. Луговые васильки, затерявшиеся в давно убранных межах, должны вроде бы потухнуть, обесцветиться, но они вовсю полыхают, озаряя октябрьское ненастье. А в каждой ягодке шиповника будто теплится изнутри пунцовый, радостный фонарик — так куст шиповника сейчас светоносен!

Даже серовато-пегие тона облаков оживают в эти редкие просветы октября, подчеркивая во всем, как ни странно, контраст. Опавший черемуховый лист уже не кажется безжизненным, дымчато-пепельным — скорее, он палевый. А в серовато-грязных стволах осин угадывается нежно-зеленоватый намек, проблеск будущей жизни. Даже маленькие березки, кора которых еще не успела налиться белым цветом и они уже давно стоят голые, все равно оживляют сизое октябрьское небо паутиной своих верхних красноватых ветвей. Вовсе, кажется, похухлом мху начинает вдруг угадываться голубовато-свежая серебристость.

И все же, в общей своей массе, леса потемнели, их уже не озаряют разноцветные листья, и чернее всех оказывается липа, которая к этой поре стоит совершенно голая. Черные ветви насквозь пронизывают серое пространство и от этого выглядят еще более оголенно, но их заостренность воспринимается не колко, а как-то размыто. Лютуют бесконечные ледяные дожди, кора на деревьях набухает, и в октябрьской природе от этого возникает некая мягкость... Даже опавшие листья уже воспринимаются как жестяные, и ты больше смотришь не под ноги, а вверх, между ветвей, где в кажущейся воздушной мягкости теряются обнаженные верхушки.

Ветер-листобой давно сбил последние листья, и шелест возникающих шорохов подчеркивает таинственную тишину опустевшего леса. Впрочем, не так уж в нем пустынно: изредка прочертит пасмурный воздух неугомонная ворона, и ее клекот гулко отдается в осеннем пространстве; а то вдруг возбужденно засокочет на высокой осине белобокая сорока — видать, углядела сохатого или заяц-листопадник проковылял неловко через дорогу; пока еще не замерзли насекомые, почти неслышно ше-лудит кору верткий поползень, ловко перемещаясь по стволу вверх и вниз головой; не отлетели, оказывается, и утки,— небольшая стайка чирков жмется под берег на потемневшем лесном пруду, так что и не догадываешься, что их тут удерживает. Мокро и холодно, но осень все-таки улыбается тебе бодрым позывом рябчика, который неспешно бродит по тропе, что-то поклевывает и нет-нет да огласит лесную тишину витиеватым посвистом. Не хочешь, а улыбнешься, заслышав восторженную песенку петушка!

Но бывает, под утро хватит мороз — аж до минус десяти! — и все небо торжественно откроется и озарит землю сдержанным светом. Целую неделю до этого моросил холодный дождь, несколько раз принимался даже идти снег, и уже не верилось, что в природе произойдут изменения к лучшему, а вот случился зазимок — и подмерзшие капли на ветках весело заискрились, заиграли всеми цветами радуги. И снова лес неожиданно ожил, и тишина в лесу превратилась из пустой в торжественную. Каждое дерево друг перед другом красуется, будто и не засыпало, и даже черные липы охорашиваются, бросая на землю мягкие синеватые тени. Так хорошо, что теперь уже не верится, что непогода вернется...

Но вскоре снег все же завалит лес и скроет многие его тайны. В том числе следы подготовки зверей к зимовке, потому что в октябре они сооружают себе убежища на долгую холодную пору. Медведи и барсуки, белочки, ежи и змеи — все они впадают в спячку, и каждый торопится поуютнее обустроить свое жилье.

Белка для сушки натыкает грибы на высокие сучки, выбирая, как правило, непроходимые осиновые островки, часто на горке, где ни за что не пройти и снять гриб сможет только сама белка, так как вороне или сороке усестся на тонкую острую ветку неудобно, а маленькой птахе и вовсе нелегко совладать с грибом, который превышает ее по размерам, и оттого всю осень красуются на сучках моховички и подберезовики, причем всегда перевернутые, чтобы лучше подсушился испод гриба... Белочка же спокойна: заготовила на зиму запасы, которые все видят, а никому их, кроме нее, не достать. Знай, играет, перепрыгивает с ветки на ветку,— вроде бы беспечна, на деле же она радуется, что хорошо потрудилась перед долгой голодной порой и ей не страшно зимовать в своем гайно до самой весны.

Ежик, бегая по полянке, то и дело принюхивается, замирает и вдруг переворачивается, ловко накалывая листву на свои иглы, пока она не отсырела, а затем целыми охапками переносит в трухлявый пенек, себе на подстилку. Норка у него небольшая, и потому листьев ежу много не требуется, к тому же порой ежик залегает в норку и вовсе неприхотливо, как будто сон застиг его внезапно и у зверька не было возможности ему сопротивляться: брел тихонько по осеннему лесу, забрался под еловые корни, что вдруг удачно подвернулись, и, закопавшись с головой в мох, тут же забылся в сладком оцепенении до весны. Если

заглянуть под такую елку и хорошенько приглядеться, то можно легко различить там бочок или круглую попку ежика, унизанные сероватыми иголочками, которые почему-то всегда хочется потрогать. Можно даже заботливо подоткнуть дырку опавшим листом, и ежик ничего не почувствует — так он быстро впадает в отрешенное состояние. Лишь узенькие темные полосы остаются на земле в тех местах, где ежик семеня лапками, цепляя и переворачивая за собой выцветшие листочки...

Барсуки тоже не прочь запастись опалым листом, утепляя им свои глубокие норы. Хозяйственный барсук основательно сгребаёт мягкую листву, то и дело выуживая из-под нее жирных личинок и жуков, затем тащит ее, смешно пятась задом и волоча таким образом целый ворох, в отличие от ежа оставляя на земле уже целые дорожки. Притащив листву с травой в нору, барсук аккуратно устилает ими спальню, туалет и проходы, чтобы потом было удобно передвигаться к своим кладовым, где у него припасены сушеные лягушки и грибы, но в спальне наиболее толстый слой листвы,— настоящая барсучья перина! Тепло и уютно будет зимовать в ней барсуку долгую холодную зиму. Неспешно бродит в октябре по таежным отрогам лесной воевода-медведь. Долго выбирает он место под зимовку, не одну берлогу выроет, но все что-то не устраивает зверя, и он неторопливо начинает искать то, что ему действительно нужно. Но порой, как и еж, ложится сразу, особо не разбираясь, и часто его прибежищем оказывается какой-нибудь старый корневой выворотень или обыкновенная, ничем не приметная яма. При накопленном за лето жире и густой шкуре зверю вроде бы не резон утеплять свою лежанку опавшими листьями, но он все-таки иной раз нагребает их под себя, сколько придется, а боль-268

ше любит скусывать верхушки елочек, по которым можно безошибочно определить, что поблизости находится убежище лесного исполина.

Эти медвежьи заломы долго не заживают, сохраняя свою свежую желтизну чуть ли не до весны, и если наткнешься на них поздней осенью или зимой, то лесное пространство молниеносно оживает, и всё вокруг уже не воспринимается таким безжизненным и равнодушным.

Правда, в октябре об этом еще не думаешь: сам, как и медведь, бредешь по притихшему лесу, то и дело вглядываешься в него, будто желая разгадать нечто важное для себя, без чего не представляешь себе жизни. И, конечно, натыкаешься на то, как звери и птицы готовятся к зимовке, а ты почему-то не в силах отказаться от возможности видеть все это. Тебе есть дело до того, что происходит в октябрьском лесу, и ты даже чувствуешь при этом какую-то необъяснимую ответственность, вернее, слитность с лесом, который постепенно замечает твоё отношение к нему, но ничего не обещает. Ты должен узнать его тайну, чтобы она наполнила тебя такой же нескончаемой мощью.

На лужи все чаще ложится прозрачно-серебристый ледок. Дно в них укрыто толстым слоем опавшего листа, и оттого вода никогда не взбаламучена и черна. Она напоминает старинное, темно-дымчатое зеркало, со смутно просматривающимися прожилками — размытыми корнями, кистями цветов и травами.

Поутру ледок замутняет виденье в этом природном зеркале, скорее отражая серость какого-то замкнутого октябрьского пространства, но после полудня рамки некоей закрытости постепенно расступаются и сиротливо высящиеся над лужами в ко-269

леях голые осины и березы, преломляясь и вздрагивая, так же трогательно вдруг замирают, будто смотрятся через отражающую поверхность в себя, слегка любят... Сломись такой ледок у самого края, чтобы взглянуть через него на окружающий мир, а ледок вдруг разломится и опадет щекочущей прохладой в ладошку: октябрь хорош и сам по себе, в него интересно смотреться с утра до вечера, без каких-либо преувеличений.

Круговерть листьев закончилась, те же листья, что устояли в листобойную непогоду, скоро опадут сами. В этом замедленном, даже задумчивом падении есть сознательная покорность своей красивой судьбе. И все-таки становится немножко грустно, и завидев в конце октября уцелевшую золотистую осинку, вдруг обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого ждал всю жизнь, а его все не было, и тогда начинает казаться, будто в твою душу с благодарностью вглядываются умные глаза леса.

Лесу ничего не остается, кроме как смотреть мудро, ведь он на славу потрудился в течение всей весны и лета. Корни деревьев не пьют воду почвы, им это в октябре ни к чему, и оттого листьям нечего испарять: они жухнут и опадают на землю. Листья, даже если она неподражаемо раскрашена, уже не нужна дереву. Лист теперь приносит пользу земле, удобряя ее и утепляя.

Перепревшая листва зимой спасает лесную почву от промерзания, и именно лиственный перегной обогащает ее бесценным удобрением. Недаром благодаря ему в октябре растут грибы-листопадники, а уже к февралю под снегом проклевываются самые ранние первоцветы — подснежники. Так, незаметно, из года в год обогащается почва, способствуя росту деревь-

ев, и лишь лоси да кабаны взрывают ее местами, не нанося, впрочем, ни лесу, ни земле никакого ущерба.

Вскоре первый снег обновит притухшие краски, и на его фоне они приобретут иную значимость. Отшелушившаяся тонкой пленочкой кора сосен, удивительно напоминающая луковую шелуху, легко упадет на снег и отсветит на нем такое же легкое оранжевое пятнышко. Загорят ярче ягоды волчьего лыка, унизывающего уже голые ветви кустарника: и без того заметные в летнем и осеннем лесу, теперь они засветятся еще чище. Ярко-зеленым облаком окутались молодые пихты и елки, словно вчера распустили свои нежные иголки, потянувшись навстречу первому робкому снегопаду.

Первый снег обычно падает густыми хлопьями, скрадывая синие лесные дали и сужая пространство, и внутри этого удивительного мира ты незаметно перестаешь думать об осени. Октябрьское время теперь ограничивается более ранними сумерками и снегопадом, оно почти не знает солнца. В преддверии ноября все в природе исполнено ожиданием длительного и заслуженного отдохновения, снег окутывает землю в белые тенета и бережно ее усыпляет. Приходит пора покоя...

Правда, случается нередко год, когда снег не выпадает вплоть до середины ноября, но покой от этого не нарушается. Октябрьское пространство лишь еще более замыкается, будто деревенеет, а небо, кажется, вжимается в землю. Все вокруг тихо, как-то безвольно...

В лесной избушке на окне сидит неподвижно мать-паучиха, терпеливо дожидаясь скорых сумерек. С наступлением темноты она оживает, с удивительной быстротой перемещаясь вдоль рамы, за которой угасает свет. Исчезли комары и мошки,

и крошечные паучки, пугаясь родительской кровожадности, убегают подальше от своего крова. И тогда мать-паучиха расправляется с отцом-пауком,— вот почему она всегда остается под осень одна.

Ее серо-коричневое одиночество в замирающем октябре под стать промокшим дощатым стенам дворов и оголенной земле. Лохматой обездоленной душе, кажется, ни за что не укрыться от неминуемого греха.

Такой октябрь — это ненастье и серое бесцветное небо. Ни света солнца, ни огромной оранжевой луны, а только полутона и сумрачные тени, как будто навсегда меркнет природа, которая совсем недавно была необычайной. Но безысходной грусти нет, есть вдумчивая размеренность в восприятии приходящего неживого.

Октябрь пролагает новые пути, которые с каждым днем укрепляют дух. Не сладость с умилением, а ответственность дышит в нем ледяной стынью, и овладение знанием в его руках — достойное завоевание. Следует много октябрей пропустить через сердце, чтобы понять: время ускользающего цвета не обременительно душе, привыкшей трудиться, и проходящее сегодня не перестает оставаться живым завтра.

К своему завершению октябрь становится ноздревато-серым, похожим на старую кору. Наружная оболочка его словно затвердевает, перепекается, и сам он оборачивается каким-то подобранным, цельным. Корочка, говорят в народе, не хлеб, ее и бросить не грех, но не обцарапавшись об кору — дерева не узнаешь.

Дерет такая кора одежду, руки и взгляд любознательному человеку, и невдомек ему, что в лесной насторожившейся серости — родное октябрьское обличье. Легко отлетев последними

листьями, месяц, поднатужившись, завязывает в себе что-то важное, не скорое, но долговечное. Так же и родившийся в октябре обретает никому неведомое упорство и силу.

Словно серый в яблоках конь, скачет загадочный октябрь по темному полю к своей недостижимой любви, и никому его не остановить. Чубатый, но невеселый, маститый, но без благообразия, летит он на невидимых крыльях, которые ему порой даже в тягость, но не передохнуть ни за что, потому как совесть не позволяет.

Должен он в обреченной серости счастливую звезду на печальном лбу своем зажечь, только не про себя, а во имя спасения заблудших и отчаявшихся душ. С ноябрем они кровные, глухие и еще не понятые никем братья.

...Тихо в октябрьском лесу и немножко одиноко. Только удары неумного дятла гулко отдаются в нем и, быстро растворившись, тают, да серое воронье беззвучно и мягко перелетает над свежеперепаханнами полями.

Вместе с воронами, словно повиснув в воздухе, без устали машут крыльями длиннохвостые сороки. Темно-коричневая, недавно перепаханная земля под ними отливает жирным блеском, и ты чувствуешь, как все эти неповоротливые борозды в полную грудь испаряют из себя добротную утоленность. Мягкость тонов и всеобщая разомлелость в природе сглаживают возникающую было обездоленность, и начинает казаться, что пустота не одолеет твою душу и с октябрем в тебя незаметно вольется настоящая уверенность.

Все меньше остерегаешься ты темного октябрьского леса, но как представишь себе, коротая однажды в лесной избушке

нескончаемый осенний вечер, всю необъятность этой неведомой чащи, с ее волчьей одичалостью и звериными норами, необъяснимостью манящих к себе звуков и запахов, молчаливой божественностью распростертых над ней звезд, то понимаешь: постигнуть все это дано лишь человеку, в любой миг готовому к смерти.

Именно тогда смерть не преследует и не пугает, а только ты знаешь наверняка: ее не миновать во имя постижения всей жизни. В понимании этого тебе помогает предпоследний осенний месяц — неброский, как будто отчего-то стушевавшийся, но очень сильный.

И все же некоторое время ты остаешься в неведении: в чем она, эта скрытая октябрьская мощь, еле угадываемая, почти неразличимая? Остается загадкой: как такая тишина и неземная умиротворенность могут вызывать ощущение неодолимой твердости?!

До той поры не открывается тебе сковывающая тайна, пока не подуют в конце месяца неуправляемые суховеи. Неукротимый буран вдруг родится из недр замершей земли, погонит куда-то тяжелые тучи, так что они не успевают затмить тревожную луну, рвет и ломает обессилевшие верхушки деревьев. Неистовствуя целые сутки и принеся с собой обложную непогоду, ветер так же неожиданно пропадает с высоким слоем плывущих по небу облаков, и остается только тупая восторженность от произошедшего да с трудом преодолеваемая по вечерам печаль.

Все неповторимое в природе, кажется, кануло безвозвратно, и пришло время оставить лес наедине с собой. А самому задуматься над собственной жизнью и, может быть, воскресить в памяти то, о чем так не хотелось совсем недавно вспоминать.

Вскоре упадет на землю последний золоченый лист, съезжится от ветра, порыжеет под стылыми струями дождя и увянет. Недолго уже угнетать его октябрю нерастраченной силой. Вот-вот первый снег охладит разгоряченный непогодой дух осени и мягко закружит его в очарованном сказочным покоем предзимнем сне. И тебе вдруг станет отчего-то легко и просто жить, как не бывает даже в самое раздольное весеннее время.

Наступивший вечер года однажды поутру умоется тихим внутренним светом, душа наполнится чистотой и свободой, и своевольный октябрь ненавязчиво вдохнет в тебя нужные слова, музыку и мысли.

Ноябрь Коротки тусклые ноябрьские деньки... Совсем не стало света: поздно занимается робкая лиловая заря, рано надвигаются молчаливые бесцветные сумерки. Солнце где-то запропало посреди ненастного дня: только проглянет мутным бельмом — и уже темно. Мглистое небо пасмурно навалилось на лес и деревню, и окна в домах «плачут» от печного тепла и сырости, которой проникнуто все в природе.

Весь день то снежная заметь, то тоскливый дождь, а по ночам неслышно прокрадывается по остывшей земле хилый мороз. Долго порой стоит такое ноябрьское ненастье, ничего не обещая и вроде бы ни к чему не стремясь. Так,— один холодный серый свет, даже без осеннего солнца, и до одури надоевшая пустота монотонного, промозглого дня.

И вот почему-то захочется в это опустошенное ноябрьское время выйти однажды поутру в затуманенные сизые дали. Все однообразно, пусто: одним словом — поздний осенний пейзаж, с прозрачной выстуженностью далей, изумрудом озимых, опус-275

тевшими и беззвучными перелесками. В тиши ноябрьских лесов лишь изредка попискивают синицы, стучит клювом большой пестрый дятел, шерудит корой махонький королек. Только в редколесье ощущается какая-то неприхотливая, но верная жизнь, в глубоком же лесу — ни шороха, ни звука.

Все там стало потаенно, уже не вздрагивает сердце от неожиданного взлета великолепного вальдшнепа, шаги утопают в пожухлых травах. Идешь, ни о чем не думаешь и не можешь понять, зачем ты здесь, почему все это тебя так трогает. Но именно малоцветное перо обыкновенной синицы, черные шапочки неугомонных гаичек и размеренные постукивания дятла вызывают в душе ощущение счастья, той благодати, которую никто отнять у тебя не сможет. Недаром ноябрь в народе прозван «снегириной порой», — это время пунцово-трогательной нежности и силы, принадлежащей нашим маленьким пернатым гостям.

Да и как не верить этой маленькой красивой силе, румяными яблочками оживляющей среднюю полосу России, почти под каждым окном! Минутами, не часами находятся эти птицы рядом с человеком, оставляя в его душе тихую радость. Такого счастья, наверное, не доставляют нам даже весенние птицы, и только прилетевшие к нашим домам в пору осенней непогоды-цы наиболее дороги и желанны.

Пухлые, розовато-серые комочки сидят под окнами, будто озаряя жизнь человека невыразимым счастьем, и улетают только потому, что воздушны. Птички не могут не перепархивать с дерева на дерево, не могут не кочевать от деревни к деревне и, наверное, не в силах оставить человека без своего внимания. Снегири — это робкая и трогательная для русского сердца весна в ноябре.

Мглистые дали замерших ноябрьских дней задумчивы, но не загадочны. В бесцветном ноябрьском лесу краски редки и потому особо отличаемы. Только рябина алеет в нем яркими круглыми бусами, когда остальные деревья уже сбросили свой наряд.

Или еще бывает, что хилое солнце изредка пробивается из-под нависших сереньких туч, над бескрайними полями вьется колючая поземка, а лес вдаль стоит седой, нахмуренный,— все вокруг голо. Но у самой обочины проселочной дороги на тоненьких тростиночках пустыря раскачиваются цветастые щеглы, о чем-то неугомонно переговариваются и совершенно изменяют собой унылый ноябрьский вид. Так неброско, даже скупно одаривает нас редкими красками замкнутый и с виду совсем недоброжелательный ноябрь.

В ноябре ненастье уже просто громоздится в окружающем пространстве, которое будто зажато им, но в то же время — бесконечно. Особо ненастно небо: ветер, дождь и холод будто скрутили, спутали его, нарушив весь строй облаков и туч, и когда выходишь из лесу на открытое место, то кажется, что небеса обрушатся сейчас на тебя и раздавят. Вдобавок, откуда-то снизу, из неведомых подземных недр, веет промозглостью, что вот-вот затянет все, как в огромный омут, ничего не оставив в этом беспросветном ноябрьском существовании. Ноябрь готов, кажется, засосать и поникшие травы, и палый лист, и лилово-серое небо вместе с пего-коричневой землей. Безрадостно и беспросветно завершается бесцветное ноябрьское предзимье...

Правда, случается иногда в ноябре оттепель, которая оживляет лесные запахи. Иссохшая трава, еще вчера придавленная

первым снегом и вроде бы давно утерявшая всякие ароматы, теперь щекочет ноздри чуть ли не весенней пряностью, она будто переродилась под снегом и вновь готова к жизни. Березовые сережки, тоже порядком пообвисшие и потрепанные непогодой, вдруг явственно пахнули свежестью, встрепенулись. По берегам лесных рек и ручейков приятно потянуло смородиновым листом, кора ивы, черемухи и рябины набухла, заблагоухала. Вдоль дорог словно поднялась и ободренно вздохнула горчинкой пожухлая полынь... Оттепель удивительно усилила запахи, как будто донеся их из неведомого далека.

Уже в сумерках возвращаясь из леса в деревню, полем, машинально выдерешь из сырой копны пахучую прядь сена, вдохнешь ее аромат полной грудью и онемело замрешь, привалившись спиной к стогу. Чуть прелый, но очень насыщенный запах вмиг заполнит легкие и околдует твоё восприятие, успевшее отвыкнуть от букета ароматов. Все сохранил в себе стог сена: и безудержную весну, и молодость буйного лета, и зрелость августовской поры, и осеннюю мягкую умудренность. Даже и не знаешь, чем это пахнуло на тебя поздней ноябрьской порой, когда ее неожиданно оживила оттепель. Оттепель как будто воскресила ушедшее, и стало радостней жить и дышать.

Как будто в золотой сумрак ноября, в его быстротечно темнеющий и, между тем, крепнущий дух углубляются время, леса, воздух — вся предзимняя природа, не способная отказаться от этого глубинного пути, но и не желающая его миновать. И утомленная, и в то же время осененная божественным прикосновением, природа ноября, как никакая другая в течение года, призвана нести на себе крест увядания и смерти во имя будущего

света и жизни. Все в ноябре как будто заколочено, хранит невыносимую тайну и заслоняет от правды. Но тот же замкнувшийся в себе ноябрь, через подвиг неутомимости и терпения, пустоту поздней осени, зияние непроглядных и стылых ночей, ведет к открытию недостающего зрения. Невольно задерживая на себе внутренний взгляд, маня своей неизвестностью, он незаметно отодвигает усталость и страх, высвобождая дорогу неимоверной силе.

А то зарядят стылые дожди. Льют день, два, неделю, замесят придорожную глину так круто, что она будто на дрожжах поднимается. Порой начинает казаться, что вся эта серо-коричневая масса лезет из всех земляных щелей, заполняет собой проселки, и ты, несмотря на опостылевшую непогодину, все же удивляешься: откуда ее столько берется?

До дождей, хоть и порядком разбитая, дорога все-таки выглядела подтянутой, лежала высоко, обособленно, а теперь раскисла, расплзлась за обочины, все в ней перемешалось. Трава вдоль дороги на добрый десяток метров забрызгана глиной, отяжелела и полегла, а давно облетевшие листья уже не прикрывают этой дорожной неустроенности. Что ж тут поделаешь: окончательно укоренился стылый безрадостный ноябрь, вот-вот посыплет снег, и до весны оборвется порядком истончившаяся ниточка жизни.

И вот, наконец, повалил снег: долго примеривался он, как лучше это сделать. С начала месяца выпадала не одна пороша, но решительный морозец то и дело сменяла хлябь да ростепель. Снег начал падать как бы из ниоткуда, так все смешалось от пасмурной мглы, но постепенно пространство заполнилось сдержанным белым светом.

Все гуще падают снежинки, быстро очищая воздух, и ты уже забываешь думать об оголенной сырой земле, а любишься и удивляешься тому, что принесла с собой снежная белизна. Радостно, глубоко и воздушно это ощущение от появления настоящего снега, когда кажется, что ты даже подрастаешь, поднимаясь на какую-то захватывающую высоту.

Снег кружится тихо, как будто сосредоточиваясь на своем парении над лесом. Мягко ложится на пни, поваленные стволы и ветви, словно ощупывая их, изучая, а затем в точности повторяет все, к чему прикоснулся, создавая снежное подобие. К сумеркам все зеленое, коричневое и черное в лесу растворяется, и остается только белое, которое быстро растет, раздается.

Хорошо в такую пору сидеть в натопленной избе, всматриваясь в заоконные картины. А ведь когда-то и не было стекла на Руси, и крестьяне, наверное, не глядели в леса и поля за околией, потому как сквозь замутненную пленку, выделанную из внутренностей скотины, немного и увидишь, да и скрашивать свои короткие досуги мужику или бабе приходилось, скорее, за какой-либо домашней работой, если на дворе стояла непогода. Окна крестьянских домов смотрелись в мир словно бельмо, которое не соединяло мужицкого быта с природой. Только с появлением стекла, что было поначалу большой редкостью, пространство избы получило название светелки, или светлицы, а окна прорубали на юг, иногда — на юго-запад.

Когда выпадает первый снег, каждый, кто находится дома, обязательно подойдет к окну и тщательно разглядит все, что происходит за ним. Это составляет как бы своеобразный волшебный ритуал, который совершает, наверное, каждый в нояб-280

ре, когда вместо привычного вида людям открывается в окне предзимняя сказка. А за ночь на стеклах вырастают еще и диковинные леса с пальмовыми ветвями, с хрустальными белыми травами и цветами, и все эти заросли проникнуты удивительным внутренним светом, который особо завораживает именно под утро. Так ноябрьская сказка незаметно входит в дом, становясь не менее чудесной явью.

Метель изрядно потрудилась, намела снега, сколько смогла,— особо не разойдешься. Словом, отвела душу, да только вслед за метелью опять подбирается оттепель: снежок быстро разжижается, блестит в колеях темная вода. Но за внезапной оттепелью — негаданный заморозок: взрыхленные снежные комья заостряются, промерзают, а по воде уже бегут трещины. И вновь, после резких перемен, ледяной ветер наносит снегу, и ты дивишься случающимся в ноябре природным перевоплощениям...

Робки еще звери и птицы в эту позднюю ноябрьскую пору, остерегаясь опробовать новую для них снежную пелену, и только волки упиваются сумерками года, появляясь неожиданно там, где их не ждут. Под стать волчьей сути мглистое ноябрьское время, призванное раскрыть зверям предначертанное им природой: подкрадываться и убивать, гнать что было сил, обводить вокруг пальца, быть неутомимым и непреклонным в достижении своей звериной выгоды. Не зря ноябрь — волчий месяц.

Отгребели в лесах схватки сохатых, что сталкиваются рогами не на жизнь, а на смерть, улеглись до весны в свои зимние убежища медведи, барсуки, белки и ежи, оставили северную родину все птицы, которым суждено было ее покинуть, сбросили листву деревья — все вроде бы успокоилось в лесной чаще,

но именно сейчас, в этом ноябрьском успокоении и тиши, припорошенных чистым снегом, поднимает голову волчье племя. Волки никак не были заметны до ноября, совершая незаметные перемещения в замирающем осеннем лесу. Волки как будто терпеливо ждали своего часа, когда можно жить без оглядки, жить в свое приволье, без удержу, и вполне понятно, почему они выбрали для этого самую отрешенную пору в природе, даже несмотря на выпавший снег, на котором без боязни оставляют свои следы.

Серые разбойники, конечно, не поменяли шкуру, а только подпушили ее, подготовили к более благодному для себя времени, в которое как никогда открывается для них слабость и доступность других, и волки смело, без предупреждения нападают и берут то, что принадлежит им по праву. Больные и слабые, а значит, не способные продлить свой род звери оказываются их заслуженной добычей.

Коротки дни поздней осени и совсем непроглядны нескончаемые промозглые ночи, но именно сейчас можно чаще всего увидеть волчьи тропы, неистово и целеустремленно прорезающие еще не улежавшийся рыхлый снег. Чаще всего эти тропы тянутся ближе к деревне, потому как в ноябре волки покидают большой лес и перебираются в мелколесье, осваивая болота и овраги неподалеку от человеческого жилья. Привольно волкам разгуливать по опустевшим полям, где они теперь чувствуют себя полновластными хозяевами.

Без устали рыщут волки в поисках поживы, отмахивая за сутки десятки километров. Идут гуськом, след в след, не нарушая без особой причины строгого строя, лишь изредка обходя с обеих сторон какое-либо природное препятствие — бугорок,

кустики или проталину. Могут спокойно забежать в деревню, выхватить зазевавшуюся собачонку и тут же растерзать ее. Кровожадны волки в своей холодной природной устремленности, и отрешенное, порой даже кажется — совершенно бездушное, ноябрьское время удивительно к этой их кровожадности располагает.

Меж домов гуляет стылый ветер, не видно ни одного прохожего, и только затянутые морозными узорами окна притягивают своим оранжевым теплом. А волкам греет спины луна, их родное солнышко, и звери неумоимо бредут занесенным полем, непременно заглядывая в каждый овражек или задерживаясь у одинокой копны, угадывая верхним чутьем желанный скоромный запах. Будет чем поживиться зверям этой ночью: на краю деревни сороки и вороны пировали весь вечер на костях павшей кобылы, и волки, конечно, давно услышали и почувствовали скорую тризну.

И вдруг остановится стая, замрет, чутко вглядываясь в сторону человеческого жилища, и потянется надрывной невидимой стрункой в мерзлое небо волчья песня. Сначала завоет волчица — тоскливо и безутешно, будто жалуясь на незавидное волчье положение, а затем возьмется разрывать и без того неустроенную душу ноября матерый волчище — с хрипотцой, одиноко и страшно распевая никому неведомую волчью долю и удаль. Прибылые с переезками сидят, прижавшись задами, молча, не вступают молодыми голосами, только наостряя уши, а ты, выйдя в ограду и заслышав проникновенный звериный вой, вдруг подумашь: как неосмотрительно ведут себя волки, предупреждая всех о своем приходе. Но на то они и волки, что ни под кого не подлаживаются, живут свободно, и своим отреш-

283

шенным воем скорее предупреждают о том, чтобы всяк знал: и по его душу идут бесстрашные звери, надеясь на свою отчаянную смелость и силу. Волки поводят носами по воздуху: так сладко пахнет дымком и гусями, возбужденно заготовившими в теплом хлеву, а еще где-то в закутах затолкались и заблеяли овцы, замычали телята, обеспокоенно растягивались собаки. Близко деревня...

Только человек может совладать с волками, подкарауливая их на приваде или обкладывая днем флажками. Но зорек и осторожен волк, не дастся так просто в руки даже опытных охотников. Волки — краса русского леса, его воля и грация, мощь и тайна. Неслышно крадутся они ноябрьской ночью возле самой деревни, никого не боятся, а лай обезумевших собак только нарастает. Зверям же — хоть бы что!

Все как-то расхристанно и в то же время необыкновенно подобрано в эту позднюю ноябрьскую пору. Воздух проникнут неясным ощущением беды, и не покидает чувство, что должно случиться непоправимое, отчего постоянно находишься в неприятном ожидании. Но ничего не происходит, и все же в ноябре не можешь найти себе места. Связано это, наверное, с тем, что в последний осенний месяц все живое замирает, обрывается последняя связь с безвозвратно ушедшим прошлым, от которого ты еще не отвык, и безболезненно пережить это в считанные дни невозможно. Такова поздняя осень, таков необъяснимый и загадочный ноябрь, когда даже, бывает, отсутствует солнце.

Ноябрьское солнце, если оно и выключнется на короткое время, — зыбкое, размытое, похоже на бельмо в глазу неустроенной природы. О таком солнце даже не задумываешься — не

до него! Улегся бы, наконец, снег, прикрыл изможденную от дождей землю и утеплил норы зверей. Солнце, наверное, чувствует равнодушное отношение к себе, быстро теряется в серой ноябрьской мороке, и на деревню опять наваливается привычная мгла, из-за которой не видно даже ближайшего лесочка.

...Если цвет и умирает, то происходит это, по всей вероятности, только в последний осенний месяц. Все улеглось к этому времени в изможденной природе, лес стал совсем равнодушным и отрешенным. Холодно и зябко кругом, каждый день полон неясного ожидания: может быть, нынче, наконец, снег окончательно укроет землю и деревья от ноябрьского непогодья?

На белых крыльях опускается на землю ненастоящая зима, ее перевозимье. Освещенная ослепительным первым снегом молодость новизны мягко режет глаза, безмолвно озадачивает. В эту тихую пору, кажется, ничто не может поразить, да и сам ты, переполненный сменяющими друг друга за год впечатлениями, уже не способен остро воспринимать окружающее. Все навешанное неустроенным ноябрем лишь ненавязчиво дотрагивается до тебя невидимыми пальцами, как бы оглушает.

Говорят, что ноябрь бывает хитер, когда, пытаясь угодить осени, одновременно старается не обидеть зиму. Почти каждый день неслышно схватываются они между собой, желая предопределить друг друга, но ничего у них не получается. То стылые дожди надоедливо ворошат пресытившуюся ими землю, а то вдруг неугомонный ветер, разбушевавшись, принесет под утро царство невероятно белого и чистого снега. Но, несмотря на все противоречия, ноябрь не в силах кого-нибудь обмануть,

а только на время может запутать и с легким сердцем отпустить для будущей жизни разочаровавшегося в нем было человека.

В отличие от других месяцев, ноябрь не тревожит душу, а тихо заполняет ее умиротворенным светом. Почувствовав его в себе, ты начинаешь ощущать благодарность месяцу, которому суждено утихомирить страсти. У ноября нет той глубокой породы, что придает любому явлению известное благородство и твердость, зато он располагает к необходимой вдумчивости и тонкому созерцанию.

Лучше всего это созерцание удастся, когда к оконным стеклам лесной избушки липнут вздрагивающие дождевые струйки, к вечеру превращающиеся в мутновато-грязные наплывы, крышу скребет негнущаяся осиновая лапа, а ночью начинает падать снег. В такие дни для человека нет ничего более важного, чем ощущение времени, проводимого размеренно, просто, и нет страшной печали, чем невозможность достичь этого. Ноябрь, как ни странно, помогает человеку своей удрученностью, в которой, оказывается, тоже можно радоваться простой и удивительной жизни.

Обделенный солнечным сиянием, ноябрь — самое темное время года. И хотя, согласно поверьям, ноябрьские ночи только до снега бывают темны, с его появлением света прибывает немного. Встретившись посреди дня, рассвет с сумерками свою неясную дорожку торят, но именно благодаря им скорая зима копит свои силы, готовя будущее перевоплощение неустроенной природы в ее ослепительный восторг.

Ни серовато-белый, ни чешуйчато-пегий, ни в темных разводах муаровый цвет для ноября не идет на язык. Скорее, ноябрь отражает в себе бесцветье природы, ее изможденность,

покой и зарождающуюся, робкую надежду. Последний осенний месяц — это сумерки года, время смирения, покорности в природе и ее отдохновение, предназначенное возродить давно забытое и нужное для жизни, обращенное круговоротом сил в природе к новому непрекращающемуся торжеству.

НАША ЗИМА

Кажется, из каких-то далеких веков приходит однажды наша зима, и вокруг становится уютнее, чище. В деревнях топят печи, и густые дымки белесыми столбами поднимаются из труб к морозному небу. словно растопившись от солнца, они вскоре растекаются синеватым облачком над умиротворенными домами. Их берестяной запах приятно щекочет ноздри, и сразу хочется попасть в натопленную избу, смотреть на выстуженные узором окна и слушать жаркое потрескивание дров.

Затертые до блеска полозьями дороги весело бегут между домами. Воображаешь, как взвизгивает под санями снег, весь усыпанный клочками сена, переливающийся по обочинам голубыми прозрачными тенями. Лошадка всхрапывает невпопад, шерсть на ее крупе сияет от солнца, и колкие ледышки брызжут из-под подков в разные стороны. Долго еще смотришь ей вслед, пока не замечаешь, как снег кисейной пеленой повисает между стволами берез, с увала на увал с криком скатываются на санях ребятишки, а на горизонте розовеет пронизанный косыми лучами солнца еловый лес, в который непременно хочется войти.

Снег чудно поблескивает, и воздух будто околдован благодаря зимнему солнцу. Восторженные сороки не устают перелетать с крыши на забор, ныряют в морозной синеве, озабоченно стрекочут. Необыкновенные среди этой яркой белизны снегири деловито сыплют с рябины под окном мерзлую ягоду, а поля за околицей кажутся безграничными.

В первые дни зимы кажется, что она приходит как бы для забавы. Так в ней много обаяния и веселья, какой-то милой несерьезности происходящего. Не будучи еще захваченным ею, наслаждаешься окружившим тебя волшебством и восторженно про себя недоумеваешь: неужели все это торжество никогда не кончится, а душа не устанет восхищаться?

Зюзя — так зовут на деревне белого по цвету волос и кожи человека. Так шутливо величают и зиму... Она на Руси никогда не заставляет себя долго ждать. Чуть Покров на двор, а зима уже вместе с ним на пороге стоит, белые пряди свои оглаживает. Вроде бы еще и босая, а уже крепкой рукой по окнам стучит, про скорую стужу весть деревенскому люду подает.

Трем временам года приходится не покладая рук работать для того, чтобы зиме было и сытно, и тепло. Зима потребляет и уничтожает то, что было именно для нее припасено и заготовлено, и дай Бог, чтобы еще хватило! Недаром говорят: «У зимы поповское брюхо». Но есть в том своя исконная зимняя правда...

...Идет зима, крепкими снеговыми сугробами села-деревни огораживает, буранами-метелями заносит дороги тореные... Как не внимать ей человеку и зверю, не замирать в покорном оцепенении птице! Ко всем, без исключения, сурова зима во имя их блага.

Ни одно время года не носится в воздухе с такой предре-шенностью, как зима. Она заранее у всех на устах, потому как несет с собой долгожданное успокоение. Колченогая осень плетется неподалеку по старой привычке, не в силах скрывать свою приговоренность.

Все таинства леса за осень, кажется, иссякли, и не верится, что зима что-то принесет. Жизнь застыла, как бывает перед волной новых устремлений, а занесенные снегом черты бывшего выступают ясно и омертвело. Глубоко скрытое, но непреклонное движение совсем не ощущается в начале зимы, потому что отмякшая от первого снега душа еще не привыкла трудиться.

С приходом зимы белая укромная тишина заснеженного леса у самой деревни не разрушает затаенной естественности жизни, а наоборот, вселяет в людей спокойную завершенность после бурного весеннего рождения, неугомонного лета и осенних неурядиц. Полноправно вступая в свои владения, зима всех освобождает от ненужных тревог, мягко закружив в своем сонном танце, ласково утихомиривает и, не нарушая покоя, занимает неспешными делами. Потихоньку вовлекая людей в свой мудрый круговорот жизни, зима помогает им понять истинную цену опустившегося на землю молчания, и люди целиком отдаются во власть ее сменяющих друг друга переживаний.

Как нужна России зима! Когда она настает, все как будто успокаивается и начинается новый круг жизни. Для всей русской земли наступает обновление.

Трескучие морозы расшевелили людей, вывели из осеннего оцепенения, заставили поехать. Какое-то другое солнце — не то, к которому уже давно привыкли и не замечали, а подме-289

ненное,— выкатилось над будто воскресшим лесом. От него, как в сказочном сне, торжественно растеклись молодые лучи и на ходу застывали в искрящемся воздухе.

Пронзительный скрежет снега из-под валенок более при-земленно утверждал всеобщее пробуждение. Во всех направлениях побежали проторенные твердые тропы, готовя новые встречи-разговоры. По головокружительному небосводу радостно поплыли взбудораженные вороны...

«Зима пришла, не зевай, братва!» — слышится в их отрывисто-звонком карканье, так что пробирает насквозь рассыпающимися по всему телу мурашками. Побагровевшие лица с заиндедевшими усами, бровями и ресницами излучают радостное возбуждение. Не успевшие обморозиться слова стремительно вырываются из ртов вперемешку с вязкими облачками пара, вызывая улыбку не желающего разбираться в себе недоумения...

Как все это близко и присуще русскому человеку!

Некогда ему было скучать круглый год, и самое бы время завалиться на печь, да душа не велит. Что русский Бог авось да небось, а русский час — невесть сколько,— это про плохого русского сказано. Досужему до всего человеку хочется, чтобы день не кончался как можно дольше, и он старается наполнить его вдумчивой неторопливостью самых простых и замечательных дел.

Главная забота для него зимой — телом и душой отмякнуть, по родимой земле и ее запахам без ума стосковаться. Чтобы приступить к ней по весне с не истраченным в зимних праздниках желанием, с неиссякающей любовью. Праздники-то эти как не лучше, чем в самое темное время года устроить, когда можно жить не тужить да по чужим закромам не ходить — свои полны.

А и как взгрустнется вдруг такому русскому человеку в лихую погоду, забередит душу тоска злая, безотрадная, то понапрасну надирать себя он не станет: погрустит, перегрустит и утешится. У Бога день благой для себя лишний раз вымолит — не заплачет. Зима же ему, между тем, будни свои заснеженные примечать велит, ростки будущей жизни кропотливо выпесто-вывает.

В этом — вся цена русской зиме, ее невидимый для человека подвиг!

Когда приходит зима, ты начинаешь про себя неторопливый разговор о том, что происходит с человеческой жизнью. Такое наслаждение слушать в снег длинные умные рассуждения сердца. Вполоборота сидя у окна, глядишь, не отрываясь, на двор, и кажется, будто из глубины мягкой снеговой завесы кто-то направляется к твоему дому. Всматриваясь напряженно, никого не замечаешь, но ощущение легкой волны облегчения уже не покидает.

Веяние нечеловеческой свободы и беззаботности, исходящее от падающего снега, тотчас охватывает и тебя. Нечто не совсем понятное начинает твориться в твоей душе. Хочется хотя бы ненадолго вырваться с помощью снега на волю, на свежий воздух из опутывающих сомнений, испытать, как в детстве, счастье всепостижения.

Приложившись лбом к холодному стеклу, воображаешь, будто что-то главное сжимается в тебе, подобно исчезающему на его поверхности влажному пятну. Несколько мгновений ничего не говоришь и не думаешь, а только ощущаешь, как оно постепенно замирает. И еще знаешь почему-то, что ему никуда не деться и что оно большое и надежное, как душа.

Мысли легкими облаками плывут в тебе, под стать этому зимнему с собой разговору и снегу, что неслышно полнит знанием. Кажется, так хотят все кругом: и деревья, и земля, и небо. Их переживания беспамятны от счастья, как и твои, потому что охвачены общей принадлежностью к чудесному воскрешению.

Мысли о зиме, когда бы они ни родились, роятся в тебе как-то туманно, сонно, словно ты без страха блуждаешь в ночном лесу и ничего не слышишь. Скорее, даже только чувствуешь что-то и не противишься ему. Но постепенно сердцу становится все простым и понятным, и душу согревает неведомое зимнее тепло, и она будто освобождается от всего ненужного с приходом зимы. Размеренная осенняя обреченность тихо подсказала тебе предстоящие испытания метелью, и ты увидел в ней желанные проблески морозного света.

Но когда застигает такой мороз, что птица мерзнет на лету и падает на землю уже окоченелой, взброшенная с ладони вверх вода возвращается оледенелыми брызгами, а еле прикрытая снегом земля промерзает чуть ли не на сажень,— задумываешься ты о хрупкости жизни. С трудом в такую пору пробиваешь лед на реке, постепенно угнетаясь душой. В отчаянии не достигнуть воды скоро выстужаешься и чувствуешь себя одеревенелым. Опустошенно глядишь потом, как тяжелыми сгустками бьет она из-под ледяной коры, широко затопляя рваную прорубь.

Нет сил дышать этой пронзительной жгучестью, разнузданные хвори застигают всех людей без разбору, и кажется, что обезумевшая зима вот-вот иссушит твою душу. Тогда неожиданно наступает перелом в природе, который дарит тебе слегка разбуженное отдохновение.

Господь не зря устроил зиму так, чтобы вдумался человек в самого себя, нашел необходимый свет и силы. Именно зимой наше сердце не устает за кого-либо болеть. Блуждающая в небе луна кажется ему одинокой, мерцающие в бесконечной дали звезды — остывшими, ночной небосвод, склонившийся над притихшей землей,— безучастно согбенным, но так и не достижимым... Не уснувшее, все готово обнять оно, окутать своим неистребимым теплом.

Каждый год возвращаешься ты в зиму, как на ночлег, и одиночество ее охватывает тебя больше, чем восторженная память о весеннем чуде. Его надо непременно пережить в себе, чтобы с большей глубиной постигнуть радость человеческих встреч.

Зима только на первый взгляд замыкает жизнь. На самом деле она ширит кругозор и понуждает заглянуть в самую глубь... Декабрь, январь и февраль — это самая дальняя страна, куда человеку суждено отправляться неизменно, и потому приход зимы для него есть не что иное, как новый стук судьбы в дверь.

Человек же не понимает тех ценностей, что зима несет с собой. Он упорствует в том, что издавна все ему известно, и, конечно, никогда не признает себя за невежду. Но зима неумолимо будет стучаться во все человеческие двери, покуда сердце людское не откроется для радости познания ее несокрушимого смысла.

Не надо забывать, что когда глухой зимней порой мы думаем, что мертвы,— мы все-таки живы. Неиссякаемый источник сил ищет себе верную дорогу и напоминает нам о себе чаще именно зимой. Зима для человека — это очень важное испытание на пути возвращения к самому себе.

Бывает, в предвкушении морозного зимнего утра все дрожит и поет ослепительной радостью внутри тебя. Большое красное солнце быстро взбирается над лесом, что-то вдруг обрывается в душе и, придавая тебе дикую силу, будто срывает с места. Вперед, по ухоженной морозом белой дороге, устремляешься ты, облегченно дыша, готовый ко всему на свете, просветленный... И чудом не слепнешь от клокочущей в груди радости, всего тебя переполняющего восхищения.

А потом вдруг все исчезает, и пелена покрывает небо. И ты идешь по нескончаемости зимней белизны, ощущая в себе только упругую волю и неустоляющую злость. Какая-то неведомая музыка безголосо звучит в тебе, но ничуть не мешает. Она сродни стелющейся впереди зимней дороге.

Снег налипает на одежду, леденит лоб и щеки, а ты движешься навстречу ветру и видишь одну белую муть. Снег бьет наотмашь по открытым глазам, из мути вырастают колючие вихри, и чем больше пуржит белая метелица, тем темнее становится вокруг... Смежив глаза, протягиваешь вперед руки, будто уже некуда идти, а лес, склонившись над тобой, замирает. И ты забываешься в этой отрешенности зимы...

Оказавшись дома, с удовольствием вспоминаешь про завывающую за окнами метель, и на душе опять становится зябко и хорошо. Будто охотничий рог призывает тебя к неотложному и радостному сбору. Трубный зов его мягко истаивает в верхушках деревьев, и кровь горячо ударяет в уши. В воздухе слышится сладкий гул, он полнит твое растревоженное сердце и не дает покоя. Зимняя дорога постижения вновь влечет тебя за собой, непредсказуемая в своей красе и силе, бесконечная.

Туда, где по замерзшим лесам молчаливо упорствует ветер, а среди белых болот возникает печаль отчуждения... Блеклым кажется сонное древнее царство, но не означает оно наступления бездушья. Это наша зима, которой мы никак не поймем и которой безнадежно дичимся.

А между тем каждый год неизменно живем мы под ее холодным, блестящим вниманием, что объединяет всех нас неуловимым теплом своей тайны, залегшей от рождения до смерти.

Как легко нам становится дышать морозными тихими днями! Словно мы оказываемся невольными свидетелями иной, более достойной жизни. Но вот студеный ветер заунывно завывает в замерших лесах и день, и два, и неделю, необъяснимо терзая наши души, и начинает казаться, будто мы что-то теряем, не обретая долгожданного покоя. Мы чувствуем себя уже обездоленными, не замечая при этом, как стремительно протекает мимо удивительная жизнь.

Настоящая воля человеку в зиму — это простор в поступках, отсутствие какой-либо несвободы. И хоть всякому воля своя, русскому она — едина. Воля у него и до боли, и до безудержного веселья, так что умереть — не встать.

Независимость и неподвластность русского человека рождены только волею. Но может волюшка обернуться и горькой долюшкой. Отпусти ее тогда, да не кайся на судьбу: выйдет срок — будет воля и твой Бог. Но почему-то замирает он в зиму, одинолично вершившую свой суд...

А воли зимы, как говорится, не переволишь: снежится ей по-своему, по-самобытному. Но не без Господа она в голове. Есть у нее и свой бог...

Только порой грешит зима перед ним разухабистостью... Вседозволенность, с какой она врывается в мир человека, непостижима. Даже иной раз задумаешься: имеет ли зима на то какое-то право, ибо если ей всю волю дать,— добра тогда не видать? Но не спрашивает зима у человека совета, она сама его ему дает...

Когда утонет его сердце в глубоких снегах, забрезжит душа еле приметным огоньком в ранних потемках — так и сподобится зима на свой подсказ. Припорошенный снежком да взнузданный морозцем, он мужика исподволь настоящей жизни учит, к вольному весеннему свету готовит. Русскому человеку честь, если такая воля в нем есть.

По воле зимы и Бога живет человек и держит перед самим собой ответ: так ли она ему велит и что он в судьбе ее находит. Ибо не зря говорят, что вольному — воля, спасенному — рай, но не всегда воля человеком владеет,— разум, бывает, скорее дорожку свою прядет. Жалует он тогда человека крестом и верным спутником, и еще вечной свободой, в которой всяк себе хозяин.

Помимо зимней воли, в человеке должна звучать и песня зимы. Те звуки, что рождают музыку неподражаемых видений и снов, самых сокровенных сказок и гаданий. Песня эта мягко длится в человеческой душе всю снежную пору, убаюкивает его и пеленает.

Музыкальна зима необыкновенно. Выводя морозами мелодию без слов, она обращается за помощью к ветру. С ним зима поет давно им обоим известную песню. Про возвышенные порывы живой души и ее тягость, про желание познать лучшую жизнь, чтобы когда-нибудь ее потерять... Обо всем может догадаться зимний ветер, гораздый до перевоплощений...

Ветер слагает из зимнего воздуха такие песни, что по силе своей бывают ни с чем не сравнимы. Их называют русскими, дующими только с Руси, и они всегда приносят с собой тепло. Хорошо внимать им где-нибудь посреди зимы, когда ни о чем другом не хочется думать... Просто сидеть, прислонившись спиной к бревенчатой стене своего дома, и слушать, как не торопясь выводит ветер свои глубинные настроения.

В песнях этих никогда не услышишь опрометчивости, какого-либо непостоянства. Может быть, лишь поневоле затаившуюся непоседливость и усталость, или невыразимую грусть, что поселилась в ветре изначально. С самых далеких времен его прошлой жизни, когда он витал над пустынной землей и чувствовал себя одиноким.

С тех пор мало что изменилось в его отношении к себе, но ветер стал петь, наверное, и для человека. Особенно зимой, когда белое безмолвие как бы сковывает его восприятие и кажется, что оно умирает. Еще ветер восполняет в зимнюю пору пение птиц, которые не прилетели, и иногда дуновения его становятся удивительно схожими с их переливами. Он так же, как и они, бывает трогателен и настойчив в достижении своих непревзойденных желаний.

Сладостны песни зимы, рождающиеся, кажется, под сказку... И ветер поет, и птица, и человек, но у зимы это получается по-особенному. Уютно, по-белому, слышится ее грудной голос, похожий на бабушкин. Глаза слипаются в теплом сне, и мысли незаметно превращаются в сновидения... Зима поет в тебе.

Песню эту слышишь все зимние месяцы и бережно несешь в себе. Она уравнивает твои разбушевавшиеся за год на-297

строения и в то же время окрыляет. Голоса вроде бы нет, но душа поет. А поется, как известно, там, где воля. Зимняя, бескрайняя, родная...

Но иногда зимой совсем не хочется петь. Не поется на душе в заунывные январские дни, когда зима еще глубока и строга. Не идет к сердцу разудалое веселье... Грусть слабого прозрения живет в каждом окошке, и хвоя судьба, кажущаяся кому-то неодолимой...

Зима же все равно поет свои песни: иногда хорошо и вкусно, а порой даже не своим голосом. Ей, видать, от того легче становится, когда она себя изливает. Про свои непроходимые снега и заносы, про невыразимую тоску непрекращающегося обретения ею вечной жизни.

Певучи на Руси и правда, и чистота, что обретают в зиму серебряные крылья. Напевы их приятны русскому человеку. Не смущают его ни зыбкость, ни неуловимость, что часто оказываются присущи самой желанной и искомой на земле правде. Правда вторит застрявшему в снегах человеку, а их чистота образует в нем несгибаемость.

Голос у правды протяжный и мягкий, как бы зачаровывающий. Нараспев она читает человеку свои божественные стихи, никогда не сбивается. Если долго ее искать — угадаешь и чудную песню, но не слышно при этом, как правда волком воет! За песней такой наплачешься, пока богатым станешь.

Но уж верно говорят: либо ткать, либо песни слагать. Или их слушать, наслаждаясь музыкой Вселенной, ибо происходит правда людская оттуда. Ведь песню петь не тот мастер, у кого голос хорош, а кто душой красив. Зима ее человеку потихоньку отбеливает и тем самым чудную сказку свою вершит.

Не дожидаться конца ее — сколько ни живи! Правда с ней всегда около да рядом колесит: вроде бы и потрогать можно, а не возьмешь! Остается человек один-одинешенек, пока не смекнет, что все это в нем живет. И что долгая песня у русской правды, и не у всякого она допеваётся. Но именно в зиму следует искать ее, и тогда она открывается в разломе девственных снегов и окрыляет.

А если не можешь найти или потеряешь — зимние небеса возвращают ее тебе в виде снега,— благоволение Господа. Истина, говорят, от земли возносится, а правда с неба слетает. Словно непорочной рукой лба касается, твое сердце успокаивает. Охладит снежной дланью кровь да на путь земной наставит: будто бы и жить без нее легче, но умирать тяжело.

Без правды даже настоящая сказка, что светлее снега и солнца, не сказывается. Не одна она у Бога праведного, что в себе силу небывалую содержит. Не скоро она и родится... Вместе с зимой они одно важное дело сотворяют: душу человека блюдут и от невзгод хранят.

А разве сравнимо с чем-либо обаяние русских зимних слов?! Валенки, рукавицы, полати, русская печь, закуты... Печеные жаворонки, похрустывающие, словно ледок под ногой, звезды бархатные по ночам, народные праздники и лесная глушь... И, конечно, волчий вой, колокола, лисий мех и до одури надоевшая стылая поэмка... Все они снежны и легки, мягко витают над головой русского человека и не падают. Как хорошо ему размышлять зимой о замершей вокруг него жизни!..

О том, как на славу постаралась зима, заботливо намела для человека великие сутробы, чтобы не застудил он свою душу и

не разуверился в ней, если вознамерится вдруг переживать морозную пору вне дома, где-нибудь в глухом лесу, в зимовище, добывая пушного зверька да боровую птицу... И еще как будет тропить первый зимник, пролагаемый через снега к самому себе, и как возвратится в родной дом, наслаждаясь после мороза его теплом и уютом. А потом, где-нибудь около Крещения, примется снимать с овец зимину — шерсть, неспешно переделывая в течение долгой зимней стужи много чудесной и нужной работы.

Обаяние замечательных слов при этом никогда не покидает, так же, как не оставляет тебя ненадоедливое ощущение снега. Он повсюду: им устланы дороги и поля, занесены леса и деревни,— снег, кажется, улегся и в твоей душе. Она думает его белой чистотой и дышит, постепенно постигая необъятные просторы...

Снег, по народным поверьям, зима из своего правого рукава сыплет, когда приезжает на своей пегой кобыле. Из левого же — иней. Там, где промчится она со своею упряжкой, следуют за ней метели да вьюги снежные, все на своем пути замету-щие... Милостивая и казнящая, добрая и знобящая, зима всех своим гладом морит, но и грехи людей исцеляет.

Летят ее снежинки вещими птицами, свои причеты заговорные людям нашептывают. Словно из Господних уст слова слезные, молебные доносятся: «Расступись, земля, на все четыре стороны, не дай, человек, замерзнуть своей крови... Это совершается чудо по святому усмотрению, на умоление и очищение грехов человеческих... Весь этот снег белый — тебе на славу! Да будет твоя воля воистину крепка, и не возгордишься ты понапрасну!»

Так, незаметно, белое полымя зимы захватывает всех, кружит и несет куда-то. А мы послушно отдаемся ему и наслаждаемся его тишиной. Впитывая лунный свет, мерцание звезд и солнечное сияние, снег отражает наши несбывшиеся желания и возносит их к недосягаемому небу. В падающем снеге мы сами поднимаемся вверх...

Когда выпадает первый снег, все погружается в приятные думы. В этот день почему-то не светит солнце, и небо кажется таким высоким. Скорее, оно хмуро, хотя и безоблачно, а лес вдаль стоит присмиревший. Как бы долго ты ни желал снега, он всегда приходит неожиданно.

Ты открываешь глаза поутру и сразу ощущаешь все вокруг изменившимся, новым. Вот чего не хватало тебе так долго, думаешь ты, этого большого чистого света, с которым так хорошо и спокойно становится жить. Можно отдыхать молча от всех ненужных слов, что сказал вчера, позавчера и еще когда-то давно. И от тех дел, которые совершил. Их было очень много, и почти все они мало что выражали...

Только вот это ощущение чистоты, пришедшее с первым снегом, чего-то стоит. С ним незаметно наступает время осуществления желаний. Все остальное оказывается ни к чему.

Подойдя к окну, с замиранием духа убеждаешься: там все бело и красиво. Чистыми кажутся оконные стекла, воздух за ними, тишина... Радость и свет исходят от только народившейся белизны, еще никем не тронутой, чудесной.

Не одеваясь, стоишь и смотришь на это волшебство и не можешь отвести взгляд. Сонная теплота комнаты уступает место приятному ознобу. Спрятав ладони под мышками, кому-ни-301

будь из близких восторженно и тихо бросаешь через плечо: «Снег... Сколько же его навали-ило-о!»

Легкая дрожь в теле скоро унимается, и снежная умиротворенность заполняет тебя до краев. Тебе хочется жить с этого дня по-новому, и верится, что именно так все и будет. Давно задуманное, но по разным причинам не осуществленное, ты намереваешься воплотить в ближайшем будущем. И еще помириться с родными, сделать для них что-нибудь запоминающееся и доброе. Кажется, такое утро сотворено только затем, чтобы на него взглянули однажды в окно и ощутили бесконечную простоту и ясность неиспользованной жизни.

Бывает, случится тебе зимой попасть в самый снег, — только не тот, что метет, а что сверху идет... Когда он как бы растекается вокруг, ниспадает откуда-то легкими растворяющимися хлопьями и несет с собой потихоньку свет, который льется вместе с ним отовсюду...

Молчаливо становится у тебя на душе, так что не можешь долго различить: хорошо ли это? Как замороженный уносишься вместе со снегом и тишиной в серую тьму, где теряется ощущение времени и пространства. Снег летит со всех сторон, и тебе не найти никак ответа: куда и зачем улетаешь и ты вместе с ним?

Порой ощущение снега воцаряется в душе с самого пробуждения. На дворе еще темно, и снег в остановившемся воздухе валит пуще, чем накануне. Пушистые хлопья лениво кружатся в воздухе, как бы не желая ложиться на землю, и кажется, будто все это темное пространство пронизано неопишуемой радостью. Ты чувствуешь ее в редких пешеходах, в замороженных вскрикиваниях воронья за окном, в собственной, только начинаю-302

шейся простуде, представляющей очередную зимней роскошью, когда можно болеть не в ущерб, а во благо.

Такое утро дразнит тебя просыпающимся любопытством: а ну как покажется солнце да зажжет снежную гладь блеском, от которого можно ослепнуть! Линия сугробов тогда околдует своей вытянутой закругленностью, захватит морозно-искрящимся загляденьем, и от всего этого захочется жить долго.

Иной же раз снег падает так, как будто две женские руки, полные и белые, видимые только тебе одному, протягиваются откуда-то сверху, обнимают, и не бывает от этого объятия плохо. Просто так должно происходить, так тебе суждено жить и чувствовать.

Небо всей своей необъятностью спускается на землю, проявляя только нежность и внимание. Как хорошо отдаться этой неведомой природе и неслучайной зависимости от нее, перестать чего-то добиваться и бороться. Руки расточают восхитительную милостыню и счастье...

Воздух от падающего снега кажется прелестным и дышит вдумчивым шепотом. Он полон нерастратченного значения. А то еще снег закрутит, да ровно как разыграет: словно бы замер ты над пропастью, и одна нога уже в пустоте. Страшно тебе станет, и когда перед тобой ровная поверхность слегка откроется — даже удивись. Предчувствие всепоправимости дарил тебе снег, а тут вдруг все надвинувшееся остановилось, заставило сжаться сердце и отпустило. Ошарашенный, застыл ты перед чистой равниной, боясь истоптать снег.

И вспомнишь неожиданно детство, как любил бродить по глубокому снегу под старыми яблонями, оставляя за собой непрерывные следы. Белые груды воздушно нарастали выше ко-303

лений, и сопротивление это было приятно. Когда же оно становилось непреодолимым, ты начинал из всех сил пробираться, орудуя ногами и руками, так что шапка слезала на самые глаза. Мокрыми варежками то и дело поправлял ее, и тебя не покидал сладковато-стылый запах, запах снега и новизны, который ты будил с каждым шагом.

Снег лежал повсюду так ровно, что казался неосязаемым и каким-то живым. Как будто он появлялся только ради тебя, чтобы ты смог преодолевать его и радоваться тому, какой он легкий и нежный. Снег повторял все деревья, кусты и горки, но это было неинтересно: необыкновенным представлялось уто-пание в нем, в этом сладком зимнем сновидении.

Вот эта небоязнь снега с тех дальних времен куда-то ушла, но если ты надолго оказывался посреди белого пространства, а вокруг начинали темнеть деревья и заснеженные стога сена,— ощущение возвращалось. Прямо на твоих глазах зима становилась дорогим прошлым, и с тобой случалось что-то очень важное, то, чему не могли научить ни осень, ни весна, ни лето... Глубокое и тихое счастье от переживания зимнего пейзажа опять оказывалось неосязаемым, словно воспаривший куда-то вверх, ты становился одинаковым со снегом, испытывая нежность к нему, и совсем не боялся оставаться с ним наедине.

К середине зимы жизнь повсюду будто бы замирает. Дома немотствуют, деревья стоят посеребренные, и белая тишина располагается так тихо, что слышны лишь мягкие удары дятлов. Во мрак ушли берега рек, овраги, ложбины, но не бередит душу белое безмолвие. И птица, и зверь, и человек проникаются им и отдыхают.

Налет чудесного отдохновения лежит на всем. Он передается сиреневым сумеркам, как бы нехотя прикасающимся к замершей земле. Сердобольным сорокам, то и дело отряхивающим с ветвей морозный иней. Всему оврагу на окраине деревни, превращенному в сплошную ледяную горку и сделавшемуся оттого таким открытым, доступным. И еще домам, замкнуто поглядывающим на это приглушенное зимней тишиной время-истечение.

Зимний лес не видит, говорят в народе, поле не слышит, — вроде ни за что не прознать людям эту тишину. Но входит человек в нее, теряется в обволакивающем белом помутнении и обретает в душе Бога. Настроившись на тишину, душа уже не теряет его никогда, может быть, только на время забываясь...

Невероятно трудно различить свой земной путь в занесенном снегом глухозимье. Лишь к его исходу ты жаждешь для всего света перемен к лучшему, в нетерпении ожидая чего-то нового. И все же редкие вспышки чудесного озарения посещают твое затвердевшее сердце, и ты радуешься, что посреди зимы они живы и не обесмысливаются.

Когда солнце поворачивает на лето, а зима — на мороз, и день незаметно отбирает у долгой ночи неуловимые мгновения, в лесу зарождается зимнее эхо. Ни один звук не пропадает в зимней тиши: тает и остается... Может быть, неспешно ускользает к небесам, но пребывание его обязательно насыщено смыслом.

Ночью и на рассвете трещат повсюду деревья: тоненькая осина шелкнет невпопад, дерево посolidней ударит уже как следует, вроде бы по сухому бревну обухом стукнули, а старая липа так крикнет — за километр слышно. Из рек уходит понемногу вода, оседает под собственной тяжестью вытесняющая

ее толща, и от берега к берегу прокатываются гулкие раскаты: это трещит лед. Лютая зима берется за дело по-серьезному и, наваливаясь на все живое своими скрипучими морозами, кажется, останавливает время.

И только вороны черкают в воздухе над узорчатыми сводами заснеженного храма. Крун-дон... Крун-дон... Крун-дон-н...

Но зима не может заглушить пламя сердца, а оно не в силах говорить о ней в ледяных словах. И тогда приходит черед сказке, что ведет за собой человека через всю зиму, убаюкивает и воскрешает. Хорошо внимать ее речам, сладко...

Сладко и сонно становится жить под незапятнанным небом, всегда с горячими воскресными пирогами и замыслами. Сама жизнь превращается в сказку, без конца и без края, и нет предела затаенной радости, которая может преодолеть любую, самую приевшуюся действительность...

В деревнях между домами тишина и холод, и только окна в скорых сиреневых сумерках горят живым теплом. Там, за окнами,— вдумчивая людская озабоченность и мягкость.

Кто-то маленький сидит на коленях у своей бабки и с замиранием сердца слушает, как давным-давно, в тридевятом царстве-государстве, жил-был... Голос у бабки тихий, печальный и чужой, но ты знаешь, что все это — родное, свое, как старая сказка, которая льется зачарованно рядом, а давно ушедшие образы не перестают волновать твоё воображение.

Великий покой окутывает все на земле, и только волков голод бросает в нескончаемость сугробов и ущербных теней. И вой стоит над заснеженной Россией, вой неистовый, пугающий и манящий... Круто заварена снежная каша зимы.

Русская зима — это русская печаль без видимой причины,

без конца и края снега... Неизбыточность... Необходимость жить, когда все умерло до весны, уснуло.

Но человеку не дано забытья. Надо нести свою душу, не умирать в тоске, использовать отпущенное природой время. Нужно заботиться о людях и собственной жизни. Чувствовать не притупленно, а радостно. Обжигаться морозом, угорать от печного дыма, прорываться в гибельную пургу навстречу свежему розовому утру...

...Ветер сплетает снежные космы, бросает их оземь, стонет, гудит. Колючие снежинки шаркают о дверь дома. Под столом, в углу, попискивают в темноте мыши. Неуловимыми тенями они проскальзывают вдоль стены, играют с хлебными катышками, создают уют. Наверное, мыши радуются присутствию человека, и вьюга за окном не кажется такой устрашающей. Пламя свечи изредка вздрагивает в мутноватом стекле, сладко потрескивают в печке дрова, а сердце бьется ровно в груди для дальнейшей жизни.

Что творится в эту пору в лесу, знают лишь темная ночь да яркие звезды. Словно исчезают в нем тогда и человеческая радость, и слезы, и сердечная боль.

Тёмно молчит над головой небо, жарко светит желтый месяц, и немой простор звенит в ушах. А воздух то ли околдовывает замершей пустотой, то ли обескураживает... Нет предела его выступающему действию.

С затаенной набожностью взирает человек в глубокое синее небо. Славит звездное знамение, воскрешая исстрадавшуюся душу. Ему одному шепчет самое сокровенное.

Оттого, наверное, и звезды в сочельник Божьим повелением к ягодам горят, которых вдоволь должно уродиться. То-то

загуляет в лесах народ да возрадуется! А пока тихо в лесу, степенно: всяк знает свое место и время, на себя одного надеется. Кажется, так далеко до Божьей милости — через долгую зиму счастья своего вовек не достать.

Хорошо поутру просыпаться в какой-нибудь лесной избушке задолго до восхода, встречая зимний рассвет лишь при слабом отсвете разгорающейся печки. За окном в такие часы стоит совершенная тишина. Воздух мягок, душист, и запоздавшие снежинки изредка испариваются в нем ослепительными блестками.

Возвращаешься в теплоту избы наполненный предощущением истаявшего звездного света. Но долго еще нельзя заметить какой-либо перемены. Лишь печь украдкой потрескивает в тишине, и больше звуков нет на целом свете.

Но вот воздух словно сдвинулся, и засерело окно с востока. Затем неожиданно обозначились рукомойник, полотенца на нем, а вскоре и печка, чью белизну еще недавно нельзя было различить. Все как будто ожило, стало неторопливо занимать свои места, и тотчас улетучилась тайна, ради которой с замиранием духа сидел ты в одиночестве, посреди этих забытых снегов и невменяемого леса.

В зимнем лесу ты непроизвольно ищешь тайну, и она всегда застигает тебя врасплох, сколько бы ты за ней ни гонялся.

Когда холодный месяц сияет над крышей твоей избушки, на душе становится как-то покорно и грустно. Простодушная жизнь в лесу начинает казаться печальной и, может быть, даже ненужной.

В каком отдаленном краю живет сердце зимы, думаешь ты, и если место ему не здесь, то где тогда его настоящая обитель?

Лежит оно сокровенно в русском лесу или своевластно носится над своими заснеженными просторами? Существует ли вообще где бы то ни было?!

А что поделать тебе со своим сердцем, часто западающим в морозном крошewe зимы? Вот как сейчас, когда ты хочешь более постигнуть ее сердце, вроде бы чужое, но существование без которого оказывается просто невозможным.

Святость таких лесных открытий всегда волшебна. Сказочна и правда того, что зимнее сердце бьется и в твоей груди.

В заснеженных лесах нет разбора дням... Стелются они суховатою поземкой, заматают и околдовывают память. Кажется, никому из них во всю зиму хода никуда нету. Забытые они, на себя самих обреченные.

Но равнодушному человеку в зимнем лесу нечего бояться. Чисто и как бы даже свято становится там. До самой весны чистота эта пронизывает лесное пространство, никуда не уходит.

Еще с детства полюбил ты пронизанный сусальным огнем зимы лес. В такие минуты точно что-то живое входило в тебя, незаметно заливая душу радостной снежной глазурью. Это не было светом, а скорее неуловимым ароматом происходящего в природе, тем, что служило ей внутренним лицом и вынуждало зимний лес, все видимое в нем, преобразаться.

Ненавязчиво это ощущение напоминало всеохватывающее чувство первородности мира и его нетронутой чистоты. Но страшно бывает в суровую зиму войти в дремучий лес. Таким одиноким и беспомощным чувствуешь ты себя в нем...

...Холодный, северный ветер носится где-то в верхушках деревьев, и нет желания замечать его. Об этом даже не дума-309

ешь, так же как не замечаешь и тяжелого, низкого неба, скорее растворенного в непогоде. Весь ты обращен к лесу, его неприступности и силе.

Не сразу разберешь, что именно пугает в нем. Словно что-то чужеродное и необъяснимое касается тебя своим невидимым крылом. Оно как будто ничего не имеет против твоего присутствия здесь и только исподволь наблюдает.

Ты ощущаешь это для себя достаточно ясно, поскольку давно умирил разыгравшееся воображение, но неведомое не перестает тревожить. Чем дальше удаляешься ты в глубь леса, тем сильнее воздействует оно на тебя. Если вовремя не взять себя в руки, дикое беспамятство овладеет тобой.

Будто попадаешь ты в другую зиму, в которой живет какой-то давно забытый и страшный смысл. Сквозь ее мутные, тяжелые дни не пропадает ощущение чьего-то дурного глаза, наслаждающегося твоей растерянностью. Ты словно пробуждаешься от неприкаянного ветра в своей душе и мучаешься от этого.

Ветер начисто выстужает твое сердце. Мощно и глубинно он гудит где-то во тьме лесов, не забирает тебя с собой, но и не ослабевает, разрастается. Удерживать себя нет сил, так что тело становится ничейным и ненужным. Его уносит вместе со всей землей какая-то чужая, белая непогода, грозная, как Страшный суд...

А потом опять все исчезает, кроме этого жуткого ветра, и ты не можешь пошевелить даже пальцем, скованный распространившимся повсюду холодом и страхом. Как будто кто-то неживой возвращается из прошедшей ночи и безобразно заглядывает тебе в душу. Ты лежишь, затаившись на нарах лесной избуш-310

ки, и ждешь чего-то важного, что вот-вот должно всплыть со дна этого застылого зимнего безумия.

И все же что-то в душе всегда противилось этой лесной усталости и страху. Безоглядная одичалость вдруг приятно за-холодит где-нибудь под лопаткой, отпустит, и ты опять останешься наедине со своим одиночеством, но только уже неустрашимым, подобно зверю, неуловимым и свободным от наваждений, как ветер.

Ты успокоенно и твердо знаешь: путь твой лежит во мраке лесов, среди бесконечно простирающегося снега... Это твоя неразделимая с русской зимой судьба.

Когда кончается зима, ты словно становишься богом. Не сразу: должен еще стоять снег, солнце разгорится ярче, пойдут первые дожди и от земли запахнет стылой сыростью... Тогда почувствуешь ты себя каким-то особенным и восторженным, так что захочется лететь безоглядно ввысь, трогать взглядом каждую травинку и ручеек.

Благословенная наступает пора, и ты забываешь обо всем на свете и только живешь. И не вспоминаешь больше зиму, ее морозы с метелями и нескончаемую ночь. Хочется тебе веселого пения птиц, свежести, солнца...

Утопающие в весеннем мареве дороги влекут тебя вдаль, и вот уже, кажется, совсем не осталось в душе зимы. Неведомо где потерялся ее завьюженный путь — не сыскать теперь ни за что, как бы ни старался. Да и нет про то печали: сердце охвачено другим восторгом.

Но зима все-таки жива и не покинула тебя. Она живет в темном уголке души невидимым и важным присутствием, на-311

помяная в самую незабываемую пору о том, что начало радости рождено еще в декабре, когда задувают несмолкаемые ветры, землю укутывают непролазные сугробы и пока только во снах тебе видится будущий весенний полет.

И тогда отчего-то взгрустнется на сердце и опять захочется ощутить нежную снеговую мягкость. Выбираешь самую живую ее часть, что еще дышит зимой, и осторожно дотрагиваешься, — ощущение поразительное!

Да сколько снегу ни лежать — к весне его солнце все равно растопит. Помогают ему в этом ветры с дождями. А снег растает — и ничего, кроме воды, не останется. Необычайно живительна эта влага, потому как в ней вся сила и удадь зимы заключена.

Правда, преждевременное таяние снега не обещает еще скорого окончания зимы. Рано затает, говорят в народе, долго не растает. Закрутит мартушка свою вертушку, заметет все пушистым снегом, — ровно не видать никогда весны...

Не радуется человека такой снег, а больше печалит. Хочется ему поскорей от наскучившей зимы избавиться, вдохнуть весеннего воздуха и света...

Но пока снег не весь растаял, всегда весной можно ожидать его вновь. Оттого меж людей сказывали, что раньше времени успехом хвалиться ни к чему. Известная поговорка — под снегом не жни — как раз напоминает об этом.

И все же суждено зиме уступить. Тихо рассказывая волшебные сказки, убаюкивая лютыми метелями и незаметно поддерживая в человеке здоровье, она уходит, оставляя после себя свет и надежду. Мудрая зима терпеливо копит силы для будущей непрекращающейся жизни и наставляет до капли выпить буйную весну и раздольное лето!

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

И в какое другое время не ожидает так человек сказки, как зимой. Про заснеженный таинственный лес, неведомых птиц и зверей, затерявшиеся в чаще волшебные избушки... Хорошо человеку становится жить зимой, легко и сладко.

Зима рождает в мыслях человека необыкновенные образы, и они уносят его в тот же сказочный лес, где звери живут таинственной и неведомой жизнью. Человеку хочется сделать ее своей, чтобы не устать восхищаться и постигать. Ему недостает более интересной жизни, которой можно быть околдованным, и он выбирает мир зверей.

Но вместо того, чтобы учиться и открывать его для себя в созданных сказках, человек использует животных для высмеивания собственных грехов. Звери в сказках говорят и ведут себя, как обычные люди, они так же любят и ненавидят, но при этом лисы — всегда хитрые, волки — глупые, а медведи — непутевые доброхоты. Им недостает своего лица, с присущими ему умом и тайной.

Изображать в невыгодном свете одних, незаслуженно отдавая предпочтение другим, вынуждало людей их не совсем справедливое пристрастие. По своему усмотрению наделяя зверей качествами, принадлежащими им самим, люди отмечали наиболее любимых.

Беззащитного зайца в народе всегда хотели охранить и помочь ему через других обласканных животных. Или же через самого человека, относящегося к косому с лукавинкой, беззлобно и улыбчиво. Не зря обаятельный зверек в сказках наде-

лен удивительной удачливостью... Медведя, не боящегося врагов из-за недюжинной силы и способного постоять за себя, они наградили неповоротливостью, и получился он тугим на ум. Волку же, доставляющему постоянные заботы и огорчения, предлагали возможность изрядно пострадать, помучиться, — оттого и незавидное положение зверя в большинстве сказок, где волк представлял чаще всего дуралеем...

А что лиса? Лиса в большей мере оставалась самой собой, поскольку в лесу, как и среди людей, нужен был зверь, всех заводящий и никому не дающий покоя. Заклучая в себе истоки неведомой лесной жизни, неутомимость и смекалку, зверь этот должен был быть и относительно безобидным. Лиса подшучивала, ссорила всех в лесу, чтобы в итоге звери смогли сами разобраться в своей жизни.

Но все это было в сказках: на самом деле в народе хорошо знали, кто из зверей чего стоит. И никогда этого не забывали.

Отображать свою жизнь в сказках, через зверей, человеку было удобно и красиво. Звери всегда оставались обаятельными и не переставали нести в себе тайну. В них чувствовалась глубина, и она даже более, чем создаваемый образ, привлекала людей, помогая преодолеть в себе дурное. Что могло быть хуже законченности, не предвещающей простора воображению и мысли?!

Но выдавая желаемое за действительное, слабый в сказке превращался в сильного, а сильный становился смешон и жалок. Получалось, что человек высмеивал недостижимое для себя, шел по наиболее легкому пути. Не имея возможности добраться до волчьей тайны, он приближал ее к себе хоть и красивой,

но слабовольной сказкой, где зверь выглядел сущим недотепой. То же происходило с медведем и лисой, когда человеку выгодно было выставить их в черном цвете.

Такой сказкой человек убивал в себе и своих детях истинное знание о лесе. А ему нужно было правдивое повествование об окружающем его волшебном мире, со всем фантастическим и невероятным, что в нем присутствовало, и где бы сказка не оказалась только пустой выдумкой.

Сказка, в настоящем ее понимании, должна была быть поэтичным изображением действительности, еще не известной большинству людей. И тогда бы она становилась для них увлекательной и незабываемой былью, постепенно ими познаваемой. Что еще могло стать лучше нее?!

Только сами звери вместе с заснеженным лесом представляли собой настоящую жизнь. Всякое животное, не зная того, несло в себе свое время года, цвет, сияние звезд и вкус, недостижимое для него самого божество. Переживая внутри себя все коловращение жизни, оно не в силах было постичь его и, наверное, мучилось этой нераскрываемой тайной. Но и не могло не почувствовать своего богатства, так покровительственно влияющего на людей.

Ощущая себя в природе как огромный мир, каждое животное, наверное, помнило то время, когда было создано вместе с человеком и между ними еще не существовало непонимания и вражды. Но постепенно животным становилось невыносимо жить рядом с человеком, и они прятались в дремучих лесах, все более зверея. Был в том какой-то темный смысл, и еще глубоко скрытая, обездоленная вера, что порой отражались в обнадеживающих для зверей снах.

А человека неминуемо тянуло в лес, потому что он чувствовал себя в медведе, волке или сове одним родным с ними существом и переживал свое нерастраченное древнее знание, еще к тому же полностью им не осознанное. Ему становилось страшно и хорошо от их близкого существования, но он ничего не мог с собой поделать, когда убивал их. Заглядывая в глаза своего полузабытого прошлого, человек желал отыскать недостающую ему и зверям сопричастность, когда-то надолго утерянную, и все же оставался бессилён.

Заснеженный лес как будто незаметно оголял эту связь, и временами казалось, что она выступает на благодушно разлегшуюся снежную поверхность совершенно открытой. Трудно было тогда не ощутить ее, не почувствовать сердцем эту ошеломляющую взаимосвязь со всем живым. Чаще всего слитность со звериным миром появлялась в ветреные оттепели, с замутненным солнцем и облаками, рвано цепляющимися за верхушки елей. Чувство соразмерности всего живого не проходило после этого долго, но рано или поздно куда-то исчезало.

За ощущением единства с животными требовалось опять, не уставая, идти и терпеливо стеречь, чтобы быть как можно больше захваченным им, приблизившись вплотную. И тогда чудодейственное нечто устраивало с тобой игру, иногда очень раздражающую кажущейся достижимостью. Когда ты в отчаянии замыкался в себе, оно выплывало уже в другом обличье, всегда, между тем, остающимся зимним.

То это был выпадающий из невидимых небес снег, смешивающий их с землей, то обнаруживал себя скупым, но чистым утренним светом. Часто свет излучало лесное солнце, о кото-316

ром думалось потом отдельно и странно. Но всегда с теплой надеждой на то, что принесет оно открытие.

И все же звери и птицы оборачивались для человека другом, хотя пока и недостижимым. Оставаясь самими собой, и волки, и медведи, и рыси обретали для него как бы более доступные черты. Звери оберегали несомую в себе тайну, но не уставали ждать человека и верить в него. Они не подчиняли ему волю, без которой бы не смогли существовать, и все-таки не в силах были оставить людей ради их собственного блага.

Впрочем, можно было сочинить и свою зимнюю сказку, может быть, не совсем такую по-старинному обаятельную, но не менее прекрасную. Про то, как однажды взволнованно и душевно воззвал ты к лесным зверям, прося их о встрече. А происходило это в одной стране, по соседству...

Для большинства людей эта страна всегда остается недостижимой, как бы близко к ней они ни находились. Там живут разные звери и птицы, на которых никто не охотится, а ты многим из них — добрый друг. Никто этого не знает, и оттого тайна твоя становится еще более сокровенной. Ты носишь ее в своем сердце великим успокоением, не боясь думать, что оно будет нарушено.

Только здесь, посреди вечных елей и тишины, течет настоящая жизнь. От века до века входит в нее зима, захватывая в своем кружении всех лесных обитателей. К ним присоединяются и одинокие чаяния человека, возжелавшего приблизить себя к ним. Будто человек не знает, кто он, откуда, и никогда это ему не будет ведомо, но он непременно жаждет слиться с таинственной лесной жизнью.

Ты почему-то знаешь и никак не можешь отделить себя от зверей. Что-то неясное, но очень близкое хочется понять среди них до конца, и еще приятно сознавать, что звери чувствуют твое присутствие, даже когда ты не думаешь идти к ним, а только видишь во сне...

Хорошо, наверное, побыть волком, совой или рысью... Но тут же тебя начинает одолевает страх их дикой неприкаянной жизни, из которой тотчас хочется бежать в свое привычное обличье. И все же что-то темное, родное вынуждает вновь обратиться к звериному существованию.

Кажется, лучше только представлять себя ненадолго каким-либо зверем. Честно и неторопливо постигая этот мир, ты постепенно становишься в нем своим, после чего его можно будет любить, не обожествляя, из всех зверей приблизив к себе самых дорогих. Как если бы они стали, по какому-то замечательному случаю, преданными и свободными друзьями, о которых всегда приятно думать. К ним обращаешься только в трудную минуту, не злоупотребляя их свободой, и, призывая, знаешь: звери придут, чтобы ни случилось, и помогут.

Звери будут выглядеть осторожными и горделивыми, чуточку недоступными. Лучшие из лучших, они появятся незаметно и тихо, и ты даже не сможешь себе представить, что случится дальше. Как все это будет происходить, если ты для них равный и в то же время — человек.

Очень похожие образом жизни, звери останутся, наверное, по-своему неподражаемыми. Каждый из них благодаря тебе постепенно обретет себе имя и привыкнет к нему. В имени зверя отразится его суть, но он будет достойно хранить свою бесстрастную тайну.

Медведь — первым окажется именно он — не станет поначалу появляться прямо на глаза, а только обозначит свое присутствие, поскольку душа у него глубоко скрытая, может быть, не понятная ему самому. Медведь тихо изливает ее сквозь глаза-щелочки и такой же, не понятый никем, бесцельно шатается по лесу. Самому ему эта душа, наверное, не доставляет ничего, кроме недоуменных снов, в которые он с головой погружается долгою зимою.

Глухо рывкнув где-нибудь поблизости, медведь замрет и будет только ждать подходящего случая, чтобы появиться. Медвежья душа неприкаянна в большом сильном теле, и от ее неприкаянности зависит непоследовательность поведения зверя: из обаятельного косолапого недотепы он может через мгновение превратиться в помутившегося от собственной разъяренности хищника. Но именно это привлекает тебя в нем — то, как медведь с угрюмой мрачноватостью, обыденно принимает необходимость своей скитальческой хищной жизни.

Пройдут томительные мгновения, прежде чем медведь неожиданно выкатится темным пятном на опушку. Зловеще отрешенный, кажущийся даже ядовито-черным, он поразит твое воображение своими размерами. Пагубность его дикого образа дополнит какая-то неопишуемая схожесть с большой мохнатой гусеницей, которая, словно вынужденная, не зная зачем, все время двигаться, страшно устала от этого движения и даже успела приобрести некую необременительную для себя, но представляющуюся неприятной для других изощренность. Это окончательно околдует в медведе.

Зверь будет нереален в своем ошеломляющем открытом появлении, как дивный сон, приснившийся только однажды.

Еще не залегший в берлогу, медведь словно бы почувствует твою потребность в нем и, слегка раздосадованный этим, появится. Вся последовательность его поступков как бы нарушится при этом и обретет недостающую сказочность. Но, осторожно ступая по неглубокому снегу, медведь, наверное, поведет себя так, будто совсем тебя не чувствует.

Присутствие рядом сильного зверя сразу утихомирит твоё воображение. Утробный дух медведя обезоружит и наполнит диким возбуждением, так что захочется постичь эту дикость и сделать, неизвестно зачем, своей. Набравшись смелости, ты попросишь у лесного владыки дозволения приобщиться к его таинственной жизни...

И тогда медведь обратит к тебе своё внимание. Поведя мордой и чуть слышно пофыркивая, он как-то неприметно развернется и тотчас окажется в нескольких метрах. Низко прижимая голову к земле, зверь неожиданно взметнется на дыбы и, настороженно поведя носом, дохнет в лицо.

Темный мех его мягко шелохнется при этом, и ты обомрешь от одного осознания возможности подобного. Тебя вдруг охватит чудное ощущение близости к звериной жизни и даже некоторой сопричастности с ней. Медведь всколыхнет в тебе что-то очень глубинное, зрелое, почти неизведанное.

Всплывшее имя Дикий закопошится холодящим восхищением в душе, и медведь ровно услышит его. Развалистый, дремучий, он глухо ударит передними лапами о землю и, может быть, прорычит тебе что-то по-своему доброе. Ничего, кроме этого маленького кусочка лесной жизни с восхитительным оцепенением и таинственностью, не почувствуешь ты тогда. С обмершим и удивленным сердцем, смутно помня себя в общем

вырастаешь — становишься умнее и терпеливее.

Возрадуемся мы оба, почувствовав друг в друге пока еще только робкую надежду на будущую слитность наших жизней! Будем вместе бродить отрешенными лесными путниками по глухим потаенным оврагам, и неведомая звериная душа станет мне доступной. Эта благосклонность леса и судьбы, наверное, никогда не перестанет казаться неожиданной, так что ты даже не успеешь толком ощутить своего счастья.

Но так будет только, когда ты позовешь зверя. Медведь всегда сможет вмиг одуматься от этого общения и, на удивление, легко уйти. Почти не оставив после себя никаких звуков, он растворится в лесной чаще, как будто его и не было. И ты, конечно, ощутишь неизъяснимость утраты, как это порой бывает после внезапно растаявшего и чем-то полюбившегося сновидения. И будешь с нетерпением желать новой встречи, сам при этом становясь незаметно таинственным зверем.

И тогда придет огромный лось на высоких сухих ногах. Беззвучно и таинственно скользнет он за тобой вдоль опушки, задевая рогами кончики запорошенных снегом кустов. И сразу покажется, будто лось слушает тебя и что-то перебарывает в себе. Это станет видно по тревожной глубине его выпуклых глаз.

Гулкие удары копыт затаенной музыкой потонут посреди заснеженной зимы. Выплыв из нее, лось остановится у края леса, и ты почувствуешь на своем лице его мудрые, почти говорящие глаза. А он не уйдет обратно и будет стоять неподвижно, чуть шевеля ушами. Только легкие облачка прозрачного пара выдадут чуткого зверя.

Где-то здесь, рядом, слагается его неторопливая звериная жизнь, и лось покажется тебе на первый взгляд совершенно безобидным. С наступлением зимы пыл его осенних сражений как будто начисто угасает, уступая место добродушной размеренности и покою. Но с видимой безобидностью зверя уживаются его удивительная легкость и мощь.

Чтобы почувствовать себя лосем, ты представляешь у себя на голове огромные лопатообразные рога, с которыми необходимо передвигаться между часто растущими деревьями либо преодолевать при всей массе тела беспредельные заснеженные поля, ближе к весне покрывающиеся остро изрезающим ноги настом... Воображение не в силах справиться с навалившейся обузой, и тем более уважительно присматриваешься ты к умиротворенному своей жизнью зверю, покойно вззирающему на тебя. Какой-то трогательностью веет от этого лесного исполина, которого ты вознамерился приблизить к себе.

Доступность замершего перед тобой животного будет очень приятна. И еще его понимание происходящего и нехитрые заботы, которые он никому не передоверяет. Что спросишь ты у него, когда большее сближение даже не помыслится?! Чем тронет твое сердце сосредоточенный в себе бродяга лесов и не оставит ли без внимания?

Неспешно удаляясь, лось повергнет тебя в очарованное онемение, чтобы все-таки появиться затем еще раз на зов Легконогий — имя свободное и родное.

Лось, конечно, не уйдет совсем, а только ненадолго, чтобы вскоре появиться звериной тенью и замереть где-нибудь неподалеку. Ты всегда будешь угадывать его по ему одному присущему звуку — когда как будто что-то срывается в лесу

и тут же затихает. Так Легконогий обозначит свое возвращение...

Большие влажные глаза его будут излучать доверчивость, горбатая же длинная морда — трогательную умиротворенность. И, между тем, лось останется для других зверей вожаком: с огромными тяжелыми рогами, сильным заливком...

Глядя на него, ты непременно почувствуешь: касаться его жесткой шерсти вовсе необязательно. Гладить холодные узла-стые ноги и упругую грудь, ощущать его твердые лопатки... Легконогий правильно сделает, если при этом отвернется...

На плече его ты увидишь запекшиеся от пули шрамы и вздыбившийся бугром рваный волчий укус. А лось плавно поведет свисающей над шеей бородою, прислушается и чутко встрепет ушами. Пушистые ресницы его отчего-то мелко задрожат...

И тебя окончательно околдует простота жизни зверя. То, что тайны леса для него обычны, он сталкивается с ними каждодневно. И зайцы, и барсуки, и рыси воспринимают его спокойно. Они гомозятся тут же по своим делам, а лось видит их заботы, слушает издаваемые лесные звуки и молчит. Он словно ждет чего-то, но не поймет, чего именно. А что может дать ему вечно мятущийся, не понимающий себя человек?!

Все это умещается в одном твоём взгляде на великолепного животного, до которого ты втайне желаешь дотянуться и почему-то не делаешь этого...

Третьим неожиданно возникал на взгорке волк...

Он поднимал лобастую голову и долго глядел куда-то мимо тебя. Легкий ветерок еле ворошил шерсть на его заливке. Втягивая всем своим существом одному ему знакомые вести, волк

словно прислушивался еще к чему-то, что составляло простирающуюся вокруг бесконечность: движение облаков, шум сосен и елей, неземную тишину.

Волк чувствовал себя совершенно свободным посреди нее. Это было видно по его глазам — холодным, спокойным. Глазам, которые не умели считать время, а только бесконечно изливали его. В этом заключалась суть волчьей жизни, все это было его домом, и другого он не знал никогда.

Волк был наименее покорен тебе среди всех зверей, но наиболее дорог. Такой непредсказуемый и неуловимый, он как никто ощущался тобой, и именно его ты хотел видеть всегда рядом. Когда это происходило, ты чувствовал, что волк понимает все твои мысли и это его не настораживает. Он будто погружается в сон рядом с тобой, и выглядит это так по-щенячьи...

Волк был подтянутый и крепкий, густая шерсть на его широкой груди копошилась чистым серым волосом. От загривка до пят — внимание и опыт, он в то же время подкупал еле угадываемой доверительностью. А еще необыкновенной выносливостью, храбростью и силой, что неведома человеку. Волк был так прост в себе, что все это можно было не заметить за своей надоевшей человеческой правдой.

Оказываясь рядом, волк словно проживал вместе с тобой твои невеселые мысли, но не тревожился и не уходил никуда, видимо, полагая их для себя безопасными. Словно все, что нужно было зверю, он уже прожил с запасом, а теперь замер на время, не теряя способности жить и быть кому-то преданным.

Стоя на утопанной опушке, волк изредка поджимал под себя хвост, но не из-за боязливости, а от скрытого добродушия, если это можно было так назвать. Схватывая губами хрупкий

снег, он отрешенно замирал, и непонятно было: вслушивается ли волк опять в холодное завывание ветра в верхушках деревьев, шуршание сухой поземки по мерзлому насту, или его изощренное чутье скользит где-то рядом, ни на чем конкретном не задерживаясь. Но уже через мгновение не ведающий покоя зверь вновь оживал, и сердце твое начинало утащенно биться, а кровь одурманивающе немела в жилах от его проникающего взгляда. Ты, конечно, знал, что волк не вымаливает сейчас у судьбы подаяния, и пришел он по доброй воле. Ты вызвал его из зимнего забытья, извлек своей любовью из заснеженного глухого леса, потому что он был тебе нужен. И назвал волка — Светло-лобым...

Казалось, все звери видели тебя и понимали в созданной тобою сказке. Они вели себя незаметно: не выгораживали свою лесную глубину и силу, как бы даже мягко отступали, боясь ошарашить или наскучить. Только их темный, звериный взгляд из-под низких веток продолжал не отпускать, приковывал.

И тогда ты опять не мог постичь своего сладостного помрачения: зачем так упорно стремился к общению со зверьми? Вступая в их неведомый мир, ты никогда там не был нужен и знаком,— все это было напрасно. В глазах зверей виделось лишь презрение ко всему, и еще свобода, не доступная человеку. Становилось вдруг боязно и одиноко.

Но не надолго, только до тех пор, пока не появлялся в выстуженном небе одинокий ястреб, жаждущий крови, недоступный и гордый. Молчаливым назвать его было трудно: там, в вышине, он оглашал округу пронзительно-мягким клекотом и не казался таким равнодушно-отрешенным. Стоило заглянуть

в его глаза, но не отпрянуть, а обрести ту горделивую легкость, с которой он давно свыкся, между тем не переставая ей наслаждаться.

Ястреб был последним, к кому потянулось твое сердце. Плавню кружа над еловыми гривами, он медленно уменьшался, становясь невесоной точкой в недостижимой выси. Должно быть, ястреб успел разглядеть в тебе незваного гостя и, охладев, гордо взмыл в недоступное для человека пространство. Вознеся, наслаждаясь собственной свободой и презрев твою ограниченность. На какой-то миг тебе вдруг стало себя жаль.

Всей душой взывал ты к свободолубивой птице, обратившись к небу. Затем успокаивался и только следил, как ястреб величественно накручивает круг за кругом. Даже, кажется, различал выбившиеся из крыльев перья и одновременно постигал безвозвратную утрату в себе прекрасной звериной силы. И еще ты понимал, что заболеваешь полетом и уже не мыслишь себя без высокого неба.

Дай Бог, думал ты, чтобы ястреб разглядел твою боль и, не опускаясь, поманил за собой в ошеломительность небесного раздолья. Чтобы неведомая сила приподняла тебя над лесом и ты уже не отдавал отчета в своих чувствах — все они сливались бы во всепоглощающее переживание дикой свободы, которую можно было ощутить только вот таким тревожащим сердце зимним днем, превратившись в легкокрылого и недосигаемого ястреба по имени Гордый...

Если бы птица примостилась на твоём плече, тебе не стало бы легче. И взгляд ее не стал бы доступнее: он стекленел недостижимой гордостью и волей. Ястреб манил к себе своим полетом, заражал, вынуждая замахнуться на небывалое, и тебе оста-

валось только взмывать с ним в мечтах. И еще очень хотелось, чтобы Гордый чувствовал тебя и не покидал, навсегда оставаясь верным небесным братом, благодаря которому ты обретал невидимые крылья...

...Так хотелось думать. Хотелось верить, что в созданной тобою сказке таится правда и все звери будут беззаветно преданы тебе, без всякого надрыва или какого-нибудь ущерба для себя. Что ты им дорог так же, как и они тебе, и вас ничто не сможет разъединить.

А лес вокруг молчал равнодушно и величаво, не замечая ничего. Никогда не умирающий, он тихо застыл, чтобы стеречь судьбу зверей и птиц от человека, осмелившегося сделать ее своей.

СНЫ ЛЕСА

Зима... Уснуло все вокруг... Повсюду ночь и холод, сквозь которые человек пристально вглядывается в безмолвную бесконечность заснеженного мира.

Спокойно наблюдая, как протекает рядом мироздание, ты понимаешь, что другого сна душа не просит: только далекая Полярная звезда хранит сейчас твой мир. Сердце исподволь вздыхает в снежном крошечке зимы и тотчас замирает. Неслышны ни шорохи, ни стуки, ни вскрикивания птиц: что может быть прекраснее этой отрешенно-завораживающей зимней не-скончаемости?!

Все спят, рассвет еще не скоро, и потому можно целыми часами недвижно сидеть у окна, устремив взгляд в белеющую зимнюю даль. О чем твои думы, к чему эта тайная зимняя грусть и что ожидает растревоженную за год душу в безвестном будущем? На все есть воля Господня и благословение зимы, которая дана человеку, наверное, для того, чтобы он отдыхал от своих праведных трудов и лечил душевные раны.

А из окна видна закованная в лед река — совсем недавно была она многоводной. За той рекой синеют дальние леса... По краю небосклона высятся они отрешенно, облаченные в белоснежные одежды. Тихо и умиротворенно все вокруг, и человек постепенно проникается мыслью, что жизнь все же не умерла, она только на время заснула.

Иной раз зимний день принесет пустоту, тишину и скуку. Нет ничего в душе, и все окружающее уходит куда-то далеко-далеко, о чем даже не хочется думать. И смысла уже не остается от этой зимней успокоенности, а мыслям не за что зацепиться. Будто спряталось все, и только тихое ожидание неизвестно чего замерло в отупелом неведении.

Зима неслышно говорит с тобой холодным языком, и ты не в силах охватить ее затаенной мощи. Она навевает сон, противоборствовать которому не хватает сил.

Сон, данный всему живому, дотрагивается и до твоей души, умиротворяя ее несказанным покоем и светом, чтобы родилась она по весне здоровой и молодой, и трудилась, и пела, и не знала усталости. И еще не скорбела, а сказки по-прежнему дарили радость и не умирали. Так часто они оказываются никому не нужны.

Сон зимой всегда в руку, он не забывается и определяет собой будущие поступки. Зимний сон никогда не бывает губителен,— всякий любящий жизнь хорошо это знает. Именно зимой постигаешь, как наскучило старое, которое должно умереть, и как необходимо новое, способное еще более приблизить к вечному. Сон дарит тебе его ощущение...

Когда приходит темнота и умирает день, становится так нереально хорошо. Огоньки в печке прыгают, перебегают с полена на полено, словно играют. Все это необыкновенно завораживает...

Заснеженные поля лежат в ночной тиши, над ними, будто на невидимых ниточках, повисли звезды, и вокруг черною стеною стоят леса. Звезды сверкают в неясной вышине, и кажется, что, влезши на сосну, вмиг одну из них достанешь. В заснеженных верхушках сосен полыхают радужные искры, с высоты деревьев открываются бездонные дали, в которых слышится шорох неспешно ускользящего времени.

Ясной морозной ночью в тебе вдруг всплывает необычайная цельность видимого. Крупные звезды в это время не перестают сиять над избушкой, горят все ярче. Отчетливые тени елей кажутся выточенными на снегу. Темные фигуры зверей изредка перебегают в разных местах уснувшую дорогу и тревожат своим неясным присутствием.

Все это восторженно будоражит душу, и ты уносишь его неразгаданным в неведомую глубину своих сладких зимних снов. Вобрав в себя нераздельно всю жизнь леса, сны оживляют его в себе и отпускают к весне ничего не боящимся, помолодевшим.

Так и ты, проснувшись однажды под утро в затерявшемся среди лесов зимовище, почувствуешь себя отдохнувшим и чис-329

тым. С легким настроением, не спеша, растапливаешь не успевшую остыть печь и, впитывая ее разгорающееся тепло, молча улыбаешься чему-то. Душа твоя до краев наполнена великой тайной зимы.

Но только ль человек подвержен сладостной зимней печали? В заснеженном омшанике, среди дивных сновидений переживают неудовлетворенность от вынужденного бездействия таинственные пчелы. А вместе с ними — дома, река, лес и покосившиеся задворки, заиндевело притаившиеся, полусонные, глухие... Вся земля в снегу, во благом сне, в холодной необъятности которого, кажется, не уместиться даже обыкновенным и радостным устремлениям.

Зимний воздух недвижим, и сердце замирает в задумчивой истоме. Объятый грузом пережитого за год, забываешь про стремление к высокому полету. Твоя судьба зимой — лишь теплящийся свет в окошке туманной снежной ночью, и еще сны...

Уснули и сосны с пихтами, и ели... Затаились под снегом ручьи, тропы, старое зимовье... Только волки неслышно бродят в белом мраке зимы, а в выстуженных небесах застревает крик одинокого ворона. Со всех сторон лишь тьма зимы, и снег, и волчий вой.

Для каждого живого существа в эту пору наступает чуткое забвение, и все оказываются объятыми проникновенной зимней тишиной. В лесах, в застылом полупомрачении, беспристрастно копит будущую жизнь зверье. А птицы, одеревенело взлетая и так же бесчувственно ниспадая с небес, безмолвно усаживаются на заснеженные верхушки деревьев и, будто забываясь, замирают, наверное, слагая в хрупких снах свою весну.

Представив себя птицей, вмиг оборачиваешься ею в своих скованных мечтах и медленно взлетаешь над синими лесами, в нескончаемый зимний простор. Легко парить в безмятежном зимнем сне, призванном к умиротворению. А что видят во снах дикие звери, утопая в них как в мягкой снежной перине?

По всей земле завывает безудержная метель. Наносит толщу над берлогой, где позабыл себя медведь. Барсук тоже не внемлет подступившему вокруг отдохновению, и видится оно ему в норе. Растут над ней пуховые сугробы, день ото дня матереют.

Неслышен мир живых, все, кажется, забылось. Лишь белый снег летит с ночных небес, косит над спящими телами, душами, замершей землей. Всех повязал белесый снегопад, и каждый предоставлен теперь зиме, ее холодной тьме и собственным чутким снам...

Медведь

Издревле перебивает зиму в берлоге медведь, лесной владыка. Живет не ведая, что был когда-то, по людскому убеждению, человеком, а обращен в медведя за тяжкие провинности пред Богом. Родство зверя с человеком народ видел в том, что медведь иногда нападает на баб, неосторожно забравшихся в лес, но не с тем, чтобы их есть, а уводит их к себе и живет с ними. Во снах своих зверь все это, должно быть, переживает.

Все в снах свершается не так, как в жизни, и потому медведица, на деле отгоняющая медведя от медвежат, во сне к нему остается благосклонна. Медведю снится, что он в услужении

у Анастасьи Петровны находится, на лапах ее любимых дитяток носит... Медведица за то его долго от себя не отпускает, пока он не вынырнет следующих ее медвежат, и ложатся они в берлогу, вопреки известной пословице, вместе.

А может, представляется медведю, как, продевши кольцо в ноздрю, люди его на цепи по деревьям водят и потешаются над этим. Медведь в усладу им пляшет, а сам рычит и головой мотает. Хозяин за него деньги берет, а медведю ничего не перепадает. Досадно от этого Потапычу, но ничего не попишешь: судьба, видать, такая выпала.

Или еще приснится, как ему от пчел достается... Жаркое лето обтекает зверя, дух желанного меда щекочет ноздри, липкая слюна западает в уголки пасти. Падок медведь до желанной сладости так, что не боится шкурой откупиться. Без оглядки разоряет пчелиные ульи, лишь бы полакомиться немножко.

Раззадорит пчел не на шутку, а уж потом бежать; даже глубокой зимой не дают ему покою пчелы: он во сне от них лапой отмахивается, вздрагивает всем телом, посапывает. Сладко витать медведю в своих летних воспоминаниях...

Слышится ему, наверное, и запах достигнутой августом роскоши, в которой он с аппетитом поедает лесные яблоки. Сидя, как человек, в усыпанной ими траве, наслаждается медведь этим летним довольством, а теплый ветерок мягко ворошит его густую шкуру. Приятно медведю все это посреди зимы заново переживать, и так захочется ему опять лета, что застонет он во сне, губами зачмокает.

Интересно его в этот момент было бы подглядеть, простодушием медвежьим позабавиться. В таком настроении он в лесу

и дуги гнет: гнет — не парит, переломит — не тужит. Рябинушка сочная от него под осень немало намается, а медведю до того заботы никакой: он ее аромат зимой вдыхает, снами рябиновыми утешается.

Спит медведь и видит свой любимый угор, ягодами желанными рдеющий, а еще лакомство неизменное — муравейники. Как вырастают они под древними елями кучами невообразимыми: замерли в себе, будто ждут чьего-либо внимания неизвестного. Медведь его на свой интерес принаравливает...

Эдак запустит лапу неуклюжую, напустит страху на царство муравьиное и потешается. Любо ему, недотепе, возбуждение махонькое наблюдать и кисленьким при этом закусывать. Оттого, наверное, он всю зиму лапу в берлоге сосет, что на нее во снах муравьев и мед намазывает.

За зиму, бывает, целый воз сладостей поедает да еще корову стрескает. Мало, что сало с осени запасает. Так до весны сыт и живет.

В народе говорят, что одну половину зимы медведь спит на одном боку, другую — на другом, а когда просыпается и с боку на бок переворачивается, то только палец пососет и опять засыпает. Старики даже уверяют, что медведь потому так долго может спать, что ест особый «сонный корешок». Одна баба будто бы случайно нашла и съела такой корешок, после чего тоже на всю зиму заснула...

Все это, конечно, замечательные сказки, без которых и медведь, и зима не были бы так интересны. Созданный Богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он им же в зиму от холода и голода оберегается: хоть и силен медведь, а воли в нем нет,— она выкована

в волке. Потому косолапый и спать ложится, что не одолеть ему, даже со своими запасами суровую зиму. Легче ему перележать ее в берлоге, чем перевозмогать со своим весом в гибельных сугробах.

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валежник и бурелом спасают его от непрошеного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к деревне и слушает, как петухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные лапы да сквозь сон чему-то улыбается. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

Лежит медведь зиму в берлоге не умываясь и дела ему никакого нет до чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы молодые ее очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому прерваться.

Горазды бить забывшегося в берлоге зверя жадные до острых ощущений охотники. Никак им не унять разошедшегося желания во что бы то ни стало добыть его шкуру. С осени намечают они медвежьи тропы, что протаптывает медведь в поисках убежища.

Но без оглядки будить медведя опасно. С медведем, поговаривают бывалые люди, дружись, а за топор держись. Вставший из берлоги зверь бывает космат и черен, и может разъяриться до неузнаваемости. Горе тогда нерадивому охотнику, вознамерившемуся нарушить покой лесного воеводы!

Трудно обнаружить берлогу зимой, но равнодушному к лесу человеку хоть однажды да выпадет такое счастье. Не ждет и не ведает он этой встречи, неспешно бредет по окраинке какого-нибудь глухого лога. Лыжи глубоко проваливаются в рыхлом снегу, обильная испарина выступает на лбу и спине,

а вяжущий воздух обволакивает все тело. Тихо вокруг, затаенно, непробудно...

Отчего-то выбираешь на своем пути густой островок елок. То ли притягивает его неглубокий снежный покров, то ли таинственная темнота хвой, но ты жаждешь поскорее с ним соединиться. Когда рука касается шероховатого смолистого ствола, что-то входит в тебя вместе с укромной еловой темью, каким-то особым потаенным пространством.

Некоторое время ты еще не в силах постигнуть произошедшего, и только отверстие в снегу, обильно затянутое куржави-ной, приковывает внимание. С подступающей в груди захо-лаживающей дурнотой вдруг понимаешь: это — чело. Здесь, в каких-нибудь восьми-десяти шагах от тебя, мирно лежит и дышит под снегом грозный лесной исполин.

Медведь — лешему родной брат, верили в народе, вместе они по лесам до зимы скитаются. С зимы по осень часто можно со зверем встретиться, но не дай Бог разбудить его зимой! Ведь по медвежьему хотению и зима студеная длится: как повернется он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. Чуток должен быть человек к Всевышнему волеизъявлению, что проявляется в зимних снах.

Барсук

В сладком сне пребывает всю зиму и барсук. Основательно поработал он для этого летом и осенью: на случай бегства от врагов нарыл множество отнорков, аккуратно расчистил жилую камеру и натаскал в нее пахучей травы и мха. Толстые

земляные стены укрывают зверька от лютых морозов и ветров, заходя накопленный слой жира уберегает от холода.

Прочен и долговечен распорядок барсучьей жизни. И еще неспешен в своем замечательном лесном течении. Это хорошо понимаешь, когда стоишь, где-нибудь в январе, над его засыпанной снегом норой и ощущаешь под ногами неприхотливый звериный уют. Хорошо оттого становится на душе, покойно.

В какой-то миг даже почудится, что не видит барсук никаких зимних снов: впал до самой весны в сладкое оцепенение, ничто его не беспокоит. Но вспомнится потом вдруг, каким зверь был неутомимым и работающим, и сразу представляешь его наполненную делами лесную жизнь, в которой он, наверное, ничего не забывает. Легкими ненавязчивыми облачками всплывает посреди зимы виденное им когда-то... Так незамысловатыми картинками и витает в замысловатых проходах норы, убажывая барсука своим присутствием.

Может быть, видится ему знойный день, когда маленькие барсучата по-смешному переворачиваются у норы, играют и гоняются за мелкими насекомыми, а взрослые внимательно охраняют их покой. Слышится барсуку сквозь крепкий сон вольное щебетание птиц над головой, их бесконечное перепархивание, и как внезапно налетает неведомо откуда августовский ветерок, что приятно ворошит на спине мех. Чудится ему вкус родниковой воды, к которой он пробил за лето приметную тропку, и запах осенних грибов, и сочность лесных корней...

Воспоминаний, слагающих сновидения зверя, наверное, больше спокойных. Сама размеренность барсучьей жизни и ее оседлость предполагают их.

Барсук — это сокровенная лесная озабоченность и, может быть, даже некоторая отрешенность от жизни остальных зверей. Он всегда сосредоточен на собственной жизни и, наверное, поэтому зимой отдыхает. Ему нет дела до других, до пустого времяпрепровождения: он — маленький упрямый хозяйчик, между тем обладающий удивительной сметливостью.

Взять хотя бы его бесчисленные отнорки, которые он тщательно и без устали прокапывает все свободное время. Однажды столкнувшись с ними, ты убедишься, что барсук сидит в своей норе не зря. За исключением тех, что зверь постоянно использует, он оставляет во всех остальных земляные перемычки, которые с внешней стороны не сможет осилить ни один его враг, но сам он преодолевает в считанные минуты. Оттого и спится ему сладко в своей норе зимой, что не пробраться никому под глубокую толщу земли и снега.

Внешний вид барсука хорошо всем известен. У него короткое приземистое туловище с широкой спиной и толстым круглым задом. Именно из-за него воспоминания о звере всегда вызывают улыбку и добродушное настроение. Голова же у барсука узкая, с белыми запоминающимися полосками и слабо выдающимися ушами. Соединяется она с туловищем неожиданно тонкой и весьма подвижной шеей.

Из-за своего ночного образа жизни барсук редко встречается человеку в лесу, и потому о нем существует некое превратное представление: иногда его даже причисляют к медведям из-за неуклюжей приземистой фигуры, лап, напоминающих медвежьи, и густого шерстного покрова. Но только на первый взгляд барсук кажется грузным и неповоротливым. На самом деле он очень подвижен, особенно когда его подстерегает опасность.

За зиму он хорошо отдохнул, выпался, и тяжелые видения не обременяют его движений.

Еще несведущие люди иногда представляют себе барсука себялюбивым, недоверчивым и угрюмым существом, живущим как будто во вражде со всеми. Мнение это неверно. Барсук, скорее, добродушное существо, быть может, как никто в лесу занятое обустройством собственной жизни. Более безупречного зверя трудно найти.

Затворник, избегающий людей и других животных, имеет на то свои основания. Не вызывающий ни у кого в лесу симпатии, зверь между тем никому не приносит зла. Он удивительно простодушен в своем замкнутом образе жизни и хлопочет только о том, чтобы окружить себя и своих близких полнейшей безопасностью.

Увидишь, бывало, в конце зимы голотяпые следы на снегу и удивишься: что за зверь выискался в лесу? Забудешь за долгой зимой о существовании барсука. Внимание твое одолевали волки, зайцы и лисы. Только им ты отдавал предпочтение, и еще неуловимым рысям, и скрытным глухарям...

Ранней весной по грязным следам барсука видно, что у него за зиму отросли огромные и острые когти. Самый когтистый след у барсука, но мал, к тому же отпечаток задней ступни отчасти напоминает след босой ножки ребенка,— оттого при встрече с ним не пугаешься, а недоумеваешь. Вроде ходит какой-то зверь по снегу и ищет, что бы выкопать... А уж если найдет, то и съест, потому как всеядный.

Если зима к концу пошла, барсуку не ложится: то сходит к ключу водицы испить, размяться, то к чуть дымящейся проталине забредет. Хочется ему поскорее зимние сны в реальность

превратить, и барсук, наверное, боится пропустить лето. Убедившись, что лето еще не настало, он опять обращается к нему во снах, досыпая остатки зимы. Скоро ему придется много работать, и последний сон убажает исстрадавшуюся по лету звериную душу.

Барсук на редкость чистоплотное и опрятное животное. Проснувшись, он сразу же начинает приводить себя в порядок, стараясь стряхнуть остатки зимних сновидений. Зверь за ними даже не ощущает сильного голода и только осторожно внюхивается в живительный весенний воздух.

В первые дни после зимнего сна барсук не уходит далеко от норы и откапывает где-нибудь поблизости пахучие корешки растений или дождевых червей. Он весь пока находится в плену затянувшейся зимней отрешенности, и пройдет еще немало времени, прежде чем мех зверя опять начнет приятно лосниться, а движения его приобретут плавную неторопливость.

Полная неповторимостей жизнь леса вновь захватит барсука в свой круговорот, и он забудет на целое лето про зиму. Собственно, она для него и так не показалась бесконечной — зверь проживал ее незаметно во снах. В них тоже было лето, и барсука, наверное, одолевало иногда недоумение: что это за холодная пора, ежегодно приходящая на землю, и зачем она? Он достойно преодолевал ее во снах и был им за это очень признателен.

Ему, должно быть, нравилось почти целый год чувствовать себя полным сил, и он даже не догадывался о том, как нужна ему зима... Зима убаюкивала душу зверя, а барсук послушно отдавал себя на ее волю, зная: рано или поздно эти сладкие оковы спадут, и долгожданная весна вновь выйдет к нему навстречу!

Белка

Почуднее обернувшись пушистым хвостом, крепко спит почти всю зиму в своем гайно белка. Так и хочется запустить руку к ней в гнездо и ощутить это укромное тепло, но не дано тебе к нему прикоснуться. Человеку остается лишь недоумевать и восхищаться природой, домысливая зимний уют зверя.

Видит белка свои дымчато-голубые, зеленые и рыжие сны, с дерева на дерево в них летает, и нет ей ни до кого дела. Такому красивому пушистому зверьку незачем кому-либо завидовать. Одним своим появлением она оживляет безмолвие угрюмых диких лесов.

Не зря белка упоминается в старинных русских сказках, где она поет-распевает свои незамысловатые веселые песенки, а сама, знай, грызет орехи: скорлупа у них из чистого золота, ядрышки же — «чистый изумруд»! Стремительно скачет белка с ветки на ветку, ловко карабкается по стволам, а замрет — не отыщешь! Хвост у нее вместо руля, передние зубы-резцы никогда не снашиваются. Сильные задние лапы подбрасывают белку с дерева на дерево — только держись!

Несправедливо, должно быть, связывали в народе появление белки на деревне с худом. Старики примечали, что если белки скачут по макушкам, жди великого морового поветрия либо какой другой напасти. Про нее и загадки сложили: «Вертлява, а не бес!», «Не мышь, не птица — в лесу резвится!», или еще такая поговорка: «Белку ловить — ножки отбить»...

Но не может белочка совладать сама с собою, да и не хочет. Угодно ей предаваться ловким забавам, быть неудержимою,

легкою и вольною. Особенно оживленно белка ведет себя перед тем, как залечь основательно на зиму. Суетится, не переставая, в мохнатом пологе леса, будущие сны свои слагая.

Поспевает белка заготовить побольше грибов и орешков, чтобы слаще ей спалось в холодную зиму. Мех у нее, как и у многих других животных, становится пушистым, густым для лучшего предохранения от зимней стужи, к тому же — бусует, постепенно меняя цвет. Ведает белка, что значит в морозную пору без корма остаться, — трудится без усталости всю прогорклую от ароматов осень. Запахи ее потом тоже будут зверьку сниться, улаживая его лесной покой.

Когда белке не хватает пищи, сны ее становятся сумбурны и коротки. С неохотой поднимается она со своего убежища и находит еду в елках, отъедая у них мягкие цветочные почки — «еловые шейки». Еще белка выкапывает из-под снега шишки, сожалея, должно быть, о беспечном летнем существовании. Иногда голодные зверьки даже обглаживают сброшенные лосиные рога: где уж тут до безмятежных сновидений!

Забудется белка на денек-другой, вспоминая сквозь тревожный сон, куда еще припрятала осенью запасы. Много их у нее по лесу разбросано — под корой деревьев, в пнях и поваленных колодах. Разве все в глубоких снегах отыщешь!

Гулко стучит в груди маленькое сердечко, с трудом перемогая случившееся бескормье. В высшей степени подвижное и веселое животное как бы затихает в себе, и вот тогда ему начинает мерещиться что-то стремительное и большое.

Как случилась однажды у всех белок беда, и пошли они в дальние земли за лучшей жизнью. Нескончаемым пушистым полчищем двигались упорно и день, и два, не останавливаясь,

стирая в кровь лапки. Преодолевая на своем пути бескрайние поля, деревни и реки, белки все вместе представляли собой какое-то огромное отчаяние. Горе, охватившее животных, казалось непомерным, и им никак нельзя было помочь.

Или всплывала из глубины осеннего леса великая непогода. Сорвавшийся с небес ветер ломал древние деревья, вырывал их с корнем и метался в диком исступлении. Бесконечные потоки холодной влаги низвергались сверху, и от всего этого белке становилось жутко.

Маленькое гнездышко, служившее ей укрытием, казалось ненадежным, белке хотелось выскочить из него и бежать, но она не знала куда. Покачиваясь на дереве в такт ураганным порывам, белка в оцепенении замирала. Зимой, во сне, страх этот возникал каким-то омертвело-серым и тупым воспоминанием.

Иногда белке виделись вкусные маслянистые орешки кедра, когда-то в изобилии ею поедаемые. Их в тот год было много, и белка жила припеваючи. Орешки всегда были сочные и сытные, и никогда ей не надоедали.

Еще белка часто летала во снах с дерева на дерево, выбирая самые высокие и мохнатые верхушки. Заходящее летнее солнце большим красным кругом приближалось к ней, и было очень приятно переноситься в этом затихающем мягком воздухе. Белка будто купалась в солнечных лучах, и они оведали ее шкурку ласковым теплом. Лето во снах появлялось чаще всего, его хотелось пить жадными маленькими глотками и оставаться притом кроткой.

Нравилось белке видеть себя во сне чутким, умным и уживчивым зверьком. Общительным со своими собратьями, непуг-342

ливым и в то же время осторожным. Без особых претензий на свою лесную жизнь, белке хотелось поуютнее и более надежно ее обставить. Сладкий зимний сон как-то радостно возвеличивал ее, и белка, наверное, мечтала не просыпаться.

Хорошо было лежать всю бесконечную зиму, свернувшись клубочком в сухом и теплом дупле, по-беличьи испытывая гордость за свой домашний уют. В нем она когда-то произвела на свет своих милых детенышей, и они тоже виделись ей во сне. Снилось белке, как она славно играет с ними, учит чему-либо важному и нужному. И еще — как предостерегает от грозящей опасности и изо всех сил заботится, чтобы они прожили свое детство безоблачно. Зима воскрешала в сердце белки забытую любовь, и ей опять хотелось ухаживать за своим выводком, оберегая его для лесной жизни.

Не только наяву, но и во сне приходится остерегаться белке своего злейшего врага — куницы... Этот ловкий хищник лазает по деревьям почти так же хорошо, как и белка, он преследует ее успешно на земле и даже залезает в дупла деревьев. Только отчаянными прыжками с высоты на землю может спасти свою шкуру зверек, но горе ему, если куница застанет его спящим. Оглашая зимнюю тишину пугливым цоканьем, белка отдается в лапы неутомимого преследователя, и такие тревожные воспоминания будят ее порой собственным сонным вскрикиванием...

А то вдруг приснится ей сама зима... Спит зверек и видит вокруг такое же сонное царство, так что не разобрать, настоящая это зима или только ее отражение. Занимаемая этой загадкой, решается белка покинуть свое гайно, чтобы отыскать припрятанную с осени шишку, а заодно удостовериться: в самом ли деле это еще сон?

Пробежав же по сыпучему снегу и обжегшись морозом, она с удовольствием забирается опять в укрытие и, устроившись поудобнее, замирает до первой оттепели. Смотрит белка свои спутанные сны, и зимняя жизнь уже несколько ее не пугает.

Еж

В куче листвы и мха, свернувшись, как и белка, в клубочек, коротает зиму неподвижно еж. Он ничего не чувствует, пока находится в спячке, и не просыпается, если его потревожить. Замерев под покровом зимы тугим колючим мячом, еж меньше излучает тепла и спит очень крепко.

Про ежа в русском народе существует много разных сказок, в которых он предстает по большей части добродушным зверьком. Еж в них всегда очень смелый, потому что никого не боится и всем помогает. При этом он сохраняет удивительное простодушие, несмотря на то, что обладает обостренным чувством собственного достоинства. Но гордость не мешает ему жить: она только более поднимает его в глазах зверей и человека, и ежу оттого все доверяют.

Ежа не без основания считают умным зверем, полагая, что никто лучше его не может обустроить свою жизнь. А между тем происходит это у ежа довольно-таки бесхитростно и просто. Кто хоть раз натыкался в лесу на его зимнее убежище, несомненно поймет, о чем идет речь.

Выбрав место для норки где-нибудь под корнями старой ели, еж заботливо утепляет ее осеннею листвой и ложится тут же, если ему все это понравилось. Затем он постепенно впадает

в беспамятство зимней ночи и уже ничего не желает. Ничто не мешает ежу сладко утихомириться в подступающем к нему покое. За этим ежиным сном куда-то улетает и его душа, как будто несостоявшееся вдохновение отложило до следующего года свое неподражаемое появление.

Порой еж залегает уж совсем открыто, так что его без труда можно обнаружить в лесу осенью или весной, когда он еще окончательно не заснул или не проснулся. Из-под какой-либо древесной расщелинки заметишь вдруг смешно выставляющийся круглый зад ежа и тотчас захочется потрогать его, несмотря на острые иголки. Ежик от такого прикосновения очень мило хрюкнет и зароется головой еще глубже. Больше уж после этого не станешь беспокоить зверька, а только представишь, как он рассердился.

Принято думать, что еж очень умело использует свои иголки, натыкая на них грибы и яблоки. Затем он будто бы несет их в свою нору и есть там всю зиму. Трудно представить такое просторное обиталище, которое могло бы вместить все его запасы, в сравнении с обычным закапыванием в листья. Но то, что ежик спасается иглами от бесчисленных врагов, бесспорно.

Несмотря на видимую медлительность, зверек этот очень шустрый. При подступившей опасности еж быстро бегаёт, а значит, так же молниеносно принимает решения. Ни от кого не зависящий и смелый, ежик все делает, как хочет, и его не обуревают сомнения. Сны его, если они вообще его посещают, должны быть самыми обыкновенными.

Про то, как он однажды боролся со змеей и ничуть не дрогнул. Еж, наверное, вовсе не боялся ее и был просто непримирим. Змея могла быть его едой, и ежик не желал отступить.

Он сражался с присущей ему отвагой и несгибаемостью и, конечно, победил.

Воспоминания об этом зимой были никакими, как что-то само собой разумеющееся. Может быть, именно из-за такой его отрешенности многие всегда считали ежа забавным чудачком, вызывающим, между тем, полное сочувствие и широкое покровительство людей.

Все запоминающиеся потрясения ежа были связаны с его недругами, и потому зверек мог видеть рыжего лиса, повадившегося одно время к нему. Очень неприятным для ежа оставалось ощущение воды, в которую его сбросил хитрый зверь лапой. Ежик, должно быть, фыркал оттого во сне и готов был проснуться, чтобы проучить обидчика. Ему тогда пришлось нелегко, и он чудом избежал расправы.

Еще ежу снились ночные шорохи, когда он выходил на охоту. Спавшие листья и трава будто оживали, и ежик неустрашимо прокладывал себе в них дорогу, время от времени останавливаясь и припокиваясь. Мелкие шажки его тоже отзывались в ночи, а цепляющиеся за ветки иголки замечательно позвякивали. Звуки ночного леса с чьими-то завываниями и вскрикиваниями часто посещали память ежа в глубокую зиму, когда все вокруг было объято белой тишиной.

Несметное количество сверчащих кузнечиков, лениво переваливающихся навозных жуков и сочных дождевых червей обрушивалось на воображение ежа во сне. Слизни, лесные мыши и даже птенцы не укладывались у него в голове: так их было много. Со всеми ними еж ловко расправлялся, даже не успевая восхищаться собственным искусством. А может быть, сны его были беззаботны, и все эти насекомые не вызывали у ежа како-346

го-либо восторга. В своих видениях он поедал их ровно столько, чтобы удовлетворить посреди зимы чувство голода.

...Так мирно перебивается ежик в своих снах, и замкнутость эта, по-видимому, ему по душе. Оттого и одиночество зимних снов его не пугает, еж забывается в них, к своей незатейливой радости, и ничего другого не желает.

Пчелы

Интересно зимуют пчелы... Одинокая пчела погибла бы, а вместе они выносят очень большие холода. Сбившись плотно в клубок, пчелы в течение зимы находятся в непрерывном движении — этим и спасаются.

Трудолюбие пчелы не знает границ. Вынужденная длительное время зимовать, она и тогда, наверное, представляет, как наполняет медом свои соты. Пчела и для себя мед на зиму скапливает, и людям его отдает. Богу, говорят в народе, она тоже в угоду: из выделанного ею воска свечи церковные готовят. Так что без пчелы и поп обедни не служит.

Водит пчела детей, людей питает, Богу дары приносит, а между тем ни девка она, ни вдова, ни мужняя жена. Ни на кого не похожая, особой святостью пчела не отличается. Как мотылек, не щеголяет, да и белоручкой ее не назовешь: трудится без усталости, к зиме суровой себя обустраивает.

Хоть пчелы между собой и дружны, а нелегко им зимой приходится. Зато имеют они своих покровителей, которыми на Руси считались святые Зосима и Савватий. Иконы этих святых на пасеках обычно ставили, служили им молебны, веря в за-

ступничество их за пчел: что у пчелы в сотах, то Зосима с Сав-ватием дали.

Без занесенного снегом омшаника не так сказочно представлять себе русскую зиму. Длинный и таинственный сруб, замерший где-нибудь в сосново-еловом глухозимье, притягивает таящейся в себе жизнью. Сидя подле печки, ввечеру, захочется вдруг причаститься к этому невидимому копошенью.

Выйдя из избы, взглянешь сразу в морозное небо и обомлеешь: все оно усеяно посверкивающими звездами, которые, словно золотистые пчелки, весело роятся в вышине, к себе лететь зовут. Сладостно, как мед, это их кружение, незабываем сочный блеск.

Гулко позвякивая старым холодным замком, с легким скрипом отворишь широкую дверь и на мгновение замрешь у порога. Фонарь в вытянутой руке осветит какую-то особенную тишину и благодать, а уж потом увидишь молчаливые ряды ульев. В узких проходах между ними будто залегло неясное движение...

Осторожно ступая, остановишься у какого-нибудь улья на выбор и, приставив резиновую трубочку к летку, с затаенным сердцем прислушаешься к тому, что происходит внутри. Поначалу даже ничего не поймешь, но, успокоившись, приятно обнаружишь чуть ощутимый гул. Обрадуешься тут неизвестно чему, опять не на шутку разволнуешься и начнешь подходить к каждому улью. Везде пчелы ведут себя по-разному...

По одному старинному поверью, так они празднуют в Рождественскую ночь рождение нашего Христа Спасителя. Или происходит это под Новый год, когда пчелы отмечают его приход особенно громким жужжанием. Пчеловоды с суревным стара-348

нием ходят подслушивать пчел, моля Всевышнего о том, чтобы позаботился об их добром здравии.

Необычно и удивительно покажется тебе среди зимы это жизнепроявление, и почувствуешь ты к ней огромную признательность, что, несмотря на силу свою и суровость, хранит зима такое тонкое тепло, от самой себя оберегает. Особой милостью своей препоручает зима пчелам никогда не болеть и быть на мед богатыми.

Пчелы еле слышно в своих неровных снах ее за это благодарят. Нелегко им, должно быть, сдерживать трудолюбивые порывы, жаждут они, чтобы поскорее лето наступило. Видится оно пчелам жарким и разномлелым, с буйством цветов и красок. Как полетят они над благоухающей землей и будут пить с нее волшебный нектар... Станут опять озабоченными и собранными, по-пчелиному неутомимыми.

Впитывая со цветов краски неба, рек и облаков, пчелы понесут в себе для человека дивный природный дар. Они не станут на человека злиться, даже если он порой окажется до меда жадным. Пчелы все ему простят, тем более во снах, на худой конец, лишь изжалив на благо руки...

Захватит пчел во сне чудесный майский ветерок, овеет после долгой зимы своей чистотой их тонкие крылышки, нежно обласкает... Дивные первоцветы наполнят до краев истосковавшееся по ним пчелиное восприятие и воздадут тем дань Богу. Будет Он их от всякой напасти оберегать, так что даже Илья-пророк не сможет ударить громом-молнией в пчелиный улей.

Благочестивыми окажутся пчелиные сны, полные восторженной радости и света. Будут пчелы в них пить весь аромат солнца, щедро взлеявшего плоть земли. Утопая в волнах ли-349

пового и малинового духа, они так одуреют от этого сладостного бремени, что вознесутся не по-пчелиному высоко и беззаботно.

Слившись с бесподобным солнечным светом, пчелы никогда не умрут, бесконечно сменяя друг друга. Их золотистое движение, по которому человек определяет незабываемую макушку лета, вовек не истает. Что за восторг переживают пчелы при жизни, знают лишь они, с таким же восхищением вспоминая о нем в зиму.

Но не теряют пчелы головы, обеспечивая людям обильный медосбор. Густой пряностью пахнет от них лето, течет несравненное медовое богатство. Пчелы — его настоящие хозяева и покровители.

Забытые всеми зимой, пчелы терпеливо ожидают своего часа. Чуть слышно дают о себе знать зимними ночами лишь досужему человеку. Изредка, по праздникам, усиливают гул, как бы радуясь исходу зимы, и опять засыпают. Все в них соразмерно незатихающей жизни.

Много в жизни пчелы мудрости, коей негрешно поучиться и человеку. Ни змее подколодной, ни зверю какому лютому ее не перещеголять. Ей эту науку Бог с роду открыл, и потому пчеле завидовать кому-либо не приходится. Трудится она на пользу Богу и людям, и всякий ей за это спасибо скажет.

Пчела оттого никогда не возгордится, ношу, что она на себя взвалила, нипочем не сбросит. Несет ее безропотно, в зимних снах даже не выпуская. Честно и преданно относится пчела к своему роду-племени, добродетели не теряя.

Сама достоинствами такими наделенная, она и людей, подобных себе, почитает. Не выносит же зла и порочности. Неда-350

ром в народе примечали, что у праведного рой за роем роится, у грешного же последняя пчелка переводится.

Окунаясь в зимнее забытье, пчела, наверное, только добрых людей вспоминает, по-своему благодаря их за кроткое да прилежное к себе обращение. Именно оно потом успех душистый слагает, здоровье человеку целый год хранит. Доброе предзнаменование хозяину, если пчелы у него благополучно перезимовали.

Крепко спят у такого человека зимой пчелы и ни о чем не тужат. В охватившем всю землю белом спокойствии ждут они лета, понапрасну не тревожатся. Чуть не каждый день наступает оно для них во сне, и пчелы радуются его цвету и поклоняются теплу.

Муравьи

По-муравьиному незаметно спят под снегом всю зиму наши неизменные лесные труженики. К середине зимы выюги да метели почти сравнивали их дома с высокими сугробами, так что не отличишь, где снег, а где муравейник! Тихо вокруг, безропотно, сонно.

Заметив еще не присыпанную до конца верхушечку безмолвного холма, остановишься неподалеку, и вспомнится вдруг лето. Как собирал в тенисто-хвойном аромате крепкие боровики и в восхищении просил у неба долгожданной влаги, чтобы не прекращался рост пахучей грибной благодати до поздней осени. При этом сразу оживала в памяти старинная народная примета, связанная с появлением дождя.

Верным средством для вызывания его было разорение муравьиной кучи. Но, замерев рядом с жилищем оживленных насекомых, призадумывался ты: стоят ли того эти необузданные желания? Не столько боясь накликать беду, скорее засовестишься чего-то в собственной душе. Взглянув же попристальней на муравьев, поймешь: не поднять тебе руку на такое хрупкое и грандиозное строение.

С виду дом у муравьев — терем-теремок, на деле же — настоящая пирамида Хеопса. В ней существует множество ходов и переходов, коридоров и галерей, и даже есть подземные этажи. Все они ведут в комнаты-пещеры, что растут с каждым годом,— в них муравьи сохраняют свои яйца.

От муравьиного терема бегут во все стороны их тропы, по которым муравьи тянут в крепких челюстях разный мусор, пригодный для строительства жилья. Часто груз бывает тяжелее самого муравья, но он упорно тащит его на себе. Порой целой гурьбой муравьи стараются дотащить до своего дома какую-нибудь приглянувшуюся добычу: гусеницу, бабочку или слизняка. Радуются при этом, суетятся, но не бестолково — с какой-то только им известной целью.

Все обязанности между муравьями разделены: кто-то неутомимо работает, а кто-то откладывает яйца. Муравьи очень заботливы по отношению к ним: утром перетаскивают вверх, к теплу, раскладывая на солнце, а к вечеру тащат обратно. Отправившись в июльский теплый день в лес по малину, где-нибудь на вырубке заметишь толстенную полую колоду, по которой муравьи разложили свои продолговато-молочные яйца, и подивись заботливости насекомых. Пуще человека они потомство свое обхаживают: честь им за это и хвала!

Огромные муравьиные кучи в любое время года придают лесу удивительную тайну и сказочность. Заметив их, сразу ощутишь чье-то живое присутствие: неугомонное, теплое, большое... Захочется подойти и долго смотреть на строго однообразные муравьиные перемещения, пытаюсь проникнуть взглядом в самую глубь этого непостижимого царства. С благоговейным трепетом охраняют его муравьи,— им там, должно быть, хорошо и покойно.

Когда на землю опускается снег, муравьи и вовсе засыпают, вспоминая во сне, как сладко пахнет летней хвоей и смолой. Домики свои они чаще всего устраивают именно в хвойном лесу.

Над спящими муравьями, наверное, всю зиму шумят зеленой листвой деревья и травы. Память их убажает сочная медвяная роса — самая желанная и сладкая. Сущий рай для муравьев — летнее раздолье, его непревзойденные кладовые!

Какая сила живет в этих неприметных насекомых, если они способны пробыть под снегом многие месяцы и затем вновь проснуться, неукоснительно продляя жизнь рода?! «Не велик муравей, а горы копает»,— поговаривают о нем в народе. И еще недаром распространяют слух о его мудрости: оттого он все молчит, работает и слушает больше.

Но та же народная молва уличила муравья из-за его трудолюбия в корысти: на себя, мол, только насекомое неутомимо работает, и ни до кого ему дела нет! И зря, потому как пользу муравей огромную приносит...

Чудится ему, как собирает он по лесу растительные и животные останки, тут же в муравейник их тащит и тем самым почву облагораживает. Ни одна птица столько вредных насекомых не уничтожает, как вездесущий муравей! К тому же лечит

он своей кислотой зверей, птиц и человека. Правда, последнее ему порой с большими хлопотами обходится...

Даже во сне муравью видится, наверное, что к нему в конце зимы медведь в гости заявляется. Разроет все косолапый, разворошит и устроит себе лечебную ванну. Муравьев от этого недовольство большое одолевает, а ведь сколько их еще медведь подавит! Сердятся муравьи, норуют неуклюжего зверя побольнее укусить, а ему того и надобно. Сильно медведь муравьев допекает, и они его во сне забыть не могут.

Кажется им, что медведь опять их муравейник разрыл, верхушек еловых туда насовал и как ни в чем не бывало улегся. Шибко беспокоит этот сон муравьев, и они очень переживают. Ненавистен им лесной исполин, что так безжалостно с ними обращается.

Вспомнится вдруг муравьишке посреди зимы куча сухих листьев, которую ему непременно следует преодолеть. Для муравья этот путь полон пропастей, обрывов и запутанных ущелий. Но несмотря ни на что, он все же карабкается, падает и лезет снова. Ничто не может остановить муравья в его стремлении достичь желаемого!

Хорошо ему требуется отдохнуть под снегом, чтобы, находя потом пищу для себя, отдавать ее собратьям. Эта достойная подражания щедрость свойственна только муравьям. Не позволяя муравьям вконец истощиться, зима спасает их во имя всеобщего семейного блага.

А может, муравей и вовсе не знает зимы, потому как не видит никогда снега. Инстинктивно залегает он, когда приходят холода, и спит себе без тревог до тех пор, пока солнце не растопит остатки зимы. Странно ему видеть их, но работы нев-354

проворот, и потому не задумывается серьезно муравей, когда натолкнется на что-то похрустывающее и холодное... Без страха преодолевает, может быть, чуть недоумевая, и вновь с головой окунается в нескончаемую заботу.

Не ведает, наверное, муравьишка и о том, что зима о нем не покладая рук хлопочет, создавая свой непревзойденный уют. Укрывает пуховым одеялом, песенки колыбельные поет, сказки рассказывает. А муравей спит себе крепко в ее тепле, думая, что это лето настало.

Но зима на него за это не в обиде, поскольку люб ей муравей и дорог. Экая малость, смекает она про себя, а и та терпение великое для жизни имеет. За терпение же дает Бог спасение, воздам и я...

...К весне солнце ласково обогреет землю и разбудит муравьев, что залегли ближе других к верху. Выберутся они сонные, отогреются на оживающей земле и поспешат принести тепло своим товарищам. Почуяв его, те тоже зашевелиятся, и начнется для муравьиного царства новый день удивительных подвигов и свершений. Зима же только скромно улыбнется им и пожелает успеха.

Змеи

С приближением холодов пропадают в лесах и змеи, впадая в зимнее оцепенение, а просыпаются только с пробуждением весны, когда коснется их первое тепло. Меньше всего думают о них зимой люди, полагая происхождение всех гадов от Господнего плевка на землю. По единодушному народному поверью,

змеи на зиму сползаются со всего света в мрачное подземелье, где живет змеиная мать-царица, осужденная навечно пребывать под землею за то, что соблазнила в раю Адама и Еву. В подземелье этом змеи якобы остаются всю зиму и вылезают из него весной, когда прогремит первый гром...

Выезжая однажды на охоту по октябрьской пороше, бредешь в воцарившейся лесной тиши, где каждый корень или затянута льдом ямка отдаются в тебе каким-то неясным гулом, и отчего-то задумаешься о замолкшей земле. Сразу при этом подумаешь о тех, кто вынужден спастись в ней, о самых непривлекательных и непонятных. Как происходит это всеобщее змеиное сползание и каким образом складывается между ними зимнее житье-бытье? Что чувствуют змеи во мраке зимней ночи и сплетаются ли в их воображении, представляющемся липучим, какие-либо видения?

Как бы ни было неприятно это наваждение, ты не торопишься избавиться от него. Тугим змеиным шаром, виденным когда-то по весне в скалистом ущелье, подкатывается оно к тебе, распадаясь на глазах. Жуткие мысли-змеи лезут из отвратительного кома, вихляются, еще с зимы одеревеневшие и тупые, но неукоснительно их приближение. Не в силах бежать от этого случившегося лесного откровения, стоишь, как вкопанный, и смотришь на пробуждение гадов. И почему-то не можешь отвести взгляд: так притягивает змеиная тайна воскрешения...

Где-то там, в заснеженной земле, лежат и дышат змеи друг на друга улаждающим теплом, и нет меж ними разногласий. В глубоких рывтинах, под пнями хранят они все вместе летнее тепло. Ни стыдно им, ни гадко,— хорошо. Хорошо по-неведо-356

мому, змеиному, чужому. В клубке сплетенных тонких тел таятся змеиные согрешения...

Так, вместе, им сподручней миновать лихолетье мороза и разудалые метели. Век зимний медленно течет для них большой змеєю и убаюкивающе шипит: всем нужно спать, спать и видеть в снежной стыни диковинные сны...

О чем они, эти сны, что, по-змеиному, украдкой подползая, клубятся и липнут друг к другу голым откровением? Может быть, о принадлежности к змеиному исчадию или обладанию чудодейством черной силы? Среди всех звериных снов особенно худым кажется людям истечение снов змеи...

Все мягкое, сырое проникает в мысли человека именно из-под земли, чего, наверное, не вообразить, пока ты сам не обернешься змеєм. Не поползешь росистой травой, не схватишь лягушатинный кусок... Околевая с раннего мороза, не заберешься под древнюю корягу и не утратишь ко всему живому интерес. Заснешь или задремлешь отрешенно, но зашипишь, коль сунется к тебе чужой...

Змеєю жить в зиме непросто, если ты один. Вот оттого все гады тянутся друг к другу, предупреждая собственную гибель. Безошибочно находят то, что нужно, чувствуют очень чутко и всё предугадывают. В тесном сонном сплетении им зимой не страшно, и только копошатся жала темных змеиных мыслей.

Эти сонные мысли, должно быть, о том, как выползают змеи из состарившейся кожи, готовые опять жить в сырости лесов. Перебираясь же из мрака к свету, они постепенно обретают способность слышать голоса животных, понимать и постигать целебное значение растений. Копя сатанинскую мудрость, все

змеи готовят себя к соблазнению неправедных. Не миновать их сладостного шипа тем, кто без оглядки горд.

Все змеи, вместе с их нетронутыми снами, почему-то вызывают в человеке боязнь. Но какое ему, впрочем, дело до гадюк, ужей и медянок?! До их слепых видений, что тащатся противно и пахуче в утробе убаяванной земли. И все же истари каждому, кто встретит гада, было наказано убить его, тем отпустив пред божеством свое грехопадение. И люди не щадили змей...

Лихого человека, злого, которому не в радость был родимый брат, сравнивали с гадом. А на деревне его прозывали «шиш-ком червивым» и не общались, обходили стороной. По мнению людей, змей раньше жалил именно того, кто проявлял к нему внимание. Но разве русский мог не отогреть за пазухой худого?!

Так в сердце человека западал комок обнявшихся змеиных снов, распутывать которые казалось бедовато, жутко, но страшно интересно. В змеиных скользких помутнениях перед ним открывалась природа, ее неистребимость. Змеи приносили в нее свое тепло, копившееся всю зиму, и еще яд, что излечивает болезни.

Змеиное присутствие полезно жизни леса и неотвратимо для человека. Оно — как его незатихающая совесть, напоминающая шепотом о главном. Свернувшись в глубине души, вдруг так больно ужалит, что навсегда лишит покоя... Вот отчего змеиное соседство важно: расслабившись, жди тотчас наказания.

Зима хранит пристрастие змей к правде, к великой истине, которой тоже требуются сновидения. Чтобы отмякли, отдохнули жала и змеи не растратили бы свою силу, опустившись до презрения к человеку.

Надобно взглянуться в зимний сон природы, не погнушавшись, может быть, как раз змеиным, а увидев в нем обыкновенную лесную тайну, которая помогает между делом выжить, воздать благодарение Богу, породившему всех этих тварей.

И еще следует отвесить особый поклон зиме, продолжая любить ее со всею страстью, какой способен одарить только друга или гада. Змеиный сон тогда становится понятным и каждому живущему во благо.

Птицы

Бывает такая тишина в зимнем лесу, что кажется, будто свистят рябчики. Но нет, птицы находятся под снегом, а тебе почему-то трудно обойтись без них. Неспешно идешь на лыжах и знаешь: даже за короткий зимний день обязательно встретишь аккуратные лунки, углубленно голубеющие в снегу.

Птицы вдруг взвывают упрugo, напористо, испугают на миг и тотчас очаруют своим стремительным исчезновением. Некоторое время смотришь потом в просвет ветвей, где исчезли птицы, и думаешь о том, какие они по-настоящему красивые. И еще укромно-дымчатые, подобно маленьким живым облачкам, затерявшимся в глухом лесу.

Спят в заснеженном лесу и рябчики, и глухари, и тетерева, и так это сказочно у них получается, что захочется разгадать тайну этих зимних снов. Правда, иногда зима как будто не желает, чтобы человек проникал в ее загадки, и за ночь переметает их. Хорошо спать птицам под снегом, уютно...

Человеку же становится завидно, что он не глухарь или тетерев. А как было бы сладко забыться, подобно птицам,

и уснуть в снежном тепле где-нибудь у молчаливо синеющей кромки елового леса. Чтобы не тревожили тебя ни филин, ни рысь, и спал бы ты крепко-крепко...

Нет, наверное, большей радости в зимнем лесу, чем ночевать так в глубоком снегу, под ярко мерцающими звездами. Деревья от мороза глухо потрескивают вокруг, и слышно, как изредка вскрикивает сова. Но ты знаешь, что ей тебя сейчас не достать: пухлый снег спасает.

Вот крадется у края опушки хитрая лиса, то и дело принохивается, пристально всматривается, замирает. Дивное украшение леса ее зимняя шуба, но коварны замыслы. Рыщет она в поисках желанной глухарятины, не погнушается и рябчиком. Твое сердце, если ты птица, замирает от испуга, вот-вот готово вырваться на волю, да лесное чутье не позволяет. Не шелохнувшись, сидишь ты и вслушиваешься в подбирающиеся звуки, а лиса поскрипывает когтями и подбирается все ближе, ближе...

Не прочь полакомиться боровой дичью и могучая лесная кошка — рысь. Ей не занимать смекалки, как добыть себе пропитание. Всю ночь и даже днем бродит она по заснеженным полянам и просекам в надежде выхватить из-под снега сладостный кусок. И хоть вся зима для глухаря, тетерева и рябчика превращается в одну ночь, но страха они в себе не теряют. Спят и видят сквозь сон все звериные ухищрения, в себе непрестанно их переживают.

Все эти птицы крепко привязаны к зиме. Что-то исчезнет без них бесследно, если отнять у леса стремительный взлет птиц, тихое бдение на соснах в метель, бормотание в ясные морозные дни... А еще их краснобровость и силу, обаяние и неожиданность, с которой они вырываются из-под снега. В конце кон-360

цов, тайну, что уносят птицы от тебя на своих крыльях, а ты смотришь им вслед и не можешь понять, отчего так безудержно бьется в твоей груди сердце.

Что-то удивительно сокровенное и в то же время доступное каждому любознательному человеку таится в глухариной, тетеревиной и рябчиковой лунке. Какой-то сонный и уютный комок чувств, готовый всегда раскрыться и поразить. Птица просто перенесется из одного своего сна в другой и вновь затихнет. Так добра к ним великая зима и так справедлива. Снегами теплыми и мягкими, выюгами задушевными, морозами бодрящими оберегает она глухарей, тетеревов и рябчиков, потому как любит их всех, примечает и лелеет, никуда от себя не отпуская.

Да птицам того и надо: лес всегда немалую заботу о них имеет. В просветах между снами сосны угощают глухарей душистой хвоей. Застывшие березы на всю зиму заготовили тетеревам ароматные почки. Лесная чаща сберегла для рябчиков подслащенную морозами рябину. Ешь вдоволь и опять окунайся с головой в снежный сон, что уносит к сладостным весенним, летним и осенним воспоминаниям!

Но вспугнутые, сны не перемешиваются, потому как просты и бесхитростны. В простоте этой — вся мудрость лесной жизни птицы, ее дикий страх, тихая радость и восторженный полет с песней.

А как удивительно падение птиц с ветвей в сугробы! Снега синеют в сумерках, и только короткие всхлопывания крыльев нарушают воцарающуюся в лесу тишину. Стремительными и легкими плодами слетают птицы и тотчас исчезают, унося за собой под снег невысказанную тайну. Попробуй отгадай ее, когда все казалось ясным и доступным во время их кормежки на деревьях, и вдруг — птицы пропали!

В первую очередь очаровывает та отрешенность, в которую впадают скрывающиеся из виду птицы, и их слияние с зимой. Но главное же — способность продолжать свою жизнь под снегом, закаляя и без того отменное здоровье. Вот это и пленяет всего сильнее!

Ты стоишь, замерев, смотришь на таинственно зияющие в голубом снегу лунки, и что-то вдруг переносит тебя вместе с птицами под полог древнего нетронутого леса. Нетронутость всего живого составляла тогда суть лесной жизни, и дикость ее была, наверное, удивительно приятна. Диковинные древние леса сразу начинали представляться сказочными, а жизнь в них — по-волшебному бесконечной.

С тех незапамятных времен минула бесчисленная череда зим, в которых птицы незаметно мужали и становились красивыми. Все требовалось пройти и увидеть им, переболев суровой жизнью леса, чтобы в конце концов обратиться в настоящую птицу.

Студеная зима повергала птиц в жуткое оцепенение и, наверное, им часто не хватало сил выбраться из ее жестоких объятий. Зима сковывала свободолюбивые крылья ледяной коркой, бушевала лютой стужей и первобытным ветром. А сколько птиц погибло в зубах зверя, прежде чем они научились ускользать от него! Но вопреки всему глухари, тетерева и рябчики выжили, обретая в этих зимах свое имя.

Имя так же, как тело и душа птиц, выпестовывалось веками. Осталась лишь прекрасная и простая суть: любовная страсть глухаря повергала его в слепую околдовывающую глухоту; рябщая в глазах и мерцающая меж ветвей дымчатая пестрота рябчика спасала его от врагов; забавное квохтание тетерева, одиноко сидящего на березе, необыкновенно оживляло уны-362

лый ноябрьский пейзаж. Разве можно было обойтись тут без убаюкивающих зим и снов, в которых птицы забывались и копили свою будущую силу, обаятельную пегость и завораживающее бормотание?

...Лежат птицы под снегом большую часть зимнего времени, вылетая только на утреннюю или вечернюю кормежку. Иногда захочется им промяться, и они выбираются на свет, но никуда не улетают, а бродят поблизости от лунки. Радуются птицы, наверное, свежему зимнему воздуху и возможности опять залечь в свою теплую снежную постель...

В предвкушении скорых снов птицы неторопливо обходят родную опушку, склевывают изредка снег и при малейшем шорохе настораживаются, чуть приподнимая лапу. Успокоившись, вновь неспешно продолжают свою прогулку. Сны еще не совсем покинули их разыгравшееся было воображение, и птицы тихо переживают увиденное про себя.

А бывает, ты сам окажешься виновником их внезапного пробуждения. Натолкнувшись на взлетевших из-под снега птиц, вдруг ощутишь всю радугу чувств, так невидимо живущих в твоей душе. И останешься благодарен птицам и лесу, что породил их в себе и сохранил в зиму.

СЛЕДЫ

Сказать, что зимний вид великолепен,— значит просто неумело оговориться: он сплетен из невероятного числа еле ощутимых, но удивительных жизненных построений. Все они сла-363

гаются, как ни странно, из снега, то отражающего их, то скрывающего.

Медленно кружась, плавно опускается снег на землю, как будто чему-то радостно улыбается. Становясь час от часу гуще, он приятно околдовывает, но не утомляет. Наверное, ему хочется достичь в самом себе всеобщего умиротворения, и это у него, несомненно, получается.

Всегда интересно смотреть на тихое падение снега. Небеса будто переполнены сказочным пухом, воздух весь дышит невидимым движением, и слух поражает необыкновенная тишина. И вдруг с какой-то затупелой томительной болью постигаешь, что наступают бесконечно длинные снежные сумерки, способные застить от тебя земную суть. Только не боишься уже ничего, а сопереживаешь желанию природы.

Весь засыпанный снегом, зимний мир становится удивительной картой жизни. Зайцу, белой куропатке и горностаю снег дает ощущение безопасности. Его используют для укрытия необыкновенные лесные птицы — рябчики, тетерева и глухари. Холодный на ощупь, он обогревает их, даря укромное тепло, благо и покой.

Для человека же снег — особое знамение, порождающее в душе предощущение значительного. Всегда до невероятного близкий ему, он в то же время остается пришельцем из иных далеких времен. Снег приносит с собой мудрую, какую-то очень нужную правду и окутывает собой всю русскую землю, оберегая ее от одолевающих зиму волнений.

По мере того как исчезают под снегом земля, кусты и деревья, все больше появляется следов птиц и животных. Следы оживляют однообразную зимнюю картину и зовут за собой.

Трудно удержаться, чтобы не отправиться в эту пору в лес, разгадывая скрывающуюся за следами тайну. Следы несут в себе много интересного и увлекательного, они открывают человеку то, что он никогда бы не увидел осенью или летом.

С началом зимы всегда чудится, что все живое исчезло из леса. Заметив же следы, ты приятно удивишься и обрадуешься, словно встретил давно забытое, но такое родное. Оказывается, следы жили в твоей памяти, и ты только ждал случая встретиться с ними. Зима великодушно предоставила его...

Опомнившись, поспешишь разглядеть их попристальней, все еще не веря в реальность существующей поблизости сказки. Какой зверь и куда пробежал, что он тут делал?.. С замиранием сердца оглядываешься: может, зверь затаился где-то здесь и вот-вот выскочит из чащи?

Но нет, осталась только снежная память, истаявший запах меха и обаяние зверя. Его нарисовало тебе живое воображение, освеженное зимой. В долгий путь отправилась она, и ты с головой отдался ее следам, и ничего тебе стало не страшно...

С какой-то безоглядной восхищенностью окунаешься ты в уводящие невесть куда хороводы зимы, превращаясь то в лису, то в волка, то в мохнатого филина. Сказки леса неотвратимо подступают к тебе, влекут и не отпускают. Они западают в твою душу следами невидимых животных...

Первая страница зимы открывается с первой порошей, и автор этой белой книги — природа. Как много в ней записей, и сколько удовольствия доставит она любознательному читателю!

...Выпадет снег за ночь, а под утро все стихает. За окном покойно, светло, уже по-зимнему мягко тикают в доме часы. На противоположной стороне лога ребятишки скатываются на

досках, и их восторженные крики вязнут в замороженной тишине. Зато слышно, как перелетают на большой березе сороки, осыпая снег с ее ветвей.

В снежное морозное утро хорошеют замершие поля, леса и даже птицы. Все кажется ухоженным и уютным, так что не хочется ничего делать. Только взирать и быть очарованным.

Пороша — это еще одна земная благодать, когда так хорошо и весело бродить по снегу, разгадывая свежие звериные следы. В порошу свежо и холодно бьется сердце и хочется объять весь мир, словно ты идешь навстречу своей свободе, чтобы творить только радость.

Медленно и незаметно входит в тебя чистейшая снежная тишина, и нет никаких плохих мыслей. Все дело в пороше, ее ровном, ненавязчивом свете. Чуть волнуясь, идешь и не боишься, что радость исчезнет.

Вся эта чистота белеет так нетронуто, что страшно ступать по ней. Страшно нарушать ее невинность. До боли приятно пронизывает она затаившееся в преддверии зимы сердце.

Ты идешь, думаешь обо всем этом и еще о том, как сейчас светло и покойно в лесу. Что набегали за ночь зайцы и белки, где рыскала лиса и отчего на окраине старой большой поляны изрыт в грязь весь снег... Ведь следы на снегу — это не только примета или признак угасшего прошлого, но и отпечаток проскользнувшей мимо тебя жизни. Зимой в лесу не пропадешь из-за множества следов на снегу. Пойдет снег, говорят, оставишь и след, а снегу нет — следа нет.

По следу до всякого зверя можно дойти, и всякий след в народе имеет свое имя. Заячий — малик, лисий — нарыск, волчий — сакма, медвежий — переступы, след такого мелкого зверька, как горностай или ласка, — побегка, а хорошо заметные

кресты, уводящие в заснеженную хвойную глушь, принадлежат глухарям. Торный же след выдры или ондатры, протянувшийся сплошной полосой от одной излучины реки к другой, зовется лазом... Все они друг на друга не похожи, как и звери, что оставляют о себе на снегу хрупкую память и всю зиму безуспешно от нее убегают.

Для домашних животных зима начинается с заботы о них человека, с заботы о их сытости и тепле, потому что от этого зависит добро хозяина. Темно-синими вечерами скот успокоенно дремлет под неторопливые женские разговоры во время их привычной вечерней работы. В уютном тепле замкнутого парного хлева животные чувствуют себя до дурноты безропотными. В них сосредоточены доморощенность зимней деревни, ее сирое обаяние и быт.

Лесным же обитателям приходится позаботиться о себе самим, и с того, как это делают многие из них, начинается главная сказка русской лесной жизни.

Наступает на лес трескучий холод, земля еще больше покрывается снегом, и мороз надежно скрепляет ее белые одежды. Незаметно подкрадываются бесноватые силы тьмы,— ночи становятся длинней, а свет короче. Зима залегает все глуше и глуше.

Замирает повсюду лесная жизнь: для многих птиц и зверей она на неопределенное время отступает, потому что не может быть еще между ними любви, как у человека. Но не все лесные жители забывают в эту глухую пору о продлении рода и жизни. Зима для них оказывается богатой на труды, предшествующие приходу весны,— это время невидимо зарождающихся для человека лесных свадеб, как это происходит у воронов или клестов, а у медведицы в январе появляются медвежата.

Неслышно течет зима для кого-то из зверей в предвкушении будущего рождения, а для других, пока и не мечтающих о продолжении рода, она холодна и страшна инстинктом выживания. В этом заключается ее смысл: белесое солнце и горячая кровь, напрягшиеся от мороза звезды и закипающее в остервенелом беге дыхание... Всем и каждому в меру отпущено природой сил.

Так, видно, угодно невидимому лесному богу, круглый год правившему зверьми и стерегущему их. Не боится он, что снег зверям беду накличет, а наоборот, сбережет и успокоит. Следы же на снегу — утеха тем, кто без сказки жизнь свою не представляет, находя удовольствие в том, чтобы бесконечно распутывать клубок неизгладимых лесных впечатлений...

Переступы

...Переступы медведя неторопливы, даже подавляющи. Так и чудится его громоздкость, ленивая неповоротливость. Нехотя переваливаясь, медведь как бы сразу забывает о том, что минуло, и ни о чем, кажется, не заботится. Бредет себе куда-то, в безмерной мощи своей звериной утопая. Некого ему страшиться в лесу, и оттого медведь горя не знает. Обремененный силой, он безбоязненно ходит неслышно ночами, а на день залегает в разрытый им муравейник.

Ни с чьим другим медвежий след спутать нельзя. Пухлую, широкую ступню с мякишами пальцев разберет всякий. К тому же след медведя очень большой, а подобные ему звери в наших лесах не водятся.

Иногда следы медведя вызывают улыбку,— такими они кажутся непутевыми и косолапыми. Просто какой-то неловкий недотепа проковылял без всякой цели по лесной дороге и затерялся в чаще. Ровно зверь и сам не ведает, для чего он родился и что надлежит ему в жизни делать. Бестолково мотается по лесу, веселя всех своим неподражаемым обаянием.

Внутренняя лесная жизнь хорошо отражается именно в медвежьих переступах, потому как несет в себе сокровенность леса и его дремучесть. И тут немудрено напугаться, неожиданно натолкнувшись на недавнее присутствие зверя. Особенно когда заметишь провалившиеся в сыром снегу следы медведя после зимней спячки. Следы утопают до самой земли, и ты невольно насторожишься и присядешь перед ними.

Ощутимость медвежьей поступи наиболее цельно возникает именно ранней весной, когда снегу еще много и зверь только поднялся из берлоги. В этих зияющих снежных пустотах затаилась непредсказуемость медведя, его неограниченная свобода. Истратив за зиму все запасы, медведь бродит по еще не проснувшемуся лесу злой и голодный.

Любого могут уstrasшить такие следы, грозно исчезающие в глубине леса. За каждым выворотнем видится опасность, а тяжелый пасмурный воздух только усугубляет это неприятное впечатление. Вмиг разыгравшееся воображение живо рисует яростного и хищного зверя, поднимающегося перед тобой на дыбы. Не сравнить его с тем косолапым недотепой, который впопыхах убегает от человека, столкнувшись с ним летом в малиннике.

И все же хочется идти по этим следам, ступая прямо в них мокрыми сапогами. Крошащийся снег затупело холодит твои

ноги, и в ноздри ударяет запах сырой хвои. Идти сообразно медведю очень сложно, и вскоре ты сбиваешься с ритма его шагов, а затея идти по медвежьему следу представляется пустой.

С бьющимся сердцем вглядываешься в неспешно удаляющиеся в снегу провалы, и на душе отчего-то становится хорошо, но и грустно оттого, что не увидел ты медведя, но знал, что он существует, что шел он прямо вот тут лесной чащей и в ней же сгинул, как будто его и не было. А следы остались приятным воспоминанием о величественном звере, в котором так много темного и неповоротливого.

Любящему лес человеку много радости приносят увиденные следы медведя. Редок этот зверь, не всякому даже умелому следопыту доступен. Да и тайга, в которую ты забрался, уже не кажется такой пустячной. Лесной архимандрит словно освящает ее своим присутствием, привнося и крепость духа, и невысказанную тайну.

Но человеку на него молиться не пристало. Надлежит лишь не трогать зверя, восхищаться его силой и остерегаться встреч, осторожно постигая все секреты косолапого. Медведь тогда ответит тебе лесной заботой и интересом, и назовешь его с почтением — Михаил Иванович...

Сакма

Все в медведе кажется соизмеримым, и даже при всей темноте его как-то без страха воспринимаешь существование зверя и вероятность столкновения с ним. Силен, говорят, медведь, да воли нет: она выкована в волке, который хищник по природе.

И хоть известно, что всякий год волк линяет, но нрава своего при этом не переменяет.

Волка ноги кормят, и не боится он след за собой оставить. Бывает, целую тропу волчья стая за зиму набьет, но с пути своего не своротит, если добыча им дорога.

Одиному путнику встреча с волком хорошего сулит мало. Ничто не сравнимо с неожиданно всплывшим для зимы чувством страха, когда ненароком оказываешься в лесу один на один со зверем. Хорошо, если выскочивший перед тобой зверь напугался еще больше, быстро ретировался, и тогда все случившееся обретает счастливый смысл.

Но вокруг залегла зима, и ты понимаешь, как восприимчив теперь волк. Зима торит ему тропку наглуую, нахрапистую, и зверь сразу замечает, как человек относится к нему. В отличие от собаки, он более выдержан и умен: волк точно знает, кого ему следует опасаться, а кого — нет.

Волков у нас никогда не любили и боялись настолько, что местами волком называть избегали, дабы встречу с ним не накликасть. Волком на Руси прозывали вконец просрамленного, проворовавшегося человека, которого водили по деревне в шкуре украденной им скотины, сопровождая бранью, побоями и хохотом. После того человек тот навек был опозорен.

Благодаря особой свирепости и силе, какой-то непостижимой волчьей сути, народная молва приписывала этому зверю почти колдовские чары. Зверь-оборотень, вурдалак, мог обойти любого человека, и не уйти тогда тому живым. Растворившись в серых смерках, волк возникал там, где его не ждали, и исчезал так же незаметно, как и появлялся.

Неприхотливый, выносливый и умный, волк никогда не был

прямолинеен и, кажется, хранил в себе всю звериную волю. Неутомимо и нестигаемо преодолевая бескрайние снега, он нес для обитателей леса здоровье, прося за то совсем недорогую плату. «Упрямая овца — волку корысть», — всегда примечали умные люди, и это было мудро, потому как, по той же народной примете, добычу в зубы зверю сам Георгий давал.

Что и говорить, не про волка растут красные яблоки, и создан он таким всем на благо. Неуловимой серой тенью существуя где-то рядом, волк учит многому, остерегая становится равнодушным к жизни. Собаке — не ступать на волчий след: оглянется, а там ее и нет! Человеку — не ставить недруга овцою, представляя его самим собою... Не в меру прыткому да непутевому всегда с лихвой заметят: не суйся в волки, когда хвост телкин!

Кое-кому через волка следует усвоить добрый ум, скромность и честность. Если пастухи воруют, а на волка поклеп идет, — не забывают ли они о собственной душе?! И на самом ли деле ненасытный человек смиреннее сытого зверя?! Всякий должен задуматься про себя: отчего он не заметил, как волк носит, а только волка понесли — сразу углядел?

Всегда человеку было удобно свои грехи на волка списывать, вот оттого он и приучился верить зверю в тороках. Мертвым, а не живым предпочитал видеть человек волка, и не подозревая о том, что сам его к себе своим страхом привязывает. Не зря говорят: где про волка дума и речь, там он тебе и навстречь.

Но несподручно волку сеном брюхо набивать, — так уж он устроен. Бояться же его зимой потому, что он больше голодом ее проживает, в отличие от лисы-лакомки. И разве не поверишь тогда горьким волчьим слезам, которые проливает он под яс-372

ным морозным небом?! Вот старики и считали встречу с ним к добру, как если бы то была девка с полными ведрами, жид или медведь.

Твердо и целенаправленно тянется через всю зиму волчий след: выдержан ход у стаи, несуетлив. Не сворачивая и не останавливаясь на мелочах, движется она в поиске желанной добычи. Кажется иногда, что и не нужна она волкам вовсе, а влечет их какое-то неясное им самим беспокойство. Ни ненасытности в том нет, ни спеси,— только терпение, достоинство и воля. Так ее у зверя много, что, кажется, он даже не знает, куда ее девать. Может он в ней захлебнуться, как в снегах и метелях, а может благодаря ей спастись. Манит неудержимо волчья тропа и пугает.

Обычно волки идут рысью, к поживе — шагом. От опасности же бросаются в карьер, что на них совсем не похоже. Но как ни поворачивай судьба, а волку роль убегающего не подходит: привык он в лесу особняком держаться, как будто не замечая ни рыси, ни кабана, ни медведя. Дела волку нет до чужой силы, если она попытается дорогу ему перейти да в лесу рождена,— гордо и независимо несет он свое звериное звание.

Следы у волка, как у лисицы, ложатся ровной цепочкой. Расстояние между следами одинаковое, в отличие от собаки. К тому же у собаки след разбросан, а у волка — прямолинеен, собран. Перед тем как лечь, он скидывается по ветру и укладывается через несколько сот метров. И всегда маскирует свой след, выбирая при этом старые следы и дороги.

Нельзя сказать, что след волка — большая редкость, но иной раз проходит половина зимы, а ты его так и не встретишь. За своими интересами о зайцах, белках и глухарях начисто

забудешь о существовании зверя. Натолкнувшись же, как-то необыкновенно обомлеешь и глядишь на него заворуженно. Сразу готов все бросить и идти по следу, чтобы угадывать, читать, впитывать: ведь это волк, самый красивый и удивительный зверь!

Но не угнаться тебе за стаей — волки прекрасные ходоки. Недаром говорят: волка ноги кормят. Вся жизнь зверей проходит в непрекращающемся движении, и в этом заключен смысл их жизни, приемлемый и для человека. Десятки километров преодолевают волки за сутки, оставляя за собой глубокую борозду. Кажется, что даже снег почтительно расступается под их крепко сбитыми грудными клетками,— так волки в своем зверином стремлении свободны.

Ум волка хорошо виден там, где он использует в снежные зимы дороги: по ним удобно передвигаться и охотиться. Зверю есть отчего не доверять людям, но он не упустит возможности пройти и по лыжне. Понимает серый свою прямую выгоду так, что даже страх ему не помеха: ведь уплотненный снег не только его самого выдерживает, но и зайцам помогает, которыми при случае можно поживиться.

При всей своей скрытности, волк немало интересного на снегу оставляет, если ты, подобно ему, неумоим. Вот у самой опушки березового леса два голодных зверя загнали бедного зайца. Весь снег здесь изрыт, истоптан и усыпан клюквой смерзшейся крови. Солнце высвечивает ее так неожиданно на белом фоне, что закрываешь глаза и сразу представляешь, как все это происходило...

А где-то в глухом и завьюженном декабре вдруг упрешься во взбитую стаей тропу, и войдет она в тебя осиновым колом.

Тотчас перехватит дыхание, кровью сердце заохолдит, так что не в силах охватить увиденного. Чудятся тебе волки где-то совсем рядом, вон за тем синеющим у лога ельничком...

Впереди волчица, за ней прибылые, а замыкает цепь матерый зверь. И будто замер он у самой кромки леса и оглянулся, вперив в тебя холодный взгляд, но не повернул, а растворился в мгновение, ровно его и не было... Страшно и хорошо становится на душе, а низовая поземка замечает волчий след...

Когда долгожданный март гостеприимно распахнет синие объятия и примет тебя в свое уютное лоно, ты отдашься ему с головой и все позабудешь. Без памяти окунаешься в это пьянящее царство света. Все живое сейчас живет по его законам, а волки оставляют в нем свои следы. Это вытоптанные в глуши леса поляны, где совершаются скрытые от посторонних глаз волчьи свадьбы...

На них волки отрешенно предаются своей любви, и вся страсть их совокупления остается на снегу. Лес, кажется, расступается от присутствия возбужденных животных. Снег у кустов окроплен мочевиной волчицы, и желтизна ее сливается с солнцем и слепит. Все увиденное поражает и повергает, и хочется жить волчьей жизнью,— так же страстно и отрешенно.

Разгадывая все эти волчьи заботы, ты испытаешь незабываемые чувства и всякий раз удивишься звериной смекалке. Хладнокровная нестигаемость будет ощущаться в ней, каким бы волк ни был усталым. И еще зверь без обиняков даст понять: коли волком родился, лисой ни за что не бывать!

Волк — воплощение настоящей тайны, подаренной человеку лесом, а следы на снегу — это его незамерзающая душа. В них зверь бредет неустрашимо через всю зиму, наверное, не

очень переживая за уготованную ему судьбу. Свыкнувшись с постоянным преодолением своего жизненного неустройства, волк как бы забывается в зиме, и она его не пугает. Он удостоен такой нелегкой участи как избранный — волк очень многое пережил и знает.

Постоянно гонимый людьми, волк все же по натуре своей не является исключительно злобным хищником. «Двуногий волк опаснее четвероногого,— замечают в народе.— А иной раз и то бывает, что овца волка съедает». Вот и сказочный волк говорит человеческим голосом и одарен необычайной мудростью. Его даже наделяют крыльями: быстрее ветра переносит он царевича из одной стороны света в другую, помогая ему добыть чудесную жар-птицу. Да только в сказке волку праздник!

Видно, вовек не сыскать ему в лесу своей правды, а у человека тем более! Вынужден волк любить за то темноту зимнюю да долгую: в ней ему беду свою ненавистную миновать сподручнее. Воем он от голода и холода на бледноликую луну, так что в жуть людей бросает. И даже некрещеный перед Богом при этом прекрестится.

Оконца

Трудно увидеть зимой лося. В густой еловой тени, на фоне темных стволов деревьев, звери стоят такие же темные и неприметные. Стоят неподвижно, чуть шевеля ушами и мягкими губами.

Скупое зимнее солнце с трудом проникает в этот хвойный мрак, и лося почти невидимы. Нужны наметанный глаз и хоро-376

шее знание леса, чтобы сразу различить этих крупных животных. Только легкие облачка прозрачного пара выдают зверей.

Любят лоси зимой держаться потаенных отложков какой-нибудь невидимой реки. Очутившись после бесконечности нетронутой белизны в этом укромном царстве, зачарованно разглядываешь глубоко темнеющие в снегу наброды, горки шоколадного помета, чуть подтаявшие и гладкие лежевины. Где-то здесь, рядом, складывается их неторопливая звериная жизнь, и лоси представляются совершенно безобидными. В глубине зимы пыл их осенних сражений как будто начисто угасает, уступая место добродушной размеренности и покою.

В сильный мороз бывает, будто от старых елей стоит стон, и тогда лоси вздрагивают и настораживаются. Но никто их здесь не беспокоит, и они быстро успокаиваются. Получается это у них очень занятно, может быть, чуточку угрюмо, и звери опять размеренно поводят своими вытянутыми мордами, как будто недоумевая: чем еще может удивить их зимний лес?

Не всегда удается встретить зверей в нем, и ты часто просто представляешь силуэты двух лосей, неторопливо удаляющихся по заснеженному взгорью твоего лесного прошлого. Лоси то останавливаются и настороженно поворачивают морды к тебе, то, вздрагивая шкурой и неловко мотнув мощно вылепленными головами, медленно растворяются в черном лесу.

Оконца их следов в подмороженном с утра снегу слегка голубеют и замораживают своей глубиной. Тотчас представляются сухие, как палки, ноги, очень стройные и крепкие, с гулками массивными копытами, чуть вытянутыми в отличие от

лошадиных. Хочется даже дотронуться до их глянцевой прохладной костистости и ощутить необоримую силу.

Близость зверей, их совсем не кажущаяся доступность очень приятны. И еще понимание зверьми происходящего, которое для них и обыденно, и чудесно, включающее все их нехитрые лесные заботы. Длинные ноги с узловатыми коленками, голенасто перемахивающие через синие сугробы, вспоминаются почему-то чаще всего.

Несмотря на то, что из лесных жителей лоси — самые крупные животные, они в то же время самые милые существа. Это понимается именно зимой. Следы тянутся без разбору от одного деревца к другому, и только ободранная кора свидетельствует о зверином желании. Оно неизменно: лишь бы не переводилась сочная осинка да прочая молодая поросль. Лосю она — за милое дело!

Лось вообще во всех отношениях замечательное животное... Какой-то по-своему восприимчивый и тихий, он особо ничем в лесу не выделяется. Живет себе мирно, не тужит и радости никакой особой не выявляет. Мерно и незлобиво протекают его лесные годы.

В синих снежных сумерках увидишь однажды понурые тени застывших у опушки леса зверей и отчего-то умилишься. Ровно встретил старых, давно утерянных знакомых.

А лоси по-прежнему стоят, молчаливо поглядывая в твою сторону, и только мягкие губы выдают напряжение. Губы изредка вздрагивают, словно звери не знают: бежать им или оставаться на месте. Забавны эти их нерешительность и простодушие!

Бывает, следы зверя говорят о нем больше, чем он сам.

О его незатейливой жизни или же чрезмерной свободе. Порой они негодуют, кричат, просят пощады и милосердия... Следы вызывают, скорее всего, к человеку, к его горькому опыту и воле. Но не понимает человек звериных следов, а бросается по ним в азарте охоты...

Такая горькая участь уготована лосю поздней осенью, в отличие от дурака, которого бьют завсегда. И все из-за того, что лось оставляет кровавые следы, по которым его несложно отыскать. С первым выпавшим снегом для лося наступает пора отчуждения: нет ему в лесу покоя. Собственные следы оказывают зверю медвежью услугу.

«Сочат» охотники сохатого по крови, оставшейся на снегу, безжалостно добирают, не думая, каково зверю уходить от такой напасти. Как несуразно для него это преследование, когда за ним пластаются, скрадывают, мытарят. Огромный и сильный зверь в агонии теряет голову, беснуется и в конце концов затихает. Не стоять ему больше мирно на вырубке, не подпирать собой потаенный лесной пейзаж. Свои следы привели лося к этой обрушившейся на него кончине, и окропил он снег остатками былой красоты и силы.

Все это налагает на лося тяжелые думы, с которыми бродит он по заснеженному лесу. Угрюмой безысходностью веет тогда от его следов, какой-то удрученностью и горем. Будто неприкаянна его судьба в лесу, им самим непостижима.

Тянутся лосиные поволоки, как бесконечная строка в истории леса, обескураживают и почему-то не манят. Бросив на них взгляд, с легкостью почувствуешь себя человеком, но непонятная тяжесть остается. Долго несешь ее в себе, пока она постепенно не истает. Следующий след встречаешь по-усталому,

с неохотой, и все же постепенно к нему привыкаешь: в лесу все кажется значительным, интересным.

Иногда след лося в глубоком снегу вводит тебя в необъяснимое оцепенение. Как лось, бредешь ты по нему, утопая в зиме и ничего, кроме него, не замечая. Белый снег, белая пустота обтекают твою душу, и она начинает казаться тебе неживой, навечно уснувшей. Столкнувшись же с каким-либо ярким проявлением жизни, ты оживаешь, и заснеженный лес вновь обретает свое лицо.

Ты приободряешься и уже пытаешься взглянуть на лес глазами лося — печальными, большими. И тогда нечто загадочное начинает снедать тебя, и ты забываешься в белом безмолвии, воображая, как непостижимо и бездонно лосиное существование... Оно, должно быть, такое нелегкое, тупое...

Вокруг молчаливо стоит лес и как будто ждет от тебя чего-то. Словно не понимает, что ты не его житель: не лось, не медведь, не выдра. А может, он принимает тебя за зверя, выпущенного на свободу, и заботливо склоняет над тобой свои дремучие мысли. Ты же не знаешь: хочется ли тебе быть лосем или следует оставаться человеком.

Так, благодаря глубокому лосиному следу, оставленному зверем в муках, ты как будто заглядываешь через него в распахнутое им оконце и постигаешь что-то неизмеримо большее, нежели лосиная жизнь. Может, это синие сумерки, что втекают в тебя холодным зимним цветком, а может, ты сам, как лось, начинаешь плыть в белом воздухе, переживая небоящимся сердцем всю эту занемелую стужу. Ее открывающийся простор и отчаяние вмиг охватывают тебя и, к твоему небывалому удивлению, согревают.

Нарыск

Во все времена лиса считалась воплощением хитрости, но хитрость, как гласит народная мудрость,— ум слепого, лисицу же слепой не назовешь. Скорее, лиса по-настоящему умна и обладает догадливостью, какой бы позавидовал любой человек. Где лисой, где волком норовит проскользнуть она, а то и семерых волков проведет.

Весь нрав ее — на свою особую статью, из-за которой лису в народе «кумушкой» зовут. «Лисой пройти» — в его устах значит сначала обворожить, а затем вокруг пальца обвести. И льстит, и манит лисье племя, не позволяя никому вовремя опомниться.

Благодаря своей повадке лиса все равно себе курятинки добудет, как ни стереги собака от нее двор. Спит лиса, а во сне кур щиплет. Видит, наверное, как нанялась на птичник беречь их от коршуна да ястреба... Что из этого получилось — всякий знает.

Хитрая, проворная лисица не забывает свой хвост хвалить, потому как он ее следы замечает. В чистом поле — увертыш, лиса все хвостом прикроет и никогда на него не сядет. Оттого она всегда сытей волка и бывает, что держит свои ушки на макушке.

След лисы дает довольно полную картину жизни зверя. Без особого труда можно судить по нему о возрасте, поле животного, где лиса была и что делала, какое у нее настроение, голодна она, в конце концов, или сыта. Даже не похоже это на изворотливого зверя, казалось бы, постоянно скрывающего свои повадки. Да только бывалый в лесу человек знает, что когда ищешь лису впереди, то она у тебя позади.

Ее овальный, чуть удлинённый след знатоки между собой называют «лодочкой». Мягкость ему придает пяточная мозоль в форме червонного туза, выраженная не очень ясно. Да и ходить лиса предпочитает по чему-нибудь более мягкому, в отличие от собаки, которая тупит когти о твердый грунт. Следы лисы легки, ажурны, словно бисер на ниточке, стелются они по снежному покрову.

Обычный ход лисы — спокойная трусца, с равным расстоянием между следами, когда она неторопливо передвигается в поисках поживы. Зимой лиса смекает быстро, что ненадежно ей ловить рябчиков да тетеревов. Куда добычливей разыскивать мышей...

Бегит Патрикеевна по белой скатерти и прислушивается — не пискнет ли мышь. Если следы ее сближаются, значит, она перешла на шаг, сулящий скорое нападение. Заслышит лиса слабый звук — замрет, затем подпрыгивает и крепко ударяет передними лапами по снегу. Аккуратная ямка, мгновенно истаявшее в воздухе облачко искрящейся пыли и две капельки крови — все, что осталось от бедной мышки.

След в гору, похожий на заячий, лисица оставляет, когда поднимается галопом. Так стремительно уходит она от преследования или неожиданной опасности. Вся подбирается в огненный шар и бросается в спасительную чашу. За просто так лиса никому в ловушку не дастся: мордой снег роет, хвостом след замечает,— только ее и видели!

А еще бывает у лисы такой ход, который не встречается у других зверей. Его можно сравнить только с куницей, но отпечатки лап у лисы расположены ближе друг к другу. Как говорят охотники, лисица идет «наметом», где-то поблизости почуяв

ничего не подозревающего зайца. Словно заправская швея, намечает она неукоснительную строчку своих стежков: вот-вот несдобровать незадачливому косому.

Старая лиса, говорят, даже от свирепых собак огрызается, однако и молодой тоже доверять нельзя. Обещает лиса под конец жизни в монахи поступить, да только когда это будет! Столько коварства кума за свою жизнь хвостом наметет, что проделки ее каждому оскомину набьют, а ничему не научат. Лиса все равно любого объегорит и на звание не поглядит!

Изворотливость лисы простирается так далеко, что она старается по своему собственному следу передвигаться, чтобы лишних следов за собой не оставлять. Чувствует рыжая, где ее меньшая беда ждет, и старой пяты не гнушается. Облюбует какой-нибудь лесок и живет в нем барыней: хитрее себя в округе никого сыскать не может.

Меньше медведя, волка и рыси, лиса как бы замыкает в себе лесную хищность, но, не в силах сдерживать ее, вынуждена маскироваться. Густой рыжий мех, симпатичная мордочка и неподражаемый хвост даны ей для красоты и изыска изодренной природой, способной позволить себе обман ради постоянного процветания. Лиса не в состоянии быть доброй, она — разрушительница всех устоев!

Столько ухищренного лукавства может быть заключено лишь в лисьей красоте, ее непревзойденных и тонких повадках. Поступь ее, подобно роковой женщине, грациозна и нетороплива, а поступки чарующи и необъяснимы. Всякого околдует лиса, но при этом куска своего не упустит. Порой даже кажется, что ей самой себя опасаться приходится, до того она противоречива.

И все же лесной дух берет в ней верх. Возникая в самые крайние моменты, он урезонивает спесивость зверя и как бы ограничивает его вседозволенность. При всей своей разнузданности лиса начинает относиться к жизни с должным уважением.

Следы лисы зимой всегда попадутся тебе на глаза. Не в пример волку, часто лисица не боится подходить вплотную к деревне. Близехонько подкрадется, рыская лунными ночами по задворкам, накуролесит, наплетет свою премудрую вязь, так что плюнешь в сердцах: опять связался ты с блудной кумой, позабыв обо всем!

А лиса, хоть и в азарте охоты, идет очень экономно. Так бережно ступает она, стараясь меньше вязнуть в снегу, что не только брюхом, даже хвостом не счертит никогда. След ее аккуратен, чист: как не позавидуешь тут звериной выдержке и знанию!

Лисичка довольно-таки коротконога, и по рыхлому снегу ступать ей несладко. В такую пору следок ее тянется от елочки к елочке, где под навесью густых лап снег оказывается помельче. Заметив поваленные ветром деревья, лиса устремляется к ним, идет, насколько возможно, по стволу, а затем прыгает с его конца к подвернувшемуся опять укрытию.

Проведя всю ночь, а то и утро на охоте, лиса выбирает место для дневки где-нибудь на возвышении. Отправляется она туда без особых предосторожностей. Хитроумных сметок и петель, как заяц, лиса не делает, а лишь иногда, сбросившись с тропы, ложится так, чтобы видеть свой след. Свернувшись калачиком, лежит она обычно на боку, подобрав к животу передние и задние лапы и закрыв их пушистым хвостом. Хвост ее от

простуды предохраняет, через него она вдыхает уже отогревшийся воздух.

Лисьи лежки встречаются в лесу редко, и ты с удовольствием рассматриваешь их, представляя, как лиса лежала тут, свернувшись, изредка поглядывая да послушивая. Для самой же лисы такие дневки представляются простыми и неприхотливыми: не резон лисе устраивать в зиму меховую лавку, где, застав ее, мужик посмеется. Заботится лиса о своей шкуре, которая составляет лучшее, что она имеет.

Зимой налет всех ухищрений и безнаказанности как бы спадает с лисы, и она предстает просто одиноким зверем, вынужденным по мере сил перебиваться в уснувшем лесу. Может, оттого она и тянется к деревне, где есть поля и дороги, и какое ни на есть пропитание. Неспроста переселилась лисонька и в сказки, потому как хорошо знакома и близка русскому народу.

Никто не думает смотреть на лису в сказках с ненавистью: ее находят приятной и даже красивой. Скорее, радуются в них люди ловкости, которую обнаруживает плутовка, чем негодуют, и потешаются над теми, кого она оставляет в дураках. Лиса своим присутствием и следами возбуждает в народе тонкое понимание леса и неравнодушное отношение к собственной жизни.

...О многом может рассказать оставленный на снегу лисий «нарыск» — мягкий, нацеленный. Цепко тянется он по зимнему лесу, сворачивая только по надобности. Нелегко человеку угнаться за ловким зверем, которому лес оказывается любимым убежищем. И человек читает следы и восхищается звериным лукавством: ай да лиска-лиса, подбрюшье лазоревое, хребет бобром! И по траве она ползком, и по воде плавком, а умом и вовсе сударыня, — век ищи, а хитрее зверя в лесу не сыщешь!

Малик

Всю зиму петляет по лесу наш вездесущий заяц. Вдоль лесных дорог разыскивает осинки, что послаше, днем по балкам да оврагам скрывается, а как сумерки — отправляется к селеньям поближе: не уронил ли кто клок сена, не осталась ли беспризорной яблонька?

Похаживает зайныка по ельничкам, погуливает серенький по осинничкам, — вроде бы ему горя мало. И хоть складывают про него в народе загадку: «По лесу-лесу лисье жаркое в шубейке бежит», — он оттого не унывает. Заячий малик, бодрящий и прыткий, вьется себе через всю зиму, словно поземка в полях, и никогда не истаивает.

Следы зайца из всех зверей, пожалуй, самые запоминающиеся. Аккуратные, будто капля на каплю похожие поскоки всякий видал и хорошо знает. В них видна скорее решительная осторожность косоного, нежели издавна приписываемая ему трусость, которая, впрочем, не мешает зайцу и на свой промысел ходить.

Пуще воли своей, должно быть, любит зайка погрызть осиновую кору. Там, где лось осенью побывал, повалив рогами небольшие деревца, зимою заяц себе обеденный стол налаживает. Вытопчет снег — что танцевать впору, а уж веточки сладкие до белизны снега источит. Чуть ли не сахарными они от этого становятся и так безжизненно в сутроб уткнутся, что пожалеешь их даже за такое обращение. Зайцу же все эти переживания невдомек!

Сил ему зимой надобно прибавлять, чтобы от опасности невредимым уйти. Рысь с лисой ему всю жизнь на зады так и

наседают, передохнуть не дают. А уж о человеке и говорить не стоит: недаром большинство поговорок о зайце — охотничьи. Заяц в них выглядит отнюдь не недотепой, а все больше ловким, сметливым зверьком, за которым гнаться далече, и покуда его достанешь — с парой зайдешься! И вот любо охотникам целыми часами тягаться с косым, да только пока они зайца убьют, целого вола съесть можно. А если за двумя зайцами погонишься, и вовсе ни одного не поймаешь!

«Коня положили, а зайца уходили!» — вот как говорят о нехитрой, казалось бы, добыче. Но не дорог охотнику конь — дорог заяц! А ведь только рубль бежит, когда его сто догоняют, и как еще пятьсот споткнутся, да неоцененный убьется?!

Что с того, что заяц мал,— храбр он, видать, по-своему и удал. Живет он в лесу на слуху — попробуй его стронь в узер-ку! — задолго тебя угадает и айда петлять через овражки. Вот и получается, что собака — за зайцем, а заяц — за волей.

В народе и с именами зайца не было никакого сладу! Покорности, какой-то смиренности со своей судьбой ни за что в них не услышишь. То его прозовут по-непристойному для поста, папахивающему содеянным не раз грешком,— скоромча, а то, хоть и не без улыбки, но с внутренним восхищением вперемешку с уважительностью,— ушкан. Особых «профессоров», выписывающих на снегу замысловатые и недоступные строки, обозначат кривнем, с оборотнем же, поразившим своей изворотливой изобретательностью, обойдутся в речах как с выто-ропнем...

Всем заяц взял и без potrzeby ему быть больше, чем он есть на самом деле. В меру благоразумен, осмотрителен и быстр, он любим в народе, несмотря на то, что раньше зайчатину

считали поганой пищей. Встреча с ним якобы даже предвещала несчастье, и зайцу, перебежавшему путь, надобно было через плечо обронить: «Пень тебе да колода, нам путь да дорога!»

Все белое, связанное с зимой, именовали не иначе как зайцем. Так окрестили клуб белого пара, выходящего зимой из жилого теплого строения. Это название относится в народе к синим огонькам, перебегающим по горящим угольям. Промерзлые, покрытые клубоватым инеем места в углах избы обозначали тоже его прозвищем. Зайчиком обернулся и беглый отблеск морозного солнца в зеркале...

В самом имени зайца сразу представляется зима, которая стелет ему постелюшку пуховую. Мягче заячьей шубы она, чище месяца. Заяц в нее с головой забирается, да еще раскопает под собой осиновое поленце и грызет его чуть ли не всю зиму. Сладко ему коротать ее в сугробе, душевно.

Заяц и летом зиму, наверное, ждет, и осенью, чтобы поскорей ее спасительной белизной укрыться. И так ему хорошо в ней, спокойно живет, что не боится он следы за собой оставлять. Семь потов с тебя сойдет, пока ты его петли да сметки распутываешь, а порой и хвоста не увидишь! Но и по заячьему следу иной раз доходят до медведя.

Вся сила у зайца в лапах, которые у него зимой словно лыжи становятся. Заяц на них тихонько ковыляет, присаживаясь возле торчащих из снега веточек, и ничуть не проваливается. Страшней рыси с лисой для него в эту пору только филин да неясить, которым с воздуха сподручней за лопоухим охотиться. Тут уж не спасут ни лапы, ни белая шкура, и заяц поневоле бежит, если лететь не на чем.

Бег зайца, благодаря тому, что у него передние лапы много короче задних, совсем особенный, с прискоком. По той же причине он на гору бежит гораздо легче, нежели под нее. Со стороны все эти передвижения представляются очень забавными, даже смешными...

Но если зайца выгнать с опушки в чистое поле, от кажущейся хромоты его и следа не останется. Так припустит косою по закраинке, что диву даешься — и это с лапами-то его колченогими! Чует заяц простор родимый, — ни пулей, ни посвистом его не остановишь.

Бегают заяц всю зиму по лесу, елочки своих следов повсюду оставляя, и веселья ничуть не утрачивает. Даже отсутствие хвоста его не особо трогает: не дал Бог ему такого дара, и не надо! За то его, наверное, куцым и прозвали... И даже если зайца все-таки поймали и съели, — мех его носят да похваляют.

Побежка

Когда уже изрядно уляжется в лесах снег, начинает попадаться след куницы, которая печатает парные продолговатые ямки, расположенные наискосок друг от друга. Словно в башмачках ступает куница по снегу, аккуратно ставя задние лапы в лунку, проделанную передними. Но часто она «троит», вынося одну из лап слегка наперед.

Кунице в начале зимы передвигаться по рыхлому снегу довольно убрдно, и потому она использует верхний ярус леса. По деревьям она лазить и скакать мастерица. Идет «грядой»

с одной верхушки дерева на другую,— в зимнем лесу ей тут и дом, и пожива.

Выбрав себе гнездо где-нибудь в полости старой липы, куница держит его в чистоте и порядке. Строгая и основательная хозяйшкa, она так же строго следует всему в отыскании добычи. Не зря в старину говаривали про нее: «Кунь да соболь бежит, а баранья шуба в саях дрожит».

Все в облике куницы соответствует ее охотничьей сути. Туловище тонко и изворотливо, широкая голова на короткой шее необыкновенно подвижна. Низкие и крепкие лапы подбиты волнистой шерстью, что создает им волшебную мягкость. Хвост длиной с половину тела, густо пушист и великолепно служит рулем при погоне за белкой. Куница — вкрадчивый лесной хищник, призванный лесным богом беспощадно настигать.

Кунья мордочка — хитрая, цепкая, никогда своего не упустит. На любое проявление жизни в зимнем лесу она реагирует мгновенно и хватко,— в охоте куница сама безукоризненность. Ни глухарю, ни рябчику от ее острых зубов не будет никогда спасения: куница в лесу самочинно и властно верховодит.

Знатным зверем она завсегда на Руси почиталась, дорога и богата была с нее пушнина. Куньи, бельи да собольи меха заменяли собой деньги. Товар этот был первее всех иных, и чтобы умиловить кого-либо, одаривали его куницею...

Куницу, лисицу, золотую гривну да стакан вина просили обычно за выкуп невесты. При ее сватанье дружки приговаривали так: «Повар, повар-батюшка, повариха-матушка, встань на куньи лапки, на собольи пятки, отдай за куницу красну девицу!» Слово «куничное» так и считалось исстари откупом за невесту родителям.

Именно от слова «куница» о пушных зверях, при входе их в возраст, принято было говорить — выкуниться. То есть вступить в зрелость, перебраться в должную шерсть. Соответствовало это и возмужанию, складыванию во что-то целостное и дорогое. «Кунеть» раньше имело еще одно значение — поправиться, выздороветь.

Сама куница — удивительно живой зверь, вынуждающий своим существованием других обитателей леса быть осмотрительнее в своей жизни. Всякому желающему продлить свой род надлежит держать с ней ухо остро, ни на минуту не теряя бдительности. Сохраняя многих птиц и зверей в страхе, куница закаляет в них лесную волю, благодаря которой они, как и человек, выздоравливают и еще более крепнут духом.

Вот таким безжалостным манером радуется куница из года в год за все живое, проворство свое драгоценное не истрачивая. Имеется у нее и не всегда видная примета, что неожиданно показавшись, ошарашит. Это большое пятно на горле и на нижней стороне шеи, имеющее ярко-лимонный или даже оранжевый цвет. Куница им как бы завлекает и околдовывает, сама, наверное, не зная, для чего ей дарована такая красота.

Имея эту необыкновенную душку, куница, конечно, может, собой заслуженно гордиться. Она и неотразима, и восхитительно неповторима, и чарующе коварна. Пустое желание просто нравиться — куницу не удовлетворяет. Именно из-за способности грациозно собраться и довести начатое до конца и уважают ее в народе.

Лесная куница невероятно сторожка. Все новое она тотчас берет себе на ум. Преодолевает открытые пространства только

в самых узких местах и зачастую оставляет себе записку для памяти: мол, можно ходить тут без опаски, коли я уже побывала.

Тянется след куницы через перелески да овражки, в валежинах и завалах западает и вновь впереди возникает. Меряет куница им чистые снега, километр за километром преодолевая. Редко кому удастся живую углядеть ее непрекращающийся нарыск, и если уж посчастливилось — радости с восторгом тут не оберешься!

Но как бы человек ни желал встречи с куницей, она соседства такого не принимает. Ей гораздо вольготнее там, где тишина да глухомань, — здесь куница чувствует себя полноправной хозяйкой. Неторопливо прокладывает она цепочку своих следов, ни один отложек не пропустит. Тянет ее к таким местам, которые можно с удовольствием проследить и тут же хорониться. Кунице, по ее неприхотливости, кажется, очень нравится жить, и получается это у нее с большим вкусом.

Это хорошо видно по мягкости ее следа, какой-то необыкновенно уютной линии, которую она оставляет. Сразу представляешь, как она передвигается вприпрыжку, пристально глядяваясь вокруг, то и дело вносясь. Вроде бы даже и сама зима ей нипочем.

Когда устанет куница от своих вкрадчивых дел, то заберется она в брошенное гайно белки, свернется теплым клубком и сладко забудется на время. Метель ей поет свои заунывные песни, морозко позвякивает волшебным колокольчиком. А куница спит себе спокойно, ни о чем не заботясь, и, наверное, видит какие-то необыкновенные лесные сны...

Наброды

Принято думать, что большую часть своей жизни рысь таится на суку. Так и видишь, как замерла она там, ушки ее наострены и только кисточки подрагивают. Широкие баки застыли в зловещем оскале, лапы подобраны — вот-вот рысь совершит прыжок...

Но зимой можно часто обнаружить ее след в лесу: рысь не прочь прогуляться по снегу в поисках добычи. Ни с каким другим зверем не спутаешь ее кошачьи разлапистые следы. Вылеплены они как-то по-особенному красиво, легко и мощно. Словно дикой лесной кошке нравится ступать вот так, и она любит сама собою.

Взволнованно бьется сердце при мысли о том, какой это необычный и загадочный зверь. Может, оттого, что таится она более других, существуя как-то мягко и незаметно. Рысь, кажется, соединяет в себе черты многих зверей, скрывая собственные.

Шаг у рыси всегда спокойный, размеренный, будто она никуда не торопится, избегая в своей жизни всякой суеты. Хищник редко бежит, чаще крадется, мягко ступая крупными лапами со спрятанными когтями. Судя по следу, чувствуется, как ей это приятно, — рысь полна скрытой силы и коварства.

И действительно, рысь часто бросается на жертву сверху, обычно с деревьев. Несдобровать зайцу, если он попадает в когти этой кошке! Правда, долго его рысь преследовать не может: имея маленькое сердце, она быстро задыхается и всякое преследование скоро прекращает.

Неторопливо бродит она всю зиму в поисках тетеревов и рябчиков, которые составляют ее любимую пищу. Подобравшись неслышно к самой лунке, рысь молниеносно бросается к спящей птице,— и не миновать рябчику ее хищных зубов...

Еще рысь пестра шкурой, так что не сразу заметишь посреди заснеженного бурелома ее гибкое тело. Слившейся с корой деревьев тенью проскользнет она мгновенно и тотчас истает. Будто ее тут и не было... Рысь избегает попадаться на глаза человеку, и оттого поступь ее бесшумна, а чутье неимоверно.

След рыси дышит ее матеростью, какой-то спокойной хитрецей. Словно зверь наперед знает все, что может с ним случиться, и ничего не боится. В этом ровном своем спокойствии рысь не похожа ни на какое другое животное; она одновременно невероятно обособленная сила и непознанная тайна.

Овальные мякиши ее следов приятно вырисовываются в недавно выпавшем снеге, выдавая в звере какую-то даже кротость. Зверь этот, конечно, ни на кого не похож и по-особенному красив. Он замечателен в своем почти невидимом образе жизни.

Чрезвычайно осмотрительная и хитрая, рысь никогда не теряет присутствия духа. Из всякого, даже невыгодного для нее положения она старается и умеет извлечь пользу. И при этом всегда сдержанна, спокойна.

Зоркие глаза и острый слух позволяют ей заранее избирать необходимое поведение. Своего врага или поживу рысь встречает бодрой и собранной. Застыв, как изваяние, всматривается она в окружающие предметы и не пропустит ни единой мелочи. Замечательно восприимчива рысь к чужой слабости и силе, и невероятно сложно ее саму чем-либо огорошить.

Это происходит потому, что рысь никогда не разрешает себе расслабиться, она постоянно готова к нападению, и беззаботность ей не присуща. Ей, должно быть, очень нравится всякий раз красться, как бы заигрывая с жертвой, и она беспрестанно подогревает в душе азарт охоты. Плохо скрываемой кровожадностью пышут ее расплывающиеся в злобном оскале бакенбарды, а уши прижимаются к затылку так одичало и задервенело, что неприятно начинает посасывать под ложечкой. Все в рыси-ном облике будто наставляет: держись от меня подальше, я же буду стараться застигнуть тебя врасплох!

Любовь к охоте и прирожденная сметливость не зря снискали ей заслуженную славу, которая рысь ничуть не трогает, и она не перестает преумножать в себе терпение с упорством. Рысь как бы даже становится нездоровой в этом стремлении, впрочем, бесспорно, восхитительном. Вот уж кто, наверное, не переносит неволи, обнаруживая при этом чувства, ей не свойственные. Только обаяние дикой природы пленяет рысь.

Если ты действительно предан лесу, хоть раз да посчастливится тебе встретиться с рысью. Как всегда, ты не ожидаешь этого и пробираешься сквозь глухую сосновую чащу за дорогими тебе глухарями. Тут, на заснеженных верхушках успокоившихся между собой великанов, коротают птицы январские и февральские ночи.

Отсыревшая от постоянно осыпающейся кухты куртка тоже как будто пропитывается сосновым духом: в ее складки насыпается множество ржавых иголок. На вид они кажутся сладкими и пахучими, но на самом деле, должно быть, давно изжили себя. Ты думаешь о глухарях, о соснах, и беспamięтно погружаешься в зиму...

И вот когда сердце мягко задумалось над всем этим зимним, заглушим, оно вдруг вынуждено было встрепенуться... Сначала снег тонким облачком осыпался откуда-то сверху, и ты скорее почувствовал, нежели увидел, какое-то легкое движение. По старому стволу, зацепившемуся одним краем за нижние сосновые ветви другого, медленно ступала крупная рыжая кошка... Она наверняка заметила твое присутствие, но почему-то не торопилась исчезнуть, словно знала, что ты не причинишь ей никакого вреда, а только будешь смотреть и тешить ею свое разыгравшееся воображение...

Рысь ступала уверенно и осторожно, не поворачивая в твою сторону головы, и ты чувствовал ее напряженное внимание и желал одного: чтобы она остановилась и посмотрела тебе в глаза. Пусть хотя бы так, мимоходом. Тебе бы этого хватило. Но кошка не обернулась, и ты понял почему, и был ей за это благодарен. Она растворилась так же неслышно, как и появилась, под пологом заснеженного леса, а ты стоял оцепенело и смотрел ей вслед. Идти за ней было бесполезно: она уже знала о твоем присутствии и, конечно, была к тебе равнодушна.

Рыси было достаточно своего соседства с лакомыми глухарями, о которых ты напрочь забыл. Забыл и о зиме, и о великих деревьях, и об этой белой тишине. Рысь оставила в ней о себе только зыбкие следы и мимолетную память, которую ты будешь бережно и долго хранить. Может быть, кому-нибудь расскажешь и чуть приукрасишь, но никогда не забудешь.

Вместе с другими зверями, оставившими в твоей душе след, рысь будет приходить к тебе всю жизнь, и всегда это разбудит приятные воспоминания. Неизъяснимая печаль отчего-то коснется твоего сердца, когда ты оживишь в памяти этот зимний

день, но не расстроишься при этом, а в который раз восхитишься. Чего бы это тебе ни стоило, вновь постараешься отправиться в зимний лес, в надежде все же увидеть мягкие кошачьи наброды или, если повезет, заглянуть великолепному зверю в глаза и пожелать ему долгой лесной жизни.

ДУХ ДЕРЕВЬЕВ

Хоть сон и милее отца с матерью, но иной раз не может человек никак уснуть, недосыпает ночами: заботливому, как говорится, и сон не в сон. А вот деревья каждый год засыпают надолго, на всю зиму,— кажется, забылись навечно. Какими снами убаюкивают себя деревья, в чем находят успокоение? Глубокие и непробудные их сны или, может быть, очень чуткие?

В народе говорят, что сон не богатит, но это не может относиться к деревьям. Сон для них — что богатство: чем больше спишь, тем больше хочется, и копят они в нем недостающие для жизни силы, определяющие будущий рост. Сон им самим Господом на душу положен, а значит, сладок и благоден.

Именно поэтому, наверное, зимой лес живет какой-то особенно мудрой жизнью. Словно подает весть тому, кто следит за каждым его вздохом. В эту пору, как никогда, видно, что состоит лес из разных деревьев, будто приготовившихся к сказке...

Зима уравнивает в себе все деревья, когда они пытаются сохранить свое лицо, и деревья неустанно и молчаливо пленяют сердце зимы, чтобы она была к ним благосклонна. Под сенью леса как будто пробуждается невидимое движение, одним

дыханием касающееся пришедшего туда человека и захватывающее его с собой.

И все же зимнее молчание деревьев исполнено множества звуков, которые еще более таинственны, чем летом. Родившиеся в глубине зимы, звуки эти помогают человеку хоть одним глазком заглянуть в великую книгу природы, казалось бы, наглухо захлопнутую на зимних страницах.

И вековая тоска, и тихий свет радости, и несказанные тайны — все это слышится в глубоком молчании родного заснеженного леса. Пробежит ветер по вершинам старых сосен и елей — и заскрипят могучие деревья, готовые помериться силой с зимней непогодой. Шумит величественная лесная крепь неведанными и вещими голосами, неудержимо влечет к себе и навеивает думы о том, что человек — сам сын природы, вырастившей его и лес.

Близок лес сердцу русского человека, хоть порой им и непостижим. Во все времена года обращается он к нему с молчаливым вопросом, и не всегда лес ему отвечает. Строго хранит он свои тайны, созидаемые деревьями.

Оказавшись под сводами деревьев, человек сразу ощущает удивительную благодать и покой. На него снисходит непередаваемое чувство единенности с окружившим его царством. Даже какое-то умирение, западающее в сокровенную глубину души...

Любимые с детства деревья говорят русскому человеку неизмеримо больше, нежели не совсем понятные ему горы или море. Только лес, дарованный, как божественный сад, свыше, дает ему истинное отдохновение. Кажется человеку, что лес оберегает его от лиха, в нем он ищет свое пристанище, к нему обращает пристальные взоры...

Когда деревья засыпают зимой, они кажутся совершенно безжизненными: верно, то благотворная замкнутость. Не зря меж людей завелась пословица: сонного леса не буди — счастье зимы его нашло и захватило. Зиме и суждено выпустить лес из своих объятий.

Зеленые грезы и видения слабо отражаются в забывшихся деревьях, и они будто не видят и не слышат... Сонный лес, что мертвый,— ни за что не поверишь в тлеющую в нем жизнь. Ему только подавай побольше снега, чтобы стало еще уютнее и теплее, и позабыл бы он про все, не слышал шороха перебегающих в ветвях белок, не ощущал приятного порхания неутомонных синиц...

Неспешно думают свою неведомую думу замершие деревья, и самые величественные из них — сосны. Мысли сосен затерялись в высоких кронах — никак с земли не распознать. Ели стоят нахмурившиеся, седые, будто обиделись на сковавшую их движения зиму: что-то недоделали они в своей укромной жизни, не успели. Березы нелепо распростерли ветви в морозной вышине и, кажется, не ведают, куда их девать. Осинки же чуть слышно переговариваются меж собой, на что-то ропщут...

Каждый здесь живет своими сомнениями и чередом. Ничто не может помешать раз и навсегда устоявшемуся. Только ветер врывается сюда незванным гостем, и похожие с виду деревья начинают вести себя по-разному...

Сильные деревья, достигшие зрелого возраста, как бы подбираются в себе и выглядят негибаемыми. Те, что поменьше и не в состоянии сопротивляться настырным порывам ветра, затевают вместе с ним жалобные вскрикивания. Совсем маленькие остаются для всех неприметными и жмутся к более креп-

ким, прося у них защиты. Старики же изо всех сил стараются переносить невзгоды достойно: им, как никому из деревьев, приходится трудно, и они скрипят и стонут, клянут свою уже давно безрадостную судьбу.

Задумаешься тут о духе, сокрытом, несомненно, в каждом дереве. Бесплотный житель недоступного нам мира, он невидим, но всегда ощутим. Относя слово «дух» к человеку, мы разумеем его душу, а в ней — высшую искру Божью, ум и волю, стремление к небесному. То же присуще и деревьям, еще более, чем человек, приземленным, но и убегающим в небесную бесконечность.

Есть духи злые и добрые, самые светлые из них вошли однажды в деревья. В их телах они обрели еще большую чистоту и мудрость. И тогда через них на человека стали снисходить благодать и вдохновение, сила его души укреплялась и постигала собственную неограниченную самостоятельность, постепенно отвоевывая себе будущую доблесть. А деревья не переставали полниться духом той самой непревзойденной никем кротости, от которой и вырабатывается их размеренное, обогащающее все живое дыхание.

Переводят дух дерева только с началом весеннего сокоотделения и еще, наверное, после сильного ветра, который, разбушевавшись, грозит надломить их. В суровую же зиму дух дерева так заложит снегом, что оно и не ведает, живо ли еще. Но всегда в каждом дереве содержится искра Божья...

В каких-то деревьях — дух вольный, в других — будто умеренный жар в печи, а в некоторых — худой, еле выпускаемый. В молодых деревцах он весь направлен к свободе. Еще бывают деревья, которые горят духом, словно исполненные ревности.

Есть покорные, тихие, они с каждым ровно на духу исповедуются... Невозможно не заинтересоваться таким деревом, проходя мимо. Остановишься, бывало, рядом с ним и впитываешь робкие наставления: верится почему-то, что дерево рано или поздно наберется духовной смелости.

Порой встречается дерево-душка — все светящееся, радостное. Само не грустит и другим печалиться не дает. Остальные деревья даже зависть берет — какое оно приятное да удачливое. Сами того не замечая, тянутся они к нему, привечают. А то только еще веселей становится: чужими радостями и горем полнится, все ему нипочем!

Нередко попадают в лесу даже деревья-оркестры! Повсюду снега укрыли землю, остервенело задувают вьюги, а они переговариваются меж собой на доступном только им мелодичном языке, неторопливо настраивают свои инструменты и играют. Эти деревья не так уж трудно разобрать в зимнем лесу. Достаточно остановиться и немного послушать — сразу различишь непрекращающуюся мелодию. Идя к ней, ты набредешь на вдохновенных музыкантов.

Некоторые деревья издают чуть ли не духовную музыку и выглядят от этого по-особенному торжественно. Они не напыщенны, а только необыкновенно приподняты в себе. Их духовые трубы льют над лесом неподражаемую песню, и ветер может поучиться у них волшебным нотам. Как отдыхает душа, соприкасаясь с этим звуковым потоком, который медленно наплывает, проходит сквозь тебя и уносит с собой твою неясную печаль!..

А бывает, забредешь в какую-нибудь мелкую рощицу — ни слуху, ни духу. Все как будто повымерло, только неясные тени

переговариваются меж собой рассеянно. Еще пуще зимой: вовсе здесь жизнь замирает...

У деревьев же, которые кем-то подранены, со страху дух так и захватывает. Все в них подобрано, будто кто вот-вот опять топором хватит. Не переводя дух стоят такие деревья в очумелом оцепенении: кто им, кроме их самих, поможет?!

Но хоть духовное родство и пуще плотского, человек не надолго задерживается около них. Его все больше притягивают высокоствольные деревья, сильные, рядом с которыми ему захочется подумать о высоком. Им отдает он свое нерастраченное внимание, принимая за духовного отца, и будто исповедуется. Кто бывает на духовной исповеди — знает, как сподручен для этого оказывается лес.

Благоговейное смирение просыпается в душе русского человека при входе под своды леса, который он всегда признавал своим храмом. В высоких и сильных деревьях, как нигде в природе, видна духовная крепость. Своим ростом они как бы оставляют законно составленное завещание на случай предстоящей смерти. Заблаговременно оговаривают могучее волеизъявление, подтверждая тем самым великую негибаемость и дух.

Дух деревьев — и в них, и повсюду. Он очищает собой лесной воздух, который слагается из еловых, сосновых, березовых и еще многих других душевных испарений. Как сложен он и в то же время прост и ценен, над ним невидимо работает весь лес, и человек не должен пренебрегать им, ибо именно от дерева переходят к нему в лесу сила и верность. Ведь его корни — это связь с родной землей, а ветви тянутся к породившей все живое Вселенной...

Береза

Едва ли не более всех прочих деревьев завоевала к себе любовь народа белоснежная береза... Береза любит обилие света, тень других деревьев угнетает ее. Поэтому она стремится держаться одним белоствольным семейством-рощей, пронизанная насквозь свободой, незастоявшимся воздухом мимолетных дуновений. Ель же, несмотря на свою скрытность, тянется к общению и, как незванный гость, надоедает березе. Появившись однажды под ее пологом, ель постепенно вытесняет березу из ее собственного дома.

Береза незлобива и скоро прощает ель. Она вообще не терпит какого-либо душевного расстройства и всегда остается благородной. Даже древесине ее не свойственны гниль и косослой: береза лишена обычных для других деревьев пороков.

Не страшится береза и сырости, которую стойко в себе переживает, и никогда не жалуется, даже в зимние метели, когда снегу наваливает много и он пригибает ее к самой земле. Березке, наверное, страсть как хочется распрямиться, но покорно и кротко ждет она весеннего пробуждения. Не таит береза злой памяти на зиму, а безропотно, с достоинством ее принимает.

Еще береза очень добра и всегда всем помогает. Одним она мир святит, другим — крик утешает, третьим — от болезни исцеляет, четвертым — чистоту блюдет, а кому-то и душу согревает. Нет ничего худого в этом дереве — от него русскому человеку только польза и удовольствие.

С выпавшим снегом березовые рощи удивительно вытягиваются, становясь еще более легкими. Кажется, подует сильнее

ветер — и поплывут белые стволы в бесконечное зимнее небо. В легкий ветерок ветки берез внятно отзываются на его прикосновение, будто их кто заботливой рукой перебирает, причесывает.

Зимой березовый лес терпеливо томится ожиданием. Тишина наполнит им воздушные стволы, и в душе рождается доброе чувство. Свободно стоят заснеженные деревья, без какой-либо натуги копят в себе будущую радость.

Глядя на березы, понимаешь, что у каждого дерева есть своя жизнь, душа и сновидения, которые у березы, наверное, белые, воздушные и легкие. Стоишь среди берез, и кажется, что ты легко можешь заглянуть в их тайну. Березовые сны реют в верхушках деревьев, уносятся в бездонные небеса, а может, выются невидимой дымкой среди воздушных стволов, нигде особо не задерживаясь. Ближе к весне березовые сны почему-то представляются выломанными из луж тонкими льдинками, через которые мы в детстве разглядываем облака.

Увиденный через такую льдинку пейзаж от этого медленно струится и тает и постепенно становится прозрачным. Березы очень легковесны, и все время кажется, что они растворяются в своих снах. Даже зимой не покидает ощущение, будто деревья расправляют крылья.

Свои сны березы могут воплощать в жизнь. Увидишь в морозный солнечный день на горизонте сиреневую кайму — знай: это тонюсенькие полунамеки изведенного деревом во снах. А может, только его трепетное предчувствие скорой весенней поры...

Зимний воздух словно соткан из легких березовых переживаний, и иногда деревья путаются в них, как в сладких и жела-404

емых тенетах. Редкое же солнце высвечивает яркие странички их внутренней прекрасной жизни на сдержанно-строгом, унылом фоне зимы.

Всю зиму копит береза в себе живительные откровения, чтобы затем поделиться ими с человеком. Наполненная светлой музыкой своих волшебных снов, упрямыми завываниями северного ветра и приятной тяжестью белотелых снегов, она не в состоянии породить чего-либо неуместного. Сам цвет ее и свежесть родятся из матушки зимы, хранящей еще много хорошего и неизвестного.

Белая кора — это надежда для всего живого, необъятная тайна будущих перевоплощений и открытий. Это холст для искусного художника, возжелавшего дотянуться до правды. И, конечно, самая чистая и чудесная посуда — это посуда из бересты.

Слово «белоснежная» приходит на ум почему-то именно в отношении к березе. Она — самое зимнее и привольное дерево, и ее хочется видеть всегда.

Береза не утомляет взор, сколько бы ты на нее ни смотрел, а лишь окрыляет его. Поднимаясь к небесам, взор не оставляет растворяющиеся в них верхушки и как будто забирает с собой. Так береза попадает в бесконечность.

Березу никогда не спутаешь с другим деревом, пока она жива. Поклоняясь ее чистоте и нежности, ты будешь долго хранить в сердце ее волшебный образ. Будто невинная и прекрасная девушка одарила тебя проникновенным взглядом, от которого ты никак не можешь отойти и забыть его. Он преследует тебя всюду, не дает успокоиться, и ты сладостно улетаешь с ним в бескрайние дали своего неистраченного воображения.

Стройна и немногословна стоит береза перед тобой, где бы ты ни был. Пусть судьба заносит тебя в дальнюю сторону — береза и там будет заботливо помахивать над твоей головой своими ветвями. Что может быть трепетней ее материнского внимания и ласки?

Зимой береза как будто просит извинения за то, что прекратила на время дарить человеку свое признание и надежду, оставила его без своей опеки. Очень хочется березе осенять мир людей рождающимся в ней светом, и она несколько стыдится охватившего ее оцепенения.

Но на самом деле внимание березы не умирает. Стоит только отправиться в лес и подойти тихонько к какому-либо приглянувшемуся дереву, осторожно и бережно обнять его, и ты обязательно почувствуешь березовое тепло: дерево словно засветится им изнутри.

Осина

Если однажды тебе вдруг захочется ощутить на себе неподдельную теплоту, обратись к осине. Нет в нашем лесу дерева более мягкого и чистого. Плотью своей желто-белая и легкая, осина свободно впитывает выказываемое ей внимание и так же спокойно его отдает.

В сравнении с другими деревьями осина требует к себе весьма деликатного обращения. С виду не царевна, она всегда оказывается благородной; помогая же кому-то в беде, поражает простодушием. Достоинно держит себя осина в лесу, ничем худым не запятнанная.

Осина очень дружелюбна... Ее стройные стволы с зеленовато-серой корой сверху и пепельно-серой внизу можно увидеть рядом с любым деревом. Не гнушается она соснового, елового и липового соседства. Ко всем одинаково радушно относится, никого не выделяет.

Но все же больше любит осина оставаться в окружении своих подруг и близких родственников. Тогда у нее на устах появляется мягкая улыбка, веет от осины радушием и простотой. Осина будто тепло излучает, и от того на душе становится хорошо и покойно.

Кажется, что осинники всегда насыщены этой неброской добротой, в них удивительная мягкость линий и света. Еще осинники никогда не бывают надоедливы: даже если станет тебе в лесу скучно, раздражения они не вызывают. Будто взлетают к небу гладкие стволы и там растворяются.

Везде растет осина, потому как непривередлива и скромна. Уживется на любой почве, потихоньку наводя вокруг необходимый порядок. Раздосадованную душу успокоит, отчаявшуюся — подбодрит. И делает это незаметно, с любовью...

Задумаешься, глядя на ее доброхотство, о скрытой внутри дерева горечи. Так ли у нее все ладно? Ведь недаром в народе пословицу сложили: «Одна ягода — горькая рябина, одно дерево — горькая осина!»

Может, в глубине себя осина переживает чужие неурядицы и горе, хочет поскорее мир лесной от них избавить. Никому неведомо, до чего ей трудно приходится, потому как осина никогда своей боли не выказывает. За то ее горькой осинушкой и прозвали...

Да, видно, нацепив на себя чужие грехи, осина для многих еще и проклятым деревом стала. Издавна передается людьми поверье, будто Иуда на осине удавился и с тех пор на ней лист дрожит. Еще про осину говорят, что под корой у нее кровь...

Только ее красная кожа, принимаемая людьми за кровь, есть не что иное, как осиновая боль, которую дерево ото всех тайком бережет. Боль оттого, что негодных борзых и гончих на ней вешали да ее колом вурдалакам грудь пробивали. И зачем ей участь такая несправедливая выдалась, во имя какой невысказанной правды?

Как слышит осина людской плач о том, что кто-то намеревается утонуть на горькой осинушке, на самой вершинуш-ке, так задрожит вся листом. Без ветра шумит проклятое в народе дерево, ровно жалобится на свою судьбу. Хочется ему, видать, с самим собой пошептаться, и хоть заколоты ты в его собственную душу кол — дерево не перестанет искать утешения. Горечь невыплаканных слез и печаль осиновых откровений, видимо, не могли не отразиться на жизни дерева.

Но сладка осиновая кора бесшабашным зайцам, которые с удовольствием поедают ее всю зиму. Целые тропы с полянками вытаптывают они у поваленных в бурелом деревьев, до белизны снега изглаживая тоненькие верхушечки. Нравится зайцам припрыгивать между ними лунными ночами, и их следы оживляют однообразие застывшего в снегу осинника. О присутствии зверьков напоминают еще и аккуратные орешки помета, в обилии оставленные ими на снегу. Глядя на них, ты представляешь, как зайцы радовались всему, что несет с собой укромная зимняя жизнь, и, наверное, ни о чем больше не заботились.

Не спросив на то разрешения у осины, заготавливают ее на зиму неумолимые бобры. Перегрызают начисто толстые стволы, которые загромождают реку, а потом отделяют от них сучья. Там, в своих укромных и уютных хатках, они будут питаться осиною долгие зимние месяцы, не зная ни в чем горя. Долго не гниющая в воде, осина сохраняет бобрам на всю зиму недостающее тепло.

Лакомятся неказистой осинкой в зиму и лоси. Выбрав деревца понежнее да к которым удобный подход имеется, они надолго замирают возле них, пока не насытятся. Осинники в эту голодную пору для лосей — излюбленное место, и они неохотно его покидают.

Если присутствие зайцев осинкам лишь чуть докучает, то соседство таких величавых животных, как лоси, порой повергает деревья в отчаяние. Им изрядно достается от этих лесных великанов, поедающих только за один день до пуда осиновой поросли, и деревца становятся какими-то безропотными, оскорбленно замирая. Лосям до этого нет никакого дела... А в дереве копится неумолимая горечь: осинка из-за того невыразимо страдает... Но не озлобляется дерево за то на животных, потому как понимает: не прожить им без осинового корма зимой.

Всю свою невидимую заботу отдает осина и человеку, который с ее помощью лихорадку и зубы заговаривает. Вырезав из коры небольшой кусочек, он трет им десны до крови и прикладывает его опять на свое место. А еще бывает, что если у кого ноги сводит, то кладут осиновое полено в ноги, от головной же боли — в голову.

Более всего осина на Руси шла на резную деревянную посуду, за что звали ее баклушей. Очень подходило ей это название,

сочетающее в себе мягкий стук и плавность линий, не так уж глубоко скрытую гибкость. И, конечно, простоту, с коей осина относилась к человеческим помыслам в свой адрес: мол, всякому доступна я и светла, коли решишь взять меня на любое ладное дело.

В тех местностях, где хлеб не родился, а промышляли ложками и чашками, говорили: «Живы ельничком да осиннич-ком». Из осины ладили на разную надобность лукошки и гнутые кораба, мастерили лодки-долбленки, а из прутьев плели корзины. Обыкновенное осиновое полешко и то не пропадало даром: его клали в бочку с квашеной капустой, чтобы та не перекислла.

В конце зимы, когда снег начинает быстро осаживаться под ласково играющим солнышком, мужики по деревням начинают рубку дров. Весело, с мягким стуком разваливаются аккуратные чурбаки, и чаще всего среди них попадают осиновые. Так и хочется тотчас подойти и потрогать эту прохладную белизну, ощутить рукой приятную тяжесть осиновых поленьев. Ровные, не сучковатые, податливо ложатся они под размеренно взлетающим топором. Одно удовольствие смотреть на такую работу, а еще лучше — колоть самому...

Без особой жалости сжигает человек осиновые поленья, на что они, быть может, и созданы. Легко воспламеняясь, дрова горят спокойным и некопящим пламенем. Не отрываясь смотришь в открытую печку на их ровный огонь, и перед глазами подымается стройный осиновый лес, пожухлый лист и глухари. Сладко становится на душе, по-хорошему печально...

Вспомнишь тут, что семена осины очень быстро прораста-410

ют — буквально через несколько часов после того, как рассеет их дерево. Но нежным веточкам только что взошедшего растения еще суждено пережить нелегкую зиму: настойчиво гнетет к земле и калечит их мокрый снег, ломает порывистый ветер, заносят жестокие метели,— не многие из них дотягивают до весны.

Вот почему осина, в отличие от других деревьев, приноровилась размножаться корнями. Все мелкие осинки рядом со своими родителями поднимаются на их корнях и порой образуют значительные по площади заросли. На одном материнском корне может обосноваться с десяток, а то и больше, отпрысков, которые будут тянуть свои ветви к свету на общую радость.

Всем оказывается хороша и угодна осина, и в переживаниях своих она постепенно накапливает в себе стойкость. Даже давно срубленная и выделанная в доски, она очень долго сохраняет белизну, совсем не поддается червоточине и, главное, остается равнодушной к сырости. Недаром колодезные срубы, купола церквей, часто подвергающиеся воздействию влаги, да бочки с ушатами изготавливались только из нее.

Стойкость и неувядающую красоту несет в себе осина. Всеми цветами радуги тешит глаз в сентябре, удивляет своим таинственным поведением в тепло, когда дрожит всем листом, и не разочаровывает весною... Ради других страдает, во имя добра живет. Даже зимой от нее польза: греет, кормит, лечит. И еще ненавязчиво предостерегает человека, чтобы он, воспринимая деревья как живые прекрасные существа, не забывал и свою жизнь так же красиво ладить, иначе не миновать ему известного в народе проклятия...

Ель

Вряд ли можно отыскать человека, равнодушного к такому чудесному дереву, как ель. Всякому оно известно с детства, которое немислимо без пушистой, дышащей хвойным жаром красавицы, празднично сверкающей волшебными огнями в углу. Только за ней, так сладко пахнувшей лесом, чудились сказочные волки с аметистовыми глазами, никогда не унывающие и кроткие зайцы и невероятно тревожащие синие тени, растворяющиеся в таинственной и глубокой чаще. Все это несла с собой именно елка, как никакое другое дерево располагающая к лесному уюту.

Ель, пожалуй, самое обаятельное дерево на Руси. Оно какое-то особенное, не похожее ни на кого и более всех людьми примечаемое. Словно живет в нем лесной бог — старичок-ело-вичок, сказочник и затейник, который со зверьми и птицами на их языке разговаривает да про каждого вступающего в лес главную его тайну тотчас прознает. И хочется к нему поскорей в гости отправиться, а что-то не велит. Видно, не пришло еще время, и ты ждешь в нетерпении, наслаждаясь рождественскими ночами еловым духом хотя бы дома.

Встреча с елкой непременно должна состояться в жизни всякого человека. Только не в доме, ухоженном и обогретом, со сверкающими бенгальскими огнями и в свете свечей, а в лесной чаще... Той самой, что занимает с детства наше воображение, пугает его и тешит, влечет к себе непрестанно, чарует. Именно в этой лесной чаще должно состояться свидание человека и дерева, которому уготовано, быть может, привести в жизнь человека что-то очень важное...

Человеку надлежит отправиться туда непременно одному. И знакомство со сказочным деревом должно произойти, конечно, не сразу, а постепенно. Как бы даже помимо воли самого человека, чтобы дерево только присутствовало рядом, постоянно излучая свой чудесный аромат.

Может так получиться, что в лесу человека околдуют иные тайны... Захочется ему вдруг взметнуться над лесистыми гривами одиноким и гордым ястребом, притвориться каким-нибудь невиданным зверем или позабыть обо всем на свете перед неизведанной хвойной чащей... Ни за что не передать этого ощущения, когда ты сталкиваешься с лесными чарами.

Да только не миновать человеку в его лесных устремлениях елового прикосновения. Чутко живет на страже лесного мира неувядающее дерево и не пропускает мимо себя человеческого внимания. Дерево будто ждет его, а взлелеянное любознательным присутствием человека — все раскрывается...

Тронув рукой пушистые веточки, человек вдруг ощутит в душе какое-то особое чувство, за что тотчас поблагодарит дерево и как будто успокоится душой. Взглянет на шероховатую кору ели — и не уколется сердцем. Потом посмотрит на тугие сучья, густую хвойную бахрому и разомлеет. Что-то необъяснимое воцарится в нем, и еще очень хорошее и глубокое. Захочется человеку разделить с деревом свою радость, а оно, оказывается, и по-человечески понимает...

Слушает внимательно, в такт твоим мыслям разлапистыми ветвями покачивает. Мол, высказывай все, что на душе накопилось, и ни о чем не тревожься,— я тебя терпеливо выслушаю. И такая в нем сразу мудрость откроется, что заохлодит внутри от этого невероятного откровения. Неужели, думаешь, на подобное обыкновенное дерево горздо?!

А дерево не насмехается, прямо в тебя смотрит,— текут еще дальше его еловые мысли. Ни уютным это дерево не назовешь, ни укромным — разве чуть притаившимся для какой-то внушительной лесной работы, что копит неисчислимое богатство. Еловые кряжи нестигаемо несут его на своих плечах, не ропшут.

Кажется, что ель бывает одинаковой во все времена года, как бы ни играли вокруг нее яркие краски осени, ни вспархивали по-весеннему оживленно в ветвях только что прилетевшие кукушки, ни окутывал твоего внимания душистый жар густого елового облака, а зимнее безмолвие ни сковывало ее в своих объятиях. Ель остается всегда одной и той же, может быть, только ненадолго изменяя настроение.

И тем не менее размеренно шумят ее заснеженные верхушки, будто и не спали в долгие безлунные ночи. Зимний ветер заунывно и не прекращаясь выдувает в них томительную для души музыку, беспокоит. Не хочется оказаться в такую погоду елью, хоть и нестигаемой, но гнетомой. Начинает еще казаться, что из всех деревьев, встречающих в лесу лютую зиму, ель — самое раздосадованное. Она так сопротивляется настырному ветру и сердится, что вот-вот надломится в себе, не выдюжит.

Большей же частью ель стоит в зимнюю пору присмирившей. Осинки с березками уже мелкую дрожь зубами выбивают, могучие сосны недовольно кудрявыми кронами покачивают, а она все помалкивает. Ей, видать, не зябко и не колко в студеное время думы свои потаенные перекачивать, и елка ни о чем вроде бы не тревожится.

Из небесной влаги, земли и солнца складывается любое де-414

рево, а елка — еще и из зимнего холода. Что-то неуловимое берет она от зимы, только ей известное. Если другие деревья зиму переживают, то она ею полнится. Мощью неусыпной, ветрами и морозами, снегами сыпучими, в которых она по пояс увязает, лютыми метелями. Впитывает ель вместе с зимой веру неугасимую, которая не дает в лихую годину отчаяться, и мудрость выстоявшего.

Самозабвенно любим мы это дерево; несмотря на его силу, трепетно к нему относимся. Пристально всматриваться в жизнь елового леса нам помогает его сказочность. Вот когда человек начинает по-настоящему понимать темноту ельников и их тайну. Только там почему-то находит он очень нужное ему успокоение.

Даже зимой солнечный свет залегает среди елей не как среди других деревьев. Елки как бы привлекают его к себе и в то же время не пускают. Ветви их лишь ополаскиваются скудным прикосновением солнца, не выдавая своей необыкновенной тайны. Они хранят ее под своим покровом, а человек неудержимо стремится ее познать.

Ближе к весне, когда солнце светит пристальней и ярче и снег между мощных еловых стволов немножко осаживается, лучи начинают проникать туда не так осмотрительно. Ели словно отмякают под их влиянием и все больше расступаются. Солнце постепенно обнимает еловые стволы, закрадываясь в самую их гущу, и тогда из них выпестовывается на свет невыразимая радость. Радость, способная осветить настроение любого досужего человека. А может быть, это — необъяснимый дух дерева, дарованный человеку для нескончаемого счастья.

Сосна

Никакое из лесных деревьев не растет так торжественно, как сосны. Тихо меж ними, покойно, и ты знаешь, что они не оставляют тебя без своего внимания, наблюдают откуда-то сверху. Ты сразу чувствуешь это, когда остаешься среди них один.

В такие минуты неожиданная прохлада вдруг обдаст лицо, и ты сразу ощутишь небесное пространство, в восхищении устремив взгляд к верхушкам деревьев. Это сосны раскрыли тебе его — они тоже глядятся в бескрайность.

Изредка, когда деревья возвращаются к себе и становятся самими собою, они нарушают лесную тишину величественным шумом. Поначалу он накатывается отдаленно, как если бы тут было море, и постепенно охватывает тебя всего. То равномерный, то резкий и порывистый, шум копится в верхушках сосен, а потом стекает по отлитым долгой жизнью стволам вниз, в землю, где несут свою нелегкую ношу их корни...

На редкость стройны сосны, создающие в лесу особое пространство, они воздушны и легки. Это пространство по-особенному полнится лесными звуками и птичьими песнями, в нем хорошо живет и дышится, замечательно летается. В него постоянно хочется возвращаться, а если нет такой возможности — о нем покойно и радостно мечтается. Всякому готовы улыбнуться сосны, пока сам не перестаешь удивляться.

А как хорошо взирать на их убегающие ввысь шероховатые стволы зимой! Румяное золото коры нежным светом струится над белоснежьем, никогда не истрачивается и перетекает в вол-416

шебные кроны. В их ветвях, наверное, зацепились легкие, чудесные мысли. Размеренно покачивают сосны своими головами: умудренные бременем лет, они, конечно, негибаемы.

Можно без конца смотреть в размеренное и мудрое существование сосен, не переставая ими восхищаться. И еще надеяться на то, что не устанут они жить вечно, заглядывают, когда хотят, на звезды, привечают у себя разную живность, напоминая этим своим существованием о чем-то неизбывном. О том, как качались они над землею сотни и тысячи лет назад, размышляли и мужали. Как близко подбиралось к ним загадочное небо и светила луна, а они не прекращали своего роста. Соснам нужно было столько увидеть, чтобы потом обо всем рассказать человеку...

От этой способности — вглядываться в прошлое — у сосен вырастала душа, и за ней тянулось тело. Сосны становились еще более прекрасными. Сколько увлекательного могли они поведать, о чем-то вместе с тобой помечтать... Незаметно сосна становилась человеку учителем и другом.

И разбирал ты уже в себе благодаря ей вещи очень важные, порой ошеломляющие. Думал о своей и ее жизнях, мучился, искал. Так хотелось быть похожим на это необыкновенное дерево, тихо проповедующее чистоту и мудрость...

...Сосна обыкновенная по всей заснеженной России держит на своих плечах ее свободное пространство. И дух дерева, такой же свободный, помогает в этом. Сосна без этого как бы даже иссыхает, а ей предназначено стоять с высоко поднятой головой.

Человек нашел в этом дереве все, что необходимо ему для жизни. А извлекая из него знания, он должен был понять, кто

он сам, какие деревья шумят в его душе... Может быть, лучшие мечты человека родились именно благодаря деревьям. Дарованные людям Богом, сосны, наверное, однажды возвестили и продолжают терпеливо проповедовать человеку о реальности более достойной жизни.

Но сосна служит не только человеку. На протяжении почти всего года, и в особенности зимой, сосновой хвоей питаются глухари. Птицы сбиваются среди сосен в укромные и таинственные стаи и будто охраняют вековечный сосновый покой. Нелегко отыскать глухарей в эту пору среди скрытной лесной чащи, не каждому они доступны. Притихший зимний лес как-то возрождается благодаря этим удивительным птицам, обретшим на время покой в сосновых угодьях.

Еще в сосны заходят зимой медлительные лоси. Да им и ни к чему теперь быстрые передвижения: ждут они от сосен того же сладостного покоя и отдохновения, что и глухари. Нелегко лосям переживать зимой тягучее течение времени, и они как бы замирают в этом сосновом царстве, неспешно поедая молодые побеги. Редко доносятся до их слуха зимой настораживающие звуки: кажется, лоси в сосняке даже теряют свою чуткость.

В заснеженных кронах сосен неслышно копошатся белки, и только изредка ты замечаешь их движение: жизнь таких маленьких зверьков в эту суровую пору тебе сразу представляется необыкновенной. Но не более жизни вездесущих клестов, в отличие от других лесных обитателей ожидающих зимой появления своего потомства. Несмотря на свою малость, им не привыкать зиму зимовать, и тепло в их тщедушные тельца заронило сосновое зернышко.

Зернышко это само по себе тоже очень интересно: имея по два воздушных мешочка, оно может свободно парить в воздухе, преодолевая необъятные лесные просторы. Как мудра сосна в своей непревзойденной легкости, как она неудержима!

Правда, иногда зимой что-то переворачивается в ней, настраиваясь на непонятный для человека лад. Может быть, грустна она становится без меры, а может быть, околдовал ее Мороз-воевода. Сосне словно не хочется жить, и она глухо замыкается и льет невидимые слезы. Из них потом рождаются солнечные смолистые камни — диво сосновой судьбы...

И все же зимой сосна остается для человека самым живым деревом. Задрав голову так, что чуть не сваливается шапка, тебе хочется не переставая внимать ее покою и утешаться красотой. А дерево, ненавязчиво вкрадываясь в твои мысли с высоты своего возраста, как бы проявляет заботу о тебе, и ты понимаешь: сосна по-настоящему добра, она никому не завидует и постоянно излучает щедрость.

Лиственница

Если какое из деревьев и славится своей долговечностью, так это лиственница. В сравнении с другими породами ее древесина на редкость прочна. Многие сотни лет великолепно сохраняется она от порчи, приобретая со временем все большую стойкость.

Откуда берет она в себе эту силу? Что помогает ей сохранять вечную молодость?

Потемневшая от времени, лиственница приобретает твердость камня, а происходит это незаметно и красиво. Чудесными кажутся ее превращения, созидающие непоколебимость. Необычайной представляется ее достаточно долгая жизнь...

Уже с рождения, наверное, лиственница имеет в себе упорство, замечательную решительность, с которой она потом устремляется ввысь. Превращаясь постепенно в великана, лиственница так постигает время.

Делает она все это размеренно, неторопливо, переживая целые столетия. Вернее, вырастает из них во что-то еще более мудрое и стойкое. Это «что-то» и заключает в себе дух дерева...

Кажется, что лиственница проживает несколько жизней. Не сразу, а одну за другой, приобретая в конце концов удивительную цельность. Сколько весен и зим переживает она за это время, сколько новых перерождений...

С каждым годом перевоплощаясь, она перед самой зимой всё же осыпается... Может быть, именно это позволяет лиственнице по-настоящему отдохнуть, длительное время до конца не увядая. Ей, наверное, хочется жить еще больше, но за долгой чередой лет она про это просто забывает.

Привилегия лиственницы оставаться удивительно молодой происходит благодаря ее мудрому дыханию. Оно в дереве освобождает корни от изнурительной работы, как этого не происходит у сосны, ели или пихты. Зимой, когда вся жизнь замирает, лиственница тоже дает корням отдохнуть, а сбрасывая хвою, облегчает еще и крону. Как тут не позавидуешь ее житейскому искусству!

Впрочем, лиственница не совсем расстается со своим прекрасным нарядом: на ее ветвях остаются маленькие розеточки-420

шишки... Трогательно выглядят они на белом зимнем фоне. При взгляде на них зима уже не представляется такой холодной и пустой, а само дерево будто простирает для всех вокруг в этих крохотных чашечках какое-то дивное лесное угощение...

Правда, стволы лиственницы не назовешь стройными, как у сосен. Они, скорее, прямые, с частыми ответвлениями, опять прямо устремляющимися в стороны и кверху. Зимой в лесу они образуют какие-то странные иглы, в которых, кажется, отсутствуют жизнь и смысл.

Но нет, жизнь в лиственницах теплится, и особенно хорошо это видно по их вытянувшимся стволам. В них чувствуются такая крепость и мощь, что не страшна становится зима. Стволы лиственниц почему-то не хочется обнять или потрогать рукой — хочется просто остолбенело стоять перед ними и представлять, как медленно копится в жилах деревьев сок.

Величествен и глух лиственничный лес в зимнюю пору. Немая тишина покоится меж его стволов, редко забегают сюда звери. Не прилетают и глухари, кормящиеся сладкой хвоей деревьев лишь осенью. Только одинокий ворон витает в небе над их оголенными верхушками, изредка вскрикивает что-то печальное и отрешенно замолкает. Среди лиственниц вновь воцаряется суровая пустота...

Лиственница — не из робкого десятка, к этому привыкаешь сразу. Не укротит ее трескучий мороз, не властен над ней неудержимый ветер. Он только помогает ей зимой, повсюду разбрасывая крылатые семена. Немало припасло их дерево в многочисленных коричневатых шишках. С достоинством и спокойно продолжает свой род лиственница, ни на что другое не обращая внимания.

Успешно переносит лиственница любые невзгоды, вполне оправдывая оказываемое ей человеком доверие. И это неспроста, поскольку лиственница необычайно скромна. Она нетребовательна к окружающим условиям, а быстроте ее роста может позавидовать какое угодно дерево. Все, кажется, лиственнице нипочем, и оттого у человека к ней почет и уважение.

Какие только знамения бесконечного лесного времени не переживает это дерево-долгожитель, сколько поколений зверей и птиц прошло перед его дремлющим взором... Лиственница — непрекращающаяся гордость всего лесного мира, его непревзойденная любовь. И если кто из лесных великанов и умирает стоя, так это лиственница, способная на самое невероятное.

Ольха

Кто часто бывает в лесу, вряд ли отметит ольху раньше других деревьев. Больно она неприветливая и какая-то хорохори-стая. Зимой, проходя на лыжах между частыми ее стволами, вдруг коснешься голой рукой коры и отдернешь — такая она холодноватая, колкая и неудобная.

Ольха растет преимущественно вдоль рек и ручьев, на богатых и сильно увлажненных почвах,— видимо, она испытывает постоянную жажду. Крона ее еле слышно нашептывает что-то и никем не замечается.

Летом сумрачный ольшаник таит в себе коварные участки трясины и кажется пустым, безжизненным, загложшим. Зимой

он будто отдыхает от этой лесной сумеречности и суеты комаров, но не преобразается, а хранит по-прежнему усталость, глубоко скрытое желание показать когда-нибудь всему свету свою настоящую сущность.

Листья ольха держит крепко, до самой поздней осени, и что примечательно — они опадают почти зеленые. Ольха будто несет в себе вечную молодость, не желая сгибаться. И упрямой ее не назовешь. Ольха как бы усмехается тому, что отвели ей не самые лучшие владения, и не хочет быть на кого-нибудь похожей. Держится плотно, дружно, может быть, даже нахраписто. Словом, живет своим темнокорым полчищем отдельно и в ус не дует.

Кажется, и зимой-то она не успокаивается, а стоит нахохлившись, сердито: «Попробуй забреди в мою чашу — обдеру начисто одежду, изорву в клочья, исцарапаю. Руки и лицо своими неудобными ветками исхлещу, пропадет здесь любой, кто осмелится сюда забраться. Не потерплю никого! Пью я болотную воду, сосу корнями влагу из ручьев и богатею. Никому до этого дела нет, и мне оттого отрада. Что хочу, то и ворочу. Размножаюсь, как никто, новые территории завоевываю...»

Словом, ольха какая-то неуютная. Не тянет к ней человека, а только одно желание — поскорее бы из надоедливой ольшаники выбраться! Чтобы дух лесной ощутить, чистого воздуха вдохнуть. Зимой ольшаник кажется таким однообразным, что нет с ним никакого сладу!

Ольху на Руси в разных местностях называли по-своему: и ольшанина, и елха, и вольха, но наиболее подходящее ей название — это елоха. В нем слышится прозвище, не мужское

и не женское... Что-то несуразно настырное, не в меру надоедливое и оголтелое. Существо, с которым и связываться никто не станет, потому как все без толку! Посмеются себе да в сторону отворотят.

Ольха от того, кажется, даже не переживает. Просто она такая сама по себе: ты ее не тронь — и она тебя не заденет. В ольховые заросли и зверь не сунется: чего он там не видел... Всякий обойдет их стороной, если на то есть возможность.

Необычность ольхи заключена и в ее темно-серой шероховатой коре. Кому приходилось рубить это дерево — видел, как изменяет оно окраску. Только что надрубленная ольха — белая, через несколько мгновений она начинает краснеть, а когда подсохнет — приобретает нежно-розовый цвет. Сколько скрытых настроений держит в себе ольха...

Отправившись зимнею порою в лес, остановишься под вечер в какой-нибудь избушке и второпях нарубишь попавшейся под руку ольхи. Ольховые полешки гулкие, сыроватые и совсем не горючие. Будто замкнувшись в себе, отрешенно лежат они у печурки, и, глядя на них, почему-то пожалеешь, что не потратил время на поиски еловой сушины. Нет в их горении ни жару, ни блеску. В общем, как говорится, толкуй про ольховое, а дубовое крепче!

Именем ольхи звали в народе желто-бурый неброский цвет — ольшаный. Так окрестили и ястреба, всего бурого, без белизны и мелкой ряби. А еще ольшаным величался меж людей не понятый никем человек, обособленный и непостижимый. Может, это был бобыль или какой-нибудь шалый: в слове этом всегда звучало нечто людям чуждое, рябое.

Редко какое дерево забредает к ольхе в гости. Это может быть случайная ель или береза. Другие же породы остаются на опушке, как бы не решаясь заглянуть к ольхе. Им, видно, отчего-то неловко чувствовать ольховое соседство, и они всеми силами его избегают. Но непослушный ветер все же временами заносит в ольшаник семена, которые прорастают там несчастливыми деревьями...

Незавидной и грустной кажется судьба у ольхи, впрочем, способной на многое. Ольха более, чем другие деревья, обогащает своими корнями землю. Может быть, она это делает исключительно для себя, но в лесу даже такое доброхотство приносит кому-нибудь пользу.

Еще ольха очень быстро размножается. Это становится заметным зимой, на фоне белого безжизненного цвета. Деревца, которые ты приметил робкими побегам весной, к концу зимы уже подтянулись тебе под пояс. Глядя на них, даже не знаешь, хорошо ли это. Но, видно, всякое лесное растение надлежит встречать радостью.

Смотришь зимой на сухие темно-коричневатые ольховые шишечки и отчего-то улыбаешься... Из них будущей весной полетят по всей земле семена-орешки, и так будет длиться вечно. Забудешь тут и про негостеприимство дерева, и про его внутреннее озлобление.

Всю зиму ольха отдыхает и ждет своего пробуждения. Частые стволы стоят опущенными и присмиревшими: тихо меж ними, безропотно. Только неугомонный ветер порой врывается в оголенное ольховое царство, но надолго там не задерживается и улетает. И тогда непоседливые чечетки оживляют его собой, суетливо перепархивая и что-то свое, еле слышимое, напевая.

А может быть, это сама ольха наговаривает им свои зимние сны, и, чуточку ободренная от птичьего присутствия, душа ее невидимо взлетает вместе с ними над белой землей и возвращается такой же незамеченной.

Липа

Сколько бы ты ни ходил по лесу, всегда встретишь в нем липу: бороздокорую, вытянувшуюся, прямую. Словно расправив плечи, возвышается она над другими деревьями, своими ветвями объедает окружающий воздух, матерее. Ель, береза да пихта ей не чета: она неуправляема и легка в своем устремлении к небу. Липа, как никто в лесу, влечет тебя в высоту.

Зимой дерево безлико и прямо простирает в холодное небо свои верхушки: не спит, а, скорее, умерло до весны. Навсегда, кажется, застыло в ее стволах течение жизни, и тебе не понять это дерево никогда. Но липа жива...

Она — волшебный шатер, под сенью которого летом хорошо думать, мечтать, а зимой взирать на ее раскидистые ветви и недоумевать: зачем ей такой простор? Да, видно, дереву лучше знать, каким быть, и липа живет по-своему.

Так же, как и другие деревья, она долгие годы пестует в себе тайну. Гордо, независимо, не выказывая ее всем. Тягучими кажутся ее мысли, непостижимой — душа.

Но зимой все деревья как бы обнажают свои лица, и тогда душа их становится заметной. Она таится в образе самого дерева: в его стволе, коре и сучьях. В том невидимом, что окружает заснеженную крону и почему-то не отпускает от себя.

Душа деревьев не спит, она глядит открытыми глазами на зимний свет, и он ее не слепит. Хладнокровно взирает душа и на метели, которые секут лица деревьев неустанно. В мороз она ненадолго смыкает веки и как будто забывается...

А может, это только кажется, и душа дерева остается неутомимой. Она вглядывается пристально в самую зиму и думает про себя что-то очень важное. То, чему не может научить ее ни одно время года. Зима ниспосылает душе дерева мудрое успокоение...

Все это бывает хорошо заметно у липы. Она и глядит, и думает, и переживает что-то неотъемлемое, свое. В глубоком молчании взирает на бесконечность заснеженного пространства, никому не отвечает.

Глядя на липу, человек тоже начинает желать поглубже заглянуть в зиму. Ему хочется думать о чем-либо мудром и великом, что не отвергало бы его, а спасало. Человек тянется за деревом в своих мыслях, светлеет.

Причудливы липовые ветви на фоне бескрайнего зимнего неба. Они будто вычерчивают на нем только дереву понятную истину. Причем каждая липа делает это по-особенному, непохоже на других.

Среди всех деревьев липа более чем кто-либо умеет задавать загадки, и это отражается в ее неожиданных искривлениях. Но, меняя образ, липа все же устремляется вверх.

Там, где знания ее обрели силу, липа устраивает на зиму дупла. Она как бы освобождается в них от уже не существующих мыслей.

Это хорошо усвоили для себя проворные куницы. Не устающие всю зиму выискивать какую ни на есть поживу, они от-427

дыхают там в непогоду. Облюбовав какое-либо укромное дупло и утепив его, зверек без забот переживает в нем длительные морозы и метели. Липовое дупло всегда оказывается ему уютным домом...

Все деревья в годах похожи на древних старцев, но липа выглядит особенно величественной. Может быть, все это идет от ее нестигаемости и отсутствия тугих узлов, как на березе. Липа и в возрасте неудержимо взметает свои ветви ввысь... В липе чувствуется сила, которая не позволяет ей опираться на посох-подпору. Могучи ее ветви, не просящие, а восклицаящие...

Достаточно приходится повидать липе на своем веку... В сравнении с такими многолетними деревьями, как дуб и сосна, она более долговечна. Древесина ее, белая и легкая, обладает удивительной способностью не трескаться и не коробиться.

Еще липа очень живуча, если не уготована ей судьба быть ободранной. В народе про это так сказывают: «Была липка, а стала лутошка». Лутошка — это голое дерево, оставшееся без одежды и уже, конечно, не живое.

Деревенским людям давно известно, что липа — самое мягкое и податливое дерево. Не в силах оно отказать пристальному вниманию человека. Не скупясь, щедро одаривает липа его, а тот только успевает брать: то лыка с молодых деревцев на мочало добудет, то луба на крыши домов надерет. Да и не перечесть всех тех рогож, кулей да веревок, что плели из этого дерева. К тому же липа весь русский народ обувала...

Но в мягкости дерева была скрыта и твердость, из которой выделявали гвозди. Не уступали они по крепости ни дубу, ни вязу. Добрым для людей оставалось всегда это дерево, именем которого называли белый душистый мед, собираемый пчелами

с липового цвета, сок, оттеживаемый весной, и месяц июль, полный лесных даров и красок. И никогда не величали им дубовых мужиков, а только так, какого-нибудь не в меру хорохорящегося, фальшивого и без дела выставяющего себя человека, имеющегося в каждой деревне,— липовый...

Удивительно поэтична липа в любое время года, особенно летом, когда раскидиста ее необъятная крона. За душистость и красоту ее любят выращивать в садах и парках. Липовые аллеи, посаженные Тургеневым и Пушкиным, до сих пор тешат людские души.

Зимой дерево, конечно, не дарит такого наслаждения, зато оно копит его в себе во имя будущей жизни, чтобы опять одухотворять заблудшее человеческое сердце, в который раз повергая его в сладостный сон своих наваждений. Может быть, зима вызывает к человеку душой и телом именно липы...

Рябина

Рябина в лесу сразу бросается в глаза своей открытой красотой, но в то же время она печальна и скромна. Ее алые гроздья свешиваются с ветвей не напыщенно, а в тихом довольствии собой. Рябина знает о том, как она прекрасна, и, будто смущенная этим, старается казаться незаметной.

Но получается это у нее плохо. Когда приходит ее час, рябина уже не остается без внимания человека и будоражит его восприятие. Человек обращается душой к дереву, которое однажды становится заметнее всех и не может не напоминать о себе повсюду. Большую часть года рябина только копит в себе

силы, и начинается эта невидимая работа зимой, когда дерево еще несет на своих ветвях перемороженные ягоды, не склеванные вездесущими птицами.

Не сразу заметишь стволы рябины, согнутые под снегом, который, кажется, ее не тяготит. Рябина достаточно гибка, чтобы быть свободной от него. Снег лишь нежно прикасается к ее ветвям, заботливо укутывая их от мороза, а зима как будто чувствует нежность рябины и ласково убаюкивает ее. Она не позволяет себе быть с рябиной слишком жестокой, как это часто происходит с другими деревьями.

Редко обратишь внимание в зимнем лесу на рябину: может быть, лишь случайно натолкнувшись на нее. И, подняв голову, заметишь сморщенные бордовые ягоды... Вспомнишь вдруг тихую осень, лес и вспыхнувшие в нем алые плоды. Именно они привлекают твое внимание, и душа рябины раскрывается в них таким же неповторимым чарующим светом.

Цвет рябиновых ягод ненавязчив и глубок, в нем — отражение души самого дерева. Когда все накопленные за зиму и весну силы выплеснулись в нем, а листва еще не успела пожелтеть, рябина переживает самый важный миг: она гонит по своим ветвям нежнейший сок перевоплощения.

Человек благодарен ей за это. Обнаружив однажды над головой красные гроздья, он тоже будто перерождается душой. Скрытые чувства и мысли рябины становятся тогда ему понятны, и душа дерева как бы сливается с его душой.

Яркие плоды рябины привлекают к себе в конце лета и множество птиц, так же, как и человек, способных оценить их достоинства. С особым желанием делают это дрозды, сойки и рябчики. Для всех хватает рябинового торжества, и птицы дол-430

гое время наслаждаются им. Рябина же всегда остается мягкой и задумчивой, нисколько не жалея накопленных в себе сокровищ. Она живет тем, что дарит, и этим красна.

Зимой ее ягоды с удовольствием поедают снегири и свиристели. В отсутствие уже опавшей листвы птицы кажутся удивительным продолжением дерева, возникая в его ветвях такими же неповторимыми плодами. Не устает наблюдать за их оживленным поведением, ловя себя на мысли, что, даже оголенное, дерево не умерло.

Ягоды рябины терпкие, горько-кислые, но это не мешает наслаждаться ими и такому крупному зверю, как медведь. В конце августа приходит косолапый заломать бедное деревце, чтобы полакомиться его сочными плодами. Медведь сдирает ягоды целыми гроздьями, оставляя на стволе дерева глубокие борозды от когтей... Иногда даже кажется, что рябина все великодушно прощает неуклюжему зверю, и он чувствует это и любит ее еще больше. Правда, не всегда так заботливо, как это делает человек.

Рябина же ни на кого не обижается. Она вообще довольно неприхотлива и приживается одинаково как на влажном месте, так и на сухом. Не страшны ей ни солнцепек, ни тень, ни лютые морозы. Но лучше всего рябине жить на сдобренной черноземом почве — не сырой и хорошо освещенной.

Тогда ее стройные зеленовато-золотистые тельца с округлой кроной как бы охорашиваются и в восторге чувств замирают. Рябина становится похожей на позабывшую обо всем от счастья веснушчатую девчонку, облаканную самой природой. В мягкую пору предзимья, когда ее причудливые оттенки еще более смягчаются первыми заморозками и многие деревья засыпают, рябина приобретает еле угадываемую ажурность.

Легкая, почти невесомая, стоит рябина в пронизанном чистотой воздухе. Всякий отметит ее в душе и порадует, будто повстречал в лесу давно не виденного и хорошего человека. Но короток век рябины...

Вспыхивая красками в свое лучшее время и очаровывая, она скоро гаснет. И почти все о ней забывают. Не то что пихта, ель или сосна, которые весь год несут в себе что-то неизменное, зеленое, живое.

Да ни к чему рябине с ними равняться. У нее своя жизнь, не похожая ни на чью другую, хотя она и дерево. Дерево, таящее в себе задумчивую загадку, которую оно своими алыми гроздьями только запутывает... Неразрешима пока рябиновая тайна, но тем и притягательна для человека, не устающего глядеться в себя и зиму.

Где-нибудь на затерянном посреди заснеженных лесов зимовье любителю человек сорванными еще по осени рябиновыми ветвями и душой веселеет. Даже высушенные, тяжело свисают с них гроздья, аккуратно воткнутые в щели избы над окном, мягким светом багровеют. Такой непостижимо долгой покажется тогда зима, а сердце все равно отмякнет.

Проходя зимой вдоль знакомой рябиновой опушки, человек обязательно остановится под самым раскидистым деревом и сорвет перемороженную ломкую гроздь. Ягоды на вкус покажутся сочно-сладкими и смачными. Будто для того они здесь и висели, уже давно готовые быть съеденными. Человек наконец-то обратил на них свое внимание, и они тотчас отблагодарили его за это.

В давнее время рябину заготавливали к зиме как еду, наравне с брусникой, клюквой и грибами. «Под ярусом-ярусом ви-432

сит зипун с красным гарусом»,— говорили о позабытых на чердаке плодах. Рябиной пользовались и как средством от печного угара, что в любой деревне случалось нередко из-за экономии дров, когда вьюшку закрывали раньше, чем нужно. Мороженная рябина не только избавляла от головной боли, но и доставляла при этом удовольствие.

Часто люди собирают рябину просто за ее красоту, не желая видеть, как прожорливые дрозды расклеывают драгоценные плоды и осыпают их на землю. Сладки на вид ягоды и пахнут приятно, а есть не станешь. Только любишься неотрывно и неизвестно зачем сберегаешь... Так и висят янтарные кисти всю зиму, изредка беря задремавшую струнку души.

Но и сама рябина полна удивительного вдохновения!

Когда к концу лета становится холоднее, рябина начинает расти от одного корня множеством своих повторений. И так это у нее дружно получается, что просто загляденье.

Скученным кронам деревьев от такого тесного соприкосновения только теплее и легче зимнюю стужу переносить. При кажущейся нежности рябина, несмотря ни на что, остается всегда тверда и бесстрашно борется за свое неподражаемое продление. Может быть, поэтому человек слышит в ней настоящий голос природы и России.

Пихта

Все деревья притягивают нас потому, что они сами выросли и знают себе цену. Пихта из них, пожалуй, делает это наиболее загадочно, и тайна ее не дает покоя человеку. Кажется, что де-

ревья до сих пор ищут себя и никак не найдут. Именно поэтому пихта образует между собой частые сообщества, перед которыми никто не может устоять. Любое из деревьев, попади оно под крону пихты, чахнет и гибнет. Тень пихты ужасна...

В пихтовом лесу — как в потемках, хоть свечу зажигай. Недаром пихтовые леса в народе именуются чернью. Но, обладая таким сильным козырем, в остальном эта порода довольно беззащитна.

Без тесного соприкосновения со своими близкими родственниками пихта страдает и выглядит довольно-таки сумрачным деревом. Может быть, поэтому она одевается в мохнатую шубу. Пихта не переносит прямого попадания солнечных лучей: кора ее быстро подопревает и отваливается. А еще дерево не любит сильного мороза... Молодые деревца очень переживают тогда и жмутся под покровительство более взрослых собратьев, но даже это их часто не спасает.

Удивительная особенность пихты — в сочетании ее быстрой гибели с вечной молодостью. Никто никогда не видел пихтовые кладбища. Как только спелое дерево заваливается, на его месте тотчас поднимается густой молодняк. Так дерево все время обновляется в себе, и делает это невидимо.

Словом, пихта кажется деревом нелюдимым, и от него становится как-то зябко. Особенно в сумерках, когда другие деревья еще светлеют. Зимой это бывает особенно заметно, и хочется поскорее миновать неуютный пихтовник.

В пихтовом лесу неизменно присутствуют мрачное спокойствие и тишина. Но и пихты своим лицом радостно обращаются к человеку, воскрешая в его душе давно забытые мечты. Так происходит глубокою зимою, ближе к ее концу...

Первое, на что в эту пору обращаешь внимание в пихтовом лесу,— это строгость... Но не суровая, а вынужденная и осознанная, подобная монашескому образу жизни. Сомкнувшись, будто настороже, пихты не дают проникнуть в свою обитель какому-нибудь легкому деревцу. Нелегко прижиться ему здесь и подняться среди них к свету.

Одиноко стоит пихтовый лес в своем мрачном обличье, но, почувствовав его строгость, тут же ощутишь и мягкость. Ее рождает пушистость веток и гладкая кора с нежными вздутиями пузырьков, наполненных смолой. Дотронувшись рукой до ствола затаившегося дерева, ощутишь такой желвачок и осторожно надавишь на него пальцем: из-под мягкой коры выступит янтарный и чистый смоляной сгусток.

Тотчас пахнёт на тебя незабываемый аромат, и вспомнишь детство, в котором играл с этой смолою часами, самозабвенно запуская вдоль берега реки маленькие кораблики-палочки, намазанные ею с одного края. Как быстро бежали они по воде, отталкиваясь от ее поверхности чудодейственным пихтовым бальзамом, и оставляли за собой переливающийся лазурный свет... Чей-то кораблик обязательно приходил первым, и если он был твой — ты боготворил дерево, подарившее тебе победу.

Ты даже чувствовал, как пихта радуется за тебя, делая это молчаливо, неброско. Она словно мягко улыбалась про себя и готова была потрогать твои лицо и руки своими пушистыми ветвями. Ты чувствовал это и был благодарен ей. Пихта благосклонно принимала твое торжество.

Вспоминая с детства полюбившееся тебе дерево, ты уже обращался к нему с другим лицом — уверенным и посветлевшим. Пихта же только приоткрывала свою маленькую тайну

и стояла такая же строгая, величавая. Может быть, чуточку смущаясь от твоих добрых воспоминаний о ней...

Нельзя сказать, что пихта дарит покой и задушевность или что-то созидает... Скорее, она таит в себе лесную сокровенность, а значит, и необходимое для леса знание, достойное человеческого внимания.

Зимою пихтовый лес — словно мир древних сказаний... Чутко хранится здесь тайна, так что никто не может и не смеет к ней прикоснуться. На того, кто дерзнет покуситься на эту тайну, из пихтовника, кажется, пахнёт бедою. Будто злыми чарами околдован пихтовый лес.

Ранее считавшийся никчемным, пихтовый лес скрывает в себе много чудес. Пихтовый бальзам, заживляющий глубокие раны, волшебные ванны, исцеляющие безнадежных больных, и смола, служащая для остановки кровотечений. А кто-то смешивал ее еще с желчью кабана или медведя и пил полученную смесь при заболеваниях желудка. «Из пихтовой черни вышел да пообчистился», — говорят в народе, имея в виду целебный воздух пихтовника.

Общепризнанным новогодним деревом на Руси считается елка, но многие предпочитают встречать праздник зимы с пихтой. Елка колючая, смолистая, а у пихты хвоя мягкая и не выделяет этой надоедливой липкости. Пихтовая смола более терпкая и быстро схватывается. Еще ель быстрее пихты сохнет и осыпается. К тому же пихта — дерево более ароматное.

На пихте также растут необыкновенные шишки. Они не похожи ни на какие другие в первую очередь тем, что стоят на ветках вертикально вверх. Имея непривычный для шишек красновато-фиолетовый цвет, они напоминают диковинные

свечки, появившиеся к какому-то неведанному лесному празднику. Не хочется срывать их, а хочется только любоваться и недоумевать...

Описать это дерево нелегко, и это описание, конечно, будет неполным, если не упомянуть, что ближе к зиме хвоя пихты отливает приятной голубизной. Это дерево показывает свое очередное чудо...

С наступлением холодов хвоинки пихты поворачиваются вокруг своей оси, обращаясь к зиме своим голубоватым цветом. Видно, пихта хочет так умиловать величественную хозяйку, чтобы та позволила ей легко перезимовать суровую пору.

Зима благодушно относится к этому таинственному дереву и как бы не замечает. Она заваливает его наглухо пушистыми снегами, и густые ветви пихты сгибаются под их тяжестью, образуя никому не видимый шатер. Только маленькие птицы находят в нем укрытие, да, может быть, заплутавший по лесу зайчик приютится там в непогодицу. Безропотно и тихо стоит пихта всю зиму, проповедуя своим терпением добрый дух.

СЕРДЦЕ ЗИМЫ

Зимой нужно умудриться хоть раз подсмотреть восход солнца, а увидеть это по-настоящему можно только в лесу. Подглядев же восход однажды, непременно будешь околдован его зимним светом и постарайся сделать так, чтобы видеться с ним чаще. А потом захочешь почувствовать его и понять, и тебе, конечно, придется обратиться к народным поверьям, связан-437

ным с именем солнца. Они тоже тебя очаруют своей сказочностью и красотой, и ты откроешь для себя иной мир.

Солнцу всегда дела много: оно и снег сгоняет, и хлеб растит, и цветы раскрывает, и людям пропитание дает. Ничего не страшно, пока солнце светит и греет. Но и в холодное время от него есть польза: за солнцем следят и определяют по нему приметы зимы...

В неписаном народном дневнике совершенно особыми приметами отмечен день Спиридона-солнцеворота. Это время, когда, по старинному преданию, солнце поворачивает на лето, а зима — на мороз. «После солнцеворота хоть на воробыный скок, да прибудет дня!» — говорил деревенский люд.

Эти же самые наблюдения заставляли его повторять каждый Петров день близкую примету: «С Петра солнце идет на зиму, а лето — на жару». Солнце с этого дня укорачивало свой ход, а месяц шел на прибыль. С Иванова же дня, наступающего вскоре за летним поворотом, совершался первый торжественный выезд солнца в далекий зимний путь: дни с этой поры начинали уменьшаться, а ночи — прибывать все заметнее.

Выехавшему в зимний путь солнцу предстояло теперь что ни день терять свою плодотворную силу и блекнуть. И вот уже вскоре матушка зима появлялась на земле в своем суровом одеянии, с сугробами заметущими да морозами трескучими. Нечистые силы, забирающие в свои руки всю власть, затемняли свет драгоценного солнца, вынуждая все живое хорониться в глухие норы. Неприветливо смотрело на землю небо, все реже освещаемое солнечными лучами, как будто и само красное солнышко собиралось в эти покоренные зимой угрюмые дни навсегда забыться томительным сном.

Выезжающему же на летний путь солнцу было до лета еще очень далеко, потому как расстилалась перед его огненным взором бесконечно заснеженная дорога, которая, кажется, вела под самое небо, к недостижимо далекому Господу Богу. Пропадала тогда в душе людской надежда на светлые дни, но чарующие алые зори каждое утро умывали солнце прозрачной чистотой, и оттого оно постепенно возрождалось. Правда, пока это была только робкая улыбка живительного света...

По не отжившему еще до сих пор на Руси поверью, солнце в предвкушении лета обстоятельно рядилось в праздничные одежды, убиравало свои волосы золотым кокошником и усаживалось в сани, запряженные лихой тройкой коней. Серебряный, золотой и алмазный — они выворачивали светило к жизни, и чем ретивее погоняло оно своих коней, тем скорее наступал конец надокучивших демонов мрака. Солнце, круто поворачивая с зимы на лето, возрождалось к жизни с новой силой, в первые же дни своего пути переходя с воробыиного шага на куриный.

Для долгой русской зимы это было немало, и люди всегда отмечали предстоящее солнечное торжество: разжигали по горам и пригоркам жаркие костры, варили чудное пиво, а начиная со Спиридонова дня откладывали ежедневно по одному полону дров, чтобы накануне Рождества с благоговейною молитвою затопить печь на святой вечер. Ведь жар огня еще предвещал и скорые холода да лютую стужу. Не зря, по крылатому замечанию старых людей, зима со дня поворота солнца начинала ходить в медвежьей шкуре, стучать по крышам домов и будить по ночам баб-хозяек — топить печи. Если заглядывала она в лес, то непременно осыпала деревья богатой куржавиной;

когда же ступала по реке, под следом своим ковала воду в три аршина.

Но радостно было от холода зимы у человека на душе, потому как бодрило его восходящее по утрам на востоке солнце. «Красное солнышко, разожгись! Да в дорогу выезжай, зимний холод забывай!» — наговаривал про себя каждый. Веселая детвора — мал мала меньше — всей гурьбой отправлялась на самую высокую гору и начинала катать с нее колесо — прообраз солнца, которое, наконец, сжигали под радостные возгласы у реки. Чужая ушлая детвора скорый для себя праздник солнечного света и по всей Руси приветствовала его.

А солнце ровно слышало забаву малышей и от их непоседливости само начинало приплясывать своими лучами. Недаром деревенские люди издревле примечали, что, если на Спиридонов день солнышко играет, быть всем дням на Святках ясными. Так солнце веселым светом освещало грядущую жизнь.

Знали день Спиридона-солнцеворота и животные. По деревням в эту студеную пору часто ходила такая присказка: «Спроси у волка: когда самые сильные холода? Скажет: на солнцеворот». Хоть серому и была зима за обычай, а никто лучше его не ведал о предстоящей непогоде: волк от своей обездоленности зиму на месяц вперед предугадать мог.

Еще меж людьми водилось поверье, что на Спиридона-солнцеворота медведь в берлоге на другой бок поворачивается. Будто бы не лежалось ему уже к тому времени, как солнце совершало свой поворот на лето. А медведь, ровно зная, сколько ему зимовать осталось, ненадолго пробуждался и еще более сладко засыпал. Представлять это для людей было, наверное, очень приятно, и они согревались при мысли о теплом медвежьем

убежище. Обаяние сказочного леса тогда входило в их обустроенную зимнюю жизнь и еще более согревало.

Иногда народ олицетворял солнце с собою, придавая ему человеческий образ. Зимой от солнца идут лучи — ноги вниз пучками — к вьюге. Руки солнечные человек одевал в рукавицы, и было такое солнышко к морозу. А если около солнца вдруг появятся уши — будет очень холодно.

Солнце было многообразно и непредсказуемо, и ему хотелось внимать всю зиму. Порой вокруг него мог возникнуть туманный круг, после чего следовало ожидать продолжительной метели. В редкие дни на небе выступало сразу три солнца — к лютым холодам. А то еще утренняя заря возьмет и осыплет мужика золотом — вспыхнет так, что ослепит. Да будет ли только она краше зари вечерней?!

Известно, что первый луч солнца еще дня не делает. Утренние зимние зори быстро перегорают — к морозу, вечерние — к оттепели, багровые же — к ветрам. Но чаще всего красный закат сулит зимой хорошую погоду.

Обожествляя пресветлое солнце, приписывая ему замечательные свойства, русский народ величал его самыми ласковыми и отеческими именами. «Солнце — князь, луна — княгиня,— торжественно и непреклонно перевозносили его и тут же добавляли: — Ты — наше перекатное красное солнышко, кормилец и благодетель, радость и надежда...» Его называли «золотым хозяином», «наливным сладким яблочком», «красной девушкой» да «родимым батюшкой»...

«Солнышко-ведрышко, выгляни в окошечко!» — кликали солнце во время затянувшегося надолго ненастья. В лютые глу-хозимье обращались с трогательной ласкою: «Солнечко род-441

ненькое, отомкни зимыньку студеную, растопи ее, соболуш-ко...» Или еще так, изрядно истосковавшись в длительной кручине: «Ты заря ль моя, зорюшка, зорюшка вечерняя, солнушко восхожее! Высоко всходило, далеко светило — через лес, через поле, через синее море», а иногда весело, зазывисто: «Солнышко, пеки! Золотеюшко, пеки! Нам на радость пироги!»

Не было для солнца ни бедных, ни богатых — всем одинаково раздавало оно свои дары. Самой верной клятвой преданности Богу была такая: «Красна солнышка не взвидеть!»

«Солнышко для всех равно светит, но и ему на всех не угодить», — примечали между собой люди. Издалека оно не только свет, но и теплоту дает. Хорошо, что не достать его, а то бы кому-то и в темноте пришлось сидеть. Впрочем, кому нет доли, для того и луна не светит.

Одно красно солнце на небе, один царь на Руси. Не было для человека ничего его дороже. «Грело бы красное солнышко, а месяц — как себе знает!» — с почтением молвили всегда в народе. Не прельщало даже богатство: «Что мне золото — светило бы солнышко!»

Без солнышка нельзя было пробыть, как без милого прожить, в особенности зимой. «Все мы растем под красным солнышком», — то ли утвердительно, то ли с какой-то горечью говорили о нем. В долгие зимние сумерки и вечера хорошо было подумать о солнце да помечтать, чтобы оно взошло и над твоим двором.

Какая свеча могла светить против его луча?! Солнце всем здоровье приносило, при нем никакого лекаря не нужно было. Знали люди, что светит оно всегда, даже за тучами, а случившееся в зиму ненастье не бесконечно — проглянет когда-нибудь красное солнышко!

От солнечного света никому не спрятаться: оно все обнаружит. Солнце осветит даже то, что под снегом было сокрыто и луна припрятала. На гору оно зайцем бежит, наверху — зорким соколом любитесь, а вниз тройкою коней летит: ни за что от него не утаиться!

Воображение людей всегда отводило солнцу особое жилище, куда оно удалялось на отдых после дневных трудов. Оно располагалось на востоке, в стихии зарождающегося живительного света, и было схоже с дивным дворцом, построенным из чистого золота и разноцветных камней. Вокруг дворца рос сад с волшебными яблонями, и все плоды в нем были драгоценными. Распевали в этом саду невиданные жар-птицы...

В самой глубине сада покоилось алмазное ложе, покрытое пурпуром, где и отдыхало красное солнце. Каждое утро садилось оно в свою лучезарную колесницу и, светоносное, полное жизни, выезжало на белых огнеловящих конях ко всему свету. Отдохнувшее, оно было способно озарить его своей великой радостью. И еще мудростью, потому как ни одно земное дело без него не обходилось.

«На солнышко, что на смерть, во все глаза человек не взглянет!» — замечали люди меж собой. Когда подсмеивались над чьей-либо излишней осторожностью или неказистостью, лукаво отпускали: «И сокол выше солнца не летает!» Народному простодушию оставалось, махнув рукой, промолвить: «Солнышка в мешок не поймает!» А горькому бобылю приходится кручиниться по неудавшейся доле, как и по недостижимому солнцу: «Солнышко с золотом рядом садится, ловишь его — в карман положить норовишь, а все, братец ты мой, ни гроша в мешке не шевелится!»

Наученный вековой нуждой, русский крестьянин домочадцев своих всегда наставлял: «Когда солнышко закатилось, новой ковриги не починай: нищета одолеет!» «Отколе ветер на солнцеворот, оттоле будет дышать до сорока мучеников», — присловило народное поверье. Оно же осмотрительно предостерегало: «Как солнышко зайдет, не заводи ни с кем спора!» Да всех народных примет о батюшке солнце и не перечсть!

А загадки?! Простонародные, яркие, живые, они немало прославляли досточтимое светило и как бы заботливо уберегали его. Хорошо было, особенно зимою, внимать им и незлобиво потешаться: «Кто ни взглянет, всяк завянет?» «Не стукнет, не брякнет, ко всякому подойдет?» «Летом греет, зимой холодит?» А то вот так красиво, по-сказочному: «Красно яблочко на синей тарелочке катается?» И тут же: «Что на свете всего резвее?»

Заблаговременно радуясь недостижимости солнца, знающие люди с затаенным духом загадывали: «Вертится вертушечка, золотая коклюшечка, никто ее не достанет: ни царь, ни царица, ни красная девица?». Про неудержимые солнечные лучи говорили: «Барыня на дворе, рукава — в избе?», или: «Чего ни в избе не запрешь, ни в сундуке не схоронишь?!»

Утреннюю зарю с вечерней, обычно представляли сестрами, которые будили красное солнышко и спать укладывали. От их присутствия ему еще уютнее жилось. На зорьке вспрыскивали ключевой водою больных — для излечения от тяжких недугов. По цвету зорь гадали не только о погоде, но и о судьбе: и в том и в другом случае слишком яркий, багряный цвет не предвещал добра...

Зимние красавицы зори несли истосковавшимся по теплу людям радость и счастье. «И на нашей улице будет праздник, и над нашей крышею займется заря!» — с надеждой восклицали они. Долгий зимний день денежку забирал, а холодная заря ее опять ковала. Драгоценным золотом осыпала она мужика, если не ленился он ее каждодневной работой предварять. «До утренней зари не гляди в окно,— молвила пословица.— Вспыхнула же заря — вставать пора!»

В природе ничего лучше солнца народ не знал, ничего выше солнца на небе не ставил, но в мире духовном ценил он нечто еще большее — правду... «Правда краше солнца»,— говорил русский мужик, и желал он, чтобы ее лучи так же освещали русскую землю, как и лучи солнца озаряют поднебесье, изгоняя мрак ночи. Как и от лучей солнца, от правды никуда не укроешься...

Слово «солнце» у многих народов означало одно и то же: небо, свет, первозданный покой и жизнь. Даже в крестьянской избе отделение для женщин называлось «солныш». Солнце оказывалось под стать самому человеческому сердцу и было им — сердцем зимы, что светило, спасало и наделяло человека сладкой надеждой.

Родное, воспетое в песнях, дарующее силы в благом стремлении к ликующему свету и еще прозванное в народе светозарным, сияющим, могучим, животворным, ослепительным сердцем мира,— солнце всегда было почитаемо.

...Катится солнышко по небесному кругу и творит на земле чудеса. Без солнца ни весны, ни лета, ни осени не было бы. И даже зимы. «Будет все — было бы солнце»,— говорят в народе.

Солнце вращается вокруг звезд, медленно, в течение всего года, переходя от созвездия к созвездию. Скучно ему, должно быть, или, может быть, солнце, как и человек, любит попутешествовать... И тогда, подходя к какой-нибудь звезде, оно радостно освещает ее ослепительными лучами, словно обнимает.

При встрече с человеком солнце его тоже обнимает и несет... Как это бывает удивительно хорошо! У человека тогда открываются глаза и вырастают крылья.

Если у солнца есть свое лицо, то оно каждый раз меняет выражение. Лицо может быть смущенным, колючим или просто безоблачным... Отчего оно меняет настроение? Что обескураживает его и беспокоит?

Часто солнце подобно самому человеку, что подымается ранним утром и неугомонно ходит весь день по своим неотложным заботам. Одетое в пурпур и сверкающее алмазами, оно всюду чтимо и ожидаемо. Теплота и свет его глаз как никогда дороги именно зимой.

Целый день солнце полно огня для других. Вселяя в сердца людей надежду, солнце, утомившись за день, возвращается вновь к своему царскому ложу. В ослепительно белом ночном колпаке, в ярко-желтой ночной пижаме засыпает оно, никогда не потухая, и, как и людям, ему, наверное, снятся сны.

Что может быть лучезарней их! Даже невозможно вообразить эту недостижимую ослепительность и сияние, и еще дремлющие силы, способные испепелить и воскресить. Каково самому солнцу одолевать такую пламенную судьбу и как не устает оно хранить в себе это огнедышащее чрево?! Самоотвержен бесконечный путь солнца во имя всеобщего света, и только зимой ему удастся немножко передохнуть.

Каждый год летаем мы вокруг солнца и порой не замечаем, как удивительна бывает окрашенная им зима. «Хоть ненадолго бы выглянуло солнышко, озарив тоскливый зимний день, и то ладно», — думает про себя отходчивый русский человек. Ему невдомек, что солнце за ним наблюдает исподтишка всю зиму и если показывается однажды, то неспроста: норовит оно отчаявшегося человека подбодрить да малость недостающей краски в природу подбавить. Мол, так истосковавшейся по живому цвету душе легче будет!

А душе от солнечного прикосновения и в самом деле теплее становится. Она будто отмякает от скупого белого света и даже при малейших розовых бликах оживляется. Хочется человеческой душе незатейливый короткий день прожить со смыслом.

Еще только зардеется восток над дымящимися избами, а мужик уже переживает в себе приподнятое настроение: блеск красивой надежды уготовит ему сегодня скрытое зимнее солнце! И так радостно сделается у мужика на сердце, хорошо, заветно... С нескрываемым восторгом поглядывает он на небо, переделывая свои неотложные утренние работы. А небо молчаливо наливается многообещающим свекольным светом, тяжелеет...

И вот словно брызнуло накопившееся солнечное тяготение, обогрило небесную твердь пламенным соком. Капли его стекают на заснеженные верхушки деревьев, дома и заборы... Несмотря на неземную красоту, какое-то неясное чувство гнетет сердце: будто уже не выкатиться солнцу из-за багровых туч, ровно как лопнуло оно от переполнявшей его чудодейственной силы. Но, умывшись нетленной утренней чистотой, солнце всплывает так неожиданно быстро, что ты теряешься в охватившем тебя восхищении от его ухоженности.

Переболев бурным восходом солнца, трудно уже ожидать от него чего-либо подобного: солнце постепенно теряет свою красноту и становится розовато-кремовым, неброским. До самого заката суждено ему жить целый день почти незамеченным, влияя на все происходящее в природе. Человек на него даже не взглядывает: катись, хозяйско, подобру-поздорову, а у меня своих забот хватает!

Будто обидевшись, солнышко и в самом деле как бы растворяется в скованных зимой небесах. Тонкой ниточкой, еле угадываемым проблеском просачивается оно сквозь облака, на миг опалает что-то в душе и вновь притихает.

К вечеру только почувствуешь солнце сердцем, а потом оно и само себя покажет. Выкатившись из-за облаков, поудобнее усядется над дальним лесом и, зардевшись довольным светом, удовлетворенно вздохнет. Словно промолвить хочет: «Перед тем как окончательно на покой удалиться, я еще немного людям посвечу, чтобы они мне доброе слово промолвили».

Людям от того опять маленькая зимняя отрада: на солнце перед долгой ночью полюбоваться да о чем-нибудь хорошем помечтать. Так, глядишь, и день прошел, а солнце его своим теплом обогрело. В круг свой заветный взяло и никого не отпустило,— за то ему добрый поклон и уважение.

В очень морозные дни поутру все вокруг будто пронизано его будоражащим светом. И хотя не разливаются по небу ослепительные алые отсветы и не горит восток, чувствует душа, что нарождается за темным лесом что-то большое, необычное. Только неуловимая розовая паутинка опутывает воздух, и все замирает от мороза. Вот-вот вспыхнет солнце из-за поворота укатанной дороги и поразит!

Еще несколько шагов совершаешь ты навстречу солнцу, чтобы встрепенуться вместе, пусть не на всю зиму, а на одну зарю, но с каким затаенным желанием! Будто перевернет оно в тебе все доселе живущее и не дающее покоя, великодушно озарит и наполнит до краев. И как бы ты ни ожидал с ним встречи, ни представлял себе его яркого света, ни за что не угадать его истинного лика!

Огромным наливным яблоком, резко очерченным и не дающим вокруг красного цвета, вывалится солнце вдруг из-за горизонта, и остолбенеешь! Как может быть оно таким желаемым и недостижимым?! Как не хватает его этим бесконечным снегам и застывшему лесу, что умер бы, наверное, в сиром забвении зимы без такого солнечного восхождения. По-сказочному взгромождаясь в белесое зимнее небо, солнце наполняет все вокруг каким-то замечательным и ласковым смыслом.

И сразу отчего-то радость сменяется тихой грустью, когда ярко-красный круг всплывает над лесом и караулит начавшийся день, который рождается и живет под его неусыпным оком. Постепенно успокоившись и поменяв свой восторженный кафтан на более скромный, светило уверенно взирает с неба, и ничто не может от него укрыться. Солнце думает, должно быть, о чем-нибудь далеком и великом и никак вроде бы не может привыкнуть к нашей русской зиме. Оно только в меру освещает ее потаенную жизнь.

Порой солнце как будто спохватится и нежно овеет сусальным золотом все вокруг. Окрасит им синие тени, пушистые ветви елок и шишки на них. Шишки от того оденутся в благородный пурпур, станут вдруг уютными и родными, так что захочется во что бы то ни стало ими завладеть...

Эта уютная золотистость оттенит во всем какую-то новизну, и ты вдруг почувствуешь к солнцу благодарность. За новые чудесные краски, любовь к зиме, еще одно его душевное оживление... Тебе покажется золотым само солнце, воскресшее благоуханным светом зимней сказки, и оно останется навсегда таким в твоём сердце, как бы долго ни завывала потом жгучая метель.

Случается зимой увидеть солнце и с радугой... Оно неизменно содержит в себе все цвета и в полной мере дает ими насладиться. Происходит это благодаря мельчайшим кристалликам льда, расположившимся в воздухе вокруг солнца. Выгнувшись над землей, солнечная радуга коромыслом понесет по ней свое разноцветное тепло да расплещет у чьих-либо ворот. Ляжет тогда на сердце сладкая отрада.

А еще зимнее солнце бывает, как слюдяная бумажка. Неярко и ровно расправит свои слегка золотистые края по небу, не претендуя на какую-либо красоту. Оно какое-то плоское, ничего не обещающее. Поблескивает себе низко над лесом, вроде бы неловко ему отчего-то.

Лукавым его назвать нельзя, но и обыденности в нем не много. Что-то держит оно про себя, а сказать не хочет. Нравится ему порой побыть таким загадочным для неискушенного человека. Кто часто смотрит на солнце, понимает его бесхитростную игру и улыбается в душе. Хорошо и просто становится тогда жить, несмотря на зиму.

Часто солнце как будто умирает, а если и появляется на небе, то лишь неутешительным бельмом. Выходит оно тогда невесело, на короткое время показываясь из-за рваных туч, и опять быстро исчезает. Солнце кажется просто круглым

и бездушным, словно желтое око невиданной хищной птицы, такой же равнодушной и немой.

Но, как ни странно, именно такое солнце чем-то неотступно манит к себе, и ты подолгу вглядываешься в его блеклое мерцание и ничего не можешь в себе понять. Не можешь разобрать и в самом солнце, мутно взирающем на тебя со своих высот. Невыразительное, то и дело меняющее цвет и очертание, солнце тем не менее притягивает и не отвечает, зачем оно это делает.

В самом начале зимы солнце запекается кровью, обагрившей снежное крошево пустынных русских дорог... Это волки, сбившиеся в стаи, надкусили ему края...

Увидишь такое солнце — и вспоминаешь зимний лес и день, когда встретил волчью стаю... И страшно, и хорошо тогда становится на душе. Страшно оттого, что может быть пролита кровь людская, сладко — от сознания, что не твоя...

Холодок неминуемого эгоизма на мгновение застудит истинное восприятие, а цвет солнца вновь его озарит. Спит солнце, в душе все трепещет, и до умопомрачения охота жить. Идешь ему навстречу через сугробы и не боишься предстоящей зимы.

Еще зимнее солнце — на славу испеченный каравай. Окропленный потом крестьян, обласканный их мозолистыми руками. Жито, взлелеянное сотнями поколений, плод их нелегких чаяний и тревог.

Ближе к середине зимы наливается этот плод румяной корочкой, хорошеет. Будто сердобольная хозяйка только что достала его из печи да еще толком остудиться не дала. Раскрасневшийся от удовольствия каравай разудало на мороз колобком

выкатился и на небо напрямиком угодил. Сладко рдеет в вышине крутым бочком — не достать!

Солнце — это память, что входит в душу каждого. Память людей, которые гляделись в него тысячелетиями, прося защиты и снисхождения. И в поминовении усопшего оно вместе со всеми взгрустнет, и в свадьбе улыбнется, не обойдет и детские забавы. Какой без солнца праздник?!

От Филиппок до Масленицы радует солнце русского человека как может, и тот ему за это благодарен в почтении своем. В солнце — старинные предания русского народа, его сказания и дела. Солнце — это живая вода его души.

А иной раз солнце словно само по себе что-то празднует. Может быть, устоявшуюся зиму, а может, приближение весны... Вместе с морозом они так захороводят, что день весь сверкает!

Красно солнце своими невидимыми пирогами да пивом. Шутейное — на язык остро, спуску никому не дает. И так, бывало, разойдется, только держись! Захмелеешь от одного его прикосновения и в пляс пойдешь. Не унять тогда разошедшуюся душу до самой вечерней зари...

В ветреную морозную погоду солнце — что пирог с малиной, приготовленный бабушкой накануне. Схороненный под ситцевым полотенцем, он разомлел и сделался еще вкуснее. Ждет в нетерпении, когда его откроют и примутся нахваливать. С чаем да приятным настроением, пирог этот уж ни за что не позабыть!

Порой солнце охватывает необъяснимое благодушие, и оно растекается по всему небу. Дневное, радостное, до конца не понятое из-за видимой доступности, оно кажется таким разомлевшим и ленивым, что на него даже не обращают внимания...

А солнце еще пуще благоденствует... Возьмет и раскинет свою огненную шубу: полы ее завернуты кверху, воротник задран и распахнут — все наружу, в достояние живому и людям. Будто говорит неслышно: «Бери меня, впитывая, но смотри не обожгись, я — солнце». В каком бы настроении солнце ни находилось, оно очень часто разговаривает с людьми...

...Тихо в лесу, сеет мелкий снежок, все в природе спит. И небо, кажется, спит, но что-то живо: это свет, который просачивается сквозь низкие облака. Его и нет, и он ощущается. Виновник тому — невидимое и упрямое солнце.

Солнце не хочет уходить от человека, оно рядом и так и норовит сказать: «Я с тобой. Посмотри на небеса, обрати свой взор к ним — и ты увидишь, как все вокруг живо. Это только кажется, что зима усыпила деревья, небо и поля,— нет, я здесь и никогда тебя не покину.

Я слетаю с небес вместе со снежинками и несу тепло. Ты впитывай его, если сможешь, а я постараюсь светить. Я — солнце и потому не могу этого не делать. Я умру, если не передам своего тепла земле, и я так радуюсь, когда люди ловят мой свет и ждут его... В такие дни я как никогда хочу объять всех...

Я бываю разным, но иногда просто замираю от зимнего холода. И тогда во мне просыпается что-то, и я хочу открыть людям глаза... Я хочу открыть им свет в дальний путь, и я становлюсь белым, как зима.

Пусть туманная пелена порой скрывает мое теплое отношение,— это ничего не изменит. Я и белое, и пустое, сквозь меня можно глядеться в дальние миры. Я — как окно в бескрайность: за мной только беспредел.

Я очень старательно наблюдаю очертания, но дальше своих границ расступить не могу: я окно в другой мир и этим живу.

Дальние миры, я знаю, указывают звезды, я же должно насыщать дыхание всего живого светлым теплом. Но я не грущу и тоже мечтаю о дальнем...»

Вслушиваться в солнечные душеизлияния человеку приятно, и солнце за это никогда не останется у него в долгу. Славное и умное, оно всегда оказывается безмерно щедрым. Им полон воздух, который можно пить жадными глотками и наслаждаться. Игривое, лучезарное, солнце пьянит так, что хочется взлететь к нему и там, в вышине, быть им опаленным. Но, не в силах взобраться в небо, человек протягивает к солнцу руки, ловит его скупой зимний свет в ладони и целует...

Под вечер, когда солнце напоит своей любовью всех, насытит так, что в этом счастье забывают про все звери, птицы, деревья и люди, оно вдруг решается еще огорошить свет своим неподражаемым блеском и расправляет над лесом жаркие крылья... Огненные блики от них ложатся на небо и землю, все как-то переворачивают в душе и озаряют. Обращаясь ко всему живому, солнце словно в последний раз всех любит, а прощается, кажется, с одним человеком: «Наслаждаясь моим теплом и светом, задумайся обо мне и помни...»

ВОЛЧЬЕ СОЛНЫШКО

И давна люди обожествляли не только солнце, но и месяц. Месяц в ночном зимнем небе всегда представлялся им всевидящим оком: иногда лукавым и предупредительным, но чаще — открыто взирающим с недосягаемых небес. Месяц в

эту пору был очень живой, может быть, даже более, чем само солнце.

Часто месяц воображался людям то супругом солнца, то его супругою, когда появлялся на небе луною. По одному забытому поверью, некогда луна-богиня со своим повелителем солнцем сияли в небе ослепительным брачным союзом, а вокруг роились их невинные чада — звезды. Но злая клевета будто разделила лучезарную пару, и теперь в одиноком величии по небу днем ходит солнце, а ночью взбирается в вышину луна. В безмолвной печали светит она на землю...

Несмотря на разлуку, луна по-прежнему любит красавца мужа незлобивым и кротким сердцем и часто под вечер, дрожа и бледнея, выглядывает из-за легких туч. Скорбным взором провожает она его и, кажется, хочет позвать... Но упрямое солнце при бывшей возлюбленной лишь вспыхнет пурпурным румянцем и исчезнет, оставив ее в обездоливающем неведении.

Так и по сию пору сходит огненно-красное, нахмурившееся солнце в глубь своей одинокой страны, а вслед ему грустно смотрит мертвенно-бледная луна. Какое-то время она еще молодится, умываясь ночной прохладой, но с появлением чистых зорь бледнеет и поспешно бежит, наверное, переживая невозвратимую утрату.

Другая легенда объясняет причину потускнения месяца его игрой со злыми духами, оттого он становится временами более блеклым, нежели прежде. А колдуны безжалостно портят его за то, что месяц светит ночью и мешает им вершить свои злобные тайнства.

Кто-то считал, что обходить небо в темное время более сподручно мужчине, и потому месяц сменяет солнце ночью. В этом

нелегком пути он поддерживается святым духом и иногда сходит для отдыха на землю. Перед рассветом солнце с месяцем встречаются, и месяц рассказывает солнцу, как прошла ночь...

В то, что показывают пятна на луне, каждый народ веровал по-своему. По одному сказу, глядя на луну, можно дознаться, как Каин убил Авеля. По другому — как Бог первых людей готовыми хлебами кормил. По третьему же — что два кузнеца для неба звезды куют. Но все почитали луну как око божье.

Люди верили, что луна каждый месяц рождается, растет и умирает. После своей смерти она нисходит в вечную темноту, перетапливается там, очищаясь, и опять нарождается. А может быть, старую луну Бог на звезды крошит, думали люди, и она не истаивает бесследно, а несет свой свет в веках. Так, расходясь с солнцем, луна все же ему светить помогает, незаметно в свет дневной переливаясь.

Какое-то древнее сказание представляло божеством небесных пределов уже солнце, которое, поворачивая с зимы на лето, наряжалось в цветной праздничный сарафан с разукрашенным самоцветными камнями кокошником и выезжало из своих золотых палат навстречу супругу месяцу. Солнышко плясало, играло лучами от радости, в предчувствии желанной встречи заливая всю даль поднебесную золотыми волнами счастья. С первыми заморозками разлучалось оно со светлооким своим супругом вплоть до самого возвращения весны: муж — в одну сторону, жена — в другую.

Всю зиму-зимскую они в разлуке жили, на долгожданное свидание втайне надеясь, а как только встречались, на радостях все без утайки друг другу выкладывали. Правда, могли сгоряча и поссориться, и тогда люди по их встрече примечали: добрая

она — дни будут ясные, худая — наведет погода хандру плакучую. Но всегда при первой грозе совершался брак солнца с ясным месяцем, которые своей любовью всех заражали, обновляя лик земли.

А еще их называли сестрой и братом. Луна к солнцу в гости идет, а он от нее прячется. Только люб он сестре и не убежать ему ни за что от своей любви, которую он в себе еще не одолел. Луна его в этом превозмогла, но никак не может пока достигнуть. Когда солнцу недостает сестры, оно куда-то исчезает, по-видимому, переживая ее отсутствие. В такие моменты человеку хочется, чтобы брат наконец обрел свою любовь и светил вечно.

Испокон веков существует в народе вера в полезное и вредное влияние месяца на все живое. От рождения молодого месяца до полнолуния, по народному поверью,— счастливые дни, а как пойдет месяц на ущерб — выплывет всякое несчастье на белый свет. Если кому посчастливится увидеть с правой стороны от себя народившийся месяц да спохватится увидевший показать месяцу хоть копейку медную — перевода деньгам у того не будет... Слева покажется — надо поклониться месяцу в пояс, чтобы защитил он от всякой хворобы.

В старых русских календарях приводились указания, что все растущее над землею надо сеять и сажать тогда, когда луна стоит над нею, и, наоборот, все то, что растет в корень, надо сажать, когда луна под нею. Засеянное в новолуние поле дает густой и частый хлеб, созревающий на диво скоро; в полнолуние посеешь — медленно станет расти хлеб, да зато умолотист будет. Хочет хозяйка, чтобы бел и волокнист уродился лен,— сей его, баба, на молодой месяц.

Знающие люди не начинают строить новой избы на лунном ущербе, ни леса не рубят, ни печей не кладут... Все это ждет своего черед а вплоть до нового месяца. Захочет молодой мужик выделиться из большой семьи, свое хозяйство повести наособицу — тоже поджид ают новолуния счастливого. Только тогда, говорят старики, и можно поручиться за доброе житье-бытье в новом доме.

Влияние таинственной луны отмечали и на животных. Так, утверждали, что родившиеся на молодом месяце поросята составляют собственность ведьм, поэтому их надо резать, если же хотят сохранить, то хозяйка должна сама откусить зубами кончик хвоста у поросенка... По другому поверью крестьян, родившиеся на молодой месяц телята принадлежали волку, а потому их не выращивали, а резали на мясо или просто гнали со двора. Исправно же выросшую животину лучше было колоть в полнолуние, потому как в ущербный месяц скот с тела спадал и был неувесист.

Оказывая свое действие на человека, луна предопределяла родившемуся в новолуние живучесть, а появившемуся на ущербе — недолгий век. Особо побережься следовало человеку в новолуние от порезов, поскольку раны не скоро заживлялись, и спать нельзя было ложиться лицом против луны. Если же месяц высвечивал малое дитя в люльке, то оно надолго теряло покой, изводя всех в исступленном крике. Еще на своем исходе месяц сводил людей с ума, но иногда ему приписывалась и целебная сила, к которой обращались в разных заговорах и притчах.

Раньше по луне предсказывали также погоду. Если рога луны были ясны и резко очерчены — это предвещало холод зи-458

мою. Если же рога луны были тупы, то это сулило ненастье. Когда они глядели вверх, можно было ожидать вёдра.

Очень важно было не пропустить лунную окраску. Месяц большой и красноватый означал, что погода в скором времени испортится. Луна бледнее обыкновенного и с разноцветными полосками — будет буря со снежной метелью. Желтый и толстый месяц готовил в течение всего месяца оттепели, а очень белый и блестящий — холод.

Кольцо вокруг луны тоже имело немаловажное значение: когда оно было ясным — это обещало мороз, туманный круг около месяца был к метели, красный же — к снегу.

По некоторым поверьям, особенною бедою грозило людям лунное затмение. Оно якобы происходило от нападения на луну колдунов, упырей и вурдалаков, возжелавших полакомиться ею. Овладев луною, нечистая сила поедала ее начисто, и тогда зима будто бы приносила небывалые холода. Чутко реагируя на происходящие в себе перемены, луна заблаговременно предупреждала об этом всех живущих на земле.

Месяц на Руси всегда находился в особом почитании. Сказки, сказываемые бабушкой перед сном детям, начинались с его незапятнанного имени — «под светлым месяцем, под белыми облаками, под чистыми звездами...» Девицу, возмечтавшую о неписаной красы добром молодце, завидующие подруги так подзуживали: «Еще какого захотела: во лбу — месяц, а в затылке — ясные звезды...» С месяцем развеселую игру затевали, при том приговаривая: «Месяц, месяц, где ты был? — В лесу.— Что делал? — Лыки драл.— Куда клал? — Под колоду.— Кто взял? — Родион.— Поди вон!» На месяц всегда

было любо-дорого смотреть, и когда родился он — значит, это число в святцах!

По народному представлению, посреди заснеженного двора зимы три терема сказочных стояли: в первом жил светел месяц, в другом — красно солнце, а в третьем — часты звезды... Недаром и в колядках к долгожданному Рождеству говорилось, что хозяин — ясен месяц, а хозяйшка — красно солнышко! Месяц представлялся людям молодым царевичем — расписным красавцем, луна же — прекрасной царевной-лебедью с бледным лицом. Всегда незримо и нежно плыла она над лесом холодной зимней ночью, а месяц весело вторгался в человеческое жилье.

Обращались в народе к нему уважительно, по-доброму. «Месяц ты, месяц, золотые твои рожки!» — как бы собираясь у него что-либо выпрашивать, причитали докучливые хозяйшки. Молодые бабы не без лукавинки уговаривали: «Месяц, месяц молодой! Тебе рог золотой, тебе на увеличение, а мне на доброе здоровье!» Пастухи перед первым после зимы выгоном овец на пастбище, на траву-мураву зеленую, приговаривали: «Месяц, серебряные твои рожки, золотые твои ножки! Паси-береги овец моих, как пасешь-бережешь свои звезды частые!»

А месяц светил себе на небе и ничего не боялся: ни холодной зимней тьмы, ни жестоких буранов, ни волчьего воя... Всю ночь, бывает, волчья стая на месяц провоет, а он никак на землю не падает. Не ведает месяц и про то, что его за это люди волчьим солнышком клечат...

Ласково, с любовью относились в народе и к нему, и к волкам, потому что ничего лучше не выражало зимнюю ночь, как тени сидящих на освещенном луною снегу зверей, с задранными мордами взирающих на холодную высоту. Им, видать, лун-460

ный свет был не за счастье: он тревожил их и в без того беспокойной жизни. Им некуда было от него деться, и волки отводили мятущуюся душу в своей неприкаянной зимней песне.

Чистый месяц, взбирающийся поутру на небо, называли серебряным петухом... Больно люб был он человеку — не всегда замечаемый, но такой ощутимый! Не заставив себя ждать, о приходе нового дня скромно возвестит и незаметно исчезнет, только его и видели!

Загадки разудалые про него народ будто из мешка тряс, сыпал, словно звездами: «За новым за двором стоит чашка с творогом?»; «Идет лесом — не треснет, идет полем — не плеснет?»; «Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка: хочет есть старуха, тянется-потянется, а все не достанет?»

Душу эти загадки разуверившемуся веселили, от неурядиц занудливых очищали, раззадоривали на жизнь строящуюся! Ладно тогда на сердце становилось, и все беды незаметно ускользали. Месяц любезное к себе обращение никогда без внимания не оставлял, был хорош собой и светел.

Иногда месяц незаслуженно обижают, утверждая, что он хоть и светит, но не греет, а потому напрасно у Бога хлеб ест. Его за это называют только серебром, красное солнышко же — золотом! «Как месяц ни свети, а все не солнышко!» — досадливо говорят про него. Или еще хуже огорошат: «Лунная ночь — что ненастный день,— грело бы красное солнышко, а месяц — как себе знает!»

Месяц, конечно, солнцу не чета, но и от него можно извлечь пользу. Как и солнце, он в небе над землею ходит, покой и тишину мирную для людей сторожит. Когда он это делает, люди спать должны.

Сколько путников заблудших он на путь истинный наставил, от судьбы лихой отворотил. С затаенным восхищением взираешь посреди зимней ночи на его лик и никак не нарадуешься. А что слукавит он, бывало, темной порой, так от того только слаще сердце в груди замирает: до жути хорошо и интересно становится с ним тогда жить.

За долгую зиму месяц не успевает наскучить, поскольку бывает разнолик. То он сияет полным соком огромного круглого шара, то является изящно источенным серпом. Временами же месяц оказывается совершенно невидим, и ты подолгу всматриваешься в морозную черноту, пытаясь хоть что-нибудь различить.

Терпеливо переживаешь его отсутствие перед вынужденной сменой одежды: месяц набирается нового целительного света. Месяц в свой день рождения остается для всех невидим, за исключением людей самых добродетельных. И хоть говорится, что нет толку в месяце, когда он тучами покрыт, однако месяц тучи своим светом рано или поздно разгоняет.

Бывает, в метель луна проглядывает сквозь туманную мерзлую дымку, и лик ее бледней снегов, свет которых она отражает... Она таинственна и кротка, как прекрасная девица, что не знает себе цену. Заветное лицо, сокрытое небесной кисеей, кажущееся недоступным, но такое родное и близкое.

А иной раз луна — будто кто серебряную монетку обронил — всю зиму под снегом пролежала да под самую весну вытаяла. Неначищенная, неброская с виду, монетка словно радуется своему благополучному освобождению.

Хочется потереть ее между пальцами, ощутив приятную прохладу, а потом подбросить на руке и положить в карман, чтобы

тут же позабыть и когда-нибудь приятно обнаружить. Так и луна: удивив человеческое сердце, вдруг нечаянно исчезнет, а когда ненароком появится, все ей опять рады. Она от этого перерождается и ждет, чтобы ее вновь кто-нибудь потерял.

Порой луна бывает несколько удивлена оказываемым ей невниманием. Она тогда растворяется в небесах, и мы ее подолгу не видим. Там, в своей таинственной темнице, луна переживает нанесенную ей обиду, тихо кручинится и еще более хорошеет. Сладка ее печаль, туманны грезы...

Яркой звездочкой возникает она опять в душе человека: забыты былые тревоги и огорчения. Красоваться в небе перед всеми — вот ее улада, и людям она всегда желанна. Необъяснимая, прекрасная, печальная...

Кто ухаживал за ней, во имя чего лелеял,— остается до сих пор для нее неразгаданным. Все куда-то незаметно удалилось, а напоенная добрым светом луна осталась. Возвращенная самим Богом, обласканная его вниманием, она им же, на всеобщую любовь, была лишена памяти, чтобы только светила в небесах человеку и ни о чем не тревожилась.

Луна, несомненно, существует для людей, но не перестала быть загадкою для земли. Луна призвана проливать свет на ночную землю, она зовет людей к себе. Привлеченные ее притяжением, мы хотим знать о ней все, несмотря на расстояние. Нас не пугает это путешествие, так же как уносимые небесными ветрами другие миры, и звездный дождь, и вечность.

Мы смотрим на луну и пытаемся ее понять, а помогает нам в этом зима. Зимой луна бывает как никогда содержательна и открыта. Луне хочется не переставая внимать и думать.

Кто живет в более тесном общении с природой, тот имеет большую возможность и радость наблюдения за луной. Есть в ней в зимнюю пору нечто притягательное, необъяснимое. Луна словно создана для этого времени.

Зимой луна омывается и сверкает чище. Морозный воздух ее бодрит: луне хочется выглядеть очаровательной, непревзойденной. Ей хочется нравиться и увлекать. Возможно, она даже способна потерять голову.

С чем схожа непревзойденная краса луны? Кого готова она повергнуть? Может, оттого она дарована Богом человеку такой близкой и недосыгаемой, чтобы только любоваться ею и быть ее вечным рабом, не знающим утешений...

Но иногда человеку начинает казаться, что луна есть нечто большее, чем мы ее привыкли считать. Она — недооцененное человеком таинство, влияющее на все живущее на земле, мы ее скорее чувствуем, нежели видим. Тот, кто хоть однажды подсмотрел ее ночную работу, не забудет этого никогда. Луна произведет на него неизгладимое впечатление: она откроет ему доныне неведомую жизнь.

Человеку сразу захочется узнать, о чем молчит луна и от чего порой таится. Какие настроения переполняют ее, когда она с безоблачных небес наводит на все живое томное сияние? Ведь человек так до сих пор и не знает, откуда вообще взялась луна...

Если слово «солнце» подразумевает саму жизнь и сердце, то луна — лишь отблеск на небе. И это верно, потому как, не обладая собственным светом, она только отражает чужой. Ей трудно тягаться с таким могущественным соседом, и луна, ни на что не претендуя, тихо изливает свою мудрую печаль.

Она достаточно пожила, чтобы чувствовать себя просто обделенной.

Когда-то луна жила одна, вдали от земли, но потом они соединились. Может быть, земля пригласила ее к себе в гости, а может, луна сама нашла себе подругу. Однажды обретя друг друга, они уже больше не пожелали расставаться...

С давних времен люди принимали луну за зеркало, в которое глядятся солнце, земля и они сами. Какое наслаждение было наблюдать все эти красоты, зная, что луна, между тем, несет и что-то свое. Может быть, былую историю о том, как когда-то была молода и полна жизни, все те темные пятна на ее поверхности были морями, по берегам возвышались горы, склоны которых устилали трава и цветы. Луна была жива и не предполагала, что когда-нибудь будет служить лишь отражением чужой жизни.

При этом она не утерjala собственного достоинства, скрывая печаль в укромной тени. Обратная сторона луны — это всегда ее непревзойденное мужество и стойкость. И еще любовь, которую она хранит для человека, — луна научилась ценить жизнь.

Она скромна в собственном понимании жизни. Ей довольно того, что в ней нуждаются и ждут. Луна — отражение души человека, она зеркало его сокровенных и самых непостижимых желаний.

Часто луну рисуют с человеческим лицом, так как расположение пятен на ней в достаточной степени соответствует положению глаз, носа и рта. Луна на таких рисунках всегда улыбается и выглядит скорее внимательной к людям, нежели загадочной. Ей непременно хочется доверять и надеяться на

ее защиту, потому что она ласково оберегает землю от черной тьмы.

Когда луна дрожит на небе, полном неясной тревоги, дорога человека ясна, и страх не одолевает его сердца. Он идет, свободный в ночи, счастливый, в восхищении замирая от наползающих теней и звуков. Лунная тишина объемлет его вместе с ночным лесом, потаенными зверями и птицами, неведомыми тропами. Лунный свет проникает сквозь его тело и делает самым собой.

Торжественно сияет луна в вышине, наполненная соком неистраченных вожделений. Не миновать ее всепроникающего влияния, неслышно прокрадывающегося между деревьями. И человек постепенно смиряется с ее проникновенным светом и тихо наслаждается случающимся единением. Луна — в нем и вокруг, она его долгожданный покой.

Притяжение луны тем сильней, чем чаще человек взглядывает на небо. Частые звезды перемигиваются меж собой, как бы отвечая на ее безмолвные призывы, и человек понимает, что они тоже зависят от нее. Вернее, звезды благоволят луне.

Сам человек воспринимает ощущаемую тягу как нечто замечательное и таинственное и ничего не боится. Не то чтобы ему хотелось взлететь на луну и соприкоснуться с ее светом,— просто очень приятно находиться в ночном лесу под сияющей луной и чувствовать себя неодиноким. Человек почти уверен, что луна все время наблюдает за ним и не упускает из виду ничего, что бы могло разъединить их. Делает она это ненавязчиво, с любовью.

Впрочем, все это, быть может, только кажется человеку,

и луна на самом деле ничего не замечает. Она лишь льет свой холодный свет и не ведает числа поклоняющихся ей влюбленных. Но блаженны волшебные помыслы людей, возмечтавших одухотворить небесное присутствие луны.

БОЖЕСТВЕННЫЕ ЗВЕЗДЫ

Ничто не может передать красоту звездной ночи... Один древний мудрец сказал, что если бы звезды были видны только в каком-нибудь одном месте земли, то к этому месту непрерывно бы шли толпы людей, жаждущих полюбоваться великолепным зрелищем. К счастью, звездное небо видно повсюду и доступно каждому.

Каждый вечер вспыхивает на нем звездный занавес, и мы зачарованно внемлем предстоящему великолепию и торжеству. Звездка, звездочка, звездушка, звездинка загораются одна за одной, но каждая светит по-своему...

Вот неподвижная звезда — не изменяющая своего места на небе и принимаемая нами за солнце других миров... Эта — блуждающая, которая, не мерцая, обращается, как земля наша, вокруг своего солнца. Звезда хвостатая, с огненным опахалом, называется кометой... И лучезарная Вечерница — Венера... А еще есть Полярная звезда, ближайшая из крупных к Северному полюсу, самая известная...

Звезда — это всегда блеск, сверкание, сияющая и загадочная новизна. Ею в народе называли белое пятно на лбу коровы или лошади, а потом и само животное. Господь Бог, каждо-467

дневно облачаясь в небеса и подпоясываясь зорями, застегивался яркими звездами...

Представление людей о ночном зимнем небе и звездах всегда было очень сказочным. Все люди жили под его бесконечным господством, выпитывали в себя его неиссякаемую энергию. Даже не глядя вверх, можно было ощущать звездное присутствие, быть очарованным им и желать несбыточного.

Умиротворенной зимней порой ночное небо казалось бархатным, и звезды на нем сияли по-озорному зазывисто. В рождественские морозы веселые блески от звезд прилетали на землю и усыпали деревья, дома и дороги. Они празднично похрустывали под ногами и сами собой несли тебя к какой-нибудь радостной зимней встрече.

Втайне встреча эта всегда ожидалась, и ты знал, что она лежит за пределами дома, где-нибудь там, в омертвелом лесу или заснеженном поле,— зимой ей почему-то не было места среди людей, и восторженное ожидание какого-то чудесного открытия проистекало именно от звездного света. Только с него начиналась добрая сказка зимы, за которой хотелось следовать до самой весны.

Но о весне пока еще не думалось, потому как вела тебя по жизни зимняя дорога. То проторенная санями сверкающей твердью, то убаюканная метелями сугробною тропой. И всегда ты непроизвольно поднимал голову к звездному небу, как бы желая услышать долгожданный ответ.

А небо многозначительно молчало, подмигивая тебе яркими звездами, и всем своим видом будто намекало поторопиться до грядущей непогоды, в которой, как никогда, желалось настоящей сказки. Без нее не жить русскому человеку посреди

зимы и не мечтать о празднике света. Только звездная сказка могла открыть человеку его непостижимое будущее...

По одному старинному поверью, звезды золотым зерном по ночному бархату неба рассыпал ясный месяц, когда они с красным солнцем свадьбу справляли. Были там невероятной красоты алмазы, яркий яхонт да крупный жемчуг, в которые невеста, выходя к жениху, облачалась. А гости гребли драгоценности целыми лукошками, и никто при этом не жадничал. Всем ночного золота вдосталь хватало — бери сколько вздумается!

Каждая звезда будто жемчужина самокатаная сияла, и как им было тоже не закатиться в карман любознательного человека! Он их, не ведая жадности или корысти, собирал и другим раздавал, а люди оттого его благодарили. Хорошо, если им было куда девать драгоценные звездочки и люди знали, чего хотят. Звезда от долгого раздумья и недоброй воли теряет свой блеск и взлетает в уже недостижимые для человека небеса, так что в руках его остается только ее тень... И еще ощущение навсегда утеряннго тепла, которое могло принести одухотворение.

Другая легенда гласила, что сам Бог золотое монисто по небесным закромам разбросал, ровно не ведая, кто его собирать будет. Такое оно волшебное, что, кому вынется, тому сбудется, сбудется — не минуется. Хорошо, если отыскал это богатство, разметанное Всевышним в вышине...

Еще люди представляли небо светлым теремом Божьим со звездами вместо окон. Из этих окон смотрят на белый свет ангелы Господни, и несть им числа. У каждой живой души на земле свой звездный ангел-хранитель.

Народится человек, и Бог посылает ангела стеречь его от совершаемого каждодневного греха и ухищрений дьявольской

силы. Откроет тогда ангел свое окошечко, сядет да и смотрит с небесной высоты на подопечного ему сына земли. Каждое дело, совершаемое на земле человеком, в книгу особенную записывает, только успевает страницы перелистывать,— людям же внизу чудится, будто звезды переливаются.

Умер человек — и захлопывается окно невидимыми ставнями, а звезда падает на грудь земную. Кто увидит такую звезду да успеет загадать желание, у того все непременно сбудется,

А кто-то небесные звезды воспринимал Божьими очами, беспристрастно всеведущими, может быть, чуточку горделивыми. Так же как и ангелы, наблюдая за всем миром, Бог не допускал себе вольности и следил за справедливостью. Вспыхивая своим божественным блеском, звезды отмечали праведных, тускло же мигая — скорбили о грешниках.

Люди всегда стремились охватить собственным знанием звездное пространство, и не пугала их эта бесконечная тьма. Так увидели они ту, самую главную звезду, которая волхвам путь ко Христу показала. Когда родила Дева Мария Иисуса, то и звезда родилась на небе, а остальные словно свечи Божией Матери загорелись. Как бы за всех остальных людей радуйась...

Не зря издавна повелось поверье, что звезд на небе столько, сколько людей на земле. Но бесконечны силы Вселенной, и звезды, как и люди, нарождаясь одна за одной, отличаются друг от друга по своему блеску, величине и окраске. Согласно характеру звезды получают себе имя, и каждая несет в себе какое-то свое, особенное значение.

Самые дружные звезды образовывали между собою созвездия, которые поражали любознательное человеческое восприятие. Звезды управляли целыми народами, а звездами — сам Бог.

Так небу было сподручно удерживать жизнь в необходимом для нее мудром равновесии.

Но как бы высоко над людьми ни распростерлось звездное небо, оно, по народному поверью, все же концами в землю упиралось. Человек, при желании, мог на него взобраться и достать свою звезду. До того места, где небо сходится с землей, добирался только премудрый.

Каждый живущий на земле способен был стать им, потому как самая родная звезда всегда стояла у него над головой. Он мог обратить лицо к ее свету, и она это замечала. Всякая звезда радовалась оказанному ей вниманию и рано или поздно приветствовала человека. Нравящиеся людям к собственной жизни постепенно открывало им звездное небо.

Но больше всего привлекали к себе падающие в ночном небе звезды. Люди тогда о смерти думать забывали, и у каждого из них в сердце новая мечта зажигалась. Очень ей хотелось еще одной звездочкой на небе загореться, просиять на нем долго и, опалив на прощание кого-нибудь, радостно погаснуть.

Звезд на небе было больше зимою, в отличие от страдного летнего времени. Именно тогда падало наибольшее количество звезд, потому что так повелевал Господь. Как только душа человека прилетала на небо, Бог заставлял ангелов сбросить одну звезду, чтобы все люди знали о кончине человека и помолились за него. Зима же, как никакое другое время, предполагала к накоплению необходимых жизненных сил и воли.

Кто-то искренне думал, что в виде падающей звезды Бог свергал с неба нечистую силу и во время падения звезды надо креститься и произносить слово «аминь». Чем большее число

раз успеешь его произнести, тем глубже сатана уйдет при падении в землю.

Еще существовало мнение, что падающие звезды — это свечки, поставленные сатаной по какому-либо из подвластных ему чертей. Но Бог видит его хитрости и чертову свечку немедленно сбрасывает с небес. Она и летит вниз в виде падающей звезды.

Все падающие звезды красивы, и хорошо, если они сыплются с неба только к снегу, не предвещая ничего, кроме радости их неземного озарения. По мнению некоторых народов, звезда все же могла причинить вред, если падала на ничего не подозревающее животное или человека. Когда пострадавший сильно заболел и никто не мог определить причину его болезни, то говорили, что на него звезда упала: на человека словно ложилась печать непоправимой обреченности, и не было ему тогда спасения.

А еще говорили, что все звезды не стоят одного месяца, который по упавшей звезде не тужит. Даже вместе взятые, они не составят его блеска и силы и не смогут светить так зазывно и ярко. Свет, испускаемый звездами, как, впрочем, и у месяца,— холодный, не согревающий всю земную природу. Но разве сравниться им с его начищенной снегом красотой?!

Сквозь безграничную даль пространства бледные лучи звезд пронзают ночную темноту и не в силах разогнать ее. На это способен только месяц, что копит в себе животворный сок очаровывающего свечения. А может, это звезды собирают его своим невидимым трудом и благословляют месяц на всеобщее обозрение?!

Месяц за то относится к звездам с уважением и всегда привечает их, но нелегко ему расточать свое великолепие. У него

их много, и потому сорвавшихся с неба он провожает с легкой улыбкой, как еще одно воздаяние человеческим судьбам и звездам, неотделимым друг от друга. Месяцу хочется позабавить и тех и других, потому что живет он отражением их соединенной жизни, в которой черпает неиссякаемую радость.

Про звезды, так же как и про солнце и луну, в народе сложили немало замечательных поговорок. «Не считай звезды, а гляди под ноги: ничего не найдешь, так хоть не упадешь!» — советовали рассеянному человеку. Верхогляду приговаривали: «Жить — живи, да решетом звезд в воде не лови!» Обманщика и льстеца можно было не без успеха подзуживать: «Часты звезды, яркие звезды, да рассыпчаты; сладки речи, звонки речи, да обманчивы!»

Звездные загадки были разухабисты, полны неувядающего задора... «Рассыпался горох на тысячи дорог?» — выпаливали вмиг, ровно сами звезды покатались по сказочному небосклону. Или так сочно, по-народному: «Полно корыто огурцов намыто?» А еще — с замиранием духа, красиво да вкрадчиво: «Поле не мерено, овцы не считаны, пастух рогатый?»

Многие люди не склонны верить ночному зимнему небу, но именно вид звездного неба и самих звезд породил немало добрых примет. Блеск звезд и их чарующее мерцание предполагало ясную погоду, и хоть нельзя было рассчитывать на ее постоянство, зимний холод не был при том обузой. Чем темнее ночь, тем ярче звезды, и даже когда на облачном небе звезд совсем не видно, ты знаешь, что они из-за этого светить не перестают.

Зимой звезды ярко блещут, посылая лучи во все стороны,— к сильному морозу с ветром. В какой части неба звезды засияли

сильнее — оттуда непогоду надует. Если же у звезд лучи темные — ожидай скорой метели.

Разные предсказания строили по кажущейся величине звезд, а также по их движению на небе. Звезды маленькие, словно затерянные в бесконечной вышине песчинки, предвещали снег. Звезды яркие и пляшущие — лютые морозы. Когда казалось, что звезды на небе как бы бегут,— будет ветер. Те звезды, которые забирались высоко, а светили тускло, обещали оттепель.

Звезды, как солнце и луна, бывают иногда окружены туманными кругами, предвещающими либо ветер, либо снег, либо ясную погоду. Белые и красные круги около звезды — к вёдру, круги темного, зеленого и бледного цветов — к ненастью. Дурную погоду также предвещала большая звезда, появившаяся вблизи лунного диска и следующая за ним, как цыпленок за наседкой.

Звезды тоже, как и месяц, по уверению умудренного жизненным опытом народа, влияли на урожай. Ясная звездная россыпь в ночь под Рождество — значит, поджидали девки красные изобильного урожая ягод да грибов. Яркие звезды во все святочные ночи — так и урожай хлебов будет добрый, и пчела хорошо роиться станет, и гречиху сеять можно без опаски перед градом, а овцы примутся ягниться дружнее дружного. Яркая игра звезд перед яровым севом обещала богатые яровые.

По девичьей примете, звезды падали к девичьей судьбе: в какую сторону на Святки звезда упадет, когда на нее смотрит загадывающая девушка, в той стороне и суженый живет.

Старики утверждали, что у того, кто часто смотрит на звездную россыпь, у того глаза будут зоркие. Каждая звезда ровно проникает в человеческую душу, зажигая в ней необыкновен-

ные знания. Недаром, прося благословения у Господа, от синего моря желают принять силу, от буйного ветра — храбрость, а от частых звезд — зрение.

Также и накануне Рождества: запасшись всем, что даст Бог к этому празднику, с благоговением ждет человек появления на небе первой вечерней звезды. Верует он, что это загорается та самая звезда, которая более двух тысячелетий тому назад возвестила волхвам о рождении Сына Божия в Вифлееме иудейском. Целый день постятся благочестивые люди в Рождественский сочельник, не принимая «до первой звезды» никакой пищи. Только духом святым сыты в ожидании ее, что завещал им сам Господь Бог.

Наступает праздничный вечер, бережно покрывает синими тенями пушистые снега: сплошное благолепие вокруг и тишина. Все торжественно напряжено в ожидании святого предзнаменования. И вот вспыхивает на востоке трепетной свечой долгожданная звезда...

Взоры всех верующих людей, как близких по крови, так и далеких между собой, устремлены на нее. «Христос родился!» — раздается радостный их голос, который разносится вместе с колокольным звоном по всей Руси Великой. Над замолкшими лесами и полями, через города и села, по всему неоглядному простору русских дорог плывет он свободным волеизъявлением, и всякий его слышит, понимает и впитывает в себя.

А звезда светит мудро, все более набираясь соком волшебного причастия, так что каждый может ей открыться, любовно исповедуясь. «Празднуем, звезда, вместе с тобой нашу долю людскую, с небом праведным единую! Славься свет твой божественный, и да пребудет он долгие веки и многие лета!»

...Спокойно внимает звезда людскому обращению и зажигает в доме всяких доброхотных хозяев свой проникновенный огонь. Огонь этот привлекает к себе колядующих, благочестиво отстоявших всенощную и заутреню, а хозяева их заслуженно одаривают. Больше всего достается малым ребятишкам, один из которых несет на палке зажженный фонарь в виде звезды, а остальные бегут за ним на каждый двор, куда только их пускают. Звезда никого не дает в обиду и всех оберегает, кто благодарен ей за ее загадочное появление.

Сами слова «рождественская звезда» сказочны и желанны. При первом ее блеске старший вносил в дом связку сена, устилал им лавку в красном углу и накрывал чистой скатертью. Затем на нее под божницу ставили необмолоченный сноп ржи и кашу с плодовым взваром. Так начиналась эта «звездная вечеря».

За вечерю вкусно ели, гадали о будущем урожае и не забывали думать о непрекращающемся свете любимой звезды. В самую полночь она должна была отверзнуть небесные врата, и с заоблачных высот сходил на землю Сын Божий, открывая взорам праведных все неопределимые сокровища. Из своих сказочных пределов звезда посылала на одетую снежной пеленой землю богатые дары, и, если кто о чем-нибудь загадывал, все сбывалось как по писаному.

Многое могли увидеть люди, достойно ожидающие свою звезду, да только с каждым годом труднее это делать из-за затемняющих небо нераскаянных грехов человеческих. А как ни смотри на небо грешная душа, ничего, кроме синего полога туч, ей не увидеть в эту великую ночь откровений. Надежно хранит от них звезда свои неизъяснимые тайны и счастье.

У каждого человека свои звезды. Одним они указывают путь в их бесконечных странствиях. Другие видят в них счастье своей единственной любви. Третьим звезды кажутся удивительными мирами, которых они достигают в мечтательных снах. Звездочеты разбирают по звездам великие загадки Вселенной. А кому-то звезды — просто холодные и недостигаемые огоньки, от которых нет никакой пользы...

Для обыкновенных людей звезды веками стоят над землей недвижно и смотрят друг на друга с холодной тоской. Но на самом деле отношения их богаты, потому что говорят звезды меж собой на прекрасном языке любви, и он известен только влюбленным. Как кто-то кого-то разлюбит — звезда их падает с высот, и уже больше ей не взойти. Одинокая ночь тогда принимает тебя, а взошедшие звезды кажутся опять печальными и безликими.

Кто добр сердцем и замечает звезды, тот взирает на них с глубоким уважением, потому как звездное небо есть великая мудрость. Оно даровано человеку в наследство от далеких миров, чтобы не переставая гляделся он в карту своего будущего. Звезды великодушно освещают ему отмеченные на ней непроторенные пути в бесконечность. Еще звезды предсказывают человеку его счастье и беду, оберегая от земного лиха. Только достойному доверчиво дарят они свой свет, который он чувствует и принимает...

Наблюдая звезды, мы уносимся в далекое прошлое, потому что видим их не такими, какие они есть в момент наблюдения, а такими, какие они были в тот момент, когда попавший в наш глаз луч звезды покинул их. Там, в невообразимой бесконечности веков, они родились и освещали собой иные миры. На заре

своей горячей юности звезды сверкали в вышине голубыми фонариками, и прошла, наверное, целая вечность, прежде чем они превратились в белые, желтые и, наконец, самые холодные — оранжевые. Именно такой цвет зажигали они в себе напоследок, возвещая человеку о своей прекрасной кончине.

Даже невероятно представить себе эти расстояния, которые соединяют нас с давно минувшим. Звезда уже погасла, а свет от нее до сих пор остается в пространстве. Мы видим его, и нам кажется, что звезда жива: каждый вечер она ласково приветствует нас своим тихим мерцанием и оберегает сон. Прошлое не расстается с нами — оно смотрится в будущее.

...Где-то там, в небесной вышине, сияет, наверное, и твоя звезда — холодная хранительница судьбы, вечная спутница и подруга. Восхитительной надеждой горит она одна, пленяет взор, влечет мечты. И еще зовет с высоты к себе, не в укор злополучной человеческой судьбе, а во имя добра.

Далекая и желанная, сражаясь с вечной темнотой, она несет истрадавшей душе покой. Когда ее нет и небо подернуто облаками, заставшими весь горизонт, тебе бывает так одиноко, и ты вспоминаешь ее и думаешь: уж не оставила ли она своего слугу?! Но звезда молчит, и ты понимаешь, что надеяться стоит только на самого себя.

Рано или поздно звезда возвращается, неслышно всплывая над твоей головой, и ты радуешься, что она не бросала тебя, а только предоставляла тебе право собственного выбора. Звезда охраняла тебя на твоем пути, гордилась тобой, и, может быть, ты был ей дорог. Она любила тебя только ей присущей любовью, потому что ты заслужил ее, ты — человек.

Вволю насладившись ее присутствием, ты вдруг открываешь для себя, что если и завидовал кому-нибудь в жизни, так

только ясным звездам. Не для того, чтобы занять их место, а для того, чтобы лишь взирать с заснеженной земли на вспыхивающие алмазы звезд и восхищаться их умудренной ночной поступью. И еще умирать от сладкой тоски, что не придется самому, хотя бы однажды, взлететь в небеса, чтобы засветиться там чьей-то голубой, зеленой или оранжевой мечтой...

ВОЕВОДА РУССКОЙ ЗИМЫ

Целую зиму летает над просторами России ее царь — Дед Мороз — на своих чудесных белошерстных конях. Не существует такой деревни, поля или лесной чащи, которые бы не были овеваны его невидимым присутствием. Дед Мороз везде и нигде, он есть белая суть зимы, сам снег, мятежная морозная даль и ветер. Всякий знает Деда Мороза, но никто не видел и не ведает, где находится трон царя.

Каждый год властитель зимы прилетает к нам из своей далекой и вечно холодной страны для собственного утешения. Всласть ему, истосковавшемуся без дела, пронестись снежным вихрем над замершей землей, смешав свет с тьмою. Его премудрость и таинственная власть при этом не вызывают сомнений. Обескуражив всех своим появлением, он с восторженной радостью пожинает народное почтение.

Идет Дед Мороз по лесным тропам, и сказочным становится лес. К утру зажженные Дедом Морозом звезды покрываются тусклой позолотой и с высоты божьих небес срываются одна за другой. Дрогнет при этом сердце: неужели сам Господь сдувает

их оттуда? А Дед Мороз только подправляет их волшебным посохом, чтобы не закатились далеко.

С настроением обходит Дед Мороз свои владения, следит за тем, чтобы исправно заносили метели пути-дороги. Даже разгоряченное своей игрой солнце не в силах растопить мерзлое дыхание Деда Мороза, окладистая борода которого искрится чарующими блестками, куржавится ослепительным инеем. Чародейка зима стелет ему дорогу белоснежными коврами, по которым Дед Мороз шагает целыми верстами. Забравшись на самое высокое дерево, глядит свысока, везде ли установились зимний порядок и тишина. Все ему в эту пору подвластно, и другого такого владыки во всей земле Русской не сыскать.

Задумает Мороз ледяной мост выстроить — лютые метели и стужа ему верное подспорье. Захочет сковать шумные воды реки — беспрекословно подчиняются они ему. Весело, но не беззаботно скачет на своих белоснежных конях Морозко по ельничкам да березничкам, по заснеженным берегам и вере-тейкам...

По лесам и полям с самого начала зимы слышатся его северные песни: в них родное для русского сердца раздолье... Но сколько бы ни трещал Мороз, кровь от него только горит — не страшны ей его прикосновения. А старик-шутник еще злей от такого неповиновения становится: заплутавшего мужика у ворот сторожит и другим стоять не велит.

И все же не враждебен человеку разудалый хозяин зимы. Чаще всего Дед Мороз ему уступает, если тот этого заслужил, и отпускает с Богом на все четыре стороны. А сам, отправляясь дальше в свой снежный путь, как бы напоминает всем, что только зимой мир людей виден в настоящем свете...

Любит еще Дед Мороз похвастать своим царским убранством, но не корысти ради, а от переполняющих душу старика добрых чувств. Ни с того ни с сего затеет он свою казну несметную пересыпать из рукавицы в рукавицу, так что засияет все вокруг в алмазах и серебре! Блеск их соткет волшебное одеяние зиме, и та царицей войдет в открывшийся ей дом людей, зверей и птиц и всех в нем согреет и приголубит.

Доволен всем этим Дед Мороз: в бороде его прячется хитрая улыбка, длинные ресницы запущены белой бахромой, в густых бровях — отливающие золотом соболя. Стоит и радуется от сотворенного им праздника света, участия ко всему живому! Дай Бог, чтобы не застудил никому сердца сверкающий иней его неподражаемого богатства!

Восхищенные чарующим блеском этого волшебства, птицы радостно слетают с верхушек елей и вновь взвиваются к ним. Заслонившись рукой от ослепительного зимнего солнца, пристально вглядывается Дед Мороз в их беззаботную игру и будто успокаивается сердцем. Они тоже часть его бесценных даров, освещающих собой неприкосновенную зимнюю тайну.

Самые волшебные сказания и образы связаны с именем Деда Мороза. Кому-то он виделся богатырем-кузнецом, который сковывает воду калеными морозами. А для кого-то вырастал неведомой силой из зимнего солнца и ветра, угрожая насмерть застудить встретившегося ему на пути человека. Доброхоты же рисовали в своем воображении Мороза незлобивым дедом, живущим в ледяной избушке и одаривающим пришедшего к нему. Для такого Мороза на Рождество выставляли кашу за окно

и звали ее есть, приговаривая: «Мороз, Мороз! Зимой приходи, а летом не ходи, под гнилой колодой лежи, нашего хлеба не морозь: ни гороху, ни овса, ни доброго жита!»

Но, вопреки чаяниям людей, Дед Мороз приходил к ним иногда бессердечным старичком низенького роста, с длинной седой бородой и колючими глазками, стуком своего посошка вызывающим трескучие морозы. От удара Мороза по углу избы якобы даже раскалывалось бревно, и это выглядело самой жестокой его проделкой. Незащищенному человеку легко было разувериться в нем и опасть душой в эту студеную пору.

Или объявится вдруг Мороз грозным дядькою, куницами да лисицами обвешанным, черными соболями подпоясанным, на свою палицу точеную опирается, речи небывалые для всех молвит: «Пришел я к вам с далекой, неведомой стороны, где славен своею властью и силою. Волшебный шатер в той стране до самых небес возвышается, белым бархатом устеленный. Целый год в нем черная ночь с белым светом венчаются, золотыми кольцами обмениваются. Я их драгоценным своим наперстием вещаю да свадьбою невиданной веселю. Всяк меня там знает и поклоняется!»

Иной же раз по улицам проходит вприсядку молодец ладный, будто только что из-под Божьего благословения вышедший. Обличьем своим — красавец писанный, да такой пригожий, каким дитя малое в заутреню рождественскую пробуждается. Ключевой студеной водой умытый, тонким белым полотенцем осушенный... В сапоги алые, поскрипывающие ноги его резвые обуты, фигуру платье опрятное украшает. Идет он молодецкой поступью по деревне и никуда не заглядывает,

а всякому чудится, будто он у него в гостях побывал! Дивятся люди доброму молодцу, на улицу гурьбою вываливают, не ведая поначалу, кого им ласковым словом величать!

В зиму захудалую Мороз вдруг попиком неприглядным объявится. То и дело кланяется кому-то отупело, к Божьей церкви поворачивается. Из одной руки в другую крест оловянный маленький перекладывает да все молитву свою искусную творит, на судьбину горькую жалуется...

Народу от него в такой год проку мало: как бы самим на все четыре стороны не пойти. Закрывают они двери на засовы, Богу поклоняются: за какие грехи такая напасть на них неминуемая? Детям от этого заблудшего дяденьки подарков не жди, а ведь им без сказок — что мухам без браги...

Наградой после такого худа мог быть только ясный младенец, от светлой зари морозной над землею воспаривший. Кудри его чистым серебром из-под ермолки красной в три ряда завиваются, лучистые глаза скатным жемчугом обжигают. Люди меж собой в радостном изумлении вопрошают: «Как того отрока по имени-отчеству зовут и не светел ли месяц к нам на землю спустился?» Или так: «Кто такое прелестное дитя породил и кто спеленал эту ясную звездочку?»

Дитя же то крестьянам неразумным, за лихолетье долгое в себе и Боге разуверившимся, отвечает: «Батюшка мой, православные братья, не кто иной, как повелитель снегов и морозов, всевышний ледяной владыка всего земного царства. Породила меня на свет божий маменька зима, а вспеленали родные нянюшки — метели и бури. Бабушка пурга над моей головою сказки волшебные читала, душу выпестовывала: рос я в заботе и ласке!»

Люди от речей только что народившегося Мороза сами лицом светлели и в мыслях его прославляли. По душе им были отороченные его кудреватым серебром замершие березы и красное золото зимнего утра, уютно располагающегося за дальним лесом.

Рано поутру подымался младой Морозец, резво пробегался по дворам и крышам домов. Звонким колокольцем отовсюду сыпался его смех, а он еще более подзадоривал: «Вставайте, люди добрые! Беритесь поскорее за святую работу, недолго уже ждать Рождества Христова!» И люди слышали его веселую озабоченность и шли под зарю искать своего Бога.

Кликали они его под самый Новый год, здоровья крепкого желали, со скорыми рождественскими вечерами друг друга поздравляли. Верили, что Бог их не оставит и даст всякому того, чего он желает. Кому куниц, лисиц да зайку — белу горностайку, кому — добрый двор всем боярам на зависть, а кому — доченьку-паву.

От доброго зерна, что всегда жило в народе, рождался в нем наконец образ могущественного в своем добре и силе Деда Мороза, сродни самому Богу. Высокий и статный, с окладистой снежной бородой с запутавшимися в ней живыми звездами, румяное лицо излучает бодрость и здоровье, а в глубоких глазах плывут синие облака. На плечах его добрая шуба, переливающаяся жаркой краснотой восходящего январского солнца, рукава оторочены горностаевым чистым мехом в блестках. Могучие руки укутаны в пуховые рукавицы и сжимают хрустальный посох с ледяным петухом, а сахарная улыбка на устах источает мед благолепных речей, которые обращены ко всему живому. Во всем облике Деда Мороза чувствуется ладная строгость и удаль, нет и налета иссушающе-злойной печали.

За Дедом Морозом идут чудесные звери с золотыми рогами. Склонивши головы, олени подчиняются его жесту и слову, малейшим дуновениям его скрытого дыхания. Взрослые красавцы самцы, трепетные девушки-лани... Из какой неведомой страны привел их с собой Мороз на радость себе и людям, что, только изредка взглядывая на них в своей зимней жизни, сложили про зверей сказочные легенды и предания?

Животные испытывали к Деду Морозу привязанность. Предоставляя себя в услужение ему, они уже были как бы не звери, а его помощники. Дед Мороз выводил их потом к людям, и они помогали им. Когда же люди не понимали их устремлений, животные молили о пощаде, вызывая в человеке сострадание.

Такой зверь становился впоследствии родственником человека, а человек, убивший его, обращался зверем. Один мир помогал другому выстоять, и между ними возникала дружба. Воспитанные Дедом Морозом, животные своим прикосновением превращали предметы в драгоценности и иногда дарили их людям.

Когда-то давно звери научились быть преданными Деду Морозу и стали любимыми им, но не потеряли своей свободы. Они только приобрели еще большую волю, по которой хотелось служить величественному царю, выполняя любые его повеления. Не оставляя владыку ни на миг, они могли жить своей таинственной жизнью, выпивая сладостный сок укромных лесных дней...

Птицы охраняли покой Деда Мороза и будили его только приятными сообщениями о зимних превращениях леса. Или о божественной силе его величества, приносящей в жизнь чудесные изменения. Все, что бы ни поведали они своему царю, радовало его необъятную душу, и он вновь засыпал ненадолго,

и птицы навевали ему воздушные сны. Может быть, они являли ему тайну собственной жизни, зацепившуюся холодящими искринками на их махоньких крыльях.

Воробы, снегири и свиристели ничего не ели, пока Дед Мороз почивал, но как только он отходил от недолгих сновидений — улетали чем-либо поживиться. Они порхали по лесным опушкам, весело осыпая на снег семена, а Дед Мороз вволю давал им порезвиться, сам душой ледяной отмякая за их неугомонными заботами. Птицы много значили для него, и потому любил он их безмерно.

Ближе к весне Дед Мороз отпускал всех послуживших ему птиц на волю. По взмаху широких рукавов его шубы они вылетали оттуда морозными блестками, и вокруг становилось свет-лым-светло. Благодаря Деду Морозу птицы воплощали собой на земле, особенно зимой, живое тепло, и люди верили, что души после смерти принимают их облик: синицы, снегиря или свиристеля. А может быть, душа человека лишь подхватывалась птицей, выпущенной на свет Дедом Морозом, и уносилась с ней в божественное царство.

Дед Мороз — бог зимы, ее вечный и нетленный властитель, обладающий неограниченными возможностями. Кого-то он мог застудить насмерть, а кого-то отпускал с божьими молитвами и любовью. Все зависело от самого человека: как он относился к себе и людям в окружении зимы, на что надеялся, чем жил. Больше всего Мороз любил позабавиться над нерешительностью человека, желая прознать его суть и склонность к какому-либо делу.

Видя, что человеческий дух не замерзает, Дед Мороз еще более расходился, про все на свете забывал и в пляс пускался:

поберегись, мол, русский мужик, древний хозяин зимы идет, сейчас настоящая потеха будет! Как тут удержаться от зажигательного порыва, не выйти лицом к лицу молодецкой силой с ним помериться да себя показать!

Где уж тут про холод вспоминать, про мытарства и беды великие, что душу нескончаемо одолевают! Бросишь свои печали горевать, махнешь на все рукой и айда, позабыв обо всем, удалю с Морозом мериться. А дух так и захватывает от переполняющего волнения, сердечко трепетно екает: выдюжишь ли предложенную Морозом игру, не слукавит ли старый?!

А Мороз никого не щадит, только еще пуще забавляется. В своей далекой стране вечных льдов он давно по зиме скучал и, вдосталь истосковавшись, что было сил свирепствует. Трудно сладить с ним в самом разгаре зимы.

Зато дышится в мороз вольно, а на щеки ложится печать его красоты — алые розы... Они пышут с мороза здоровьем и на прикосновение губ отвечают благородной прохладой. Ароматен их быстротечный запах, влажен сладостный вкус...

Роскошь — ощущать на себе их краткое великолепие. В них — свежесть посеребренной зимы, ее самобытная краса. Зимние цветы — это русская смесь скованной на время душевной широты и безропотности.

Блещет от мороза голубоватый лед, каждый шаг отчетливо отдается в ушах. Легкий парок клубится изо рта и повисает в сверкающем воздухе. Шапки, волосы, брови людей красивы в седом ореоле зимы — Дед Мороз постарался на славу!

В мороз, кажется, более пристально глядит с неба ясный месяц. Он уже показал свой золотой рог и словно улыбается от содеянного. Так светла и прекрасна развернувшаяся по засне-

женной земле картина, которую в удовлетворении рисует для всего живого Дед Мороз!

Полузамерзшие люди резво спешат по своим домам, и их приподнятые меховые воротники выдают в них разбуженную морозом бодрость. Будто на цыпочках двигаются они вдоль поблескивающих желтизной фонарей: вот-вот взлетят в морозное небо, чтобы слиться там с торжественно-восторженной немотой. Нет вокруг никакой суеты, только зимняя сказка и захватывающая дух звездная вечность.

Но не заоблачный был владыка зимы, каждый год он исправно сходил к народу, узнавая все тайны его жизни. Так он летал по разным странам и везде учил людей своей правде. И, конечно, бывал он на далеких звездах... Кому как не ему было судить о единственно верном смысле жизни и наставлять людей, для кого он своих сказок столько сказывал, и кто их забудет?!

Без Деда Мороза нельзя представить себе подарки зимы. Никого не хочет разочаровывать могущественный воевода: разговаривает с животными и людьми, благословляет в домах пищу и напитки, а еще — новорожденных. Каждого готов он огорошить непредсказуемыми дарами, и даже если для кого-то Дед Мороз порожден фантазией северных жителей, он — божество, необходимое людям. «За нашим за амбаром,— приговаривают они,— стоит дед с барабаном, кто его не видит — к тому счастье не идет!»

Радостной утехой для людей было умение Деда Мороза расписывать повсюду узоры. «Без рук, без ног, да еще рисует!» — с восхищенным недоумением делились они друг с другом. При свете солнца узоры на окнах сияют жемчугами и начинают казаться драгоценными, а ближе к ночи, когда взбирается на небо

круторогий месяц, они навевают глубокий покой и дивную сказку. На что только не сподобится славный Дед Мороз!

В стужу Дед Мороз обдувает молодой лед инеем, и к утру на нем появляются белоснежные цветы. В объятиях Мороза они застывают, постепенно складываясь в виде ледяных лепестков в причудливые бутоны. Радую глаза людей, тянутся к зимнему солнцу волшебные цветы Деда Мороза, вырастают куст за кустом, и не видать конца его очаровательным сюрпризам!

Но не всегда бывает хорош Дед Мороз. Недостойно, в беззаботности проживая год за годом, люди уготавливают себе однажды суровую зиму. В этом причина ее жестокости и страшных холодов, когда чуть ли не пляской приходится отогреваться людям, и Дед Мороз становится сам не свой и может учинить злую шутку с каждым.

Ему будто нездоровится в такую зиму. Вырубив изо льда дубинку, он неприкаянно бродит меж домов и колотит ею по углам. А то, схоронившись у закраины дорог, возьмется поджидать проезжающие сани, вскочит им на задки и расщепит полозья. Так и стережет посреди полночного поля воз за возом, обращая путников в снежные столбы.

С каждым днем растет его неприкаянность, и он все чаще тянется потаенными овражками к человеческому жилью. Подобравшись к какому-либо дому, обернется леденящим туманом, смешавшись с дымком, завьется в печную трубу да заморозит всех напрочь. Хозяева ему в пояс кланяются, чтобы он норы на милость сменил, а Мороз в ответ только юродствует: еще, мол, не так зашаманю-закручу, не дожидаться вам конца зимы!

Человека, обратившегося в такую худую пору к лесу, Дед Мороз отдавал на откуп лесовикам, чтобы те стерегли его душу,

время от времени запутывая и уводя в чашу. А то и сам затиснет в глухой чапыжник: выбирайся, мужик, как знаешь! Куда девалась его младенческая душа, с какой он раздавал под Новый год подарки?! На что променял Дед Мороз свое великодушие и доброжелательность?!

И собирают тогда люди самого удалого храбреца на поиски хрустальной горы, которая находится в далекой ледяной стране Деда Мороза. В горе той заключена власть над жизнью и смертью, которая зорко охраняется его слугами. Бесчисленное количество залов тянется один за другим, и в них так тихо, что даже вьюги не намечают туда снега, а мерцание недостижимых звезд не проникает сквозь толстые ледяные стены.

Лишь непреклонный свет северного сияния просачивается сквозь хрустальную гору и безжизненно освещает ее изнутри. Но не морозит Дед Мороз достойного, а пропускает в свои владения и в назидание другим наделяет знанием, которое тот должен перенести в мир разуверившихся людей. Так Дед Мороз помогает людям достойно продлить свою жизнь.

СНЕГУРОЧКА

Под стать своему батюшке Деду Морозу его пригожая дочка Снегурочка... Краше ее нет никого на белом свете. По устеленной снегом земле идет — что заря алая занимается. В лес волшебный вступает, всякий зверь или птица к ней тянется. Ну а как меж людьми хороводы водить — лучше ее никто не ведает! Царица и королева она в одном лице для каждого, кто

не представляет себе русскую зиму без доброго веселья и хрустальной мечты.

Батюшка Мороз свою дочку крепче преданных ему метелей да холодов любит, от злого глаза небесной тьмы пристально бережет. Свет-очами Снежиночкой про себя дочурку любимую величает, лисиц и волков стеречь ее зовет. «Вам-то, братья мои лесные, молодицу красную, лебедушку, оберегать надлежит и заботу над ней нежную творить. Чтоб не угасли прежде времени ее глазки ясные, не увяли губки яхонтовые. За ту службу верную одарю я лес богатствами несметными, от которых ему стоять радостно будет еще веки вечные!»

Снегурочка малая пуше прежнего отца родного привечает: всегда до трогательности кротка и послушна. Дед Мороз через посланников своих пернатых ей гостинцы царские шлет: то необыкновенной красоты шелковый платочек праздничный, то серебряный перстенок. А более всего желает ей владыка молодого здоровья да красы ненаглядной. Пьет она, по его повелению, из волшебной чаши зимы мед янтарный и чистый на благословление Господа!

Всякого в зимнем лесу касаются забота и очарование Снегурочки. Крохотных птах, застудившихся в лютый холод, обогревает она своим трепетным дыханием. Расшалившихся не на шутку зайцев унимает ласковым предостережением. Юркие белки не отстают от нее ни на шаг, вызывая на губах добрую улыбку: их она одаривает драгоценными орешками.

Громогласный клекот застывает у ворона в горле, когда Снегурочка, окруженная зверями, проходит по лесу. Никто не остается к ней равнодушным. Даже в воздухе воцаряется такая тишина, что, кажется, у самой зимы замирает дыхание: ни жива

ни мертва хозяйка лесов и полей от переживания за это юное чудо.

Короток отпущенный Снегурочке век, и оттого не успевает она состариться. Рожденная из снега, она только им живет и о другой судьбе не мечтает. Снеговой водой умывается, на снежной перине в зимние ночи поживает. Звездное небо с вытканными на нем звездами ей за покрывало, метели да вьюги — няньки сердобольные. Когда они колыбельную Снегурочке напевают, люди про себя только о хорошем думают.

К ним Снегурочка под праздники с открытым сердцем обращается: настроение одним своим присутствием поднимает, о душе, в долгую зиму отчаявшейся, заботится. Как снег бела и чиста она в помыслах, румяна весельем. Детей медовыми пряниками да красными яблочками угощает, старших дружный хоровод водить зовет. Взявшись меж собой за руки, люди от худого скоро избавляются, за все хорошее ее благодарят.

Сдержанно и мило несет Снегурочка через всю зиму свою сказку. Жизнь в ней катится волшебными салазками по жемчугу-золоту, молодцы с девицами встречаются там пригожие да веселые. Кому эта сказка достанется, тому неминуемо сбудется жить богато, ходить хорошо!

Сама же Снегурочка после Рождества все больше в лес глядит, хотя и норовит меж людьми подольше остаться. Хочется ей еще немножко людского веселья и радости попытать, с горочек покататься, в снежки поиграть — больно охоча она до всякой забавы. Но людям свои заботы творить приходится, и Снегурочка возвращается в ледяную избу батюшки до самой Масленицы. Только на пороге весны покажется она всем еще

раз, чтобы заронить в сердца людей, птиц и зверей трепетное воспоминание о себе до будущей зимы.

Потом самая красивая Снежиночка зимы уснет заколдованной царевной. Серебряный дворец отца-воеводы будет сон ее охранять, пока солнечные лучи не растопят его стены. И тогда Снегурочка превратится в нежное облачко и тихо поплывет над землей, незаметно осеняя всех и каждого своей недолговечной любовью и лаской.

ЕЛКА

Издавна повелось на Руси, что под Новый год в доме без елки — не праздник. Древние люди верили, что в ели живет дух леса — хранитель зверей, птиц и растений. Воздавая почесть этому дереву, украшая его, люди старались умиловить дух. Еще они видели в ели символ неувядания, вечной молодости и силы: «Изба елова — и сердце здорово!»

«Елка чище метлы дом подметет», — сказывали в народе. Аромат засахаренных «карапузиков», жареного миндаля и кекса, смешанный с запахом большой смолистой ели, украшенной гирляндами разноцветных лампочек и игрушек, кружил голову лучше любого вина. Шоколадные конфеты в форме сапожков, шелкунчики, гномы и прочие сказочные персонажи в серебристой фольге лишь дополняли это торжество.

Самый день елки, ее праздник, русские называли Сочельник, напоминающий имя неувядающего и любимого дерева, а в канун торжества во всех домах пекли сочни — пресные

тонкие лепешки. С творогом, картошкой или со сметаной, дух их перемешивался с запахами, которые нес с собой праздник, и увлекал еловым облаком к нетерпеливо вззирающему с морозной вышины небосводу.

Наши мечты часто вспыхивали на нем праздничными яркими звездочками, радостно сверкали и, кажется, излучали тепло... Словно начищенные снегом, они гостеприимно зазывали следовать за собой, как будто там, в необозримой вышине, находился большой дом для крохотных земных созданий, никогда не устающих фантазировать. Свет от этих звезд наполнял всю комнату волшебной тишиной.

В самом дальнем от окна углу мерный бой часов никак не нарушал эту тишину. На окнах гостиной висели гранатовые портьеры, а пол был покрыт красным ковром, и этот цвет вносил в комнату еще больше уюта. В комнате было так тепло, а за окнами так морозно, что очутиться на далекой звезде представлялось делом поистине неподходящим. И все же ты не переставал вглядываться в ночное небо, куда уносило тебя еще не обремененное жизненным опытом воображение.

Несмотря на холод, ты чувствовал себя там как дома. Удивительная бездонность морозной ночи охватывала с головы до ног и убаюкивала неземным покоем. Сверкание заснеженных крыш внизу удивляло своей доступностью, а поблескивание звезд не ослепляло. Закутавшись в одеяло, хотелось лететь между ними маленьким гостем и не чувствовать себя там незнакомцем.

Тем временем ночные тени мягко скользили вдоль стены, терялись в потаенных складках портьер. Сказочной забавой казались их новогодние ухищрения, когда они затевали только им понятную игру. Тени таили в себе много замечательных ве-494

шей, возникающих в эти предпраздничные дни, и никогда не иссякали.

В каждом углу копошилась своя чуть настораживающая тайна, которую даже не хотелось разгадывать. Достаточно было того, что она живет с тобой рядом и почти ощутима. Нужно лишь не испугаться и обратить к ней свое внимание: тайна наверняка окажется милым сказочным откровением.

...За окошком светит желтый месяц, чуть вздрагивают от холода фонари. Под елкой, словно белый снег, вата лохматая, и зайцы хоровод водят. Утром под сказочным деревом всегда оказывались Дед Мороз со Снегурочкой, а вместе с ними — шишки золотые и мандарины, похожие на китайские фонарики. Это были волшебный сон и явь, которые приходят только зимой.

Прилетая на упряжке, увлекаемой четырьмя парами белоснежных коней, Дед Мороз по дороге заберется вдруг к кому-нибудь в сани — не спасают даже меховые рукавицы и шубы! Развеселившись от собственной удали, он залезает под полушубки и пробирается до самых костей, больно щиплет за бока молодых девок, а ребятишек хватается за нос и уши. Дерет так, что прямо за душу берет!

Разукрашенные озорником Морозом и переполненные восторгом от его игры, дети вваливаются возбужденно домой, а елка тут и обдаст своим душистым теплом. Все в снежной изморози, словно усыпанные сахарной пудрой, радостно зардевшиеся здоровым румянцем, дети сами на сказочного Деда Мороза становятся похожи и близких своим веселым видом заражают: тянет всех побыстрее на улице оказаться, добрую силу Мороза на себе испытать.

Но елка праздничная никого уже из дому не пускает: верховодит весь вечер своей невидимой хвойной рукой. Каждый за приятными заботами ее как будто не замечает и все же с затаенной радостью ощущает ее живое присутствие. Трудно не почувствовать излучаемый ею восторг, и кажется, что только яблочку не расти на ней, да в Новый год и это сбывается. Так всякий думает, надеясь в новом году что-то очень важное для себя обрести.

А Дед Мороз, пролетая в своей упряжке над человеческим жильем, заглядывает в окошки, и стекла тогда покрываются ледяными узорами. Облако ослепительных снежинок тянется за ним по небу нежнейшим шлейфом, будто сотканным из звезд. Дед Мороз кажется недостижимым, но все же близким, родным.

Глаза Деда Мороза сияют холодным блеском и теплотой, от него веет неудержимостью и покоем. Он сдержанно улыбается про себя и кому-то машет рукой. Маленькие дети иногда угадывают сквозь замороженные стекла его лучистый взгляд и восторженно рассказывают об этом взрослым, подтягивая их за рукава к окнам. Но взрослые им не верят и только ласково усмеваются, поглаживая по голове: они уже забыли, что и сами когда-то с нетерпением ждали Деда Мороза под Новый год, желая получить от него волшебные подарки...

А дети ничего не боятся, они очарованы невидимым присутствием Деда Мороза. И еще они знают, что Дед Мороз обязательно порадует их самым настоящим зимним праздником: с новогодней елкой, запахом снега и мандаринов, бесконечными зимними играми. Славный и добрый Дед Мороз все долгое зимнее время без усталости листает перед ними не-496

обыкновенную книжку со сказочными картинками, не всегда доверяя взрослым.

Он бывает с ними холоден, часто подвергая испытаниям. Крадется то и дело по пятам, передразнивая походку, пугает своим заунывным воєм. Дед Мороз отлично умеет выставлять напоказ странности и недостатки взрослых, которые они приобрели за всю жизнь, успев разувериться в ней. К детям же он благоволит своим величавым почтением и лаской, укрепляя в их маленьких сердцах веру в великую сказку зимы — ее непрекращающееся волшебство.

Днем Дед Мороз приглашает детей поиграть на свежее-павшем снегу, который красиво сверкает и искрится на солнце. На дворе для всех хватает места и снег так приятно пахнет свежими яблоками, что трудно не выбежать на улицу. Обнаженные деревья и кусты припорошены пушистым снегом, а вместо плодов с них свисают сосульки.

Каждого из малышей, одетых в теплые куртки и шарфы, Дед Мороз наделяет крепким поцелуем, от которого розовеют здоровьем щеки. С раскрасневшимися задорными лицами барахтаются дети целый день в наваленных им за ночь сугробах, и нет предела их веселью!

Верные Деду Морозу снежинки без усталости задевают в воздухе неудержимый пляс, подбрасывая на радость ребятам побольше снега, чтобы те могли на лыжах ходить и на санках кататься, снежные крепости возводить... Сам владыка подбавлял мороза, чтобы по замерзшим речкам и прудам пели всю зиму, не переставая, звонкие коньки, весело летели друг в друга снежки. Весь седой, Дед Мороз становился таким же молодым, как дети, и при этом напевал свою искрящуюся зимнюю песен-497

ку: «Я — Мороз Красный Нос! Выше елок и берез, я добрее всех, веселее всех. Борода моя седа, и в снегу ресницы, если я пришел сюда, будем веселиться. Я на речку ходил, речку я остановил, я в лесу блуждал, снегом елки укрывал. Метели выюжные и ветры вам шлют сердечные приветы. Привет вам от берез и елей, что на морозе поселились. А еще от всех лесных птиц и зверей!»

Благодаря Деду Морозу в зимний холод всякий становится молод, но именно для ребят с его доброй улыбки начинается лучший в жизни праздник. В огромном, кованном из серебра и золота сундуке, который хранится в его ледяных хорах, весь год копятся подарки один другого краше. Когда год кончается, Дед Мороз перекладывает подарки в свой мешок и приносит ребятам.

Исстари существует в народе поверье, по которому Деду Морозу приписывают его сказочное доброхотство. Объезжая однажды дома в сопровождении своих верных слуг, он будто бы случайно выронил несколько драгоценных алмазов. Они провалились в дымовую трубу и попали в детский чулок, сушившийся у огня. С этого случая повелось вывешивать в праздничную ночь у печки чулки и оставлять на подоконнике башмаки, чтобы найти в них под утро подарок.

Но главным его подарком был Новый год и чистые звезды в бархатном небе, а самая большая и яркая медленно опускается на верхушку елки. Дети же не в силах сдержать своей радости: их желания должны вот-вот сбыться. Какие подарки принесет им Дед Мороз и откуда, будут ли они чудесны, как наступившая новогодняя пора, или окажутся уже когда-то виденными? Нет, конечно, этого не должно случиться, и дети знают, что все будет так, как они мечтали...

Однажды в облаке морозных грез и искристых дуновений войдет к ним в дом этот волшебный старик и озарит всех добрым, радостным светом. Под елкой после его прихода непременно окажется лошадь-качалка в розовых яблоках и с золотою уздой, и еще белоснежная матроска с гюйсом, и бескозырка с шелковыми лентами... Воображение живо рисовало маленькое ружье, саблю и коробку с красками. До умопомрачения радостно было сознавать, что там могут находиться кожаный футбольный мяч, коньки или лыжи...

Никто лучше Деда Мороза не мог слепить любимое развлечение малышей — волнистые горки. Санки сначала спустятся, потом поднимутся и вновь ухнут вниз: высота первой горки гораздо больше второй. А если Дедушка смастерит горку, похожую на хобот слона, кататься будет еще веселей.

Забрался на самую вершину, а потом летишь сломя голову вниз, подпрыгивая на небольшом трамплинке. Обхватив друг друга руками, можно съехать всем вместе, шумною гурьбой... Сказочные горки леденеют за ночь и под утро вновь ждут ребят.

Еще у Деда Мороза хранятся волшебные часы, у которых вместо стрелок сосульки. В новогоднюю ночь они издают мелодичный звон и тикают мягко, неслышно. Весной становится теплее, и они тают, а детям остается на память их чудесная зимняя песенка...

Если бы взрослые поверили, что Дед Мороз незаметно растворяется среди людей! Прислушиваясь к разговорам и узнавая, что кому нужно, он исполняет их маленькие желания. Нужно только очень сильно ждать его прихода и надеяться. Особенно по ночам, когда нет рядом никого, кто бы успокоил взбудораженное пришедшей зимой твое маленькое сердце.

Во сне Дед Мороз представляется всегда добрым: это можно определить по его взгляду. Даже не верится, что он весь соткан из ледяного холода. Деду Морозу хочется рассказать все самое дорогое, что ты накопил за целый год, а он только довольно улыбается в ответ.

Ты счастлив, что Дед Мороз наконец посетил тебя, и ты думаешь, что лучше этого ничего не может быть. Ты даже решаешься попросить у Деда Мороза маленького Конька-Горбунка, чтобы улететь на нем в неведомые сказочные края. Не насовсем, а только чтобы убедиться, как замечательна может быть зима, когда ты ненадолго оставил ее и всегда можешь вернуться.

Никакой детский праздник не длится так пышно и радостно, как новогодний. Ощущение того, что за окном ветер и мороз, а ты можешь погреться у праздничного огня, ни с чем не сравнимо. Уютно и хорошо бывает душе в эти незабываемые новогодние дни, когда снисходит с небес само божество. Как самый ценный подарок зимы осеняет оно людей, и между ними появляется любовь. Зима более, чем какое-либо другое время года, располагает к этому.

Новогодний праздник — самый любимый у детей, и его невозможно представить без сказки. Попадая в нее, ты начинал верить в происходящее, потому что сказки были ближе всего твоему восприятию, с ними тебе было легче познать самого себя. Иногда казалось, что взрослые этого не понимают, может быть, только догадываются...

Только бабушка никогда не вызывала сомнений — она всегда находилась рядом и несла такую же радость, как и зима. Не

раз слышанные из ее уст сказки становились еще более необыкновенными, как название самой любимой — «Конек-Горбунок»... Так сладко никто из взрослых его не произносил, и звездный мир, к которому бесстрашно взлетала маленькая лошадка, казался лучезарней. Про себя твердо верилось, что мир этот недоступен для жалких обид и непонимания.

Поздним вечером хорошо было ощущать бабушкино присутствие, когда она ложилась рядом с тобой и вкрадчивым шепотом отворяла дверцу в неведомую тайну. Все увиденное за день тогда отступало, в душе воцарялись удивительный покой и тихая радость. Как будто сказочная луна заглядывала к тебе в окно и вместе с тобой чему-то улыбалась. В новогодние дни даже она выглядела праздничной, и это было очень приятно.

С утра в доме обычно начиналась радостная суэта. Перед долгожданным торжеством настроение у всех было приподнятое, праздничное. Бабушка чистила столовое серебро и открывала свои старинные сундуки, откуда шел запах нафталина. Он приятно щекотал воображение и как будто напоминал о чем-то знакомом.

Иногда бабушка давала заглянуть внутрь сундука, и темнота неведомого дна становилась еще более привлекательной. Переглядывая кое-какие вещи, бабушка раскладывала их на диване, и после долгого лежания они казались совсем новыми. Она почти никогда ничего из них не надевала, только разглядывала, а потом опять аккуратно складывала и запирала до будущего года.

После полудня по всему дому начинало вкусно пахнуть ванилью. Сытный дух приятно бередил память, пробуждая желанный аппетит. К вечеру на бабушкиной постели уже лежали, отдыхая под чистыми полотенцами, душистые пироги и печенье.

Играя во что-то свое, незаменимое и очень важное, можно было без конца дуреть от этого предпраздничного ощущения и с трепетом ожидать, когда все усядутся за стол. Сердечное простодушие детства тогда приобретало еще более очарованный лик, но его скрывали под диковинными костюмами и масками. Наряжая ими себя, ты будто бы избавлялся от волшебных чар, которые насылали сказочные колдуны.

Так говорили взрослые, но это почему-то не страшило, и радовала больше всего сказочность происходящего. Разодетые в пух и прах ребятишки выглядели загадочно, не замечая, с каким умиротворением взирает на них свысока праздничная елка. Скрытый в пушистых ветках ствол источал вокруг благолепный дурман, с мягким удовольствием позвякивали золотые шишки, и все это предполагало особое настроение духа.

Новогодняя ель дарила приятное ощущение, что в ее хвое можно затеряться. Елка притягивала к себе исходящим от нее ароматом, выглядела необыкновенно приподнятой, будто там, в лесу, она все время оставалась в тени, и лишь здесь, в доме людей, наконец обрела свою истинную жизнь, радостно засветившись новогодними огнями.

А за окном сияет тихая луна, и сердце вновь сладко замирает от предощущения морозной темноты. Крадущийся лунный свет неслышно режет переливающийся снег на праздничные ломти, украдкой повизгивают где-то санки. Вот пробежал запоздавший прохожий, и веселый смех рассыпался за углом, а потом опять все стихает. Только побелевший лик зимы заглядывает к тебе в окно и, кажется, ждет чего-то хорошего и радостного, что обязательно должно прийти в твой дом вместе с Новым годом.

Накануне торжества, как всегда, появлялись близкие знакомые и родственники, которые приносили с собой наряды и подарки и гостили долго — до следующего вечера. А если не пригласишь гостей — нечего и самому куда-либо ходить: ожидай Новый год дома. Тихим и верным огнем встречает его с тобой украшенная елка, и хочется жить в этом празднике вечно, думая только о нем.

СНЕГА РОССИИ

Появление снега в России всегда ожидалось с нетерпением, так как с ним устанавливался зимний путь. Это было лучшее и наиболее дешевое средство сообщения там, где нет ни железных дорог, ни судоходных рек. Но первая порошка — еще не санная дорожка, до нее от первого снега, по народным приметам, шесть недель. Или так: если осенью великая грязь, когда лошадиное копыто заливается водою, то выпавший снег сразу пролагает нужную ездовую дорогу.

Считали, что только тот снег и прочен, который сверху падает, а не тот, который ветром наносит. Чтобы зимний путь установился, нужен был наст — когда бы снег достаточно уплотнился под собственной тяжестью и от мороза. На Руси издавна велась пословица, что, если на дворе мороз, смело клади сорок пудов на воз.

Но нелегко через зиму до наста добираться, потому как не сразу он складывается. Рыхлый и глубокий уброд мешает, в котором не только лошади, а и человек проваливается. Гибель-503

на та дорога, тяжела и изматывающа. Да и не уравнишь ее во всю зиму — снежная метель рано или поздно свое возьмет.

Под снегом зимою все укроется: снег старые следы заметет, а новые по нему пролягут, да тоже уцелеют только до первой метели. Снег — что молоко земное: изливая неустанно свою сказочную густоту и благодать, питает ею живые души. Пошел снег, говорят, знать, будет русское дело, которое сплеталось из неиссякаемой смекалки человека, его удали и смеха. Все оно было отображено в увядающих зимних поговорках...

Про то, как скатерть бела весь свет одела и никого не забыла, а белый цвет на черную землю всегда к лицу. Про материнский гнев, что вешний снег: и много его нападает, да скоро истает. Если же снегу и в самом деле порядком надует, то хлеба прибудет, а вода разольется — сена наберется. Много снегу — много хлеба, много воды — много травы. И еще спокойное уверование: как ни мойся, белей снега не будешь.

Из загадок, вырастающих из снега, можно слепить целую бабу... Снег в них приходил тихо, а ложился мягко. Летал без крыльев и рос без корней. Взлетая или оставаясь неподвижным, он молчал, когда же умирал — заливался слезами...

Снег мог возникнуть на дворе пухлою горою, а в хате вдруг обратиться водою. Был он белее ваты и зайца, мягок, как шерсть, легок, как перо. Матушка из него муку молола и весь свет им в белое одевала...

Зима — время снежное... Снежное и любимое для всей Русской земли. Снег на все пригоден человеку, и любовь к нему — чувство для русских общее, исконное. Снег — первая примета зимы, ему приписывали множество чудодейственных свойств.

Верили, что снег земле — все равно как шуба или одеяло: он защищает ее от сильных морозов. Снег благотворно влияет на почву, привнося в нее будущие сокотечения. Снег на землю, говорят в народе, — тот же назем, он полезен для нее, как дождь.

Времени и условиям выпадания снега придавалось также немалое значение. Коли в свой час снег у нас — так и урожай Бог спас. Как снег пойдет да как ляжет, так на лето мужику про жнитво скажет. И еще примечали, что зимою снежная заметь ложится близ изгороди — к урожаю, если далеко — во всем ожидай недостатка.

Особо обращали внимание на первый снег, который за сорок дней до зимы выпадает, а самый прочный — только ночью. Дневной снег не больно долго лежит... Скоро тает и тот, который появляется осенью, когда еще деревья не сбросили листьев.

Замечали также, что сколько дней пролежит первый выпавший осенью снег, столько раз зимою он сойдет и снова нападает. Если уляжется на мокрую землю, то останется и ожидай теплой зимы, а опустится на сухую — скоро опять сойдет. Когда же снегу наносило рано осенью, то весна предполагалась ранняя, позднее же его выпадение внушало крестьянам опасения.

Необыкновенное отношение в народе к первому снегу возникло и благодаря его целительному действию. Утверждали, что если первым выпавшим снегом вытереть глаза, они никогда не будут болеть. Кто же умоет им лицо — будет белым и пригожим, как снег. Последнее более подходило молодым девушкам, приваживающим женихов.

Часто по снегу предрекали предстоящую погоду... Если снег ослепительно блестел на солнце, можно было ждать его скорого появления. Новый снег и новые холода приносит, на него лучше смотреть, стоя у хорошо натопленной печки.

Снежный буран днем мог еще предвещать мороз ночью. Продолжительных и сильных холодов следовало ожидать в особенности тогда, когда снег идет мелкий и легкий. Падающий пушистыми хлопьями — обещал оттепель.

Покрывшиеся толстой куржавиной деревья означали скорое тепло. Плотный снег был к мокрому лету, легкий — к сухому. Обильная на снег зима приносила дождливое лето, а образовавшийся на снегу наст — хороший год. Если же наста не было, год устанавливался тяжелый.

Выпадая в разное время, снег также часто менял и свое лицо. Первый по осени снег, не дающий еще зимнего пути, назывался «мелкоснежник». Пушистый, выпадающий крупными хлопьями — «видь» или «падь». Метель без падающего сверху снега и развевающая уже лежащий на земле сильным ветром — «под-носуха» или «кура». Снежная заметь, срываемая ветром с верхушек сугробов и расстилающаяся более понизу, именовалась «поземка». А первые по зиме снежные метели называли «заверухи».

Нечто среднее между снегом и градом называлось «круп» или «голуха». Густой мокрый снег носил название «липуха», снег же с дождем — «рянда» или «лепень». С туманом и моросью — «чидега». Вновь напавший весной, после схода зимнего снега, звали иногда «отзимок».

Снег, падающий густой массой в незамерзшую воду, прозвали «сало» — предвестник ледостава. Он был мягок и рыхл,

сочный от вобранной в себя влаги. Но никогда не тонул, лениво переворачиваясь в воде с боку на бок.

Когда снег идет и крутит сверху — «буран», если метет только низом — «волокуша» или «сипуха». Снег пылью, как облетевший иней,— «искра», «блестка». Снег на талую землю, который не лежит,— «снежура»...

Одинаково падая на всех, снег как бы объединяет людей — им всем приходится его сметать. Причем каждый делает эту работу для себя, и всем от того хорошо. Знай обметай снег у своих дверей, а сосед в это время будет скалывать лед на своей крыше!

Господь Бог снег по нужде всего живого посылает: не только людям, но и домам, животным, деревьям... Для каждого столько, сколько ему надобно. Большому дереву — целую гору, маленькому — с ермолку. С выпадением снега заметно меняется их образ жизни. Форма и размер деревьев могут зависеть от снеговых нагрузок. Возможно, наша новогодняя ель — результат ее приспособления к снегу.

Некоторые деревья способны захватить очень обильные охапки снега. Кажется, они привыкают к нему и так живут всю зиму. Даже с наступлением тепла им вроде бы недостает чего-то, и деревья тоскуют. Они очень сблизились со снегом и полюбили его за то, что он укрывал их долгую зиму от морозов.

Обыкновенные мерзлые пары, ниспадающие в виде воздушных хлопьев с облаков, уже сами по себе необыкновенны. Они сыплются, падают, придавая при этом разные оттенки настроению и, соответственно, чудесным образом влияя при этом на людей...

...Пушистые хлопья очаровывают и усыпляют.

Снег крупой, пополам с мелкими градинками наотмашь сечет лицо, и ты кажешься себе совершенно бездушным.

Снег мокрый, с дождем лепит глаза и лоб стылой безысходностью; с туманом и моросью — пробуждает в душе слабую надежду; с сильным ветром — заносит ее.

Снег с вихрем, охлаждая горячую голову, неожиданно выдает единственно верное решение.

Низовая заметь вызывает необъяснимую досаду, зато снег пылью, как облетевший иней, услаждает успокоенное сердце неколками и радостными блестками.

Ослепительная пороша очищает и ненавязчиво подсказывает вероятность долгой будущей жизни.

Глубокий рыхлый уброд бессовестно забирает еще не укрепившиеся желания.

Обледеневший сверху тонкою коркою снег обещает несбыточное.

Плотно слежавшийся и надежный наст укрепляет веру в бесконечность лесной дороги, осененной чьей-то непрекращающейся благосклонностью...

Этой благодарностью, оказывается, пронизано все существо нарождающегося однажды снега, каким бы он ни приходил на обремененную заботами землю. Уставшая за осень, земля всегда терпеливо ждет его, а укрытая — умиротворенно засыпает. И тогда начинается удивительное царство белого цвета, предназначенного утихомирить в себе никогда до конца не затихающую жизнь, давая ей возможность сладостной передышки.

Распахивает зимой Русь свою белую душу, будто высказывает что-то важное, без чего не прожить человеку на земле. Охватив всех, выносит к открытому небу, чтобы не стерпело

сердце и возжелало бы в глуби зимы полета. Каждому это становится понятным и близким: хоть сейчас лети навстречу Богу, постигая необъятную Россию с ее заснеженною волей и тайной, убаюкивающими метелями под уютный свет душистой берестяной лампадки, чтобы пречистый образ вел тебя к истокам настоящей жизни и ты испил бы до дна весь аромат своей загадочной страны.

Великая песня снегов плывет над огромной Россией, зовет за собой вдаль и печалит, воет злым зверьем и за что-то корит. Единым жребием ты связан с Родиною белой, словно отчего-то овдовевшей. Такою чудится она, придавленная снегом, под бременем мятежных чар и мыслей обуреваемого свободой народа. Нет прекраснее его, в глубокой синеве глаз которого отражены белоснежные вольные птицы, готовые всегда взлететь и не упасть, свободно наслаждаясь премудростью полета.

Белизна, рожденная снегом, опьяняет, от нее идет кругом голова. Созданная Божьей волей, зима на нем только стоит, им исповедуется и освящает.

Снег мягко изливает из себя свет — он яркий, с играющим ласковым блеском. А еще он зеркальный и прозрачный, радостный, торжественный, веселый. И, конечно, праздничный... Иногда кажется, что снег смотрит ясно, все видит и объемлет, чем-то глубинным завораживает.

Зимнее чудо — снега белого глубь, теряющаяся в нескончаемой России, его лицо святое и чистое, будто с иконы молча обращенное. В каждого русского западает оно потаенной струйкой, никогда не истрачивается. Великодушно показывает снег человеку свое белое лицо, изысканной чистотой умывает его, и так

они белы живут. Недаром на Руси всегда говорилось: хорош — значит бел. Доброта между людьми была даже белее снега...

Что и говорить, белый цвет Россию не погубит. Он ее целит и красит, место церковное, святое им именуется. Белая земля, белая церковь, белая Россия... Даже народ за истинную веру в себя и в свое Отечество называли этим чудодейственным цветом. И свет на Руси тоже белый, по которому можно ходить-бродить в поисках правды.

«Одежка черна, да совесть бела», — сказывали о самом главном для человека и, наверно, вспоминали при этом о снеге. А из черного белое ни за что не сотворить. Каким бы добрым ты ни хотел стать, далеко тебе до снежной чистоты.

Ведь бел душой — значит, волен, с открытым миру взором. Все, что есть в целом свете святого, вбираешь ты в нее сполна вместе с волшебной снежной белизной.

Белый зимний день — это Божий день, приветливое любому русскому человеку слово. Дан он ему Богом на вольную волю. Но так этот белоцвет необъятно велик, что правда людская по нему бесконечно ходит.

Будит в людях премудрые струны души и белые крылья, слагает безумные и легкие пророчества. Белизна снега слепит только неискушенного истинной жизнью человека, для которого Россия молчаливо белеет непроходимыми сугробами...

Глубока белая российская душа! Все звезды страны зажигаются в ней какой-нибудь светлой мечтой. Темна она только синими тенями заметущих снегов и суровых елей.

Полнеба глядится в одно ее окно, сам же белый терем России сочетает в себе бесчисленное множество перепутий. Веще

мысли не прекращают своего полета над ними,— никакой вороньей стае ими не обедать. Лики святых на иконах вопрошают лазурными глазами, не угасая.

Не далеко и не близко лежат к этому терему белые дороги... Отстоящие друг от друга во времени и пространстве, они удачно сочетаются у его порога. Там, на самом подступе к заветному, происходит встреча скоромных дней и постных, блаженной мужественной рати и милого девичьего лика. Всякому русскому в его родном доме — белом духовном тереме — неминуемая улада, что сравнима лишь с морошковой свежестью или сотовым медом.

Говорят, что бел снег невкусен... Но незнакома эта песня русскому, хоть однажды застрявшему в глубоких снегах. Не скоро ему предоставится судьбой выбраться, и жадными глотками выпивает он окружившую его белизну, мягко прикусывает губами выхваченный клоч снежной ваты...

Тотчас в виски ударяют хрустальные молоточки, а во рту вспыхивает морозный жар. Сочная мякоть захлаживает все в груди — и что ни дальше, то лучше. Натопив на костре котелок этой снежной свежести, опростаешь его до дна единым махом и не ощутишь ничего, кроме преданности белой зиме.

Но не пугает дальностью снегов Россия... Наезженная на всем своем протяжении, она — средство постижения русским человеком дорогого его сердцу смысла жизни, без которого ему никак не быть.

Запала эта зимняя дорога в душу человеку так, что хоть не переставая молись Богу! Не запрет ходить по ней всякому, кто на это сподобится. Каждому по-своему дорога она, здесь всегда приветствуют встречного...

Ведет человека по жизни зимний путь, ровно добрая кобыла, которая дорожку эту давно знает. Кто только по нему не хаживал, да кого он только за собой не важивал! Оттого и убелен человек изрядно, в переживаниях людских не раз осиротевший.

А зима эту дорогу серебром устилает, чтобы пуще она пела. Весело по ней проехаться и привольно, потому как дорога зимой — что скатерть: садись да катись! Легким ветерком ласково нашептывает она на ухо: «Краше меня на всем белом свете никого не сыщешь!» Не зря в народе говорят, что русский человек перед смертью бредит зимой и дорогой...

Снега, что в его душе каждый год выпадают,— обильны. Как бескрайний простор России, ее свобода и раздолье.

Настоящая же обитель снегов — слитые воедино человеческий дух и его Родина. В ней простору на все четыре стороны хватает, где люди не волка гоняют, а живут. Русский ум этот простор необычайный любит и благословляет. Гадает про себя: как бы ему еще повольней развернуться, чтобы наконец одолеть небывалое?!

Осуществить это можно только с чистого снежного поля, широкого раздолья, где отражены небеса голубые и молочные облака, где живет мудрый покой и седина. Священна родная российская сторона, что полнит душу неоглядным простором, а сердце — необъяснимой грустью о былом. Именно ей отдает русский человек предпочтение, когда ему приходится выбирать в своей жизни самое главное.

А зима каждый год наносит в эту жизнь пушистые снега. Волшебна ее чистота и милость, несказанно богатство... Рус-512

ская зима человеку — то самое поприще, без которого бы он постепенно истаял, обернувшись сирой птицею, что навсегда замерла в полете.

Иной раз зима словно грозит человеку белым крестом, завывая снежною пургою. Гудит в жилах, будто лесная пчела, навевая сон густой, непробудный. Дух тогда замирает от этой лютой замети, что стелет в сердце человека пока неведомую для него самого дорогу.

Дорога эта идет через глубокие снега, едва позвякивая колокольчиком, поет свою дремотную мелодию и убаюкивает. Ни звезд, ни месяца на небе, ни согревающего душу каждого путника огонька. Лишь белые зрачки зимы вглядываются в тебя непрестанно и пугают.

Ты производишься сквозь снежный ветер, зная: за этой нескончаемой стеной — свобода и священный труд, что умножит твоё знание, силу даст в заснеженных потемках, убережет от сглаза и печали. Ещё почувствуешь в этом противоборстве соединение со стихией, счастье, которое не променять ни на какие ценности.

Потом откроется тебе твоё предназначение, великий смысл всего живого. Тогда только изменишься лицом и взглядом, помолодеешь телом, вспыхнешь духом. Глаза запавшие приободряются ясным блеском, снежной чистотой, и ты сподобишься наконец на подвиг, к которому идти — такая сладостная тягость!

Великие снега России преодолеваешь ты с котомкой своих неистраченных дум. Звериными тропами выются твои пути-су-земки да разудалостью столбовой. Их белым вином пьян ты и доселе, снежный же ангел неотступно витает за спиной.

Без конца и без края длится сказка этой снежной жизни, через долгую зиму ноет родимая вьюга. Словно к сосцам материнским припадет к ней человек. А и было бы куда бежать от этой самоедской стужи — не побежал бы!

Всю белую песню снегов каплю за каплей с лихвою б выпил, не застудившись и не расплескав, свою нагаданную дорогу осилил бы и с зимой не смирился. И еще ближнему посулил бы зимы не бояться, к снегам душой обратившись... Чтоб стало ему в жизни не угарно, а по-уютному снежно.

Русский снег — что сад непроходимый, тихий свет в нем, сладость еле ощутимых песнопений. Русское по-снежному тут неприхотливо, незамысловато бает свои нескончаемые сказки. Тянутся они сквозь далекие синие вечера, рассыпая в душах неизгладимый животворный бисер... Не жить русскому человеку без снега, стылой поступью прокрадывающегося в души...

Нерукотворен снег России, любовно овевающий ее столетиями. Идет неспешно по горам и долам, одушевляет жизнь. Сосновой и еловой пеной окрыляет, насквозь студит чело и грудь. И вдруг как прыснет оледенелыми губами: «Святая Русь, я за тебя в твоих грехах молюсь и каюсь! За все то дикое зверье, что обитает в буераках, за легкость птицы, страх и благодать, за неприкаянность свою...»

Бормочет снег запретное, родное, что, видимо, на ум ему придет. Или от Бога данное, святое, которым готов снег поделиться с каждым. Слова его идут из зимнего всезнания, с морозной сединой и мудростью, с обузой скорби вековой...

Почти мертвенный бывает снег в такую пору и человека окликает гулкою совой. Грызть начинает сердце с ноября, а завершает только в марте. Поджарым волком рыщет все го-514

лодное зазимье и, не насытившись, съедает своею горькою тоской...

Вой снега изливается печально, страшно, подобно скованному временем шамканью старухи. Или — как безродный лай, лишь отдаленно напоминающий сорочье стрекотанье. Страданием пахнёт от него, промозглой сечей, что душу без удержу бередит. Но и такое гиблое заснежье человеку не во вред, если он и снегу, и России верен.

Неспроста русская душа постоянно находится в ознобе: для помощи себе и оставшимся в неведении людским братьям, не ведающим Бога. Сколько их в России не понимают зиму! Снегов ее обкатах, манящей хвойной чащи, беспредельного простора... Не понимают саму страну, что призвана выпестовывать в душах правду.

Нет им счета, ладившим не храм, а богадельню. Чадящим, не живущим, свои заботы спихивая ближним. Слышатся среди них лишь всхлипы, дрожь да ругань. Белизна сугробов залита кровью, над такими снегами носятся ветры разбойные, не вырастают здесь потом цветы белоснежные...

Но сильна Россия на снега спасающие, ничто в них, кажется, не потревожено. Скоро припорошит зима снегом все напасти с горестями, и вновь засияет ее белое неистраченное пространство, которое отзовется в сердце человека заботою. А тот опять примется прикидывать эту белую возможность, предоставленную ему снегом, для того, чтобы зажить по-ис-конно русскому, по-праведному. Ведь от чистоты снега и на душе опрятность, когда с радостью готов служить и людям, и зиме, и Богу. На что только не надоумит единение со снежной белизной, охватившей всю Россию!

По-настоящему благодатная весть этот снег: утеша — взрослым, а малышам — наслаждение. Нет лучше веселья, чем кататься по нему, кувыряться и, обессилев, позабыться потом дома в сладком сне. Старикам же приятно любоваться в нем самими собой, своей ладно прожитой жизнью в каком-то необыкновенном русском времени. Что за чудо этот снег, за которым все горести забывались и жизнь текла в честь да радость! Именно снежная радость слагала мудрый зимний век.

Ради снега, ради русской зимы хотелось вечно жить. Не просить Христа ради, а ради Христа умолять жить и других. И подавать, чтобы не оскудела рука никогда, не пропадало радушие.

Храм Божий зимы собирал в себе людские радения и щедро раздавал их нуждающимся. Была присуща ему святость, истинность русской веры. Предметом высокого почитания и поклонения служил он людям.

Понимающие зиму всегда исповедовали в народе добрую волю, ее крепость и глубину, схожие с подвижничеством. Может быть, им было присуще и блаженное скитальчество, свободное от юродства. Содеянное зимой благо оказывалось невероятно близким любому русскому человеку и милостиво им принималось.

Каждый носил в своем сердце Бога, и всякий не мог обойтись без зимнего света. Не всегда являясь праведником, он чувствовал его в себе как только мог. Завет зимы гласил держаться крепче этой святости, и он не упускал ее из виду. Даже когда не знал, какому святому молиться.

Но не всякому, говорят, со святыми сидеть, — лишь бы жизнь под образом не прекращалась. Самое дорогое, связанное с истиною и благом, таилось где-то в глубине зимних месяцев, под снегом. Человек порой и не знал, как его взять, зато свято верил, что оно нерушимо.

Свет и боль давала зима, необъятный воздух и великую тишину, которые слагали российское белое пространство. Святить его требовалось всем воедино, во имя совести и благодати. Служба зиме отпевалась долго, во всю ее широту и бескрайность, как будто не было у человека более важной заботы.

Свет, изливаемый повсюду снегом, открывал людям способ по-новому видеть. Иные принимали его за пустое излучение природы. Для тех же, кто впитывал свечение снегов, значило заново родиться.

Когда же человек зарился на не принадлежащее ему, свет зимы в очах его надолго потухал, уступая место томительной боли. А белизна снегов только усиливала ее. Словно бы человеку предстояло поплатиться за свою ограниченность, переболев тем, чего он ни в какую не желал замечать. Белый свет зимы обнимал сердце того крошечном морозным до весны.

Подумаешь тут, как чудно создан Богом белый свет! Зима и провидение идут в нем бок о бок. Священны тишина его и мир, блажен воздух... Сколько ты его ни пей — все будет мало.

Но не нами чудный свет зимы начался, не нами и кончится. Да и не захватить его всего человеку. Ему бы только жить в нем время от времени и уповать на судьбу. Ведь зима никогда не встанет перед Богом на колени, а встанет человеческая душа.

Боль, испытываемая при этом, не недуг. Она человека как раз и поддерживает в жизни, к чему-то важному в ней приучает. Очень приживчивая и верная, боль в самом человеке его досадливую тревогу ищет и страдание облагораживает. Боль может стоять в глазах белой тоской целый год, а скажется только под зиму, зима же ее и излечит.

По чувству своему боль бывает и острой, и гнетущей, и тупой. Может быть еще палящей и ноющей — в зависимости от чистоты переживаемого горя. Не тот, говорят, болен, кто лежит, а тот, кто у изголовья боли сидит и, значит, в жизнь, несмотря ни на что, вмешивается. Такому и до Руси, и до ее снегов бескрайних есть дело...

Чувство постоянно испытываемого страдания, наверное, присуще большинству русских... Наиболее ощутимо оно в глухое первозимье, когда в природе, так же как и в человеческой душе, наступает временное наваждение. Душа уже пережила самые невероятные потрясения и теперь желает тишины и покоя... Их ей может принести только зима.

Зима утихомирит одержимого скорбью человека, ласково укачает его тоску. Рад тогда любой больной ее приходу, зима ему мила. Не вспоминает он с ее приходом, как больно было падать,— потому что встал здоровым. Снега, морозы и ветра помогли ему в этом, и с благодарностью к ним он забылся в сладком зимнем сне, чтобы через какое-то время опять загореться и болеть из-за несправедливости странных русских дел. Нерадивому же и в зиму не живется в ладу с собою.

Жалкому да несчастному милости никогда не сотворить и с Господом Богом не говорить,— зима ему только помеха. Свою болячку он чужим здоровьем лечит — нет, чтобы снега

к вискам приложить. Не ведает он, что тишина зимы любого привлекает, лишь молчаливо откройся ей. Непременно прокрадется зима тогда в твой дом, ответит на страдания смиренным вздохом. Добро ее не лихо, среди людей ему бродить пристало тихо. Потихе — к истине поближе,— вот правда русской зимы...

А воздух снежный? До дурноты томительно его безбрежье. В нем хочется парить, мечтать и впитывать неустанно, чтобы раствориться и вновь воскреснуть. Хочется жить этим воздухом долго, не пренебрегая снегами.

Добро, рожденное в душе снегами, величаво. С ним так уютно жить, что хочется поклоны бить зиме и самому величать ее добрым словом. Всякое добро бы лилось, как снежный свет,— век горя человеку не видеть!

Глубина человеческой души и ее крылья тоже посреди снегов российских возникают. Пропать снега кажется непостижимой. Это неисчерпаемая бездна, глубже которой только человеческое сердце. Там хранятся его исконные мечты и желания, образующие всегда недостающее глубокомыслие.

Окрыляя людей, зима на Руси так особую породу выпесто-вываает — небывалого достоинства и веры. Богу это ведомо, и Он людей непрестанно проверяет: то ли они о жизни своей знают, видят ли далее собственного носа? Живи по-людски, говорят на Руси,— значит, живи возвышенно.

Только такой народ может жить на земле, которая ему — Мать Божья. И рай для него здесь, и родной край, и открытые небеса, и общее для всех сердце. Вместе с зимой, снегами и тоской русский человек незаметно создает свою судьбу и ни о чем другом не помышляет.

Радостно ему каждый день земные создания наблюдать, ощущать свою свободную волю и одаривать других людей веселым разумом. Нравится человеку язык, на котором он со всеми разговаривает, и речь, присущая только исконному россиянину. Еще он очень плотский и живой и любит холод так же, как жару. Дух его бодр, с зимою лютую в ладу!

По вере своей русский человек живет в добре и истине, цель его — вечность, закон — совесть. В искушении побеждает он себя, и земля родная одаривает его благодатью. Через нее постигает он любовь свою, духовным чутьем угадывает тонкие перемены в природе: и весеннее откровение, и радость летних побед, и осенние озарения.

Только зимой, освященной божественными снегами, человек достигает праведной жизни. Блажен он в эту пору, что уготавливает его душе необходимое отдохновение. Но даже не каждый русский распознает помощь зимы, потому как самое сокровенное в ней не от человека, а от Бога.

Поклоняясь Богу, народ и зиме свое признание выказывает, сохраняя милосердие в самые жестокие снежные бури. Все равно как любовь к ближнему или сочувствие... Заметет все кругом так, что ни пройти, ни проехать, позамутит свет белый, а человек смекает: никак не обойтись свету белому без этого снежного богатства, за которое земля потом только спасибо скажет.

Земле на себе целый год жизнь держать придется, и снега заметущие ей только в помощь: с ними она успокаивается. Чувствует человек, как земля под белым покрывалом отдыхает, соку живительного в себе набирается,— молчит и впитывает мудрость зимы, которую та ей великодушно дарит.

Кто из них мать — сразу не разберешь. Одна вовсю верховодит, другая замерла, но обе оказывают влияние на человека. Земля, говорят, мать, подарит клад, а зима от семи бед спасает... Да что про то тужить русскому человеку, которого они все равно не обманут.

Сулят человеку снега земные рай небесный, если, конечно, он их почитает да живет по сердцу. Вся Россия тогда для него — великий дар, Господнее приношение, и нележки бывают ей поклоны по пояс в снегу.

Да только кому-то в этот рай белоснежный и с большой милостыней не войти. Потолок зимы, ледяным сводом в небеса упершийся, не пускает. Не всякому, видно, в высоких палатах бывать суждено, прежде надо с земным теплом разобраться. А оно, как известно, из сердца зимы истекает.

Небеса в середине зимы, как и снега, глубоки и неохватны. Они несут в себе какую-то неслышную музыку — по-зимнему особенную. Торжественно шествие ее и в вышине, и на земле, мерно окутывает она душу человека. Одновременно и успокаивает, и возносит, переселяя своей белой тишиной в блаженную вечность.

Зимнее небо, как ни в какое другое время года, открыто, и ему удобно молиться. Именно зимою почему-то с ним хочется поделиться сокровенным и попросить несбыточного. Кажется, что зимним небом любое горе твоё будет покрыто, а счастье — огорожено.

Заблудшему же небо зимою — как в тумане, а земля — в обмане. Пусто и безрадостно такому человеку живется, а зима ему на голову сваливается. Не ведаёт он в ней истинной жизни,

где сверху — безмолвное небо, снизу — замершая земля, с боков ничего нет: вот оно и продувает!

Без вольного снега сердце человека скудеет, воля иссыхает, да и судьба не выносит. Не сулит беззимье царства небесного и истинной обители красоты. Русский человек, говорят, небесный по своему роду, снежный же — по сути.

Край его родной — это больше снега, нежели цветочное раздолье. Засилье и неудержимость трав, буйство красок не так сподручны русскому для жизни. Больше он смекает про себя снежный рай, который для него света белого край. Дар неист-рачиваемой новизны, обретаемой им во имя знания и веры.

К концу зимы снежный воздух размечен уже свершившимися в ней событиями. Везде присутствуют голоса и звуки, как бы подтвержда, что огромное белое пространство живо. Все это — несравненная и величественная Россия.

Ничего подобного не чувствовалось в глубине зимы, может быть, только в самом конце января, когда в природе происходит почему-то первый, еле уловимый перелом к весне. Как незаметно преодолевает зима свои мятежные долгие сны! В сумасбродных метелях и упрямых морозах, мученически утопая в гибельных снегах,— ей, на самом деле, хорошо и сладко быть в самой себе. Обладая неповторимым даром внушения, довольная ненавязчивым смыслом своего существования, зима незаметно выпестовывает в душах людей непреклонность.

С зимой нельзя никак разговаривать, тем более ее невозможно постигнуть, но можно быть околдованным непревзойденной зимней тайной, преодолевая в ней бесконечные вечера сомнений, раскаяния и восхищения. Отблеск горящих в печке

поленьев всегда отрезвляет, успокаивает, но жар на лице и руках, как ни странно, возвращает в мыслях к оставленным на ночь бескрайним снегам, простирающимся за темными окнами. И тогда, неведомо почему, тебе начинает не доставать этого белого царства, и ты понимаешь, как нуждаешься в чем-то очень важном, исходящем, несомненно, только от снега.

А не хватает твоей душе множества замечательных зимних подробностей: воя волков по ночам, безудержного завывания метели, сладко растекающегося по всему телу жара натопленной избы... И еще зимнего мрака, преодолеваемого с диким отчаянием, холодного свечения звезд и неземной тишины, когда лишь снег один шуршит по всей необъятной России, что залегла в сутробах до весны... Там, за окном, без громких слов живет заснеженная страна, почти всегда невидимая, но сильно ощущаемая тобой...

Бесконечны снега России в своем всеохватывающем белом пространстве. Снега собою все объемлют и охраняют, подобно Богу! Россия — их неусыпная обитель.

Денно и ночью, словно в монастыре с непрерывною службой и молитвами, проповедует обитель снегов что-то людям и возвещает. Не ослушаешься ее, не оставишь без внимания. Это — твое жилище и кров, надежда на грядущее спасение.

Россия с зимой бредут по земле рука об руку: две сестры и подруги, рвущиеся, каждая по-своему, в небо... Но не могут они все-таки друг без друга — и потому больше ладят. Судьбой им суждено лететь вместе.

Щедра Россия на снега для человека, необузданно сыплет ими всю зиму. Метель порой так звенит заслонкою, мается, окаянная, бессонницей, что не видать в ней, кажется, никакого

милосердия. Силится она, наверное, злость людскую вывести и назначить человеку покаяние, которое бы он заслужил в этих отчаянных зимних бдениях. Нет для него лучшего исцеления, чем с верою отдаться снегам, но при этом не затеряться в них и не погаснуть душой.

Веками укутывая человека своей пушистой белой шалью, Россия приобщает его к Богу. И потому снег русскому человеку — это его судьба, безвозмездный подарок Всевышнего за терпеливое радение. Нескончаемо может быть оно без зимы, неисповедимы тогда пути Господнего радушия. Только зима человека бережет и душу спасает: как она снег на сердце положит, так и будет.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Времена года в народном календаре	6
Зима	11
Весна	48
Лето	77
Осень	121
Времена года в природе	160
Зима	162
Весна	179
Лето	206
Осень	243
Наша зима	287
Зимняя сказка	313
Сны леса	327
Медведь	331
Барсук	335
Белка	340
Еж	344
Пчелы	347
Муравьи	351

Змеи	355
Птицы	359
Следы	363
Переступы	368
Сакма	370
Оконца	376
Нарыск	381
Малик	386
Побежка	389
Наброды	393
Дух деревьев	397
Береза	403
Осина	406
Ель	412
Сосна	416
Лиственница	419
Ольха	422
Липа	426
Рябина	429
Пихта	433
Сердце зимы	437
Волчье солнышко	454
Божественные звезды	467

Воевода русской зимы	479
Снегурочка	490
Елка	493
Снега России	503

Подписано в печать 20.02.08. Формат 60×70¹/₁₆.

Бумага ВХИ. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,74.

Тираж 1000 экз. Заказ № 3382.

ОАО «ИПК «Звезда». 614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.